

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1834 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чпобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 9 Апрѣля 1854 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 27.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
сплаткою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, 4 АПРѢЛЯ ДНЯ, 1854 ГОДА.

Ахъ, опъ господь подаѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ гонювъ.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барской гнѣвъ и барская любовь.

Грибовъ довъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЙ ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

(Отрывокъ).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы....

Въ кондитерской *Вольфа*, въ многлюднѣйшей и прекраснѣйшей улицѣ столицы, часу во 2-мъ дня, по обыкновенію, сидѣло нѣсколько посѣпителей разныхъ лѣтъ и состояній за журналами и газетами Русскими, Французскими, Англійскими, Польскими и Нѣмецкими, во множествѣ разбросанными по столикамъ кондитерской. Иные, прерывая чтеніе свое, ѣли мороженое, и наблюдали прочихъ; другіе, погружаясь всемъ вниманіемъ въ какую нибудь занимательную спашью, урывками, не сводя глазъ съ листа, прихлебывали изъ сполвшихъ передъ ними спакановъ кофе. Прочіе, прочтя все, что для нихъ было занимательнаго, или зайдя въ кондитерскую только отдохнуть отъ ходьбы по Невскому проспекту, смотрѣли изъ оконъ, вдоль богатой и разнообразной

улицы, на проходящихъ взадъ и впередъ по лѣвому ея проунару, мимо перяющагося вдаль ряда блистательныхъ магазиновъ — мужчинъ и женщинъ, по большей части щеголеватой и красивой наружности. Между тѣмъ, какъ мальчикъ кондитерской (*garçon de boutique*), бѣлокурый, скромный Нѣмчикъ, ловко и вѣжливо опправлялъ прислугу, его хозяинъ, чеспаго вида, молчаливый Швейцарецъ, просто, но опряпно одѣтый, сидя за прилавкомъ, покрытымъ стеклянными ящичками съ конфетками, пирожными и п. п., читалъ *Гамбургскаго Корреспондента*. Въ числѣ посѣпителей кондитерской — Нѣмцевъ и Французовъ, Поляковъ и Русскихъ, въ углу на диванѣ, сидѣлъ молодой человекъ привлекательной и опкровенной, но нѣсколько робкой наружности. Въ большихъ голубыхъ глазахъ его обнаруживалась прекрасная, еще юная душа, одаренная всею живостію и непорочностію молодости, но еще не хорошо знакомая со свѣтомъ. Природная смѣлость и веселость, выражавшіяся въ чертахъ лица его, были примѣнно побѣждены какимъ-то смущеніемъ и принужденностію. Онъ не

сколько читалъ, сколько держалъ въ рукахъ книжку журнала. По несмѣлымъ взглядамъ, которыми онъ вспрѣчалъ каждаго изъ проходящихъ, оспанавливая ихъ потомъ попеременно на присутствовавшихъ, можно было догадаться, что мѣсто, въ которомъ онъ находился, и лица, имъ видимыя, были для него новы и незнакомы. Въ глазахъ его можно было также прочесть нѣкоторое недоумѣніе, при видѣ принадлежавшихъ къ числу почитателей молодыхъ людей, которыхъ важность и холодность, написанныя на ихъ лицахъ, казалось, совершенно пропигурчили его образу мыслей. Онъ начиналъ говорить съ иными изъ своихъ сосѣдей, но получалъ отъ нихъ короткіе отвѣты, хотя учтивые, но въ которыхъ онъ желалъ бы найти больше вниманія, привѣтливости и расположенія къ разговору. Послѣ нѣсколькихъ щепетныхъ опытовъ завести разговоръ, и, если можно, познакомиться съ кѣмъ нибудь, онъ оставилъ свою надежду, и, нѣсколько опечаленный, прислонился къ углу дивана. Онъ хотѣлъ наблюдать физиогномию; но въ нихъ пакъ мало было открытаго, что зорь его никакъ не могъ проникнуть сквозь эту одежду мыслей и чувствъ: всѣ какъ будто условились принять общее выраженіе лицъ, представлявшее испытующему взгляду лишь характеръ совершеннаго хладнокровія, благоразумія, и, какъ показалось нашему юношѣ, нѣкоторой гордости. Такъ ограда крѣпости обезпечиваетъ внутренность ея отъ соглядатаевъ непріятели. Съ меньшимъ удивленіемъ замѣчалъ онъ выборъ чтенія почитателей кондиперской. Любовныя новеллы и стихи, которые ему очень нравились въ журналахъ, всѣми пропускались, и для прочтенія ихъ, онъ долженъ былъ разрѣзывать листы книжекъ. Напротивъ, всѣ читали другія статьи, казавшіяся ему сухими и незанимательными. Въ политическихъ газетахъ прочитывались до конца прѣнія Французскихъ палатъ и Англійскаго парламента, и длинныя разсужденія журналистовъ о политикахъ. Онъ никакъ не могъ себя къ этому принудить, и тогда, какъ многія ученые, крипическія и философскія статьи, которыя не болѣе ему

нравились, привлекали по видимому исключительное вниманіе нѣкоторыхъ, другія, по его мнѣнію гораздо доспойнѣйшія и полезнѣйшія, оставались съ явнымъ пренебреженіемъ.

Наблюденія его были прерваны вошедшимъ въ кондиперскую молодымъ человекомъ, который почему-то обратилъ на себя пристальные его взоры. Онъ былъ одѣтъ чисто, но довольно просто, въ лицѣ и приемахъ его выражались тоже невниманіе и равнодушіе ко всему окружающему, какъ и у прочихъ, и также холодная *самодостаточность* (*). Хотя въ немъ было также мало живаго и веселаго, какъ и въ другихъ; но въ увѣренныхъ, умныхъ его глазахъ незамѣтно было никакого чувства, которое бы могло располагать его къ печали и молчаливости. Однакожъ; сквозь наружное его спокойствіе, видѣлось что-то похожее на досаду, на скуку, на склонность къ тѣдой сапирѣ. Не смотря на то, онъ возбуждалъ къ себѣ участіе и уваженіе.

Прежде, нежели назовемъ сіе послѣднее лицо, мы познакомимъ читателя съ самимъ *Владиміромъ* (имя молодаго наблюдателя кондиперской). Происходя отъ дворянской, но незначной и небогатой фамилии, уроженецъ одной изъ Приволжскихъ губерній, онъ совершилъ курсъ своего воспитанія въ —скомъ университетѣ. Одаренный душою благородною и пылкою, въ независимой области просвѣщенія пріобрѣлъ онъ характеръ, исполненный мечпательности и спраши ко всему *истинному, доброму и изящному*. Онъ образовалъ себя гражданиномъ міра, и на поприще жизни впустилъ со всѣмъ жаромъ, со всѣми мечпами, со всѣми желаніями и надеждами просвѣщенной молодости. Напитанный поэзіею *Байрона, Гёте, Шиллера*, проникнутый истинами новѣйшей Германской философіи, но только теоретическій, онъ гордо, богатымъ юными силами души, приготавлился лепѣть по пуши,

(*) По мнѣнію сочинителя, не худо ввести это слово, для выраженія понятія, означемаго Французскимъ *suffisance*.

усыпанному цвѣтами его воображенія. Получивъ, при выпускѣ изъ университета, право на чинъ 10-го класса, привлеченный значительностію министерствъ, именами людей государственныхъ, имѣя въ виду труды важные, оказывающіе вліяніе на благосостояніе государства, изощряющіе умственные способности и награждаемые опличіями и почестями, онъ, при избраніи рода службы, нашелся должнымъ предпочесть *поприще канцелярій*. Но первая его на немъ попытка совсѣмъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ. Бывъ въ мѣстѣ своего воспитанія всегда опличеннымъ, на лучшемъ щепу воспитанникомъ, онъ почти съ гордою увѣренностію, явился къ одному начальнику съ своимъ апеспатомъ, надѣлявшимъ его важными преимуществами, и свидѣльствовавшимъ о полученныхъ имъ въ продолженіи курса наградахъ. Какъ же онъ удивился, когда начальникъ, бросивъ невнимательный взглядъ на его бумаги, которыя онъ, послѣ двухъ, прехъ предварительныхъ фразъ, развернулъ предъ нимъ, сказалъ, съ оппѣнками неудовольствія на лицѣ, что ему нужны въ немъ не сколько ученость, сколько повиновеніе старшимъ, трудолюбіе и *хорошій погеркъ*.

А. Гльбовъ.

ЧУДНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

«Кто оставляетъ по себѣ спранныя, нелѣпыя, чудныя завѣщанія?» Англичане!

Одинъ богачъ въ Лондонѣ завѣщалъ по смерпи своей дѣвицѣ *В****, вовсе ему незнакомой, имѣніе свое, цѣною на нѣсколько миліоновъ. Никто бы не отгадалъ причины такой значительной и такой непредвидѣнной щедрости. Выписываемъ спатью самаго духовнаго завѣщанія: «Покорнѣйше прошу (миссъ *В**** принявъ въ даръ все мое имѣніе, слабое конечно въ сравненіи съ неизъяснимыми ощущеніями, кои раждало во мнѣ съ дѣтства при года созерцаніе плѣнительнаго «ея носа.»

По открытіи завѣщанія, исполнили онаго явились къ миссъ *В****, прося еѣ роспи-

саться въ принятіи завѣщаннаго ей наслѣдства. Судите объ удивленіи сей дѣвицы! Имя завѣщателя вовсе ей неизвѣстно, и ничего сходнаго съ нимъ не знала она ни въ одномъ колѣнѣ своей родословной росписи. Въ завѣщательствѣ, боясь ошибки, или злой шутки, она спросила: «Похороненъ ли покойникъ?»—Нѣтъ еще!—отвѣчали ей.—«Повезите меня къ нему!» Здѣсь удивленіе сдѣлалось общимъ: «Это онъ!» вскричала миссъ *В****, снявъ съ мершвеца покрывало: «это самый пошль человекъ, который цѣлые при года мучилъ меня своими вѣжливостями, своими спихами въ честь моего носа! Въ Гайдъ-Паркѣ, въ Ковентъ-Гарденѣ онъ всегда являлся передо мною и не смигивая сморфлялъ на меня.»

Начали разбирать бумаги покойника. Въ нихъ нашли нѣсколько недокончанныхъ посланій въ честь носа дѣвицы *В****, и болѣе пятидесяти рисунковъ, представлявшихъ оный прямо, съ боку и въ при чепверпи. Снова прочтена духовная—и тогда уже не осталось никакого сомнѣнія, что дѣвица *В**** настоящая, почная наслѣдница сего чудака. Въ силу духовнаго завѣщанія, она приняла имѣніе, а бѣдные родственники покойнаго остались съ носомъ. Спранные всего было то, что дѣвица *В****, кромѣ довольно длиннаго носа, не имѣла ничего опличнаго въ своей физиогноміи.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОМѢЩИКЪ.

Управитель проздравлялъ своего господина съ новымъ годомъ. Сей, вмѣсто подарковъ, раздаваемыхъ имъ своимъ домашнимъ, сказалъ ему: «А тебѣ, пріятель, я дарю все то, что ты у меня укралъ.»—Ваше великодушіе извѣстно всему свѣту, — отвѣчалъ управитель съ низкимъ поклономъ.

ОБМАНЪ ЗА ОБМАНЪ.

Извѣстный гобоистъ *Фишеръ* получилъ однажды приглашеніе на ужинъ отъ господина *Н****, который просилъ его въ запис-

къ не забыть взять съ собою и гобой. По-
нявъ цѣль сего приглашенія, архиспъ оп-
вѣчалъ запискою же: «Къ сожалѣнію, не мо-
гу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ;
ибо мой гобой никогда не ужинаетъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

КНИГА ЖИЗНИ.

(Изъ *Retrospective Review*).

Если вы не вѣрите событіямъ сверхъ есте-
ственныхъ, и допускаете только происше-
ствія существенныя и такія, которыя слу-
чаются въ обыкновенной жизни, то не слу-
шайте меня: ибо я намѣренъ рассказать вамъ
повѣсть чудесную. Она справедлива, но об-
стоятельствва, её составляющія, имѣютъ
въ себѣ нѣчто такое, что приведетъ васъ
въ изумленіе. И такъ, приготовьтесь къ са-
мой диковинной въ свѣтѣ спраннысти, и
не спрашивайте у меня опчета ни въ моемъ
мнѣніи, ни въ видахъ моихъ: они слѣдствія
моего опыта, а не воли.

Однажды, вскорѣ по выходѣ моемъ изъ уни-
верситета, воспользовался я прекрасною по-
годою, чтобъ побродить въ горахъ. Былъ
шестой часъ утра, солнце сіяло, и я, взявъ
жестяной ящичекъ, въ какіе бошанки обык-
новенно кладутъ собираемыя ими расшенія,
вышелъ изъ дому. Но едва сдѣлалъ я нѣсколь-
ко шаговъ, какъ небо покрылось облаками,
сполнились тучи и пошелъ дождь; вскорѣ
замокшая права, проникнутая влагою земля,
образовавшіеся попоки и разливаясь рѣка
остановили мое путешествіе. Я заходилъ
въ каждую гостиницу, въ каждую встрѣ-
чавшуюся мнѣ хижину, въ надеждѣ выждать
благопріятную минуту; но скоропреходя-
щая ясность неба непрестанно меня обма-
нывала и проливной дождь слѣдовалъ за нею.

Наступалъ вечеръ: я не оставялъ одна-
ко же своего намѣренія, и, при первой воз-
можности, отправился къ жилищу паром-
щика, содержавшаго рѣчную переправу. Сынъ
его, *Ригардъ*, молодой человекъ, здоровый и

сильный, обыкновенно опправлявшій дол-
жностъ отца своего въ ночное время, былъ
на эшопъ разъ въ оплучкѣ: онъ не предпо-
лагалъ, что въ такую бурную ночь най-
дутся охотники ѣхать за рѣку. Содержа-
тель парома, человекъ дряхлый и старый,
сидѣлъ у огня въ огромныхъ креслахъ, въ-
роятно составлявшихъ нѣкогда принадлеж-
ностъ какого нибудь замка. Онъ едва замѣ-
пилъ приходъ мой и продолжалъ глядѣть
глазами неподвижными и, такъ сказать, без-
смысленными, на горѣвшія головни. Еслибъ
не правая рука моя, копорую, послѣ одно-
го неудачнаго поединка, долженъ былъ я
подвязывать, то я конечно могъ бы самъ
переправиться черезъ рѣку. Паромъ, удерживаемый якоремъ, покачивался у берега, и
сплоило только попянуть за канатъ, чтобъ
заспавить его подамся впередъ. Это было
не трудно, и я конечно успѣшно управил-
ся бы съ дѣломъ, еслибъ могъ владѣть ру-
кою.

Жена спараго паромщика вышла изъ-за
перегородки въ комнату, гдѣ я находился.
Машинально съла она на скамейку и при-
нялась за прялку, колесо которой конечно
многіе годы кружилось уже подъ ея пальца-
ми. Вскорѣ потомъ появились два новыя ли-
ца: молодой солдатъ съ рекрутскою кокар-
дою и молодая женщина, дородностъ кото-
рой обнаруживала, что она вскорѣ будетъ
матерью. Имъ сказано въ какомъ положеніи
находится паромъ, и молодому человеку пред-
ложено, чтобъ онъ самъ переправился. Онъ
опвѣчалъ, что дождется возвращенія *Ри-
гарда*, и расположился вмѣстѣ съ своею
спушницею на скамьѣ подлѣ камина.

Ральфъ Нортонъ, такъ звали эшагомоло-
даго человека, имѣлъ прекрасную наруж-
ностъ: высокій ростъ и быспрый взоръ.
Утромъ того же дня былъ онъ обвѣчанъ
съ сопровождавшею его женщиною, и по-
спѣшалъ присоединиться къ опяду полка,
въ который онъ записался немедленно послѣ
сватъбы, съ досады, что принужденъ былъ
къ союзу, бывшему ему не по сердцу. По
принесенной молодою дѣвушкою жалобѣ при-
ходскимъ приспавамъ, *Ральфъ* былъ позванъ

къ суду и обвинчанъ прошивъ воли. По взаимному ихъ обхожденію, конечно никто не подумалъ бы, что то были новобрачные. *Ральфъ* часто бросалъ на жену свою взоръ, исполненный негодованія и досады; она выговаривала ему за поспѣшное его вступленіе въ полкъ, съ намѣреніемъ покинуть её и несчастнаго ея ребенка. Онъ говорилъ мало; но немногія слова его показывали характеръ непримиримый и мстительный. Она увѣряла его, съ своей стороны, что никогда не оставитъ его; что куда бы онъ ни пошелъ, въ какое войско бы не опредѣлился, она всюду будетъ за нимъ слѣдовать.

Что касается до меня, то я съ горестію смотрѣлъ на бѣдственную встрѣчу этихъ двухъ несчастныхъ, и особливо сожалѣлъ о молодомъ человѣкѣ; ибо при всей красотѣ жены его, въ тонкихъ губахъ ея и безпокойномъ ея взорѣ было что-то сварливое, спорливое и злобное; все это заставляло меня сожалѣть о человѣкѣ, осужденномъ жить съ нею. Я не удивлялся, что *Нортонъ* надобно было принудить на ней жениться, и не могъ не досадовать на приходскихъ приставовъ, которые, боясь, что будутъ принуждены кормить еще одного ребенка лишняго, осудили этого несчастнаго молодого человѣка на продолжительную казнь.

Престарѣлая жена перевозчика старалась ихъ обоихъ успокоить; она говорила, что привычка все дѣлаетъ; что когда она вышла за мужъ, то не могла терпѣть своего спарика, но что, живя вмѣстѣ, люди поневолю свыкаются; говорила и многое другое, самое въ подобномъ случаѣ обыкновенное, но все такое, что было не безъ здраваго смысла. Молодой солдатъ, казавшійся мнѣ хопя легкомысленнымъ, но благороднымъ, ничего не отвѣчалъ на эти рѣчи; онъ скорѣе бы склонился на убѣжденія, нежели жена его, которая обнаруживала свой сварливый нравъ выраженіями неудовольствія, жалуясь на дождь, бурю и темноту ночи. «Будь увѣренъ,» говорила она своему мужу въ то самое время, когда усилившійся ливень билъ въ верхія окна хижины: «будь увѣренъ, что я не пойду сегодня дальше.»

— Какъ тебѣ угодно,—равнодушно отвѣчалъ *Нортонъ*: какъ тебѣ угодно, *Марья Блэкъ*; но опрѣдъ выпустаетъ завтра упрямъ и капитанъ дозволилъ мнѣ оспаться такъ долго въ городѣ для того только, чтобъ данъ тебѣ время за мною слѣдовать.—

«Ты самый жестокой человѣкъ, что принуждаешь меня идти въ моемъ положеніи и въ такое время! это ужасно!»

— Послушай, *Марья*, — сказалъ онъ, нахмуривъ брови и съ видомъ мрачнымъ, не согласнымъ съ его природною, открытою физиогноміею: ты разорила, ты погубила меня; но вѣрь мнѣ, тебѣ не сдѣлать изъ меня дезертера.—

Онъ вышелъ, и нѣкоторое время оставался за дверьми. Когда онъ возвратился, то я съ ипродомъ узналъ его; онъ весь перемѣнился; глаза его сверкали и обращались съ безпокойствомъ; губы были блѣдны.

— Пойдемъ, *Марья*, — сказалъ онъ тихо: не хочу больше ждаты; дождь утихъ, пойдемъ со мною.—

Она долго отговаривалась, прошивилась, но тщетно; *Ральфъ* наконецъ увлекъ её. Я проводилъ ихъ до парома, и видѣлъ, какъ они начали переправляться. Она плакала, становясь на паромъ, и мужъ сказалъ ей:

— Останься, если хочешь; воля твоя!—

Она рѣшилась однако же ѣхать. Какое-то суевѣріе возбрало мнѣ отправиться въ путь вмѣстѣ съ этими несчастными, и несчастными на вѣки! Едва возвратился я подъ кровъ; какъ дождь вновь полилъ ручьемъ и загремѣлъ громъ. Хозяйка вскочила въ ужасъ, вскричавъ:

«Не крикъ ли мнѣ послышался!»

Мы бросились къ дверямъ, стали прислушиваться; но слышали лишь ревъ бури и волнъ, разбивавшихся о берегъ. Вскорѣ потомъ пришелъ *Ригардъ*, и мы вмѣстѣ оправились. Онъ высадилъ меня на другой берегъ рѣки, гдѣ я нашелъ изрядную гостиницу.

Я былъ утомленъ, и легъ спать; но едва положилъ я на подушку голову, какъ неизъя-

снимый ужасъ овладѣлъ мною. Мнѣ казалось, что какое-то невидимое существо носится надо мною. Я не могъ дать себѣ отчета въ этомъ спраннымъ, никогда доподлѣ неиспытанномъ мною состояніи; но наконецъ заснулъ.

Сонъ мой былъ безпокоенъ; мнѣ видѣлись гробы и висѣлицы съ человѣческими основами, повѣшенными на цѣпяхъ и въпрямъ колеблемыми; сновидѣнія ужасныя, непрерывно одно за другимъ слѣдовавшія; я приписывалъ ихъ естественнымъ слѣдствіямъ усталости предшешаго дня и бывшей бурь. Къ счастью, съ наспуленіемъ утра призраки исчезли, и когда я вспалъ, время было прекрасно. Я отправился въ горы и забылъ все, что меня сопровождало.

Прошелъ цѣлый годъ. Молодой солдатъ и жена его изгладились изъ моей памяти. Я поѣхалъ къ водамъ въ Батъ, и всѣ мысли мои были радостны, какъ жизнь, которую я проводилъ тогда. У меня есть привычка вести журналъ, и записывать хотя кратко, но значительно, все со мною случавшееся. На другой годъ, въ понедѣльникъ же день, въ который я встрѣтился съ солдатомъ и его женою, я открылъ журналъ свой, и къ несчастію моему, мнѣ бросилось въ глаза это самое обстоятельство.

Кинувъ взоръ на спроки, въ которыхъ оно было описано, я вспомнилъ случившееся со мною, совсѣмъ было забытое, и какой-то ужасъ овладѣлъ мною. Ложась спать, мнѣ спало что-то грустно. Я боялся, чтобъ тѣ же страшныя видѣнія не возобновили во мнѣ прошлогоднихъ ужасовъ. Одного этаго опасенія, быть можетъ, достаточно было, чтобъ возродить причину его производящую; у меня сдѣлалась лихорадка; я не могъ, ложась, не спрятать головы подъ подушку, какъ-бы для того, чтобъ скрыться отъ видѣній, готовыхъ посягнуть на меня. Не смотря на то, я заснулъ: вскорѣ мнѣ почудилось, что *Нортонъ* и *Марія* находятся подлѣ меня. Я слышалъ ихъ разговаривающихъ, какъ говорили они въ хижинѣ спараго перевошика. Тѣ же упреки, тѣ же взаимныя обвиненія, тѣ же взоръ мужа, все тѣ же

гнѣвный взоръ былъ усремленъ на несчастную жену его. Я хопѣлъ ближе въ нихъ всмотрѣться; *Марія* обратилась ко мнѣ, и—представьте мой ужасъ... вмѣсто головы, изсохшій черепъ былъ на плечахъ ея! Я бросился съ постели, я началъ кричать, и вскорѣ люди, жившіе въ домѣ, со свѣчами въ рукахъ вошли въ мою комнату; я успѣдился своего слабодушія. «Эпо ничего, сказалъ я имъ: пустой сонъ испугалъ меня.»

Въ числѣ людей, разбуженныхъ мною такимъ внезапнымъ образомъ, былъ одинъ пожилой лѣтъ докторъ, Нѣмецъ, весьма высокаго роста, блѣдный, съ длинными, упавшими по плечамъ кудрями. Видъ его былъ важенъ и задумчивъ. Наблюдатель глубоко-мысленный, онъ говорилъ мало и былъ одаренъ въ высокой степени рѣдкою способностію распознавать истинныя свойства людей и проникать въ ихъ мысли. На слѣдующее утро, мы вмѣстѣ завпракали за общимъ столомъ; онъ взялъ меня за руку, и опведши къ пополевой алеи, пропивъ госпиницы, сказалъ:

— Извините меня, милосливый государь, я незнакомъ съ вами, и вопросы мои могутъ показаться вамъ дерзкими; но я дѣлаю ихъ по истинному моему въ васъ участію. Скажите, что привидѣлось вамъ въ эту ночь?—

Я пристально посмотрѣлъ на него и опвѣчалъ: «По истинѣ вопросъ вашъ изумляетъ меня, и не считая его неумѣстнымъ, я рѣшаюсь съ своей стороны спросить васъ, почему вы его дѣлаете?»

— Вы конечно поймете меня: я имѣлъ друга, живописца и человѣка геніальнаго; никто не проникалъ глубже его въ тайны природы; никто не изображалъ съ большею истиною и искусствомъ внѣшнія ея явленія. Долго трудился онъ надъ карпиною, представлявшею видѣніе *Брута* предъ Филиппинскою битвою; и повѣрите ли мнѣ, государь мой, сегодня ночью, когда я вошелъ къ вамъ, вы были почъ въ почъ *Брутъ*, написанный моимъ другомъ.—

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ М***.

Скажи мнѣ, кто ты, призракъ милый,
Подъ формой дѣвы красоты;
Обмань ума, игра-ль мечты,
Иль гость небесный, легкокрылый?

*

Ты на землѣ чужда для насъ;
Нѣтъ на тебѣ печати міра:
Твое чело, швой спанъ, швой гласъ
Достойны горяго эфира!

*

И при тебѣ языкъ мой нѣтъ,
И сердце несвободно бѣшся;
Скажи, опколъ, куда, за чѣмъ
Волшебный образъ швой несется?

*

О! дай мнѣ М***, опвѣшь!
Скажи, ты пери, дѣва рая,
Авроры блескъ, минушный цвѣтъ,
Иль геній неземнаго края?

*

Но нѣтъ! ты здѣсь, и дни идущъ,
И надъ шбой естъ жизни бремя,
И руку на тебѣ кладущъ
Желанья, нужды, спроси, время.

*

Ты женщина; но диво свѣта
И совершенствъ земныхъ полна:
Прекрасна—какъ звезда разсвѣта,
Добра душой, мила, умна.

*

И взоромъ всемогущей власти
Ты создана сердца плѣнница,
Внушашъ порывы сильной справки
И гордый умъ у ногъ смиряшь!

*

И долго-ль, вѣчно-ль суждено
Тебѣ владѣшь симъ даромъ неба;
Пройдущъ льта—и—что дано—
Опнимемъ снова воля Феба!

*

Ударить часъ, исчезнетъ младость,
Попухнетъ жаръ швоихъ ланишь,
Охолодѣетъ въ сердцѣ радость
И старость съ скукой прилепится!

*

Да встрѣпишь же ты съ вѣрнымъ другомъ
Сей поздній жребій бытія;
Въ кругу семьи, съ дѣшми, съ супругомъ
Пусть длился въ шастьи жизнь швоя!—

20.

СЛАВЯНСКАЯ ПѢСНЯ.

Въ дубравѣ дремучей
Сидѣла чета;
Упалъ дубъ могучій,—
И гробомъ взята
Младая чета!

Обоихъ убило!
И къ шастію ихъ;
Никто надъ могилой
Не плакалъ по нихъ:
Обоихъ убило!

II. Манасеишъ.

24 Ноября 1831.

Ш А Р А Д А.

Плывя на корабль — спрашася, не ласкайся
Къ *нагалу* моему, а шпшно удаляйся.
Ты познакомишься съ *вторымъ*,
Когда прѣдешь въ Римъ;
Въ мѣняльной лавочкѣ, въ купеческой конпортѣ
Услышашъ можешь о концѣ.
Все *вльсть* — дама я, иль дѣва при опцѣ;
Мой домъ — гора Парнасъ; пою Музъ чистыхъ
въ хорѣ.

III.

Въ No 26, помѣщенная шарада значитъ: *Ci-gare*.

M O D E S.

Les organdis anglais de M. Narey, brodés en soie, à bouquets semés, sont charmans comme parure de jour ou demi-toilette du soir. Le jour ils doivent être de façon plus simple, avec un dessous de gros de Naples ou de batiste. Pour une réunion du matin, il sera joli d'employer comme ornemens des rubans de taffetas pour les nœuds et la ceinture. Lorsque ces organdis sont de façon décolletée, à corsage garni d'une mantille, cette mantille doit être à point d'Angleterre ou d'Alençon.

Les foulards satinés dont nous venons de parler sont disposés dans ce magasin pour faire des cravattes qui sont élégantes et légères; d'autres en satin dentelle à nouveaux dessins, sont toujours fort bien portés.

On continue à voir au spectacle et en petites toilettes du soir, les gants en tricot de soie noire, mailles de dentelle; quelques personnes portent ces gants longs, au bal.

Un joli chapeau de promenade est en velours épinglé rose avec des rubans de satin formant le nœud en rosette, qui retient un bouquet de petites roses et larges pensées.

Sur du velours épinglé vert, une branche d'althéa.

Sur du satin bleu, un bouquet de calicanthus; cette fleur sombre et terne est d'un bel effet avec l'étoffe fraîche et éclatante.

Un très-joli chapeau de moyenne grandeur était en velours des Indes bleu-pâle, avec un bouquet de jasmin d'Espagne.

Les bonnets du matin doivent être taillés dans le fond, de manière à former légèrement le pain du sucre au sommet de la tête, ou autrement, tout-à-fait plat derrière, terminé dans le haut par un petit rond.—Cette dernière façon est jolie pour le matin, avec trois rangs de tulle uni, plusieurs petites coques de satin rose, bleu ou pistache, posées sur les côtés. Un ruban qui semble nouer au-dessus de la tête par une petite rosette, descend de chaque côté pour attacher sous le menton.

Pl. No 11. 1) Turban gaze laméc. — 2) Chapeaux de satin.—3) Bonnets de blonde.—4) Sachets parfumés en satin brodé.—5) Tour de cou.

M O Д Ы.

Английскія органди у г-на Narey, вышитыя шелкомъ, прелестны, какъ дневной нарядъ или полу-нарядъ для вечера. Для дня онѣ должны быть простаго покроя, надѣты на гроденаплъ или баписпъ. Для упреннаго собранія, красиво будутъ сдѣланы къ нимъ баншы и пояса изъ пашьяныхъ леншъ. Когда платье изъ эшихъ органди сдѣлано съ открытымъ лицомъ, обшитымъ маншилкою, то маншилка должна быть изъ Английскаго кружева или d'Alençon.

Апласныя фулары, о копорыхъ мы говорили, приглашены въ эшомъ магазинѣ для галспуковъ, копорые весьма щеголеваты и легки; другіе изъ апласа съ новыми кружевными узорами, все въ большомъ употребленіи.

Въ спектаклѣ и въ небольшой нарядѣ вечеромъ, все еще видны перчаткы изъ чѣрнаго шелковаго шприко, сдѣланыя кружевными пеплями; нѣкоторые особы надѣвають на балы пакія длинныя перчаткы.

Красивая шляпка для прогулки изъ булавчатого розоваго бархата, съ апласными лентами, баншъ розелкою, прихвачиваетъ букетъ мелкихъ розъ и большихъ анюпинныхъ глазокъ.

На шляпкѣ изъ зелѣнаго булавчатого бархата въшка алмен.

На голубой апласной шляпкѣ букетъ изъ calicanthus; эшомъ мрачный и тусклый цвѣтокъ дѣлаетъ прекрасный видъ на яркой и блестящей маперіи.

Весьма красивая шляпка средней величины изъ Индѣйскаго бархата блѣдно-голубаго цвѣта, съ букетомъ Испанскихъ жасминовъ.

Кройка упренныхъ чепчиковъ должна составлять немного сахарную голову, или другимъ образомъ, запылокъ совершенно плоско, вверху оканчивается небольшимъ кружкомъ.—Эшомъ послѣдній покроей красивъ для ушра; рюшъ въ прирѣда изъ гладкаго шюля; нѣсколько корошкихъ пепель изъ розовыхъ, голубыхъ или виспашковыхъ апласныхъ леншъ, положено съ боку. На верху головы завязанъ баншикъ и онъ него леншы подвизываются на подбородкѣ.

Карш. No 11. 1) Газовый шюрбанъ.—2) Апласныя шляпки.—3) Блондовые чепцы.—4) Благонныя sachets, вышитыя по апласу.—5) Галспухи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 28.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 7 ДНЯ 1854 ГОДА.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы просподушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пуспыннхъ неба безмятежныхъ,
Богиня пайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

(Съ Англійскаго.)

Соотечественники мои давно прославились своими сухопутными и морскими спранствованіями; но я увѣренъ, что по, о которомъ намѣренъ я говорить, *et quocumque pars magna fui*, всякому покажется единственнѣйшимъ въ своемъ родѣ. — Полкъ, въ которомъ служилъ я, сподѣлъ въ Дунди, Шотландской гавани, на Сѣверномъ морѣ, и какъ военные почши всегда вспрѣчаютъ дружелюбный пріемъ въ городахъ, гдѣ имѣютъ они временное пребываніе, то я и мои поварищи очень часто имѣли случай приносить *Bachus* жертвы, гораздо обильнѣйшія, нежели какія дозволяются благоразуміемъ. Однажды, послѣ таковой пирушки, я возвращался домой, съ двумя или тремя поварищами, вовсе не превосходившими меня воздержностью. Проходя мимо приспани, эти поварищи уговорили, или, лучше ска-

зать, принудили меня войти въ одну дорожную карету, не знаю по какому случаю споявшую на набережной. Едва только я исполнилъ это, какъ сила винныхъ паровъ начала погружать меня въ непреодолимый сонъ, и я скоро кинулся въ объятія *Mорфея*. Не знаю, долго ли я спалъ, но когда проснулся, то винный чадъ уже вышелъ изъ головы моей, и я не мало удивился, увидѣвъ себя запертымъ въ каретѣ. Я не могъ понять, какимъ образомъ попалъ туда. Но судите о моемъ изумленіи, когда я услышалъ у себя надъ головою какой-то смутный шумъ, какъ будто надъ нею ходили люди, и когда почувствовалъ движеніе, совершенно сходное съ качкою корабля! — Что это! сказалъ я самому себѣ; если бы я не сидѣлъ въ каретѣ, то подумалъ бы, что плыву на кораблѣ! Впрочемъ, мнѣ легко въ этомъ удостовѣриться. Съ сими словами, я, хопя и безъ труда, огуспилъ одинъ спавень. Можно представитъ, какъ ужаснулся я, когда глазамъ моимъ представился таковой же мракъ, какимъ я былъ окруженъ и въ каретѣ. Мнѣ

пришла тогда мысль, что меня опустили вмѣстѣ съ экипажемъ въ пріюмъ, гдѣ въ случаѣ, если бы не удалось мнѣ крикомъ дать о себѣ знать людямъ, бывшимъ на палубѣ, то подвергся бы опасности умереть съ голоду, или, что ни сколько не лучше, быть съѣдену крысами. Какъ та и другая перспективы были вовсе не по моему вкусу, то я принялся кричать изо всей силы; но къ нещастію, ничто не служило признакомъ, что бы крикъ мой былъ услышанъ наверху. Мнѣ продолжали слышаться прежніе мѣрные шаги на палубѣ. Тупъ-то спалъ я проклиная судьбу мою, крѣпкое пиво города Дунди, а всего болѣе мерзкую шпуку, копорую сыграли со мной мои товарищи (я начиналъ уже припоминать прошедшее), и копорая должна была кончиться для меня подобнымъ, воее не забавнымъ образомъ! Упоминившись опъ громкаго крика, я начиналъ уже опчалываться въ томъ, что увижу еще когда нибудь свѣтъ Божій, какъ наконецъ, къ чрезвычайной моей радости, шумъ шаговъ на палубѣ прекратился; доски, скрывавшія опъ меня дневной свѣтъ, были подняты, и громкій голосъ произнесъ у меня надъ ухомъ восхищительныя для слуха моего слова: «кто тамъ?» — Но этимъ еще не кончились мои бѣдствія, ибо выбравшись на палубу, я замѣтила, что берегъ пропалъ у насъ изъ вида, и узналъ опъ капитана, что онъ плыветъ въ Петербургъ, куда необходимость, противъ воли, принудила меня за нимъ послѣдовать.

Въроятно, карета, въ копорую я попалъ такъ неудачно, принадлежала какому нибудь семейству, находившемуся на корабль; когда же ночь заснула меня соннаго въ этой копаво рода спальнѣ, и вдругъ подулъ попутный вѣтеръ, то капитанъ, никакъ не полагавшій, что бы кто нибудь спалъ въ каретѣ, приказалъ впащипъ еѣ на корабль, въ тоже время снявшійся съ якоря. — Излишне было бы описывать всѣ неудобства, испытанныя мною въ продолженіе пупи, столь несогласнаго съ моими желаніями. Прибавлю только, что послѣ значительнаго промежутка времени, въ продолженіе копорого

товарищи мои (я разумью неучаствовавшихъ въ моемъ приключеніи) перялись въ догадкахъ на щепъ моего внезапнаго опъзда, явился я въ свой полкъ, и когда разсказалъ всѣ обстоятельство, принудившія меня къ такому спранному путешествію: то меня проспили за эту не позволенную оплучку, и посовѣтовали только не садипся впередъ въ чужой экипажъ, не зная о еѣ назначеніи, что бы въ другой разъ не сдѣлать повздки по морю въ каретѣ.

Л. Л.

ДРАГОЦѢННОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

Повѣрите ли вы мнѣ, мои почтенныя читатели? Въ Дамскомъ журналѣ нашелъ я спраницу, опмѣнно занимательную и не разведенную водою. Конечно, это не спроки издателя, но все таки въ его пустынномъ журналѣ напечатанныя.

«Однажды я писалъ къ барону А. А. Дельвигу о намѣреніи своемъ сказать слова два противъ задирокъ одного журнала;» говоритъ издатель Дамскаго журнала: «Дельвиговъ, незабвенный Дельвиговъ, между прочимъ опвѣчалъ мнѣ: «Этотъ журналъ ругаетъ всѣхъ съ голоду. Ему хочется, что бы съ нимъ брапились честныя и благородныя люди. Онъ полагаетъ черезъ это получить нѣсколько лишнихъ подписчиковъ. Это нищій, желающій выманить нѣсколько копѣекъ. Я не безгрѣшный человекъ: не могу слѣпо давать милоспбию. Кропкому бѣдняку послѣдній грошъ, а негодяя пьяницу оберну да въ запялокъ. Оставьте его собственнаго его ничтожности. Ваше молчаніе убьетъ его, какъ молчаніе Липерапурной газеты его убиваетъ. — Не примите, любезнѣйшій князь, моихъ совѣтовъ въ дурную спорону. Я осмѣливаюсь вамъ совѣтовать единспвенно попому, что вы не знаете издателя, а я его знаю.»

Д Б У Л И Ч К А.

Издапель одного плохаго Альманаха въ продолженіи пяти лѣтъ выпрашивалъ у меня стиховъ, и вопъ какими выраженіями были наполнены его письма: «Прелестный, сильный талантъ вашъ, имѣетъ многихъ почитателей; страница стиховъ вашихъ есть капиталъ для всякаго издателя; вашъ завидный даръ стихотворства, произведенія богатой, роскошной вашей музыки, и проч. и проч.— Я не послалъ ему ни спрочки, и на шестой годъ онъ напечаталъ о моихъ сочиненіяхъ вопъ что: «Достоинство сихъ твореній суть сухость вымысла и водяность стиховъ!...» Каковъ судъ! Сколько въ немъ безпристрастія!!»

БЛАГОВОСПИТАННАЯ ДѢВИЦА.

На одномъ изъ послѣднихъ масляничныхъ баловъ, гдѣ находилось лучшее общество столицы, госпожа N... шопотомъ выговаривала дочери своей за небрежность, съ которою сія послѣдняя танцовала. «Ахъ, маменька,» возразила благовоспитанная дѣвица: «какая мнѣ надобность такъ танцовать для челоуька женатаго... когда это можетъ испорчить мою прическу.»

—Твоя правда, дочь моя, отвѣчала чадолюбивая родительница: я не замѣтила, съ кѣмъ ты танцуешь.—

ХЛОПУШКИ ДЛЯ ЗАПОЗДАЛЫХЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦЪ РОМАНОВЪ.

Въ Э (Aix) какой-то химикъ изобрѣлъ такъ называемыя часовыя свѣчи, которыя всякую четверть часа издають звукъ, подобный пистолетному выстрѣлу, и всякій часъ хлопають такъ сильно, какъ изъ карабина. — Такія свѣчи вѣролтно назначены для охотницъ читать въ постель усы-

пительные романы, чптобъ предупреждать пожары во время сна читателя.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КНИГА ЖИЗНИ.

(Окончаніе.)

Я признался ему, что сонъ, впревоживший меня ночью, было ужасное видѣніе, и рассказалъ ему въ подробности впрѣчу свою съ солдатомъ и молодою его женою.

—Нѣчто необыкновенное, — сказалъ онъ: заключается въ тайной связи, соединяющей участь вашу съ судьбою сихъ несчастныхъ, и это вторичное посѣщеніе, ровпо чрезъ годъ послѣ перваго видѣнія, заслуживаетъ конечно прилежное вниманіе.—

При сихъ словахъ мы разстались; я ощущалъ какое-то лягоспное чувство; какой-то холодъ проникалъ въ мои члены и казалось, оспановилъ во мнѣ движеніе крови; это продолжалось весь топъ день; на слѣдующій оно разсѣялось. Пріятности времени года, шумное общество, съѣхавшееся на воды, содѣйствовали къ возстановленію во мнѣ спокойствія, нарушеннаго ужаснымъ свидѣніемъ и спраннымъ разговоромъ моимъ съ Нѣмецкимъ докторомъ. Еще прошелъ годъ, и я не думалъ о томъ; но, не смотря на то, всякій годъ, когда наступалъ роковой вечеръ дня, въ который я впервые видѣлъ *Нортон*, онъ являлся мнѣ во снѣ, и всегда съ измѣняющимися обстоятельствами: на третій годъ, онъ представился мнѣ блѣднымъ и раненымъ, распротертымъ на постель, внимательно разсмапривавшимъ пару новыхъ эполетовъ, лежавшихъ предъ нимъ въ шелковой оберпкѣ. На четвертый годъ я уже не видѣлъ болѣе *Маріи*, но одного *Ральфа* въ адъютантскомъ мундирѣ, сидѣвшаго со многими другими офицерами за столомъ, успавленнымъ блюдами и буылками. На пятый годъ, я увидѣлъ его со шпагою въ рукѣ, покрытаго пылью и бѣгущаго на приступъ. Архитектура укрѣпленій

казалась мнѣ странною и необыкновенною. Вдали открывались минареты, восточные куполы, иноземныя деревья, зелень которыхъ обозначалась на знойномъ небѣ. На шестой годъ опять приснился мнѣ поэтъ же *Ральфъ*, но уже успарѣвшій, покрытый ранами, съ лицомъ, загорѣвшимъ отъ солнца и пожелтѣвшимъ отъ недуга; близь ора его споялъ разговаривавшій съ нимъ человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, на груди котораго блиспалъ орденъ. Наконецъ, послѣдній сонъ представилъ мнѣ его на борзомъ конѣ, скачущаго по полю сраженія: вдругъ пораженъ онъ былъ кривою саблею, и съ разсѣченнымъ черепомъ, облипшій кровью, упалъ на землю.

Послѣ сего, я освободился отъ возобновлявшихся ежегодно сновидѣній. Ночь осьмого года миновала безъ фантастическаго посвященія *Нортонъ*. Я пріобыкъ смотрѣть на это странное явленіе, какъ на феноменъ метафизическій, необычайность котораго достойна была замѣчанія, и въ такомъ смыслѣ рассказывалъ я о немъ моимъ пріятелямъ. Десять лѣтъ спустя послѣ извѣснаго происшествія въ хижинѣ, я вновь встрѣтился на водахъ съ знакомымъ мнѣ Нѣмецкимъ докторомъ; онъ упросилъ меня пересказать ему въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣ почты посвященія являвшагося мнѣ призрака, и записалъ слова мои; и даже замѣтилъ, что когда воспоминанія мои были не совсѣмъ ясны, когда я забывалъ какое нибудь обстоятельство, то онъ самъ припоминалъ мнѣ его, не оставляя ниже малѣйшей подробности въ одеждѣ, ниже одного слова, произнесеннаго при сихъ удивительныхъ видѣніяхъ. Я не назову вамъ этаго замѣчательнаго и скромнаго человека, живущаго въ удаленіи отъ свѣта, не смотря на значительное свое состояніе; я не хочу подвергнуть его разысканіямъ докучливаго любопытства. Пять лѣтъ провелъ онъ въ путешествіи по Германіи и Италіи; по прошествіи сего времени, онъ возвратился въ Англію, еще болѣе любезнымъ, болѣе опкровеннымъ, и первымъ посвященіемъ его былъ удостоенъ я. Мы провели день пріятнѣйшимъ образомъ, ибо знанія его были столь

же глубоки и таинственны, сколь разнообразны.

Онъ былъ философъ, не изъ числа обыкновенныхъ философовъ, мудрецъ, отвергавшій тѣло и насмѣшливо и припязанія и жестокія аспрологовъ и магіковъ, но вѣровавшій наукамъ тайнымъ, и изучавшій ихъ съ пользою для себя самаго; онъ полагалъ, что весь міръ управляется невидимыми сочувствіями. Не желая изслѣдовать причинъ, онъ говорилъ о явленіяхъ съ высокимъ, яснымъ и религіознымъ краснорѣчіемъ. Я любилъ слушать его разсужденія объ аспрологіи и даже алхиміи; рѣчи его были просны, опредѣлительны и удобопонятны для всякаго. Никогда не вдавался онъ въ шарлапанство, свойственное адептамъ тайныхъ обществъ. Послѣ каждой съ нимъ бесѣды кругъ понятій моихъ распросіранялся, я понималъ большее число идей и понималъ ихъ съ болѣшею ясностію.

Ровно чрезъ четырнадцать лѣтъ послѣ происшествія моего близь рѣчной переправы, я проводилъ день въ обществѣ сего замѣчательнаго человека. У меня было нѣсколько разныхъ музыкальныхъ инструментовъ: онъ пробовалъ попеременно почти каждый изъ нихъ, казалось, рукою неопытною, но извлекаемые имъ звуки отзывались какою-то важностію, какою-то торжественною и религіозною чувствительностію, которая меня трогала. Приближалась ночь. Собесѣдникъ мой, сей человекъ удивительный, располагался състѣ со мною за ужинъ, какъ кто-то постучался въ двери. Это былъ *Ригардъ*, сынъ стараго перевозчика, заспившій мѣсто отца своего.

— Прибѣгаю къ вашему состраданію, сударь,—сказалъ онъ мнѣ: проѣзжему офицеру сдѣлалось дурно у меня въ домѣ; онъ раненъ, и я не могу подать ему въ бѣдѣ нашей хижинѣ надлежащей помощи; гостинница слишкомъ отдаленна; одна изъ ранъ его открылась; слуга его сказалъ мнѣ, что это одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ нашей Индѣйской арміи въ Мизорѣ.—

«Хорошо,» отвѣчалъ я; «очень радъ, если могу быть полезенъ спраждущему воину и

соотечественнику моему; онъ найдетъ у меня спокойствіе.»

Я вспаль, и побѣжалъ на встрѣчу къ офицеру, который вошелъ ко мнѣ, поддерживаемый слугою своимъ, Индѣйцемъ; онъ былъ человекъ уже въ лѣтахъ, загорѣлый отъ солнца, изнуренный трудами, и казавшійся весьма спрадущимъ; обхождение его было учтиво и пріятно; смотря на него, можно было полагать, что онъ былъ весьма пріятной наружности, но сабельный ударъ обезобразилъ черты лица его; разговоръ его, не показывавшій большого ума, былъ пріятенъ и возбуждалъ участіе. Въ продолженіе цѣлаго вечера ученый докторъ говорилъ о такихъ высокихъ и философскихъ предметахъ, что я щипалъ себя щасливимъ, имѣя случай провести время съ человекомъ образованнымъ; но проспосердечнымъ, превосходство котораго меня не тяготило.

Всмащриваясь внимательнѣе въ офицера, мнѣ казалось, что я узнаю его, что прежде я гдѣ-то его видѣлъ. Но воспоминаніе это было неопредѣлительно и смѣшенно; я щепно устремлялъ на него глаза, стараясь привести себя его на память: ничего положительнаго не приходило мнѣ на мысль. Онъ и самъ смотрѣлъ на меня внимательнѣе, какъ будто та же мысль и его занимала. Вдругъ слезы навернулись на глазахъ его; любопытство подспрекало меня, но приличіе удерживало мои вопросы, и я молчалъ.

Докторъ внимательнѣе наблюдалъ за нами. Но вскорѣ взоръ его сдѣлался неподвиженъ и руки опустились. Вначалѣ ужина онъ говорилъ съ живостію и весело; шутъ сдѣлался онъ безмолвенъ и задумчивъ. Мнѣ одному должно было поддерживать разговоръ и занимать своего гостя. Я говорилъ съ нимъ объ Индіи, о его службѣ, о бипвахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

«Да, сказалъ онъ, сегодня ровно семь лѣтъ, какъ я получилъ при *Боркновѣ* эпу рану, которая меня изуродовала!»

При сихъ словахъ я обратился къ доктору, который бросилъ на меня такой взглядъ, что я невольно вздрогнулъ. Шутъ

пришли мнѣ сами собою на мысль всѣ тѣ прискорбные дни, которые преслѣдовали меня семь лѣтъ сряду. *Ральфъ* и *Марія* предспали моему воображенію. Между тѣмъ докторъ говорилъ о разныхъ предметахъ и какъ бы неумышленно и вводнымъ образомъ касаясь всѣхъ сценъ, представлявшихъ мнѣ въ продолженіи сихъ ужасныхъ ночей.

— Не должно пренебрегать годичными числами, говорилъ онъ: большая часть людей тщательнѣе ихъ замѣчаютъ, и они не ошибаются. Существуютъ тайныя связи между событіями, и должно быть безумцемъ, чтобъ презирать невидимую цѣпь, ихъ связующую. Удивительныя соприкосновенности распростираются на всѣ мѣста, на всѣ времена, на всѣхъ людей, на всѣ случаи жизни. Я удивился бы, еслибъ это было иначе. Вселенная есть обширная машина, которой одни частіи соприкасаются другимъ, въ которой все имѣетъ взаимное согласованіе, таинственную гармонию, часто невидимую только къ несчастію для слабыхъ нашихъ глазъ. Я посвятилъ большую часть моего времени,—продолжалъ онъ, обращаясь къ незнакомцу: на изслѣдованіе и изученіе сихъ вещей, и даже имѣю теперь при себѣ книгу, въ которой обыкновенно опмѣчаю всѣ происшествія, имѣющія между собою взаимное соотношеніе. Я сей часъ принесу вамъ еѣ, и вы увидите, какая связь существуетъ между моею книгою и происшествіями вашей жизни. Годичное число, о которомъ вы упомянули, есть именно то, которое я тщательнѣе занимался.—

Незнакомецъ отвѣчалъ, что будетъ еще время посмощрѣть книгу и на слѣдующее утро. Онъ, казалось, смущился и былъ блѣденъ. Я настаивалъ, чтобъ книга была принесена, и не понимаю отъ чего, неизъяснимый ужасъ, который я прежде чувствовалъ, вновь овладѣлъ мною, и непреодолимая сила влекла меня посмощрѣть на страницы роковой книги. Между тѣмъ холодный потъ выступалъ на лбу незнакомца, и когда онъ увидѣлъ, что оба мы оставались при твердомъ намѣреніи, чтобъ книга была принесена, то онъ сталъ шутить и увѣрять,

что очень бы желалъ погадать по ней о своей участи; что попъ, кому извѣстно такъ хорошо прошедшее, конечно знаетъ и будущее, и что такой опытъ былъ бы очень любопытенъ. Вышедшій докторъ вскорѣ возвратился съ чудесною книгою. Она была спаринной формы, въ ширину больше, нежели въ длину, переплетена въ бѣлый пергаментъ, и застегивалась тремя бронзовыми застежками, украшенными спранными изваяніями. Въ срединѣ переплета было вѣдано спальное, гладко-выпалпированное зеркало, на коемъ перламупировыми буквами изображено было:

Ты познаешь, кто ты.

Не открывая еще застежекъ книги, докторъ вручилъ её незнакомцу, и языкомъ темнымъ, мистическимъ, изумившимъ меня, изъяснилъ ему нѣкоторыя изображенія, помѣщенныя по угламъ переплета. Незнакомецъ, съ безпокойствомъ, безпрестанно возраспавшимъ, возвратилъ таинственную книгу спарцу, котораго, раскрывая её, произнесъ:

«Большая часть людей, которые спануть читають эту книгу, сочинуть многое въ ней написанное пустымъ и недостойнымъ вниманіемъ. Но вамъ самимъ предоспаваю судить о томъ.» Между тѣмъ, дыханіе незнакомца спановилось тяжело и прерывисто. Докторъ долго перелистывалъ книгу, и наконецъ остановился на послѣднемъ снѣ, въ которомъ *Нортонъ* видѣлся мнѣ раненымъ, разговаривавшимъ съ пожирымъ военнымъ человекомъ: описаніе эпаса сна было не только обстоятельно, но въ немъ помѣщены были многія подробности, о которыхъ я самъ не могъ вспомнить; многія мелочныя обстоятельствова, относительно одежды, лицъ и убранства комнаты. Удивленіе офицера было чрезвычайно.

«Чѣртъ возми!» вскричалъ онъ: «это сущая правда! Большая мепаллическія пуговицы полковника *Пилкинтона*, и особливо коса его, коса, кончикъ которой онъ безпрестанно сверпывалъ рукою въ кружокъ, когда что нибудь бывало не по немъ. Да гдѣ-жъ вы все это видѣли?»

Я былъ недвижимъ, какъ испуганъ; болѣзненное сопрясеніе пробѣгало по членамъ моимъ. Докторъ перевернулъ еще нѣсколько листовъ назадъ, и остановился на шестомъ моемъ сновидѣніи; незнакомецъ не могъ не сознаться, что поле сраженія вѣрно описано. При описаніи пятого сна, удивленіе его увеличилось. «Я узнаю пагоды и минареты; это укрѣпленія Бангульпорскія!» восклицалъ онъ. Казалось, что его радуеть картина Азіатской спраны, гдѣ онъ, цѣною своего здоровья, приобрѣлъ опличія и славу. Не смотря на то, онъ однако же не сознавался еще, что рѣчь идетъ о немъ; но при четвертомъ видѣніи, переспавъ оспорожничають, онъ вскричалъ:

«Такъ, это я самъ! Тупъ впервые разъ имѣлъ я честь объдають у генерала.»

Неумолимый мудрецъ продолжалъ чтение, и когда онъ окончилъ описаніе той сцены, въ которой офицеръ, лежащій на постель, разсмаприваетъ блестящія эполеты, — награду, полученныхъ имъ ранъ, — незнакомецъ вскочилъ въ сильномъ волненіи съ мѣспа.

«Это книга жизни!» вскричалъ онъ гробовымъ голосомъ.

Но когда описаніе впораго сновидѣнія прочтено было протяжнымъ и поржеспвеннымъ голосомъ; когда на сценѣ явилась *Марія* съ мертвою головою на плечахъ: по слѣзы подились изъ глазъ офицера.

«И я её видѣлъ,» сказалъ онъ: «въ эту же самую ночь; въ томъ же самомъ видѣ.»

Я не въ силахъ былъ говорить. Докторъ вспалъ, и устремивъ внимательный взоръ на пришельца, положилъ указательный палець руки своей на одну изъ спраницъ таинственной книги и сказалъ:

«Здѣсь доказательствова, а въ совѣспіи пво-ей воспоминанія того, что ты, *Ральфъ Нортонъ*, назадъ тому чепырнадцать лѣтъ, убилъ *Марію Блакъ*, жену свою!»

Нещасный сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ—и безъ чувствъ упалъ на землю.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н О Ч Ь.

(Изъ сочиненій Виктора Гюго.)

Когда ложился пьма почная,
 И ушихаеть все окрестъ,
 Волнуеть душу мысль живая
 И я спышу подъ куполь звѣздъ.
 Тогда душа моя внимаеть
 Въ священномъ спрахъ пѣспъ духовъ;
 И щещетно время улешаеть,
 Ей не примѣнетъ бѣгъ часовъ.
 Она дивляся, созерцаеть
 Свѣпиль песмѣпный легионъ,
 Чшо почъ на небѣ зажигаеть,
 Творя небесъ святой законъ!
 Я мыслю: эпошъ праздникъ неба
 Горипъ и блещетъ для меня
 И въ чеспъ лишь мнѣ, любимцу Феба,
 Пыпнѣе онъ и ярче дня!
 Чшо я одинъ во всей вселенной
 Глаголь небесъ могу поняпъ,
 И мѣръ сей спомъ обремененный
 Всего, чшо я не можеть знапъ.
 Чшо эпошъ блескъ въ спранѣ ээира
 Лишь только для меня горипъ
 И духъ мой за предѣлы мѣра
 Крылатой дуною лепитъ! . . .

М. Делюдовъ.

L O G O G R I P H E.

J'ai quatre pieds, c'est l'inconstance
 Qui fait tout mon pouvoir en France;
 En mettant ma tête à l'écart,
 Je tiens du génie et de l'art,
 Puis arrangeant à ma manière
 Mes quatre pauvres prisonniers,
 De l'asyle des vieux guerriers
 J'en forme l'abri tutélaire;
 Un pronom peut encor se faire;
 Me nommer n'est pas nécessaire.

Въ № 27, помѣщенная шарада значипъ: Мель-По-жъна.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Денница, альманахъ на 1834 годъ. Москва.
 Въ Университетской типографіи.

Было время, когда альманахи служили литературнѣе годичною выставкою, когда при словѣ: *новый альманахъ*, юныя литературныя сердца билась отъ нетерпѣнія видѣть новорожденнаго представителя отечественныхъ (ибо по принятому правилу въ альманахахъ переводныя статьи не помѣщаются) письменъ, узнавъ новое стихотвореніе *Пушкина*, прочестъ опривокъ изъ поэмы, приготоовляемой къ изданію *Козловымъ*, опривокъ изъ романа, доканчиваемаго *Загоскинымъ* или *Погорельскимъ*, повѣспъ *Маринскаго* или выдержки изъ записной книжки князя *Вяземскаго*. Нынче ничего эшаго нѣтъ въ альманахахъ: легкая литература упала; мелкія стихотворенія ползутъ въ журналы какъ-бы украдкою; поэмъ нѣтъ и въ поминѣ; на романы въ 4-хъ томахъ недавно еще была мода, но и они уступили мѣсто трагедіямъ, которыя такъ и падають на сцену, какъ съ неба.—*Sic transit gloria mundi!*—Гонители альманаховъ, глядя на нихъ съ *высокой точки зрѣнія*, поржествуютъ. Но еспъ ли чему радоваться? Чшо сдѣлали бѣдныя альманахи? Они соединяли между собою писателей, возбуждали ихъ дѣятельность, знакомили чипателей съ новыми дарованіями, укрѣпляли ихъ привязанность къ дарованіямъ, уже знакомымъ, и обогащали литературу прелесными стихотвореніями и небольшими сочиненіями въ прозѣ, въ которыхъ холодныя толкователи потребности вѣка не хотѣли видѣть достоинства. Не всякій имѣеть досугъ писать книгу, а между тѣмъ словесность лишается мелкихъ произведеній, которыя доставляли ей украшеніе. Но альманахи не совсѣмъ еще перевелись. На нынѣшній годъ вышла въ Москвѣ *Денница*, скромная, смущенная, печальная. Авторы статей ея почти всѣ выставили подъ ними лишь заглавныя буквы именъ своихъ. Не умѣя ихъ опгадывать, мы пріятно были удивлены прозою эшаго альманаха: самобытность изобрѣпенія, свѣжестъ мыслей, непринужденность слога, изобличають въ

ней пруды писателей умныхъ, съ дарованіемъ и опытныхъ. Намъ наиболѣе понравились: *Опалъ*, волшебная сказка *И. К.*, исполненная блистательнаго воображенія, чувства поэзіи и остроумной аллегоріи; *Насмѣшка мертвого*, произведеніе художественное; *Буря*, гдѣ съ искусствомъ описаны наши Русскія степи зимою, и спрашныя ихъ выюги.—*Марко Богатый и Веселыя злыдни*, Русскія сказки *М.*, также заслуживаютъ похвалы; въ нихъ съ успѣхомъ переданы народныя повѣрья, которыя всегда отражаютъ характеръ и духъ народа. *Мокошь* есть произведеніе игривой фантазіи г. *Вельтмана*, уже знакомой читателямъ. *Ледяная статуя*, г. *Лажечникова*; спашья сильно написанная; она пріятно общается намъ новый романъ автора *Послѣднлаго Новика*, едва ли не взявшаго верхъ надъ всѣми вышедшими въ новѣйшій періодъ Русской словесности историческими романами.—Изъ стихотвореній замѣчательнѣе: *Пророчество Карленты о Римѣ*, *С. П. Шевырева*; къ *А. Н. В—у*, *Н. М. Языкова*. *Мое прибрежище*, *Ө. Н. Глинки*, и немногія другія; прочія

Не блестятъ ни чувствомъ,

Ни поэтическимъ огнемъ.

Но нельзя же хопѣть въ сполѣ всегда Шампанскаго; надобно иногда быть довольну и обыкновенными споловыми винами.

А. Г.

MODES.

Voici le moment où les redingotes de promenade sont habillées et de façons nouvelles; on voit encore les redingotes de velours plain, garnies de fourrure, mais on voit peu de manteaux. Lorsque le temps est beau, le signe d'hiver est un long châle de cachemire ou un manchou. Les velours plain et le velours épinglé, lorsqu'ils font des redingotes de promenade, doivent être de façon assez simple; l'étoffe étant, par elle-même, très-habillée. Par exemple, des boucles d'or attachant des pattes de velours ou de satin; des nœuds

de satin ou de gros de Naples, simplement une jupe ouverte, croisée.

Nous ne pouvons assez répéter combien est élégante pour petite toilette une façon de robe dont nous avons déjà parlé. Ce sont les corsages plats, boutonnés devant, avec les jupes ordinaires et les manches larges. Comme toilette de spectacle, ou visites du soir, on emploie le velour ou le satin de couleur claire; comme toilette de jour, la façon et l'étoffe restent la même, la différence est dans la nuance qui doit être plus foncée.

Les redingotes de mousseline doublée en couleur se portent en demi-toilette du soir ou en négligé paré chez soi; ces redingotes se doublent en ce moment en petit satin et se ferment avec des nœuds de satin-dentelle.

МОДЫ.

Вопѣ время, когда рединготы для прогулокъ дѣлаются нарядныя и новыхъ покроевъ; рединготы изъ гладкаго бархата, обшитыя мѣхомъ, еще показывающся, но плащей видно мало. Когда время хорошо, по признаку зимы соспощъ въ длинной Турецкой-шали, или мушѣ. Когда дѣлаютъ рединготы изъ гладкаго или булавчатаго бархата, тогда фасонъ долженъ быть довольно простой; матерія бывъ сама по себѣ весьма нарядна. На примѣръ, апласныя или бархатныя клапоны, прѣхваченныя золотыми пряжками; апласныя или гроденаплевые баншы, или просто открытая юбка, пола на полу.

Мы не можемъ довольно повторить, сколько щеголевать покрой плашья для небольшого наряда, о которомъ мы уже говорили. Лишь гладкой, застегнутой спереди, юбка обыкновенная и широкая рукава. Для спектакля, или вечернихъ выѣздовъ, употребляютъ бархатъ или апласъ свѣтлыхъ цвѣтовъ; для дневнаго же наряда, покрой и шкель оспаются тѣ же, разница соспощъ полъко въ цвѣсахъ, которыя должны быть темнѣе.

Кисейныя рединготы на подкладкѣ надѣваютъ въ полу-вечерній нарядъ, или какъ нарядное negligé, дома; эти рединготы подкладываютъ теперь пюнкимъ апласомъ и схватываютъ спереди баншами изъ кружевно-апласныхъ лентъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 29.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спанкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Апрѣля 11 дня, 1854 года.

Какъ всѣ Московскіе, вашъ бапюшка шаковъ:
Желалъ бы зяптя онъ съ звѣздами, да съ чинами;
А при звѣздахъ не всѣ богатые между нами;
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чпшобъ пожить, чпшобъ могъ давать онъ бабы.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОТКРЫТІЯ ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (*).

Сія статья не можетъ быть понятна для пѣхъ, которые не читали, или прочли, за-были статью: *Продажный домъ*, напеча-танную въ N№ 5 и 6. Императорныхъ При-бавленій къ Русскому Инвалиду. *Эдгаръ*, гер-цогъ *Лорвилль*, осматривая домъ съ пѣмъ, чпшобы купить его, вошелъ въ отдѣленіе, занимаемое журналистомъ. Между ними на-чался разговоръ, который здѣсь предлагаемъ читателямъ.

«Я боюсь помѣшать вамъ, милостивый государь,» сказалъ *Эдгаръ* журналисту, ко-торый поспѣшно оглянулся: «вы заняты.» — Нѣтъ, сударь, я ничего не дѣлаю; я думаю.—

(*) Весьма недавно: въ Journal de St. Pétersbourg, въ Свѣ. Печать и Телескопъ была помѣщена превосходная статья объ Англійской журналистикѣ. Въ ней дружка—статья о журналистикѣ Французской, о пак-тѣхъ и стратегіи газетчиковъ.— В.

Онъ называлъ это ничѣмъ. *Эдгаръ* видя, что хозяинъ его въ дурномъ расположеніи духа, начиналъ уже раскаяваться въ своемъ посѣщеніи и думалъ, какъ-бы сократить его.—«Я желаю знать, сказалъ онъ журна-листу, кто...»

— Авшоръ статьи о новой пьесѣ? Это я, сударь, я ожидалъ вашего посѣщенія; вы при-шли очень къспати, потому что жизнь мнѣ надоѣла, и я радъ случаю порисковать ею.—

Эдгаръ улыбнулся, услышавъ, какъ пол-ковали причину его прихода, и отвѣчалъ: «Я пришелъ не ссориться съ вами, сударь, и вы видите во мнѣ совсѣмъ не обиженнаго, который пребуемъ удовлетворенія; я хо-тѣлъ только осмотрѣть этою домъ, по-тому что намѣренъ купить его; впрочемъ, если вы непременно желаете подрачься се-годня упромъ, то я готовъ къ вашимъ услу-гамъ.»

Журналистъ улыбнулся въ свою очередь пакому отвѣсту. Веселость *Лорвилля* вну-шила ему довѣренность; онъ попросилъ его

присѣсть, и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

«Въ сосѣдствѣ съ вами живеть одинъ отличный адвокатъ, у котораго я замѣнилъ прехорошенькую дочку;» сказалъ *Лорвилль*, невидавшій дочери адвоката, но надѣявшійся, выхваляя её, заставить журналиста себя слушать.

— Не правда ли, — возразилъ тотъ, худо скрывая, что слова *Лорвилля* были для него очень приятны, вѣдь она прелестна; однакожь, отецъ ея не такъ уменъ, какъ объ немъ думаютъ.—

«Это правда; я замѣнилъ въ немъ предразсудки, которые...»

— Въ немъ? О, нѣтъ! въ немъ совсѣмъ нѣтъ предразсудковъ, — отвѣчалъ журналистъ.

Лорвилль улыбнулся.

«Вы такъ думаете,» сказалъ онъ; «однакожь, мнѣ показалось, что онъ очень предубѣжденъ пропивъ всего, что принадлежало къ прежнему двору, и вообще, пропивъ всего дворянства.»

— О! что до этаго, то онъ правъ; эти люди сдѣлали намъ столько зла, что всякій вправѣ дурно говорить о нихъ.—

Тутъ *Лорвилль*, будучи не въ состояніи удержатъ въ себѣ порыва гордости, и пользуясь случаемъ опмспилить своему собесѣднику, сказалъ съ лукавою усмѣшкою:

«Я нашель его также крайне спрогимъ къ людямъ вашего званія; очень несправедливымъ въ отношеніи къ журналистамъ.»

— О Боже мой! я это очень знаю,—вскричалъ молодой сочинитель, вздрогнувъ, какъ раненый, къ язвъ котораго неоспорочно прикоснулись: всѣ эти говоруны, которые не спокуютъ нашей подошвы, насъ ненавидятъ. Я знаю, что я *Парія* здѣшняго дома. Но это не всегда такъ было; они не гордились такъ во дни опасности! Хотите ли знать, гдѣ были всѣ храбрые полишники нашего дома во время *Юльскаго* революціи: гдѣ былъ этотъ маркизь, вмѣсто того, чтобъ со шпагою въ рукѣ стоялъ у престола закон-

наго короля своего; этотъ префектъ и депутатъ, вмѣсто того, чтобъ засѣдать въ палатѣ; этотъ адвокатъ, вмѣсто того, чтобъ защищать права *Генриха V-го*? Всѣ они были спрятаны; да, сударь, спрятаны вопъ въ этой комнатѣ; они укрылись здѣсь какъ будто бы за стѣнъ, чтобы скорѣе получить свѣжія извѣстія, въ самомъ же дѣлѣ только для того, чтобъ быть въ безопасности. Они всѣ прое собрались сюда отъ страха, а я, между стѣнъ, подписывалъ прокламаціи, меня привѣтствовали ружейными выстрѣлами, провозглашали адъютантомъ одного очень извѣснаго генерала, для восстановления порядка въ *Парижѣ*; и они же называли меня своимъ спасителемъ, храбрымъ молодымъ человекомъ; они кричали: слава журналистамъ! Журналисты спасли Францію! Пятнадцать лѣтъ просвѣщаютъ они отечество. Франція всѣмъ обязана ихъ усердію, ихъ мужеству! А теперь, они презираютъ, они гонятъ меня. Я это знаю, это отъ того, что они одни выиграли въ эту революцію, которая меня разорила: бывший префектъ назначенъ префектомъ въ одинъ изъ лучшихъ департаментовъ; адвокатъ сдѣланъ совѣтникомъ, а маркизу предлагаютъ посольство, которое онъ, безъ сомнѣнія, скоро и приметъ; я знаю его состояніе; ему не изъ чего быть вѣрнымъ болѣе одного года. А я, сударь, не получилъ ничего, и вопъ они называютъ меня ничтожнымъ журналистомъ, и сердятся на меня, за то, что я ихъ спряталъ. Если еще они мнѣ вѣжливо кланяются, вспрѣтясь на лѣспницѣ, такъ потому только, что боится моего журнала, и опасаются, чтобы когда нибудь я не напечаталъ въ немъ ихъ *Юльскихъ* похожденій, не вывелъ бы наружу ихъ подлой прусости.—

Молодой писатель одушевлялся болѣе и болѣе, видя, что его слушаютъ съ участіемъ.—Разумѣется, продолжалъ онъ, жалко положеніе того, кто принужденъ мараить бумагу, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ, и каждое упро злословить правительствомъ, чтобы оно обратило на васъ вниманіе, и узнало, наконецъ, вамъ цѣну. Но, какъ же быть! По не-

воль сдѣлаешься журналистомъ, когда въ настоящее время раздаются мѣста и деньги только тѣмъ, кого бояться, кто опасенъ. При *Бонапарте*, я пошелъ-бы въ военную службу; мнѣ двадцать чепыре года, и я навѣрное былъ бы полковникомъ, покрытъ ранами; но теперь, когда всѣ дороги заграждены, когда извѣстно можно достигнуть только путемъ соблазна, необходимо подвергать себя заключенію въ тюрьму, нападать на министровъ, обнаруживать злоупотребленія, оглашать мнимыя несправедливости, однимъ словомъ, кричать, чтобы заславили себя слушать. —

—Ахъ, сударь!—продолжалъ онъ все съ большимъ одушевленіемъ: если-бы у насъ былъ *Бонапарте*, человекъ съ орлинымъ взоромъ, который-бы отличалъ, выбиралъ насъ, угадывалъ наши способности, ободрялъ ихъ, употреблялъ бы каждого изъ насъ сообразно съ нашими дарованіями, понималъ бы наши идеи, обсуживалъ наши планы и приводилъ ихъ въ исполненіе; человекъ, который-бы, подобно ему, умѣлъ сдѣлать великаго полководца изъ крестьянина, нѣумѣющаго читать, и узнать мудраго министра въ двадцати пяти лѣтнемъ юношѣ, — тогда молодое Французское поколѣніе не было бы вынуждено жить ругательствами и мятежами, ежедневно подвергать безславной опасности свободу и жизнь свою, предавать себя заточенію за свои мнѣнія, драться за сочиненія свои, наконецъ, влечить жалкое существованіе между Булонскимъ лѣсомъ и тюрьмою *Sainte-Pélagie*. Вы не знаете, сударь, какъ мучительно для молодого человека, лишеннаго богатства и покровителей, имѣть много богатыхъ и смѣлыхъ идей, чувствовать ихъ пользу, видѣть ихъ ясность и не имѣть возможности сдѣлать ихъ понятными. Средства, которыя въ себѣ чувствуемъ, обращаются въ угрызения, когда не можемъ сдѣлать изъ нихъ употребленія; умственная способность становится пылкою, ядомъ, пожирающимъ огнемъ; когда она въ бездѣйствіи. Увы! я не спорю, что это праздное и буйное юношество будетъ пагубнымъ для отечества. Но кто виноватъ въ этомъ? Не

тѣ ли, которые должны были имъ руководствовать? На насъ клеветаютъ, потому что не умѣютъ управлять нами; насъ называютъ мятежниками, кровопійцами, маленькими *Робеспьерами*, а мы только честные любивы! Если мы думаемъ о республикѣ, такъ потому только, что съ нею приходится война, съ войною слава, съ славою счастье. Въспомо того, чтобы пугаться нашихъ мечтаній, пусть поселитъ въ насъ надежду; вспомо того, чтобы раздражать нашу пылкость, и обращать ея въ опасное сумасбродство, пусть лучше сдѣлаютъ ея геройствомъ; нѣтъ ничего легче! Молодое поколѣніе Французовъ подобно тѣмъ юнымъ конямъ, которые, наскучивъ продолжительнымъ спокойствіемъ, грызутъ удила, орошаютъ ихъ пѣною, скачутъ, сбрасываютъ всадника, но которые, будучи управляемы крѣпкою рукою, первые достигли въ предположенной мѣстѣ и одержали верхъ въ стремительномъ бѣгѣ. О! если-бы у меня было хоть немножко славы, немножко состоянія; если бы я могъ сказать: *дьялайте такъ*, вспомо: одобряете ли вы это, ни что не основало бы меня на моемъ поприщѣ, я преодолѣлъ бы всѣ препятствія, прошелъ бы всѣ разстоянія, я сдѣлался бы скоро префектомъ, депутатомъ, перомъ Франціи, посланникомъ, министромъ... президентомъ... королемъ! —

N. N.

ВЕСЕЛОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Г. *Лависсъ*, производившій обширную торговлю виномъ, скончался въ Клермонѣ на Уазѣ, оставя слѣдующее завѣщаніе: «Я хочу, я желаю, я пребуду, чтобы особы, кои удостоились сопровождать меня на кладбище, слѣдуя за пѣломъ моимъ, остановились передъ кофейнымъ домомъ г. *Маршана*, лимонадчика; чтобы шамъ одинъ изъ сопровождающихъ кликнулъ меня три раза, ударяя по моему гробу, дабы узнать не живъ ли еще я. Если не удастся никакого отвѣта: это будетъ значить, что я дѣйствительно умеръ. Тогда всѣ провожающіе должны

войши къ г. *Маршану* и выпить за мое здорье сто бутылокъ вина, съ бисквицами и макаронами, какъ кому придется по вкусу. По возвращеніи съ кладбища, я покорно ихъ прошу пожаловать въ мой домъ и осушить столько бутылокъ, сколько душъ ихъ будетъ угодно: начинать должно съ No 20 и, такимъ образомъ, восходить до No 120. Это посѣпители узнають по этикетамъ (ярлычкамъ), которые самъ я наклеилъ на бутылки. Прошу ихъ не забывать, что я хотя человекъ не этикетный, однако-жъ люблю наблюдать—этикетъ.»

НЕ ХУДО БЫ МНОГИМЪ ЗАУЧИТЬ СЕБЕ ПРАВИЛО.

Поэтъ *Мальзербъ* перѣпить не могъ политическихъ подковъ и пересудовъ. Когда въ какомъ нибудь обществѣ начинали разсуждать о полиціи, онъ всегда говорилъ: *Пассажиры не должны вмешиваться въ управление кораблемъ.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

М А Р Т Ъ.

Я проходилъ мимо Сень-Рохской церкви, и почти машинально направилъ въ нее шаги мои. Люблю быть въ пустомъ храмѣ. Часто, подъ его безмолвными сводами, предъ его покинутыми алтарями, я обрѣпалъ благоговѣніе, которое оставляетъ меня, когда церковь, украшенная всею пышностію своихъ обрядовъ, оглашается молитвами мирянъ: въ такое время, свѣтъ нечувствительно вмѣшивается между моею мыслию и Богомъ. Напротивъ, стоя въ одиночествѣ на колѣнахъ предъ алтаремъ, я не произношу ни одного слова, даже не распознаю въ себѣ никакого яснаго ощущенія, но падаю ницъ, и эцимъ выражается все: и мое смиреніе, и сознание моей слабости, и мое упованіе!

Въ этотъ разъ я пробылъ въ такомъ положеніи долѣ обыкновеннаго, и когда хо-

тилъ уже идти, то увидѣлъ въ ближнемъ придѣлѣ приготовленія къ обряду вѣнчанія. Я остался. Скрывшись за колонною и устремивъ глаза на двери, я ждалъ жениха и невесты, и сердце билось во мнѣ съ такою силою, какъ будто бы участь моя зависѣла отъ событія, котораго я готовился быть свидѣтелемъ.

Наконецъ они вошли. Но съ приходомъ ихъ, потчасъ утихло мое волненіе. Я быспро окинулъ взоромъ всѣ эти незнакомыя лица, и ни одна физіогномія, ни одинъ взглядъ не объяснили мнѣ моихъ впечатлѣній. Наружность всѣхъ этихъ людей носила на себѣ печать какой-то пошлой простоты; каждый изъ нихъ былъ занятъ, по видимому, мелочными и ничтожными мыслями, и никто не думалъ о важномъ дѣлѣ, для котораго собрались они въ храмъ. Въ улыбкѣ мапері изображалась ребяческая суепность; она упѣшалась не щасіемъ и даже не красою своей дочери, но ея нарядомъ, числомъ и знатностію *родныхъ*, сопровождавшихъ ея въ церковь. Женихъ по разговаривалъ и смѣялся съ окружающими его, но, побуждаемый чувствомъ приличія, старался принять на себя видъ степенный; но взоръ его ни разу не обратился къ небу, ни разу не остановился на женщинѣ, которой судьбу ему вѣрять. Не замѣтно было ни нѣжности, ни увѣреній, ни молитвъ, ни благочестія. Впрочемъ, взглянувъ на невесту, легко бы было найти оправданіе этого равнодушія, ибо только свадебное покрывало и вѣнокъ ея показывали, что она готовилась къ союзу брачному. Никакое чувство не одушевляло красоты ея; взоръ оплмчался увѣренностію, улыбка была спокойна, румянецъ правлень, а цвѣты, украшавшіе грудь ея; приподнимались тихо, безъ колебанія: такъ медленно билось въ ней сердце.

Великій Боже! что подумать о дѣвушкѣ, которая ничего не чувствуетъ въ подобную минуту, и которой душа, какъ бы глубока ни была она усыплена, не пробуждается съ эцимъ новымъ днемъ, восходящимъ надъ ея жизнью, чтобы одушевить

оную своимъ сіяніемъ, или возмутишь своими бурями!-

Я хотѣлъ уже удалиться, когда послѣдній взоръ, брошенный на окружающую меня сцену, удержалъ меня на мѣстѣ, возбудивъ во мнѣ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели то, о потерѣ котораго сожалѣлъ я.— Бѣдная *Maria!* твой грустный образъ будетъ всегда передъ моими глазами.

На церковномъ помостѣ сполла на колѣняхъ бѣдно-одѣтая женщина, полузакрывающая плечу, которую опбрасывала на неѣ уголь храма. Исхудавшими руками своими судорожно ухватила она за рѣшетку, чтобы поддержать свое изнеможенное тѣло. Взоры ея, жадно усупремленные на чепу, готовую на вѣчное соединеніе, какъ бы старались найти въ этомъ зрѣлищѣ причину горести, доспапачную для прекращенія ея бѣдственной жизни. Женщина эта была молода, но молодость ея замѣтна была только изъ спраспапаго изъявленія опчаянія, владѣвшаго ею; яркая краска, оживлявшая по временамъ лицо ея, была ничто иное, какъ лихорадочное волненіе, а глаза ея блиспали только слезами. Ребенокъ, прелестный какъ ангелъ, жался къ ней и опиралъ своими природными русыми кудрями впалыя и влажныя щеки матери.

Обрядъ начался. Уже произнесли взаимную клятву, уже молодой человекъ держалъ кольцо, которое должно было служить ея залогомъ, и невѣста протягивала руку, чтобы взять его, какъ вдругъ, опъ разсвѣтлѣннѣ одного, или опъ неловкѣсти другой, кольцо упало на полъ и опкапилось въ темный уголь, гдѣ сполла бѣдная молодая женщина. Ребенокъ вскрикнулъ опъ радости, схватилъ кольцо, какъ игрушку, и сжалъ его въ своихъ рученкахъ. Въ чертахъ матери изобразилось неизъяснимое опчаяніе, но только на минушу. Она впала, скорыми, хотя не пвердыми шагами подошла къ обрученнымъ, и усупремивъ на жениха взоръ, заключавшій въ себѣ всю ея печальную исторію, сняла съ своего изсохшаго пальца кольцо, подобное тому, которое

оспалось у ея сына, подала его молодому человеку и скрылась въ толпу.

Это происшествіе почти для всѣхъ оспалось незамѣтнымъ. Одинъ только повобрачанный, казался, спарался что-то припомнить, но не могъ; опъ слегка кивнулъ головою женщины, въ знакъ благодарности, принялъ кольцо, не замѣтивъ, что оно переменно, и обрядъ вѣнчанія былъ оконченъ.

Я вышелъ, желая оптыскавъ бѣдную *Maria*. Мнѣ спѣло пруда дойти до ней. Частъ толпы, сопровождавшей въ церковь свадебный поѣздъ, вышла оппуда вмѣстѣ съ *Mariєю*, чтобы удовлетворить новому любопытству. Нѣсколько спарухъ окружили несчастную и безсмысленно спотрѣли на неѣ, не подавая ей помощи. Между тѣмъ, сидя на спупеняхъ церковнаго крыльца, *Maria* судорожно рыдала, а сынъ ея продолжалъ играть кольцомъ, надѣвалъ его на палецъ матери и улыбался опъ радости, что вымѣнялъ такую новую и блестящую вещь на тусклое кольцо, которое опъ всегда вдалъ у ней до того времени.

Люди жестокіи. Спарухи разговаривали между собою, спрашивали одна другую о бѣдной *Marii* и рассуждали объ ея состояніи, не думая, что каждое слово ихъ было для неѣ убійственно.

«Да увѣрена ли ты,» говорила одна: «что это та самая *Masha*, которую мы бывало такъ любили, и которая была также свѣжа, какъ цвѣты, которую она продавала?»

— Да, это она, точно она. Кто бы подумалъ въ то время, что скоро она будетъ такою хилою и больною, какъ и мы; видно, горе-то также помогаетъ людямъ старѣться. Я это ей всегда пвердила, какъ увижу, бывало, что молодой господинъ, который сей часъ обвинчался, ходитъ да перешепывается съ нею, а она краснѣетъ и пощупываетъ глаза въ землю. Вотъ, каково-то теперь раздѣлываться со стыдомъ, да съ нищетою! Не даромъ говорятъ: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь.—

Напрасно я спарался избавишь *Mario* опъ горести слышатъ такіе толки. Я умолялъ её мнѣ ввѣришься, позволишь мнѣ увести её, но она не отвѣчала, и ея опчаянное молчаніе прерывалось только задушаемыми спенаніями до пѣхъ поръ, какъ свадебные экипажи, съ шумомъ подъѣхавъ къ крыльцу, извѣстили её о скоромъ опъѣздѣ новобрачныхъ.

Тогда она подняла голову и посмотрѣла вокругъ себя, какъ бы спараясь что-то припомнить.

— Кто говорилъ со мною?... Кажется, кто-то хотѣлъ увести меня отсюда?—

Я взялъ её за руку.

— О! да, изъ сосраданія уведите меня... Теперь я буду въ соспоаніи иппи съ вами. —

Она взяла своего сына и опираясь на мою руку, пошла не останавливаясь и не оборачиваясь назадъ къ небольшому угловому дому Сень-Рохской улицы. Когда мы къ нему приблизились, она поблагодарила меня и сказала:

— Богъ благословишь васъ за то, что вы сжалились надъ несчастною. —

Я хотѣлъ остаться съ нею, пока она успокоится и ктонибудь придетъ помочь ей, но она указала мнѣ на сестру милосердія, шедшую къ ея жилищу.

Я просилъ по крайней мѣрѣ позволенія прийти въ другое время, и она взоромъ изъявила на это согласіе.

Съ той поры я спалъ почти каждый день навѣщать её. Она сдѣлалась спокойною, но день ото дня спановилась слабѣе. Я проводилъ у ней по нѣскольку часовъ; казалось, мое присутствіе облегчало её, а для меня видѣть её сдѣлалось необходимостью. Мы почти вовсе не говорили другъ съ другомъ; только молчаніе способно было выразить то, что мы чувствовали. Часто она просила меня читать ей какуюнибудь духовную книгу, и тогда ничто не могло быть прорагательнѣе взора ея, оживленнаго благоче-

спивою надеждою. Видно было, что она почиала себя прощеною, и ея раскаяніе уподоблялось невинности.

Иногда она улыбалась, смотря на своего играющаго сына, но улыбалась не пою материнскою улыбкою, которая бываетъ исполнена надеждъ и гордости: ея улыбка заключала въ себѣ, напрошивъ, что-то горестное и оканчивалась почти всегда слезами.

Однажды я сказалъ ей:

«Не уже ли, *Maria*, ты не хотѣла бы жить для эшаго бѣднаго малюпки?»

— Теперь уже поздно! — отвѣчала она: эша свадьба меня убила. Я и до того была уже очень больна, но, мнѣ кажется, что я бы могла еще жить на свѣтѣ, если бы не была совершенно увѣрена, что онъ за-былъ обо мнѣ. Теперь все кончено! Развѣ не видала я, что взоры его остановились на мнѣ, какъ на незнакомой! —

Въ другой разъ она сказала мнѣ:

— Можеть быть, мнѣ бы должно было рассказать вамъ причины несчастія, въ кошоромъ вы служите мнѣ упѣшеніемъ, но что я скажу вамъ? Вы видѣли, какъ я краснѣла, обнимая моего сына. Теперь я должна вспомнить о прошедшемъ только предъ Богомъ. —

Эша бѣдная, покинутая дѣвушка заняла всѣ мои мысли, всю душу мою; я чувствовалъ къ ней сожалѣніе, походившее на страсть, но на страсть безъ всякой мысли о щастіи. Я даже не хотѣлъ надѣяться: надежда была бы такъ несогласна съ моею судьбою, что страхъ лишиться оной, воспрепятствовалъ бы мнѣ наслаждаться ею. Я находилъ какую-то грустную сладость въ этой кратковременной привязанности, которая должна была оставить во мнѣ споль продолжительныхъ воспоминанія, въ этой связи, которая была ничто иное, какъ горестъ, и кошорую скоро должна была пресѣчь новая горестъ, ибо жизнь съ каждымъ днемъ все болѣе угасала въ глазахъ моею бѣдною *Mario*, и мнѣ суждено было поддержать только послѣдніе шаги ея.

Такъ прошло около мѣсяца. Въ одно утро, идучи къ маленькому домику, я увидѣлъ, что пропивъ обыкновенія изъ окна не выглядываетъ хорошенькая головка сына *Miriam*. Сердце мое сжалось; еще въ первый разъ онъ не сперегъ моего прихода, и его опусупствіе заспаивало меня боясь нещастія. Та же сестра милосердія, которая приняла на себя попеченіе о *Marii* послѣ происшествія въ церкви, вышла ко мнѣ на встрѣчу.

— Она очень слаба, сказала она мнѣ: однако-жь спрашивала о васъ. —

Я бросился въ комнату. *Марія* сидѣла подѣ окномъ; она только что причастилась св. Тайнъ, и священникъ оставался еще у ней. Когда я вошелъ, она молилась съ пакииъ усердіемъ, что не замѣтила моего прихода; лицо ея было прекрасно и спокойно; только слезы, текшія по лицу ея, показывали, что она еще не сдѣлалась ангеломъ. Мысль о сынѣ возвратила ея на минушу на землю; бѣдный ребенокъ подвелъ меня къ ней и казалось, вымаливалъ для меня послѣдняго взгляда.

Я посадилъ дитя къ ней на колѣна; она покрыла поцѣлуями милое лицо его, орошенное слезами; потомъ, взявъ мою руку и положивъ ея вмѣстѣ съ своею на голову сына, сказала мнѣ:

— Благословите и вы его; я оставляю вамъ этаго бѣднаго сироту. Добро, которое вы сдѣлаете сыну, будетъ для васъ наградою за то, которое вы уже сдѣлали матери. Теперь, просните!—прибавила она, протягивая мнѣ свою охолодѣвшую руку; потомъ, обратясь къ священнику, сказала: спанемъ молиться, отецъ мой! —

Священникъ спалъ чиняиъ опходныя молитвы. Нѣсколько времени *Марія* повторяла ихъ голосомъ, болѣе и болѣе слабѣющимъ. Наконецъ, она умолкла. Я взглянулъ на ней..... она еще молилась, но уже на небесахъ!

Изъ *L'artiste* *Ил. Гальбовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОРТРЕТЪ.

Опъ мрачной завистию рождѣнъ;
Съ избытка радости хохочетъ:
Навѣрно зло ужъ сдѣлалъ онъ,
Иль сдѣлашь зло конечно хочетъ!

П. Манасеицъ.

ДВОЕ ПОРТНЫХЪ.

(Басня.)

Портнаго Трифона спросилъ портной Иванъ:
«Послушай, опъ чего тебѣ такой паланъ?
Въ чески шы у господъ, работою заваленъ,
Засыпанъ деньгами и до небесъ расхваленъ,
И вѣрный съ нихъ тебѣ оброкъ,
Вѣдъ знаешь самъ, дружокъ!
Не прежде ли тебѣ завелъ я масперскую,
И меньше-ль морокую?
Скажу не хвастая: что-жь? правда не порокъ!
Шью въ пору я всегда; шью по заказу въ срокъ;
Шью крѣпче твоего, прочіе,
А самъ годъ опъ году бѣдѣе
И съ рукъ неидетъ мое шитье:
Проклятое житье!
Не мой грѣхъ зависть, ишь! Дай Богъ тебѣ и
въ двое;
Да опъ чего межъ насъ различіе такое!»
— А опъ того, —
Свашъ Трифонъ перервалъ его:
Что я посмѣшливый: на это много-ль дара?
Ты шьешь безъ вычуръ, безъ запѣй—
Пускай по твоему—просторитъ и прочтѣй;
Я шью какъ мнѣ прикажутъ бара.
Вопъ тайна, опъ чего, поварищъ, не равны
У насъ съ тобой доходы:
Ты правнъ держишься разсудка, спарины;
Я — ноды. —

*

Писатель! хоть бы самъ Пермесскій богъ открылъ
Тебѣ сокровища чудеснаго искусства
Безъ молніи разишь и увлекать безъ крылъ
Спихомъ, исполненнымъ ума, восторга, чувства;
Но ежели для образца
Ты древнихъ взялъ въ пашъ вѣкъ Байроновъ,

Какого ждешь тебя вѣнца?
 Ты спаровѣрь, ты врагъ законовъ!
 За то, предавшись новизнѣ,
 Воспой шуманну даль, кладбище при лунѣ,
 Иль, въ тѣсной рамочкѣ прехреспотнаго посланья,
 Повѣдай сны свои, мечтателя;
 Забрѣдь паннственной поскокой,
 Увидшей юностью, опчизной пеземной:
 Вотъ вѣрный призракъ дарованья!
 Чшо нужды, если складу нѣтъ?
 Друзья-романшники воскликнуть: ты поэтъ!

N. N.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое полезно лишь для дамъ.

И украшеніемъ бываетъ ихъ убора;

Последнее пипуль, который безъ разбора

Даютъ Поляки господамъ.

А *цѣлое* цвѣшпокъ, плѣнишельный для зора

И украшеніе садамъ.

Ивановъ.

Въ No 28, помѣщенный логогрифъ значить: *Mode, ode, d'ome.*

М О Д Е С.

Une charmante façon que nous avons remarquée à une réunion du matin, était une robe de mousseline brodée en plain, doublée de satin rose; la jupe, dont les devants étaient bordés en point d'Alençon, ouvrait, sur une jupe de dessous en satin blanc, garnie de deux volants de point. Le corsage plat était caché par un fichu d'organdi, taillé en pointe et garni d'un rang de point haut d'une main, fronçant tout autour et retombant sur les épaules et le dos; les pointes passaient sous la ceinture, qui était un large ruban de satin fond rose à dessins Pompadour. Les manches étaient longues, étroites du bas, et laissaient passer une espèce de manchette en point d'Alençon.

Cette robe, disait-on, venait des magasins de Mlle Minette.

Une autre robe plus habillée était en organdi blanc, brodé en soie plate d'un semé de boutons de roses, noués avec leur feuillage; cette robe ouvrait sur une

jupe en pou de soie rose, et n'était point retenue. Le corsage plat, en pointe, était garni d'un haut rang de point d'Angleterre avec des nœuds de taffetas rose dans toute la longueur, le dernier flottant à longs pans comme une ceinture; les manches courtes couvraient le bras jusqu'au-dessous du coude; trois hauts bouillons se terminaient par des sabots de point d'Angleterre. Cette toilette était complétée par un petit chapeau de velours épinglé rose, posé très de côté et orné d'un bouquet de plumes roses.

Pl. No 12. Costume de bal. — Gilet de satin broché. — Pantalon de casimir. — Veste de casimir. — Pantalon de satin anglais. — Gilet de piqué.

М О Д Ы.

Прелестный фасонъ, замѣченный нами въ одною упреннемъ собраніи: юбка кисейная, вся вышита, подложена розовымъ апласомъ, опкрывающая, края обшита point d'Alençon; внизу бѣлая апласная юбка, обшита кружевными оборками въ два ряда. Лицъ гладкой, прикрытъ былъ косыночкой изъ органди, скроенной мыскомъ и обшитою кружевомъ, шириною въ ладонь, собраннымъ вокругъ; кончики положены были подъ поясъ, который состоялъ изъ широкой розовой апласной ленты, съ узорами Pompadour. Рукава длинные, книзу узкіе, изъ подъ нихъ выпущены были родъ манжетокъ изъ point d'Alençon.

Это платьѣ, какъ сказывали, было изъ магазина г-жи *Minette*.

Другое платьѣ, еще наряднѣе, было изъ бѣлаго органди, вышито несученымъ шелкомъ мелкими букетами розовыхъ распуколокъ, съ ихъ листьями; это платьѣ опкрывалось на розовой юбкѣ изъ pou de soie, и не было прихвачено. Лицъ гладкой, съ мыскомъ, обшито было въ одинъ рядъ широкимъ Англійскимъ кружевомъ; банты изъ розовыхъ шатяныхъ лентъ во всю длину; опъ послѣдняго длинные концы какъ у пояса. Рукава короткіе, покрывали руку ниже локтя; при широкія буфы оканчивались sabots изъ Англійскихъ кружевовъ. Эпотъ нарядъ довершался маленькою шляпкою изъ розоваго булавчатаго бархата, надѣшмой совсѣмъ на споруону и опдѣланной букетомъ розовыхъ перьевъ.

Карш. No 12. Бальный нарядъ. — Каземировые паншалоны. — Жилетъ также. — Паншалоны изъ Англійскаго апласа. — Жилетъ пике.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходишь

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 30.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Апрѣля 14 дня 1854 года.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жапвой, покохънцъ,
По тайной воли Провидѣнцъ,
Восходяшь, зрѣюшь и падушь;
Другія имъ во слѣдъ идушь....

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ХОТЬ ЛОПНУТЬ, А НЕ ПОДДАТЬСЯ.

Валеріанъ былъ прекрасный юноша, хандра и мечпатель, какими обыкновенно бывають они въ семнадцать лѣтъ. Часно улешалъ онъ мыслію въ міръ фантазіи, пламенно призывая въ своихъ желаніяхъ думу, способную къ сочувствію съ его душою. Какое сладостное понятіе составлялъ онъ себѣ, въ своей любовной Утопіи, о помѣ неисчерпаемомъ блаженствѣ, которое происпекается отъ симпатическаго согласія двухъ юныхъ сердець! Сколько любви и невинности видѣлъ онъ въ голубыхъ очахъ юной дѣвы, являвшейся ему въ сновидѣніяхъ! Какою надеждою исполняла его сердце таинственностъ, облакавшая это идеальное существо! О! одинъ взоръ, одинъ только взоръ этой обожаемой женщины... Цѣлый міръ заключился бы въ этомъ взорѣ!...

Съ сердцемъ, или скорѣе съ головою, исполненною такими обворожительными мечпами, *Валеріанъ*, окончивъ годовой курсъ

своего ученія, пріѣхалъ провести вакантное время къ одному изъ друзей и соучениковъ своихъ. У эшаго друга была хорошенькая 16-ти лѣтняя сестрица.

Случилось, что именно въ этотъ годъ она выходила изъ —аго Инспитута. Братъ, котораго всего болѣе занимали лошади, собаки, охотничьи ружья и п. п., очень равнодушно ждалъ пріѣзда прелестной сестры своей. Но *Валеріанъ*, самъ не зная почему, горѣлъ желаніемъ видѣть эту молодую дѣвушку, копорой пихій нравъ и прелести всѣ перевозносили до небесъ. Можетъ быть въ ней встрѣпилась бы ему... Почему знать? Такія ли чудеса творитъ любовь?... Онъ безпрестанно спрашивалъ своего пріятеля: — «У сестры твоей русые волосы, не такъ ли?» — Напрощивъ, черные, точно пакіе, какъ у меня; я тебѣ двадцать разъ это сказывалъ. — «Да, да, виноватъ... я позабылъ. Точно, она брюнетка... съ голубыми глазами...» — «Вовсе нѣтъ, съ большими, черными, какъ агатъ. — Именно такъ; съ черными глазами, чрезвычайно помными.» —

Опять ошибся! у неё глаза самые плутовские, самые хитрые, самые лукавые... — «Не правда!» — И надо признаваться, что они не лгут... Вопшь увидишь... Она въ состояннй всякому вскружитъ голову, разумѣется, что не пощадитъ и тебя. — «Спранно!... я думалъ... мнѣ казалось... Однакожь, всё превозносятъ её за доброту сердца.» — Это справедливо, у неё сердце превосходное. Сестра моя можетъ называться ангеломъ и демономъ вмѣстѣ. Увидишь, увидишь.

Всякой разъ, послѣ подобнаго разговора, *Валеріанъ* говорилъ самому себѣ: Живал, въпренял, съ черными какъ смоль кудрями, съ большими черными глазами!... Правда, что идеалъ мой былъ совсѣмъ не таковъ; впрочемъ я сердечно радъ съ нею познакомиться; мнѣ кажется даже, что она слишкомъ долго медлила своимъ прїѣздомъ.

Прошла недѣля, и *Валеріанъ* все чаще и чаще повторялъ это. Наконецъ въ одно утро его разбудилъ громкій хохотъ, послышавшійся изъ сада. Сначала онъ опличилъ голосъ своего друга; потомъ другой, чистый и звонкій голосокъ, которымъ могла говорить только молодая дѣвушка. Онъ потчасъ вскочилъ съ постели, съ любопытствомъ бросился къ окну и спалъ такимъ образомъ, чтобы видѣть все, не будучи самому замѣченнымъ.

Что же онъ увидѣлъ? Прекрасные темные волосы и большіе черные глаза! *Это она!* сказалъ себѣ *Валеріанъ*, съ спраннымъ волненіемъ. — Молчи, шалунья, говорилъ ей братъ ея; ты разбудишь моего прїятеля. Бѣдный! онъ не спалъ во всю ночь. Не знаю, что съ нимъ дѣлается; но онъ съ каждымъ днемъ спановишя все грустнѣе и задумчивѣе. — «Право? такъ по этому пвого друга можно назвать ходячею мелодрамою.» — Увы! къ сожалѣнію такъ. Вопшь что значить писать стихи, элегіи, спансы, и мало ли еще какого вздора!... Вмѣсто того, чтобы съ охотничьимъ ружьемъ на плечѣ... — «Пусть зайцевъ, не правда ли? Такъ другъ пвой пишетъ элегіи?» — Самыя плаксивыя, самыя сентиментальныя, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, потому что мнѣ доводилось

слышать только одни заглавія, и при первомъ стихѣ я всегда искалъ спасенія въ бѣгствѣ. — «О нѣтъ! я чувствую въ себѣ горадо больше твердости... я готова буду выслушать все до конца, но для того только, чтобы заспавить его расхохотаться въ самомъ прогашельномъ мѣстѣ его элегіи.» — Это невозможно. — «Увидимъ.» — Берегись; напропивъ, чтобы онъ не заспавилъ тебя плакашь. — «Врядъ ли ему удастся это сдѣлать; а въ такомъ случаѣ, это было бы въ первый разъ.» — Г-мъ! *Валеріану* суждено можетъ быть... — «Что такое?» — Такъ ничего; оспавимъ этошь разговоръ... — «Смотри же, не забудь попросить его прочесть намъ свою элегію.»

Тутъ *Валеріанъ*, который, стоя у своего окна, попеременно блѣднѣлъ и краснѣлъ, по какому-то безоптченному чувству, увидѣлъ, какъ она побѣжала и исчезла между деревьями съ легкостью и прелестью одной изъ пѣхъ *Сильфидъ*, которыми его воображеніе любило населять окрестныя рощи.

Смотри пожалуй, говорилъ онъ одѣваясь, какой заговоръ пропивъ моей задумчивости! Но этому не бывашъ! Напропивъ, я заспавлю её плакашь... Она будетъ опъ этого въ тысячу разъ милѣ!... Въ самомъ дѣлѣ, какъ жаль, что у неё не голубые глазки, нѣжныя голубые глазки; но, что нужды! я заспавлю ихъ плакашь, и когда они заблещутъ свѣтлыми, перловыми слезами, то вѣрно будутъ не хуже глазъ самаго чистаго небснаго цвѣта.

День прошелъ точно такъ, какъ проходилъ онъ для двухъ непріятельскихъ армій, которыя взаимно наблюдаютъ другъ за другомъ, прежде чѣмъ доидетъ до рѣшительнаго сраженія. *Валеріанъ* часто повторилъ, однако же: какъ жаль, что она такая рѣвая! — Не спану увѣрять, чтобы и *Наденька*, съ своей стороны, не говорила по временамъ: какъ жаль, что онъ такой хандра! — Не спану, потому что *Валеріанъ* былъ очень хорошь собою.

Что касается до брата *Наденьки*, то онъ наблюдалъ за ними обоими попеременно, и въ этошь день не думалъ болѣе о своемъ

охотничьемъ ружьѣ. Вѣроятно, какая нибудь важная мысль занимала его. Больше я ничего не въ состояніи сказать вамъ.

Въ потѣ же вечеръ, по данному *Надень-ко* знаку, пріятель *Валеріана* попросилъ его прочесть имъ послѣднюю свою элегію. *Валеріанъ* изумился этой просьбѣ, но, какъ сочинителю и стихотворцу; это изумленіе было ему очень пріятно.—«Мою послѣднюю элегію? отвѣчалъ онъ: она не кончена; я началъ еѣ только сегодня упрямъ...»—Тѣмъ лучше... по крайней мѣрѣ она будетъ имѣть достоинство новости;—вскричала *Наденька*, которая смѣялась заранѣе, хотя и не такъ числосердечно, какъ смѣялась она въ другое время.—Въ ней будетъ еще другое достоинство, подумалъ *Валеріанъ*: то, что она совершенно согласна съ обстоятель-ствами.

Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, было ли какое таинственное соотношеніе между избран-нымъ предметомъ и взаимными чувствованіями *Валеріана* и *Наденьки*, но съ каждымъ стихомъ она становилась грустнѣе и грустнѣе; веселость слетѣла съ ея лица. Тщепно спаралась она скрыть возрасшающее вол-неніе; улыбка поспешенно оспавляла пре-десныя уста ея, какъ поспешенно уга-саетъ день. Наконецъ... Повѣрите ли?... слеза... слеза крупная, свѣтлая, алмазная, выкапилась изъ черныхъ глазъ молодой вер-пушки.—*Валеріану* только этого и хотѣ-лось; могъ ли онъ еще сомнѣваться въ ея чувствительности?—«Простите меня, суда-рыня, сказалъ онъ, я въ опчаяніи, что такъ распротгалъ васъ...»—Вы ошибаетесь, под-хватила *Наденька*; я плачу, да-съ, это прав-да, я плачу... но плачу отъ досады, что такъ долго слушала васъ безъ смѣха.—

N. N.

ПОНЯТІЯ ИЗДАТЕЛЯ МОСК. ТЕЛЕГРАФА О СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Вопъ собственныя слова его (№ 2, стрн. 138, 1827, М. Т.): «Повторимъ здѣсь-то, что

говорили уже мы лѣтъ за нѣсколько (въ 1823). До тѣхъ поръ не будетъ у насъ по-ложено прочныхъ основаній Русской грам-маки, пока мы не узнаемъ коренныхъ основаній древняго Славянскаго языка (1), а его не узнаемъ намъ изъ книгъ, писанныхъ на церковномъ или книжномъ языкѣ, ко-пый введенъ былъ въ переводъ св. Писанія Греческими проповѣдниками (2), потомъ за-ключенъ въ грамматическія рамки *Слотриц-киль*, и который теперь выдаюмъ намъ за настоящій древній Славянскій языкъ аббата *Добровскій* и его послѣдователи (3). Если мы, для составленія коренныхъ правилъ, по одному словечку переберемъ *Остролирово* Евангеліе, если напишемъ грамматику еще огромнѣе грамматики *Добровскаго*, зданіе на-ше все будетъ шапкою и построено на пескѣ. Не въ книжномъ языкѣ, который *созданы Кирилломъ и Меодіемъ* (4), заключающія для насъ основные законы кореннаго Сла-вянскаго языка; но въ древнѣйшихъ народ-ныхъ памятникахъ (5), которыхъ недоста-токъ можетъ подкрѣпить ученое соображе-ніе нынѣшнихъ опраслей языка Славянскаго, по еспъ языковъ: Сербскаго, Богемскаго, Польскаго, и проч.

(1) Это прудненько!

(2) и (3) Объ эптомъ глубокой знаюкъ Русскихъ древностей и Славянскаго языка, М. П. *Погодинъ*, говоритъ гораздо основательнѣе, что *Кириллъ* и *Меодій*, живя между Словенами, знали не одинъ только слова, но языкъ въ формахъ, въ употребленіи; слѣдовательно имъ не нужно было *изобрѣтати* новаго, неслыханнаго языка. Они изобрѣтали только такія формы, какихъ не доставало въ языкѣ Словенскомъ, для выраженія мыслей подлин-ника, и въ такихъ только случаяхъ прибѣгали они къ Греческому синтаксису.—Формы же, бывшія въ языкѣ, употреблены ими: такъ—въ Словенскомъ оспавался да-тельный, самостоятельный, вмѣсто Греческаго роди-тельного; такъ—въ Новомъ Заветѣ являлся вездѣ чи-сло двойственное, между тѣмъ, какъ въ Греческомъ нѣтъ его. Число падежей въ Словенскомъ не по, что въ Греческомъ.

Вопъ, это пояснѣе и пополюковитѣ выпренихъ взглядовъ издателя Моск. Телеграфа.

(4) *Добровскій* нигдѣ не говоритъ шаго.

(5) Не существующихъ.

НЕЛЪПАЯ СИСТЕМА ЛАМАРКА О ЖИВОТНЫХЪ И ЧЕЛОВѢКѢ.

Журналистъ, сидя въ своемъ *тайникѣ* (кабинетѣ), съ раскидныхъ, эластическихъ покойныхъ кресель смотритъ на всю область человечества и рассказываетъ чашапелямъ, что люди дѣлаютъ, говорятъ и мыслятъ въ свѣтѣ. Если бы онъ писалъ только о хорошемъ, умномъ, полезномъ: по лиспы его не всегда бы могли выходить въ назначенный срокъ и онъ скоро бы очутился, какъ ракъ на мелѣ, какъ копь въ морѣ. Благодаря судьбѣ, мы богаты предметами; ибо имѣемъ привилегію посмѣиваться надъ всѣмъ дурнымъ, подшучивать надъ всякой уродливостью и неуклюжестью, указывать пальцемъ на всякое дурачество, на каждую безполковщину. Нелѣпости же, какъ извѣстно, бываютъ нерѣдко любопытнѣе самой истины!

Такова теорія Французскаго естествоиспытателя *Ламарка* о происхожденіи животныхъ. Она до того удивительна, что могла бы служить приличнымъ эпизодомъ въ какомъ нибудь романѣ историческомъ, или нравственно-санитарическомъ.

Авторъ увѣряетъ, что если двумъ новорожденнымъ младенцамъ разнаго пола завязать лѣвой глазъ на всю жизнь, и мальчика женишь на дѣвочкѣ; если дѣти и попомки ихъ, также съ завязаннымъ лѣвымъ глазомъ, будутъ только между собою соединяться бракомъ, то въ печеніе временъ лѣвой глазъ исчезнетъ, а правой, безъ сомнѣнія, перейдетъ на другое мѣсто!!!

Вѣроятно, что онъ передвинется на среднюю лба: съдѣственно, Циклопы воскреснуть!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРИНКА У ШЛЯХТИЧА.

(Изъ походныхъ воспоминаній).

По взятіи Варны, мы возвратились въ Польшу. Ротъ, въ которой я служилъ, назначено было квартировать въ сорока верстахъ отъ штаба полка, въ помѣсть гр.

П***. У вѣзда въ село встрѣтили насъ квартиргеры.

«Какова моя квартира?» спросилъ я унтеръ-офицера.

— Первая послѣ капитанской, ваше благородіе. Конюшня на чепыре стойла, изба для деньщиковъ особая, а хозяйка, женщина добрая и услужливая.—

Унтеръ-офицеръ сказалъ правду. Свѣтлая и теплая изба показала мнѣ раемъ послѣ лагерной и бивачной жизни. Отдавъ приказъ деньщику никого ко мнѣ не впускать, прилежъ я отдохнулъ, съ пріятною мыслию, что проведу въ Польшѣ наступавшую зиму не скучно—въ Польшѣ, которая, по общимъ рассказамъ старыхъ служивыхъ, издавна славилась своимъ радушнымъ гостепріимствомъ, красотою женщинъ и непринужденнымъ ихъ обращеніемъ, особенно съ нами военными. Мечты роились въ головѣ моей, но были прерваны появленіемъ высокаго, худощаваго человѣка, въ поношеномъ фракѣ.

— Падамъ до ногъ пана поручика, — сказалъ онъ, коснувшись моего колѣна: дзисля оженимсъ и бардзо проше ясневельможнаго пана на веселѣ.—

Не смотря на мою усталость съ дороги, я охотно согласился на приглашеніе пана *К—го*; такъ звали эпаго шляхпича.— Въ условенное время, я, вмѣстѣ съ поварами, отправился къ нему: онъ жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры.

Панъ *К—ло* (песць *К—го*), старикъ бодрый, съ длинными сѣдыми усами; въ суконномъ кунпушѣ табачнаго (*) цвѣта, встрѣтивъ насъ на крыльцѣ, промучилъ съ полчасца, сначала рекомендабельною, а послѣ благодарственной рѣчью; между тѣмъ, зяпъ его цѣловалъ по очереди каждого изъ насъ въ плечо. По окончаніи эпихъ нѣжностей, хозяева, съ низкими поклонами, проводили

(*) Такъ называютъ въ Польшѣ темнокоричневый цвѣтъ. *Примк. Сол.*

насъ въ залу, которую я окинулъ любопытнымъ взглядомъ, желая—хотя немного—ознакомиться съ домашнимъ бытомъ шляхтичей.

Трудно было догадаться, что эта высокая и обширная комната была некогда выблена: рука времени и потоки дождя, пропекавшего, по видимому, сквозь ветхую кровлю, испеприли стѣны въ некоторыхъ мѣстахъ подъ мраморъ.—Портреты: хозяина въ его молодости, облеченнаго въ мундиръ народной Польской кавалеріи, и покойной его сожигельницы; нѣсколько эстамповъ, изображавшихъ плачевныя сцены изъ *Матильды*,—извѣстнаго романа г-жи *Коттенъ*, висѣли на стѣнахъ. Оконницы, залѣпленныя исписанною бумагою вмѣсто ублѣтыхъ спеколь, разношерстная мебель, собранная, вѣроятно, со всего окологка, и оплавившійся уголь зеленой изразцовой печи,—представлялись взорамъ наблюдателя, какъ безмолвныя развалины, свидѣтели прежняго величія пана *К—лы*.

Въ послѣдствіи узналъ я, что нашъ хозяинъ прежде жилъ не такъ: проклятые процессы поставили въ его домѣ все вверхъ дномъ. Сшѣло только сравнить богатый мундиръ, въ которомъ панъ *К—ло* былъ изображенъ на портретѣ, съ поперешнимъ его изношеннымъ куншумомъ, чтобы догадаться о прежнемъ его—несравненно лучшемъ—жизнѣ-бытѣ.

Въ этой залѣ нашли мы болѣе двадцати особъ обоего пола, и подверглись прежней церемоніальной встрѣчѣ; ибо многочисленная родня пана *К—лы* почтала обязанностью приложитъ уста свои къ плечу каждаго изъ насъ. Дамы же, при входѣ нашемъ, сдѣлавъ книксенъ, оспавались въ семь затруднительномъ положеніи до прекращенія лобызаній, и потомъ снова усѣлись около стѣнки. Меня весьма удивило, что некоторые дамы, не смотря на ужасный жаръ въ комнатахъ, были на свадебномъ пиру въ капотахъ, обложенныхъ лисьимъ и заячьимъ мехомъ. Нѣсколько недорослей изъ шляхтичей пѣснились у нечи, и какъ будто боялись опдѣлиться одинъ отъ другаго; а по-

жилые, какъ водится и въ большомъ свѣтѣ, сдѣлали за карточными столами. Иные играли въ цвикъ (*); другіе полпились около почтеннаго старичка, который дѣлалъ два цѣлковыхъ банку. О всемогущія карты! подумалъ я: вездѣ имѣете вы одинакую власть свою, начиная съ раззолоченной госпоиной вельможи, до скромнаго домика какогонибудь шляхтича.

Вечернее угощеніе началось пѣмъ, что спали разноситъ дамамъ гербату (чай), а мужчинамъ пуншъ, и послѣ нѣсколькихъ стакановъ, гостей, развеселившись, заплѣли танцы. Въ Польшѣ отъ дамъ и мужчинъ средняго состоянія, кромѣ мазурки, не спрашиваютъ другихъ танцевъ. За то здѣсь и дѣти прекрасны въ своей національной пляскѣ.—Молодая чета открыла балъ мазуркой; другія пары составляли: панъ комисаръ, панъ экономъ и панъ Пленипоментъ владѣтеля сей деревни. Одно удивило насъ: танцующіе спали въ кругъ, а музыки не было; но этому горю пособили двѣ почтенныя спарушки, запланувъ дрожащими голосами любимую тамошнюю пѣсню:

«Чего-съ очки заплакала?
Коханечко моя мида!
Чы цѣ мама подала?
Чы-съ овечько погубила?
Ой не-по, по-по, ой не-по, по-по:
Цо мнѣ неспокойно чыни. (2 раза).

*

«Може ци пежь голова боли,
Жемъ танцовать съ тобою сила?
Аде самась пему вина—
Самась мнѣ опо просила.
Ой не-по... и ш. д.

*

«Може ци пежь опо ходзи (**),
Жемъ съ карольцей граць въ зелѣне (***)

(*) Любимая карточная игра шляхтичей. *Примѣ. Соц.*

(**) Можетъ быть себя по беспокоитъ.

(***) Игра, состоящая въ слѣдующемъ: нѣсколько особъ уговариваются имѣть при себѣ на определенное время какую либо вещь зеленого цвѣта. Не исполнившій уговора платитъ фантъ. *Примѣ. Соц.*

А жемь закладу нѣ выграть —

Далемъ тѣ руже червоне?

О пы-жь шо-по, о пы-жь шо-по:

Цо мнѣ неспокойно чыни. (2 раза).

*

«А кѣды ци ото ходзи,

Жемь съ карольцѣ грать въ зелѣне,

Пуйде вшистко тѣ оповѣмъ —

Одбѣре руже червоне.

Ой пы-жь шо-по, о пы-жь шо-по:

Цо мнѣ спокойно учыни. (2 раза).

И эта пѣсня произвела на все собраніе поже дѣйствіе, какъ свирѣль Орфеева надъ камнями; даже сѣдовдасые спарикки, бросивъ каршы, пустились въ мазурку, стараясь — по мѣрѣ силъ своихъ — выдѣлывать прудные скачки. Однакожъ, при прешей фигурѣ, успалыя спарушки никакъ не могли вывести высокихъ нотъ, и онѣ вѣрно были бы въ самомъ запруднительномъ положеніи, если-бъ одинъ пожилой мущина не подоспѣлъ къ нимъ на помощь съ своимъ рѣзкимъ фи-спульнымъ голосомъ, копорымъ онъ — вѣроятно желая блеснуть передъ нами — началъ выводитъ такія прудныя варіаціи, что вся танцующая компанія, сбившись съ такта, вынуждена была прекратитъ мазурку, къ большой досадѣ услужливаго пѣвца.

На другой день, лишь только я вспалъ съ постели, явилась ко мнѣ моя хозяйка. Она, (какъ и всѣ женщины, не во гнѣвъ имъ будъ сказано) была очень словоохотлива и любила (разумѣется, невиннымъ образомъ) злословитъ своихъ сосѣдей и знакомыхъ. Менѣе, нежели въ четверть часа, я не только получилъ полное понятіе о всѣхъ Посессорахъ, живущихъ въ сей деревнѣ, (копорые называютъ себя панами Посессорами попому только, что нанимаютъ у помѣщика лоскутокъ земли для дневнаго пропитанія), но узналъ даже всѣ ихъ домашнія тайны. Дѣло дошло и до пана К—го, у котораго я вчера провалъ на свашьбѣ. Я услышалъ объ его женишбѣ цѣлый романъ, который постараюсь передать вамъ въ короткихъ словахъ. — У пана К—мы двѣ дочери: старшая ужъ въ лѣтахъ и дурна собою, а меньшая

17 лѣтъ и хороша, какъ роза. Въ *Эмилию* (имя меньшей дочери) влюбился панъ К—ий. Узнавъ, что и она любитъ его взаимно, онъ рѣшился проситъ у пана К—мы руки ея; но въ Польшѣ такой обычай (разумѣется, между среднимъ и низшимъ сословіемъ): кто имѣетъ двухъ или болѣе дочерей, по меньшую ни за что не выдадутъ прежде старшей, и даже нѣкоторымъ образомъ щипается за обиду для семейства свашаться къ меньшей дочери прежде старшей! — Панъ К—ло, выслушавъ предложеніе К—го, скрылъ свою досаду и поднялся на хипрость: онъ притворился согласнымъ и назначилъ день свашьбы черезъ двѣ недѣли. По испеченіи условленнаго срока, неперпѣливый женихъ пріѣхалъ къ будущему своему тещю, котораго домъ наполненъ уже былъ всею его роднею и гостями. Но каково было удивленіе жениха, когда панъ К—ло, подведя къ нему старшую свою дочь, одѣшую, какъ новобрачная, сказала: вотъ твоя жена — благословляю васъ, дѣти мои!

Бѣдный панъ К—ий въ эту крипическую минушу съ замѣшательствомъ опсочилъ назадъ, и едва могъ промолвитъ, — озираясь кругомъ, какъ будто опыскивая глазами *Эмилию*, — что онъ свашался къ меньшей, а не къ старшей.

«Какъ къ меньшей!» закричалъ грознымъ голосомъ панъ К—ло: «вѣдъ ты прежде свашался къ старшей моей дочери? да и какъ ты осмѣлился подуматъ, чтобы я согласился отдатъ когда либо свою *Эмильку* прежде сестры ея, *Бригиды*! Сей же часъ спускай къ вѣнцу, а не по ты дорого заплатишь мнѣ за обиду.»

Женихъ былъ не изъ храбрыхъ и не очень разборчивый, къ тому-жъ сирота и заступился за него было некому. Панъ К—ий готовъ уже былъ рѣшиться на бракъ. Уже торжественно вели его сажатъ въ длинную, плетеную Бердичевскую бричку, которая подвезена была къ крыльцу. Пленпоментъ, зная спросъ своихъ соопчичей къ плябамъ, и полагая вывести изъ сего случая свои выгоды, — въ эми крипическія минушы дѣйствовалъ самымъ хипрымъ образомъ: опца убѣждалъ онъ не сноситъ эпаго безчестія,

а жениху шепнулъ на ухо, что если вздумается ему завести процессъ съ песнемъ за сию принужденную женихъбу, то онъ радъ служить ему своею юриспруденціею. Но въ это время раздались громкіе вопли *Эмилии*. Она бросилась передъ опцемъ на колѣни и со слезами умоляла его: «Тяпко! опдай мнѣ моего коханка;»—указывая на пана *К—го*.

Не знаю, жалобныя ли вопли дочери, или увѣщанія ксенза, поколебали твердую рѣшимость пана *К—льи*, или, бытъ можетъ, воспоминанія о небольшой суммѣ (5 п. злопыхъ), которую онъ задолжалъ по векселю еще отцу *К—го*, и о всѣхъ своихъ неудачныхъ процессахъ, раззорившихъ его въ пухъ, по милости господъ *Пленипопенцовъ*;—но знаю только, что онъ наконецъ пронудся просьбами дочери, и, вопреки *Польскому* обычаю, далъ свое благословеніе влюбленнымъ, къ невыразимой ихъ радости.

Не думайте, чтобъ мы плапили вмѣсто благодарности насмѣшками за ваше госпепримство, — любезные хозяева! Напропивъ, мы никогда не забудемъ радушнаго пріема, который намъ оказывали вы отъ искренняго сердца. Но смѣшное, даже и во своасъ, заспавивъ меня посмѣяпсья.

Н. Л—тъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВА.

О, дай мнѣ, Боже! равнодушіе,
И вѣчный хладъ,
Чтобъ сихъ людей сносишь бездушіе
Спраспей ихъ адъ!

*

Твоя земля полна ловишвами
И шумомъ ссоръ;
И кляпвы смѣшаны съ молитвами:
Все въ общій споръ!

*

Но я Тобою ограждаюся,
Въ Твою любовь
Больной, гонимый я кидаяся:
Будь мой покровъ!

Ө. Глипка.

ПАСТУХЪ.

(Истинное происшествіе 25 Августа 1831.)

Близъ горныхъ минъ рѣки *Славянки*,
Вверхъ за *Рыбацкой* слободой,
На муравой двѣпшой лужайкѣ —
Пасъ спадо паспушокъ молодой!
Спорожевой его глазъ зоркой,
Весь день не спалъ и не дремалъ,
Любовь и радости въ рогъ звонкой
Паспухъ игралъ и припѣвалъ;
Звукъ по долинь раздавался,
Сердца прохожихъ веселилъ;
То на свирѣли забавлялся,
Красавиць на лужокъ манилъ,
Гдѣ собирались хороводы.
Пѣвецъ любви и природы
Печали, чѣрныхъ дней не зналъ;
На спадо волкъ не нападамъ,
Овечки прыгали, пучпѣли!
Такъ дни веселые летѣли.
Но вошь что спалося надъ нимъ:
Когда все спадо опдыхало,
Густое облако какъ дымъ
Съ грозой поляну покрывало;
Тупъ вихрь изъ тучи закрупиль,
Береговой песокъ всклубился,
На рѣчкѣ воду замупиль!
Паспухъ въ шелапикъ приопился.
Вдругъ съ молніей ударилъ громъ,
И прупяной зелѣный домъ —
Покрыпый мглою, задымился!
Завылъ копая землю пѣсъ!—
Бѣжишь пугливыхъ спалъ козь,
Бѣгушь коровы и овечки,
Мычашъ, блѣюпъ у ппихой рѣчки,
Траву не щиплютъ съ бережка,
Какъ будто ищупъ паспушка.

Его спада осиротѣли. —
И съ той поры замолкъ рожокъ,
Не слышно голоса свирѣли,
Грустящъ пригорки и лужокъ.

О. Слупушкинъ

E N I G M E.

Je suis, lecteur, un certain être
Assez difficile à connaître,
Pour me loger en ton cerveau,
Je doute que tu trouves place:
J'appartiens à plus d'une classe,
Je suis plante, cheville, oiseau;
Je suis corde de nom, de fait je suis boyau;
Plante, je n'ai point de racine;
Oiseau, je suis sans origine
Qu'on puisse spécialement
Classer dans un plutôt que dans un autre rang.
Corde ou boyau, je suis faible, exigüe,
Mais en concert ma voix a le plus d'étendue.

Въ No 29, помѣщенная шарада значить: *Тюльпанъ*.

M O D E S.

De jolies cravattes du matin sont en pou de soie brodé de soie plate: une jolie disposition qui fut remarquée ces jours derniers aux Tuilleries, était une pointe en pou de soie, vert-pistache, semé de pois en soie plate, de toutes couleurs.

Ces broderies peuvent être en soie noire ou blanche sur fond de couleur tendre.

Des écharpes venant de l'Inde sont en mousseline brodée de soie plate; une des plus jolies que nous ayons vues était en mousseline bleu foncé, presque noir, et brodée d'arabesques en soie plate, jaune d'or, ombrés comme l'or, par les différentes nuances de la soie.

Il serait facile d'imiter ces écharpes en faisant teindre avec grand soin des mousselines de l'Inde et les faisant broder ensuite.

Une autre en mousseline rose, brodée de petites palmes cachemire, était portée en turban avec une robe de velours noir à une grande soirée très-parée, où elle produisit grand effet.

Les roses chinoises de Batton sont de nouvelles fleurs étranges, d'un aspect tout-à-fait-original. Ces roses sont de vraies merveilles dans un temps où le grand talent est d'imiter ou rappeler les œuvres imparfaites de nos devanciers ou des nations éloignées.

M O Д Ы.

Красивые упреніе галспучки изъ pou de soie, вышиные несученымъ шелкомъ, красивымъ образомъ сдѣланные, замѣчены были на эшихъ дилхъ въ Тюльерійскомъ саду. Косыночка изъ pou de soie, фиспашковаго зелѣнаго цвѣта, усыяна горошкомъ всѣхъ цвѣтовъ, вышинымъ несученымъ шелкомъ.

Для эсихъ вышиваній можно употреблять черный и бѣлый шелкъ по группу нѣжнаго цвѣта.

Шарфы, привезенные изъ Индіи, кисейные, вышиные несученымъ шелкомъ; самый красивый, какой мы видѣли, былъ пѣмно-синій, почти черный, вышины арабесками несученымъ шелкомъ, золотого цвѣта, оппѣненнымъ, какъ золото, разными пѣнями шелка.

Легко бы было подражать эшимъ шарфамъ, окрашивая съ большимъ пщаніемъ Индѣйскія кисей и потомъ вышивая ихъ.

Другой розовый кисейный, вышины мелкими Турецкими пальмами, надѣны былъ пюрбаномъ, съ чернымъ бархатнымъ плащемъ, на большомъ весьма нарядномъ вечерѣ, что сослѣвило прекрасной видѣ.

Кипайскія розы г-на *Batton*, новыя, весьма справные цвѣты, совсѣмъ необыкновеннаго вида. Эпи розы наспоящее чудо въ то время, когда великимъ палаптомъ почищается подражать или напоминать о несовершенныхъ пвореніяхъ нашихъ предшеспвенниковъ, или опдаленныхъ народовъ.

При семь номерѣ приглагаются: *Оглавленіе тринадцатой части, или первой 1834 года, и заглавный листъ ко второй части сего же года, Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Иивалиду.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 31.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 18 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Что новаго покажешь мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будешь два.
Топъ сватахся—успѣлъ, а топъ далъ промахъ.
Все топъ же топъ и пѣ-жь спихи въ альбомахъ.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОКО ЗА ОКО, ЗУБЪ ЗА ЗУБЪ, НАСМѢШКА
ЗА НАСМѢШКУ.

Бываютъ люди, которые не могутъ открытъ рта, чтобъ не оскорбить кого либо въ обществѣ язвительною насмѣшкою; спрасъ забавляться на чужой шептъ, превращается у нихъ въ привычку. Соглашаюсь, что люди, надъ которыми издѣваются, сами подають часто своими спранныспями къ тому поводу. На свою бѣду, оспряки часто пускають спрѣлы свои слишкомъ далеко, совсѣмъ не думая, что завтра сами будутъ служить въ свою очередь орудіемъ смѣха. Обыкновеннымъ слѣдствіемъ сего бываетъ то, что испытавшіе колкость насмѣшника, наскучивъ наконецъ непрерывными сарказмами, соединяются и общими силами нападаютъ на своего оскорбителя. Онъ поспушитъ весьма благоразумно, если опспоронится, хотя бы то было ему не по сердцу.

Въ одномъ изъ клубовъ города Д... собирались обыкновенно по вечерамъ члены она-

го, которыхъ одинаковой образъ мыслей, продолжительное, частное свиданіе, нѣкоторымъ образомъ сблизило. Одинъ изъ вновь принятыхъ членовъ, человекъ довольно богатый, игрою ума упѣшалъ общество. Его полюбили; онъ меткими, хотя иногда и обидными остропами, сдѣлался душою своихъ собесѣдниковъ. Увлечшись громкими ихъ похвалами, онъ непримѣтно привыкъ къ насмѣшкамъ, сначала легкимъ, въ послѣдствіи же превратившимся въ насмѣшное ругательство, и нерѣдко на почтеннѣйшихъ изъ сочленовъ. Такая дерзость, весьма естественно произвела всеобщее негодованіе, и поварищи сатирика начали приписывать средство пристыдить его и принудить оставить ихъ общество. Случай къ тому скоро представился: положено было имъ воспользоваться.

Однажды общество собралось вечеромъ позже обыкновеннаго, и члены другъ передъ другомъ спарались подавать поводу оспрякуру распочать свои эпиграммы. Общій смѣхъ повсюду раздавался. Какое поржество для нашего героя!—Уже было поздно, однакожъ

никто не думалъ отпрапляясь домой. Пуншъ и вина были непрерывно разносимы; играли на биліардѣ, шутили, забавлялись, чинами газетъ, такъ, что оспрякъ нашъ, упоенный удовольствіемъ и виномъ, задремалъ, и наконецъ заснулъ. Сего только и ожидали. Спавни уже давно были запворены.—Погасили всѣ лампы и свѣчи. Споръ съ маркеромъ долженъсповалъ разбудить спящаго и служить знакомъ къ началію наступательныхъ дѣйствій. Каждый членъ въ потьмахъ принялся за свою ролю: въ одномъ мѣстѣ разговаривали, шутили, въ другомъ играли въ пикетъ, щипая громко взятки и онѣры; иной заботился о лампахъ, пребуя, чтобы слуги убавили лишкомъ яркій свѣтъ ихъ. Сосѣдъ, сидѣвшій возлѣ заснуващаго, чиналъ газетъ, выученныя имъ наизусть, и такимъ образомъ каждый гость занимался такимъ дѣломъ, при производствѣ котораго непременно нуженъ былъ свѣтъ.— Пробужденный оспрякъ слышнпъ знакомые ему голоса, но ничего не виднпъ; вслушивается въ разговоры, прошираетъ глаза, но мракъ окружаетъ его; наконецъ мысль, что онъ внезапно лишился зрѣнія, поражаетъ его. «Бога ради! перестаньте чинать газетъ,» сказалъ онъ жалоспнымъ голосомъ, проширая глаза: «я ослѣпъ, совершенно ослѣпъ!»

«Какъ! вы ослѣпли?» вскричали вдругъ всѣ со смѣхомъ.

— Спара шупіка!—сказалъ одинъ изъ играющихъ въ пикетъ: подише домой, да выспитесь!—«Увы! какъ могу я иппи одинъ: я и руки своей не вижу.»

«Поставьте свѣчи къ нему поближе, разшевелите его, чпобъ онъ проснулъ.» Подвигая подсвѣчники, на сподъ стоявшіе, слуги сильно потрясали насмѣшника.

— Напрасно вы трудитесь!—вскричалъ онъ унылымъ голосомъ: я дѣйствительно ослѣпъ! *Иванъ! Иванъ!* сведи меня домой, и потчасъ бѣги за докторомъ.—

Но вдругъ все утихло. — Всѣ удалились, оставя его одного. — Внезапно отворяется дверь, напропивъ его находлялся, и въ ней

показалась слѣдующая прозрачная надпись: *Наказанному насмѣшнику общество вознаграждаетъ зрѣніе.* Громкій хохотъ раздался въ сосѣдней комнатѣ. Приспыженный сапирикъ схватилъ шляпу, немедленно удался, и болѣе не показывался уже въ семь обществъ.

БОНАПАРТЬ ОБЯЗАНЪ САПОГАМЪ ЗА СВОЕ ВОЗВЫШЕНІЕ.

A propos de bottes случается многое. A propos de bottes *Наполеонъ* сдѣлался Императоромъ!...

Это можетъ показаться слишкомъ странно, однако сущая правда. Прошу выслушать двѣ слѣдующія повѣсти; первая недлинна.

Всѣмъ извѣстно—а кто не знаетъ, тому я скажу—что *Наполеонъ*, вскорѣ послѣ того, какъ опличился при Тулонѣ, впалъ въ немилость у членовъ конвента: Пипомецъ школы Бріенской, обиженный невниманіемъ, которое изъвляли къ заслугамъ, оказаннымъ опъ него республикѣ, вознегодовалъ на ея правителей: Онъ хотѣлъ выѣхать изъ Франціи, и обратился къ президенту военнаго совѣща, гражданину *Понтекулану*, съ пребованіемъ, чпобы ему-дозволено было отправиться въ Конспаншинополь, поелику Султанъ приговлялся тогда къ войнѣ съ Россіей и Авспріей.

Наполеонъ былъ вспылчивъ!

Между тѣмъ народному представителю *Фрерону* удалось смягчить справедливое негодованіе юнаго капитана, доставленіемъ ему команды надъ артиллеріей при западной арміи, къ коей онъ долженъ былъ отправиться по испеченіи двухъ мѣсяцовъ. Это случилось 26-го Фруктидора; слѣдственно, ⁴ Вандемьера *Наполеону* надлежало выѣхать изъ Парижа.

Отъѣздъ его былъ замедленъ довольно страннымъ обстоятельствомъ.

Какъ скоро узналъ онъ объ опредѣленіи своемъ, то немедленно занялся приготовленіемъ нужнаго по своему новому чину плащя. Между прочимъ велѣлъ сдѣлать сѣрый сюрпукъ и заказалъ сапоги сапожнику, коего вывѣска, еще въ 1815 году, существовала на площади Дворца-Правосудія (Palais de Justice).

Вечеромъ, на канунъ отъѣзда его, сапожникъ принесъ сапоги; они были очень хороши; ихъ было четыре пары, двѣ à la *Suворовъ*, узкія, съ оспрыми носками; двѣ другія съ длинными голенищами à oreilles de chien.

У *Наполеона* не было денегъ; съ самаго возвращенія своего изъ Тулона, онъ жилъ, пилъ, ѣлъ и одѣвался въ долгъ. Это не скрыло имъ самимъ въ меморіалѣ, писанномъ на оспровѣ святыня Елены. *Наполеонъ* хотѣлъ дать сапожнику билетъ на военный компетъ; но сапожникъ не согласился и взялъ обратно сапоги. Такимъ образомъ повый командиръ артиллеріи принужденъ былъ оплошпш отъѣздъ свой на нѣсколько дней, дабы, въ печеніе сего времени запаснись обувью.

Въ продолженіе сей отсрочки пригото- вилась революція тринадцатаго Бандемъера; *Баррасъ*, тайной записочкой далъ знать *Наполеону*, чптобы онъ не уѣзжалъ.

Извѣстно, на что употребилъ его *Баррасъ* въ сей достопамятннй день; извѣстны слѣдствія сего, извѣстно и то, какъ *Наполеонъ* воспользовался сею благосклонностію жребія, вручившею ему бразды правленія. . . Отъ того нѣ, которые знаютъ сей анекдотъ, говорили, что *Бонапартъ* сдѣлался Императоромъ à propos de bottes.

N. N.

ТЯГОСТНОЕ НАСЛѢДСТВО.

Въ 1776-мъ году умеръ въ Лондонѣ одинъ человекъ, наивышій торговею до 60,000 фунтовъ стерлинговъ (около двухъ миліоновъ рублей). Онъ оставилъ по себѣ един-

ственнымъ наследникомъ двоюроднаго своего брата, съ роду ничѣмъ не торговавшего, на слѣдующемъ спраннымъ условіи: чптобы онъ каждый день приходилъ на биржу, и оставался тамъ опъ двухъ часовъ по полудни до трехъ. Ни дурная погода, ни собсвенныя дѣла не могли уволить его отъ сей обязанности; одна только болѣзнь избавляла его отъ опой. Безъ сего послѣдняго обстоятельства, доказаннаго законнымъ порядкомъ, онъ терялъ за неисполненіе условія все наследство своего родственника. Если-бъ онъ одинъ только день не явился на биржу: то другія поименованныя въ завѣщаніи лица имѣли право вступитъ во владѣніе наследствомъ. Добрый покойникъ хотѣлъ нѣмъ изъявить благодарность свою биржѣ, гдѣ накопилъ все свое богатство. Но это богатство покойника сдѣлало рабомъ живаго его наследника. Только по Воскресеньямъ могъ онъ оплучаться изъ Лондона: ибо по праздникамъ заперта биржа. Наследникъ жестоко досадовалъ на такое самоуправное распоряженіе завѣщателя: ему должно было съ крайнею оспорожностью располагать своимъ временемъ, приѣмомъ гостей и посещеніями. Онъ жилъ въ западной части Лондона, т. е. за три Англійскихъ милн (почти 5 верстѣ) отъ биржи. Просидѣвъ тамъ часъ, и не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, онъ садился въ свой экипажъ и уѣзжалъ домой. Люди, уполномоченные къ полученію по немъ наследства, весьма строго наблюдали за его исправностію и нанимали другихъ за ннмъ присматривать.

ПОНЯТІЯ ИЗДАТЕЛЯ МОСК. ТЕЛЕГРАФА О ГЕОГРАФІИ.

«Наши географіи,» говоритъ онъ: «обременены собственными илленами (!!!), и отвергивая ихъ на память ученикамъ, не даютъ общнхъ главныхъ идей (!!!); а для ученыхъ онѣ недоспащочны, и вообще: въ нихъ нѣтъ центра (*), на которомъ должно об-

(*) Центръ географіи: какво?

ращаются знаніе; *нѣтъ развитія частностей изъ общаго.*»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Б Е Т Т И.

(*Англійская повѣсть.*)

«Я отправляюсь завтра въ Италію,» сказалъ мнѣ однажды вечеромъ *Евгеній* при выходѣ изъ *café de Paris*, гдѣ мы весело опорожили пару бутылокъ Шампанскаго. Мысль прекрасная, опѣвчалъ я, по возможно ли исполненіе: гдѣ ты возьмешь денегъ, копорыя необходимы для твоего предпріятія?—«Ничего не знаю, кромѣ того, что завтра я ѣду.»—Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ три дня я получилъ опѣ *Евгенія* письмо изъ Ницы, въ копоромъ онъ роскошно описывалъ мнѣ Италію, ея очаровательные виды, ея озера и весь обвѣщальный репешуаръ сего прелеснаго края.—«Какъ опвратилеленъ для меня Парижъ,» писалъ онъ въ своемъ воспоргѣ: «какъ его грязныя улицы, закопченныя дома, удушливый воздухъ, его женщины, живая эмблема кокетства и хипрости, спали казаться мнѣ пропивными съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ сію живописную землю, гдѣ все природа, воспоргъ и наслажденіе. Ница, мой милый, что эпо за городъ! какое величіе! какая пышность! Я путешествую вмѣстѣ съ однимъ Англійскимъ семействомъ, съ копорымъ недавно познакомился; между нами все общее: споль, квартира, прогулки; ни малѣйшее принужденіе не спѣсниетъ насъ; свобода, полная, совершенная свобода, вопъ наше правило. О Италія! Италія! я посвящу тебѣ свою молодость, жизнь свою; я умру подъ твоимъ прекраснымъ небомъ!»—*Евгеній* ничего мнѣ не писалъ, однакоже, о своихъ средствахъ, эпопъ высокопарный тонъ, эта романическая рѣшимость юноши ни сколько не убѣдили меня въ томъ, чтобы онъ пакъ геройски обрекалъ себя на жизнь созерцательную. Я очень коротко зналъ его свойства и склонности, его любовь къ разсѣянности и свѣп-

ской жизни, и попому не могъ вѣришь словамъ его, если бы въ письмѣ, послѣ краткаго описанія своихъ спутниковъ, *Евгеній* не присоединилъ къ нему болѣе живаго и нѣжнаго изображенія одной молодой дѣвицы, блистательной по красотѣ и душевному образованію, и сопровождавшей Англійское семейство въ качествѣ компаніонки. Я понялъ, что другъ мой влюбился, и зная его предпріимчивый характеръ, не перпѣвший препятствій въ любви, не сомнѣвался въ продолжительности его опсупствія, а также пересталъ беспокоиться и о денежныхъ его средствахъ, попому, что онъ ихъ опѣ меня шайлъ...

Прошло шесть мѣсяцевъ, и я не имѣлъ о немъ болѣе никакого извѣстія, какъ въ одно утро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, съ блѣднымъ, изсохшимъ лицомъ, печальнымъ видомъ и впалыми глазами. Опомнившись опѣ изумленія, я спросилъ его о причинѣ такой грустной перемѣны. Онъ опустилъ голову, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ: «Ахъ! сколько несчастій случилось со мною послѣ нашей разлуки, сколько тяжкихъ испытаній перенесъ я. За чѣмъ мнѣ было ѣздить въ Италію! Безъ эпой повѣздки я веселился и наслаждался бы жизнью... а теперь, теперь я не достоинъ жить на свѣтѣ.»—Что же такое случилось съ тобою, *Евгеній*? Успокойся, расскажи мнѣ свои горести; ты знаешь, что я лучший другъ твой, и слѣдовательно можешь говорить безъ опасенія.—«Хорошо, я все расскажу тебѣ, но поклянись мнѣ прежде, что ты никогда не измѣнишь эпой ужасной тайнѣ.»—Клянусь,—опѣвчалъ я, испуганный опчаяніемъ, съ какимъ онъ выговорилъ послѣднія слова.

Евгеній поднялъ голову и сказалъ мнѣ:

«Помнишь ли, какъ мы обѣдали вмѣстѣ на канунъ моего опѣзда въ Италію? Помнишь ли возраженія, копорыя ты дѣлалъ мнѣ на щѣпъ эпого путешествія, казавшася тебѣ несбыточнымъ; не смотря на слова твои, я упорствовалъ въ своемъ намѣреніи; я хотѣлъ скрыпѣся на нѣкопорое время опѣ преслѣдованія заимодавцевъ, и

измѣнилъ однообразный ходъ моей жизни: таковы, по крайней мѣрѣ, были причины, которыя представилъ я своему легковѣрію... Но я себя обманывалъ... Совсѣмъ другое обстоятельство побуждало меня къ сему путешествію... Это была числѣйшая любовь, самая нѣжная страсть, которую внушила мнѣ *Бетти*, *Бетти*, которую часто указывалъ я себѣ въ Тюльери, какъ иностранку, плѣнившую меня своею красотой... Я сдѣлалъ уже нѣкоторые успѣхи въ ея сердца; мы начинали любить другъ друга. Долго объяснялись мы полкомъ языкомъ зворовъ; онъ былъ такъ краснорѣчивъ; мы такъ ясно понимали другъ друга. Это не могло однако же продолжиться. Я имѣлъ честные виды и почилъ *Бетти* невѣстою, весьма выгодною во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, посредствомъ исканій, мнѣ удалось открытъ себѣ входъ въ домъ г. *Лауренса*. Онъ принялъ меня очень ласково и пригласилъ чаще посѣщать его. Можешь представить, что я вполне воспользовался его предложеніемъ и спалъ почти ежедневно бывалъ въ его домѣ... Меня часто оставляли наединѣ съ *Бетти*; Англичане вообще доверчивѣ насъ (*), и болѣе надѣялся на добродѣтель женщинъ.

«О! другъ мой, какъ сладостны были наши бесѣды, какимъ неистощимымъ блаженствомъ наполняли они мою душу!... Она любила меня, я богопворилъ еѣ, и все улыбалось намъ въ будущности. Однажды я передалъ ей мои намѣренія, надежды на соединеніе наше; если не воспротивятся тому ея родители. Она вдругъ измѣнилась въ лицѣ, и сказала мнѣ со вздохомъ: «О! нѣтъ, *Евгеній*, мы не можемъ быть женами; судьба надѣлила васъ богатствомъ, хорошимъ именемъ; вы имѣете родителей, а я ничто иное какъ *Бетти*, бѣдная сирота, которую г-жа *Лауренсъ* приняла къ себѣ изъ жалости, и которая обязана ей воспитаніемъ...» Громъ, разразившись надъ моею головою, не могъ бы произвести на меня сильнѣйшаго дѣй-

ствія. Я постарался, однакожъ, скрытъ свое изумленіе, и, послѣ нѣкотораго молчанія, возобновилъ увѣренія *Бетти* въ любви, но не упоминалъ уже болѣе о женитьбѣ. Я зналъ, что мое семейство никогда не согласится на подобный союзъ. Цѣлые мѣсяцы пропекли для насъ такимъ образомъ въ самомъ сладостномъ упоеніи; я довольствовался нѣжностью *Бетти*, и чувствовалъ нравственные наслажденія, которыхъ не промѣнялъ бы на сокровища цѣлаго міра. Между тѣмъ вспыхнула Июльская революція. Всѣ иностранцы, жившіе въ Парижѣ, спрашались гибельныхъ слѣдствій народнаго буйства, стали думать о возвращеніи въ отечество. Къ числу ихъ принадлежалъ и г. *Лауренсъ*; но онъ объявилъ, что возвратится въ Лондонъ чрезъ Италію. Не смотря на мои увѣренія, что порядокъ въ столицѣ возстановленъ, и что ему не угрожаетъ ни малѣйшая опасность, онъ не послушалъ моихъ увѣщаній, и спалъ приготовляясь къ отъѣзду. — Вы бы очень обязали насъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, если бы согласились намъ соупростововать; вы не знаете Англии, и путешествіе это было бы для васъ весьма занимательно. — Я возразилъ ему, что въ эту минуту средства мои не позволяютъ мнѣ рѣшиться на его предложеніе. — «Шутите, отвѣчалъ онъ мнѣ; вы не хотите понимать моихъ намѣреній. Поѣдемте съ нами, какъ сынъ, какъ другъ; у меня подъ Лондономъ есть загородный домъ, вы проведете въ немъ лѣто, если вамъ тамъ понравится.» Во всякомъ другомъ случаѣ я бы отказался отъ такого великодушнаго предложенія, но тогда я былъ влюбленъ, и поэтому согласился.

«Вотъ, мой другъ, разгадка той тайны, которую ты не могъ постигнуть. Мы посѣтили Италію, землю вдохновеній, гдѣ страсти находятъ новую пищу среди столь очаровательной природы; но я уже не оставался болѣе наединѣ съ *Бетти*; припомъ же ея добродѣтель и строгія правила всегда бы восторжествовали надъ чувствительнымъ ея сердцемъ. Я дивился ей, и любовь моя возрастала вмѣстѣ съ умножавшимися

(*) Г. е. Французовъ. Мы, Русскіе, не уступимъ ни какому народу въ уваженіи и неограниченной довѣренности къ прекрасному полу. *Прим. Пер.*

препятствиями. Наконецъ, послѣ продолжительнаго переезда, вышли мы на берегъ спарого Альбіона, споль опличнаго опъ земли, изъ которой мы прибыли. Черезъ два дни я поселился въ домъ Англичанина. Я былъ очарованъ изящною чистотою сего предеспнаго сельскаго приюта, его богатствомъ и роскошью, особливо веселымъ видомъ прекраснаго сада, гдѣ искусство чудеснымъ образомъ заманило природу. Я былъ щасливъ; хозяева мои оказывали мнѣ самую ласковую внимательность, и я началъ забывать, что они были для меня людьми посторонними.

«*Бетти* была со мною неразлучна; она старалась угадывать мои желанія и вѣрила существованію блаженства, которое не могло бытъ продолжительно.... Октябрь мѣсяцъ приближался къ концу, и я начиналъ чувствовать, что приличіе запрещаетъ мнѣ оставаться долѣе въ домѣ г. *Лауренса*. Въ одинъ вечеръ, я ждалъ *Бетти* въ обычномъ мѣстѣ нашего свиданія; она явилась съ беззаботною веселостію невинности; улыбка любви и удовольствія украшали и безъ того прелестныя уста ея. Я былъ задумчивъ и грустенъ; она это замѣтила и спросила меня о причинѣ моей печали.—«Милая *Бетти*, намъ должно разсѣяться;» сказалъ я.— Она поблѣднѣла, и бросаясь въ мои объятія, вскричала: никогда!—«Послушай, продолжалъ я: г. *Лауренсъ* принялъ меня такъ ласково, почли вовсе меня не зная; не благородно было бы съ моей стороны употреблять во зло его благосклонность; и я непременно долженъ ѣхать!... Если-бъ ты знала, чего мнѣ спонить рѣшился на сей опъездъ, я такъ люблю себя, я такъ сильно желалъ бы никогда съ побою не разсѣяться!...» Она плакала, рыдала... «Но слушай, милая *Бетти*, есть средство избѣжать этого несчастія, жить всегда вмѣстѣ; согласись за мною слѣдовать, бѣжай изъ этого дома, соединишь твою судьбу съ моею; мы удалимся въ ближнее селеніе; священникъ благословитъ союзъ нашъ, и тогда никакая власть не въ состояніи будетъ разлучить насъ.»—Оставитъ здѣшнія мѣста, покинутъ

моихъ благодѣтелей; о! нѣтъ, это ужасно; мысль эта приводитъ меня въ трепетъ, убиваетъ меня!—«И такъ мы видимся въ послѣдній разъ, потому что я рѣшился завпра же проститься съ моими хозяевами.»—*Бетти* долго смолчала на меня въ молчаніи, потомъ подумала и раздрающимъ душою голосомъ сказала: Вижу, что любовь сильнѣе дружбы и благодарности.... Я исполню твое желаніе; завпра въ полночь буду въ этомъ саду, я приготовлюсь къ опъезду тайно опъ моихъ покровителей, и послѣдую за побою всюду, куда ты поведешь меня....—Она удалилась, задыхалась опъ слезъ и опчаянія.

«На другой день за завпракомъ я объявилъ о своемъ опъездѣ, подъ предлогомъ, что письмо, полученное мною изъ Парижа, принуждаетъ меня немедленно туда опправиться по одному весьма важному дѣлу. Меня не спали удерживать, но г. *Лауренсъ* опвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Вы ѣдете во Францію, и вѣрно имѣете нужду въ деньгахъ для своей поѣздки. Возьмите эту сумму; 50 фунт. стерлинговъ (1250 р.) будетъ вамъ достаточно. Вы мнѣ отдадите ихъ, когда соединитесь съ своимъ семействомъ; возьмите же;» прибавилъ онъ съ неперпніемъ, видя, что я не рѣшаюсь. Я поблагодарилъ его съ смущеннымъ видомъ, и черезъ два часа простился съ симъ великодушнымъ человекомъ, котораго обманывалъ споль недостойнымъ образомъ. Я нарочно опправился по Лондонской дорогѣ, но скоро воротился, и какъ всѣ выходы дома были мнѣ хорошо извѣсны, по я безъ труда вошелъ въ садъ. *Бетти* ждала меня, прислонясь къ дереву; небольшой узелокъ лежалъ у ногъ ея. Я повелъ еѣ за собою; мы шли очень скоро и наконецъ остановились въ небольшой деревнѣ, гдѣ одно честное семейство согласилось дать намъ двѣ опдѣльныя комнаты. Черезъ недѣлю мы были обвѣнчаны. Какъ описать наслажденіе, какое вкушала я съ этимъ ангеломъ! Она дышала только мною, осыпала меня самыми нѣжными попеченіями, и приводила меня въ упоеніе, чтобы потомъ я шѣлъ сильнѣе

почувствовалъ весь ужасъ нещастія. Мало по малу слабыя средства мои истощились; я никого не зналъ, и не могъ употребить въ пользу своихъ палантовъ; она продала свои драгоценности, часть своихъ пожни-ковъ, выручка за которыхъ только на самое короткое время облегчила ужасную тягоспъ нашего положенія. Сдѣлавшись добычею са-мой крайней бѣдности, я не могъ равнодушно видѣть существа, которое я обожалъ, и которое для меня отъ всего отказалось. Во мнѣ родилось ужасное намѣреніе, низость коего можете извинить одно только расстройство моего разума! Я рѣшился воз-вратиться во Францію, и покинуть *Бетти* въ жернову всѣмъ мученіямъ нищеты. Въ одинъ вечеръ, я сказалъ ей, что поѣду въ Лондонъ для свиданія съ пріятелемъ, ко-торый могъ помочь намъ. Но любовь и любовь женщины проникательна; *Бетти* угадала мое преступное намѣреніе, и какъ будто покорилась своей участи. Я былъ уже далеко. Одинъ Еврей купилъ у меня золотую цѣпочку, и этими деньгами заплапиль я за мѣсто въ пакетболѣ, который по упру долженъ былъ опшлыть. Въ дурной гостиницѣ провелъ я ночь, самую ужасную въ моей жизни. *Бетти* пѣшкомъ послѣдовала за мною. Во всю ночь она не спала и ходила по берегу, ожидая роковой мину-ты отъѣзда. Нещастная, вѣроятно, обману-лась: ибо въ шесть часовъ утра пароходъ отчалилъ отъ берега и опшлылъ уже на полмили отъ онаго, когда я примѣпилъ её блѣдную, съ распущенными волосами, про-спирающую ко мнѣ руки и умоляющую не покидать её. Я не могъ эпаго вынести; видъ ея мучилъ меня, я закрылъ руками гла-за. Вдругъ восклицаніе окружавшихъ меня вывело изъ мрачнаго оцѣпенѣнія. *Бетти* бро-силась въ Темзу...

Два дня спустя, я прочелъ въ Англійскихъ журналахъ извѣстіе, что изъ рѣки выпа-щили трупъ молодой дѣвушки, самоубій-ство которой приписывали нещастной любви.

Съ Франц. *Ит. Гальбовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДИОИРАМБЪ (*).

(Изъ Шиллера.)

Вѣрьте, я знаю:

Къ намъ не приходятъ

Боги одни:

Только лишь Бахусъ захочетъ спуститься,—

Мальчишъ крылатый за нимъ суешнлся.

Фебъ свѣтлоокій шуда-жь, гдѣ они!

Идутъ, подходящъ,

Сближающъ съ ними;

Земные чертоги

Полны ужъ богами.

*

Чѣмъ угощу я—

Я земнородный—

Свѣтлыхъ гостей?

Дара отъ смертнаго, боги, не ждите;

Дайте безсмертье! меня вознесите

Къ свѣтлому небу, въ свой эмпирей!...

Въ чертогахъ у Зевса

Живетъ только радость:

Подайте-жь—мнѣ нектаръ,

Дарующій младость!

*

«Дай ему нектаръ!

Геба! поэту

Полный фіаль!

Влагой небесной омой его очи:

Пусть не спрашнтся онъ Спиксовой почтѣ,

Пусть мнитъ, въ упоенн, что *напиль* онъ спалъ!»

Небесный источникъ

Играетъ волною,

И перси и очи

Полны шншнкою...

Авдотья Глипка.

(*) Издапелъ приноситъ почтенной переводницѣ покорнѣй-шую, искреннѣйшую благодарность за украшеніе его списковъ ея изданными стихотвореніями.

СОЛОВЕЙ И КУЗНЕЧИКЪ (*).

(Изъ Госс.)

Басня.

Соловушка въ лѣсу внимала я въ восхищеньи.
Вдругъ надъ ухомъ моимъ Кузнечикъ закричалъ
И крикомъ рѣзкимъ мнѣ дослушаша помѣшала
Прелестной филомелы пѣнье.

*

И въ обществѣхъ, какъ на поляхъ:
Врали-Кузнечики всѣхъ громче на словахъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый*—восклицанье;

Второй—согласіе на мнѣнье или желанье;

А въ *цѣломъ*—Пиндаръ, Флаккъ, безсмертные
пѣвцы,

Даютъ намъ правила и высше образцы.

III.

Въ No 30-мъ помѣщенная загадка значить *Chanterelle.*

М О Д Е С.

On fait encore de bien jolies toilettes de bal pour lesquelles nos savans fleuristes n'ont pas encore interrompu leurs ingénieux travaux. Nattier compose de charmantes couronnes antiques, en immortelles oranges et petites bruyères. Ces couronnes sont très-bien avec une robe simple en crêpe ou en organdi brodé. De jolies fleurs pour coiffer ou placer sur des bonnets, sont le pommier blanc ou rose, le merisier blanc ou rose et l'azaléa.

Nous avons remarqué dans les *magasins Saint-Anne*, un choix de belles étoffes de printemps; des foulards à dessins anciens, entre autres, sur fond blanc des roses simples oranges et vertes avec leur feuillage. Le même dessin rose et bois, ou sur une marbrure rose un semé de roses vertes, jetées sans tiges en tous sens.

(*) Изъ стихотвореній *Николая Линдфорса*, которыя печатаются.

Le même genre de dessins se retrouve sur une autre étoffe nommée *taffetas de Siam*.

Le foulard *Ulémas*, d'un tissu grenadine, à dessins égyptiens, est nouveau et d'un bel effet.

Le foulard *d'Orient*, tissu cachemire et soie, est broché couleur sur couleur.

Le foulard *mandarin*, étoffe légère, brillante et satinée; un des plus jolis est à fond marbré vert et lilas, avec un semé d'œillets chinois.

Pour soirées, les gazes de soie sont imprimées à très-larges dessins fond blanc ou fond de couleur.

М О Д Ы.

Дѣлаютъ еще довольно весьма красивыхъ бальныхъ нарядовъ, для которыхъ наши искусныя цвѣпчницы не прервали еще свои замысловатыя работы. *Nattier* дѣлаетъ прелестныя спаринныя вѣнки, изъ оранжевыхъ безсмертныхъ и мелкой зелени. Эти вѣнки весьма приличны къ простому креповому платью или вышитому изъ органди. Красивыя цвѣпы для причесокъ или чепчиковъ, розовыя или бѣлыя яблонныя цвѣпы, бѣлый или розовый *merisier* или *azaléa*.

Мы замѣтили въ магазинѣ *Saint-Anne* собраніе прекрасныхъ весеннихъ шкелей; фулары съ спаринными узорами, между прочими, по бѣлому грунту просыпа розы оранжевыя и зеленыя съ ихъ листьями. Тотъ же узоръ розовый и деревяннаго цвѣта, или по розовому мраморному узору зеленыя розы, разбросанныя въ разныя направленія.

Въ такомъ же родѣ узоры дѣлаются на другой матеріи, называемой *Сіамская шаффа*.

Фуларъ *Ulémas*, grenadinная шкель, съ Египетскими узорами, самая новая и весьма красивая.

Восточный фуларъ, кашемировая шкель съ шелкомъ, зашкана подъ цвѣпъ.

Фуларъ *Мандаринъ*, легкая шкель, блестящая и апласистая; самый красивый съ мраморнымъ грунтомъ зеленаго съ лиловымъ цвѣта, и усылана Кыпайскими гвоздиками.

Для вечеровъ, шелковыя газы печатаются крупными узорами по бѣлому или цвѣпному грунту.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 32.

Цена годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 21 ДНЯ 1834 ГОДА.

Клиппъ въ книгу заглянулъ, прочелъ спроку, другую—

И такъ швырнулъ её! А книга—Фенелонъ.

Да что-жь съ нимъ сдѣлалось? ... О! Клиппъ имѣлъ резонъ:

Наборщикъ позабылъ поставишь заглянуть.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НЕУДОБСТВА УЛИЧНОЙ ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

Буало, въ одной изъ сапиръ своихъ, описываетъ неудобства, какія представляли Парижскія улицы въ семнадцатомъ столѣтіи. Онъ изображаетъ намъ спада воловъ, бродящихъ по улицамъ и загоразживающихъ дорогу, кошекъ, лаукающихъ по кровлямъ, и мошенниковъ, овладѣвающихъ городомъ при наступленіи сумерекъ. Времена перемѣнились, и старое описаніе *Буало* ни въ чемъ не сходствуетъ съ нынѣшнимъ состояніемъ Парижскихъ улицъ. Кошки не прыгаютъ болѣе по крышамъ, волы попадаются только на дорогъ въ Пуасси, а мошенники дѣлаютъ свое дѣло среди бѣлаго дня и при томъ самымъ учпивымъ манеромъ.

Не смотря на успѣхи и выгоды, которыми мы обязаны просвѣщенію, Парижъ и нынче представляетъ не менѣе неудобствъ, чѣмъ во времена *Буало*; не менѣе, если не гораздо болѣе! Только нынѣшнія неудобства

другаго рода и согласіе съ нашими нравами. Вѣкъ нашъ чисто промышленный, и вопъ! промышленность ловитъ васъ нынче на улицахъ, выскакиваетъ къ вамъ изъ за угла, заступаетъ дорогу, хватаетъ васъ за воротъ, держитъ за полу, и не надѣйтесь отъ неѣ вырваться. Прежде я зналъ только одного торгаша на чистомъ воздухѣ; это былъ какой-то простакъ, который вѣчно встрѣчалъ васъ на проходу у Вивьенской улицы и предлагалъ купить у него очки. И въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, это челоуѣкъ все еще остается тамъ съ своими очками. Въ пятнадцатилѣтѣ, Парижъ, Франція, цѣлая Европа прошли чрезъ Вивьенскую улицу. Продавецъ очковъ предлагалъ ихъ цѣлой Европѣ; но Европа, которая думаетъ, что она и безъ того видитъ очень ясно, не купила очковъ у старика Вивьенской улицы. Бѣдный старикъ! бѣдная Европа!

Этотъ старикъ, не продавшій своихъ очковъ, подалъ примѣръ, самый пагубный! Теперь Парижскія улицы наполнены подпями промышленниковъ, которые взяли его за образецъ; вездѣ встрѣчаете вы продав-

ПРИГЛАШЕНІЯ НА ТАНЦЫ.

цовъ всего, что только можете продавать. Покупайте прости, сурки, цвѣты, дичину, бумагу, ландкарты, фуляры, альманахи, ножницы, щетки, и проч. и проч. и проч. Продавцы всѣхъ эпитъ мелочей оспавливаютъ васъ на дорогѣ, раскладываютъ на показъ товаръ свой, кричатъ у васъ надъ ухомъ, такъ, что вы можете оглохнуть отъ ихъ крика. Продавецъ проспочекъ вертитъ ими у васъ подъ носомъ и чуть не выкалываетъ вамъ глаза; плащочный торговецъ окушываетъ васъ и дѣлаетъ похожимъ на балешнаго танцовщика, который собираетъ пропрыгать *pas du schall*; продавецъ дичины покрываетъ вамъ все платье перьями и пухомъ; цвѣточница подноситъ вамъ подъ носъ свои букеты, ни сколько не заботясь о томъ, что вы спрадаете слабостію нервъ, и что на розахъ ея есть шипы. Продавцы ручныхъ или ученыхъ пшницъ сажаютъ своихъ питомцевъ на землѣ пакъ, что если вы немножко заглядитесь въ спорону, то всѣ онѣ очутились подъ вашими ногами и вамъ придется за нихъ расплачиваться. Выводилель пшпенъ, въ шу минушу, какъ вы проходите мимо его, ловитъ васъ за полу, напираетъ еѣ мыломъ, покрываетъ пѣною, заглушаетъ ваши возраженія своимъ бычачьимъ голосомъ, и потомъ обводитъ васъ вокругъ почтенныхъ своихъ собратій: показать, что у васъ на платьѣ не оспалось ни малѣйшаго пшпышка. Торговецъ ваксою ловитъ васъ за ногу, прошивъ вашей воли напираетъ вамъ одинъ сапогъ своею блестящею жидкостію, и оспавляетъ другой не вышпценнымъ, какъ будто для доказательства, что судьба не судила вамъ ѣздитъ въ ѣкипажѣ!

Въ прежнее время, Парижскія неудобства внушили *Буало* только одну сапиру; въ наше время, когда мечпаніе, разсѣянность и наблюденіе возможны только въ омнибусѣ, объ эпитомъ предметѣ можно бы было написать поэму въ двѣнадцати пѣсняхъ.

Съ Франц. Бр.

Близкое паденіе грозитъ конпродансу; — попробовали замѣнить его галопомъ, но галопъ портитъ прическу женщинъ, мнетъ ихъ наряды и дѣлаетъ ихъ лица красными, какъ пламя.— Такъ какъ женщинамъ не присвоено права себя обезображивать, то галопъ будетъ оспавленъ.

Слѣдуетъ въ свою очередь мазурка, съ ея многочисленными приверженцами.— Посмотримъ!

Въ ожиданіи сихъ важныхъ переворотовъ, обратимъ вниманіе на обстоятельство, способное опнять у васъ на всю жизнь охоту къ танцамъ, обстоятельство, которое возобновляется по нѣскольгу разъ при каждомъ конпродансѣ. Если вы приглашаете даму, и она опивѣчаетъ вамъ, что она уже *ангажирована*, то что вы дѣлаете въ подобномъ случаѣ?

— Зову другую.—

Хорошо; но это почти тоже, что сказать первой: мнѣ все равно танцовать съ вами, или съ другою;—а послѣдней: я танцую съ вами по неволѣ, отъ того, что мнѣ опказала другая.

— Но какъ же избѣжать эшаго?—

Не танцовать, если дама, которую вы выбрали, не свободна. — Но этакъ можете случиться, что при всемъ желаніи танцовать, вы просидите цѣлую ночь на одномъ мѣстѣ.—

Вопш средство, которое употребляется во многихъ южныхъ Европейскихъ городахъ: каждому изъ мужчинъ даютъ при входѣ на балъ выбрать изъ корзины дѣланныхъ цвѣтвъ одинъ;—когда ему надобно пригласить даму, то вмѣсто эпитой неизмѣнной формулы: *Madame vent-elle me faire l'honneur de danser avec moi*,—онъ подаетъ ей цвѣтокъ, который она берегаетъ у себя за полсъ до пѣхъ поръ, пока пропанцууетъ общаный конпродансъ;—потомъ она возвращаетъ ему цвѣтокъ, который онъ предлагаетъ другой дамѣ. Эпитомъ способомъ избавляетъ

ся опъ непрѣлтности приглашать даму, опозванную другамъ, потому что всякая, у копорой нѣтъ цѣпка, еще ожидаетъ кавалера.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы.

Истинное достоинство встрѣчается, можетъ быть, рѣже, нежели способность его выказывать.

Женщины гибнутъ опъ чувствительности и спасаются кокетствомъ.

Въ госпитальныхъ высшаго круга не встрѣчается оригинальныхъ характеровъ; смѣшныя споры въ людяхъ имѣютъ сглаживающуюся, а предразсудки хотя и существуютъ, но какъ будто исчезаютъ на то время, копорое люди, зараженные ими, проводятъ вмѣстѣ.

Природа одарила глупцовъ тщеславіемъ, какъ-бы для того, чтобы чѣмъ нибудь вознаградить ихъ.

Самое вѣрное средство успѣть въ свѣтѣ, есть хвалить людей за тѣ свойства, копорыхъ они не имѣютъ, но на копорыя предъявляютъ притязанія.

О нѣкоторыхъ животныхъ говорятъ, что имъ недостаетъ только дара слова; о нѣкоторыхъ людяхъ можно было бы сказать, что имъ недостаетъ только дара мысли.

Женщина почла бы за униженіе для себя предполагать пороки въ томъ, кого избрала она предметомъ своей нѣжности; какъ скоро она полюбитъ, то приписываетъ своему любовнику болѣе добродѣтели, нежели сколько спарается показать еѣ въ себѣ самой.

Въ свѣтѣ замѣшательство происходитъ болѣе опъ гордости, чѣмъ опъ скромности; часто возбуждаетъ его одно только опасеніе заслужить порицаніе; даже тотъ, кто не боится пустыхъ свѣтскихъ пересудовъ, не придавая имъ никакой цѣны, тѣмъ самымъ уже избѣгаетъ ихъ.

Любовь, подобно спраху, всему заспавляющей вѣришь.

Если бы мы сами не видали пому ежедневныхъ примѣровъ, то могли ли бы представить себѣ спранную несоразмѣрность, копорую полагаютъ между состояніями людей болѣе или меньшее количество мнень.

Между мужчиною и женщиною, взаимно другъ друга любящими, употребляется особый языкъ, непонятный для невлюбленныхъ. Когда же одинъ изъ двухъ перестаетъ любить, то языкъ сей и для него также становится непонятнымъ.

Музыка, нравящаяся намъ въ задумчивости, причиняетъ намъ истинное зло, когда мы угнетены дѣйствительною горестію.

ДОГАДЛИВЫЙ СТАТИСТИКЪ.

Въ одинъ уѣздный городъ къ кашпашъ-исправнику пришло предписание опъ начальства составить статистическое описание, въ коемъ, между прочимъ, должно было разрѣшить вопросъ: какія пѣвчія птицы водятся въ томъ краю, и въ какомъ количестве? Исправникъ долго недоумѣвалъ, что отвѣчать ему, пока не выручилъ его изъ бѣды одинъ дѣлецъ-подъячій. «Надо очистить еще вопъ эпо дѣлцо;» сказалъ онъ своему начальнику, по докладѣ другихъ бумагъ, указывая на полученные запросы. — Самъ, братецъ, я безпокоюсь объ этомъ; да не знаю, какъ свалить его съ плечь. — «Эхъ, сударь, напрасно объ этомъ пужить позволите. Позвольте мнѣ, я потчасъ обработаю.» Исправникъ, улыбаясь, подалъ паблицу, и ловкій подъячій безъ остановки началъ вписывать въ графы: щеглякъ 1679, чижей 2148, жаворонковъ 2376, синиць 14,376. Исправникъ изумился. «Подписывайте, сударь, смѣлѣ.» — «Послушай, пріятель, чтобы не быть намъ въ отвѣтъ! Ну, если пріѣдутъ ревизоры и спанутъ повѣрять? — «Вопъ на! да пусть ихъ пріѣзжаютъ. Развѣ

мы не умѣемъ сказать, что всѣ пшцы разлепѣлись?»—Убѣжденный такимъ хитрымъ оправданіемъ, исправникъ однимъ почеркомъ подмахнулъ подъ таблицами свое имя, — и поскорѣе отослалъ досадный пакетъ по принадлежности.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРЕТХЕНЬ.

Во Франціи купцы умѣютъ бытъ вмѣстѣ и людьми свѣтскими; но чтобы видѣть истиннаго негоціанта, надобно побывать во Фландріи. Въ Антверпенѣ найдете вы кануры въ шесть квадратныхъ футовъ величиною, въ которыхъ проживаютъ осмидесятилѣтніа и ворочаютъ миліонами. Для того, чтобы Фламандецъ оставилъ торговлю, онъ долженъ бытъ разбитъ параличемъ, или постигнуть совершеннымъ расстройствомъ умственныхъ способностей; тогда только рѣшается онъ спокойно пользоваться плодами долготѣпныхъ трудовъ своихъ. Фламандцы, наживая огромныя состоянія, обогащаясь сверхъ того женитьбою, и если приданое, на которомъ они женятся, принадлежитъ хорошенькой женщинѣ, это нисколько ихъ не отвлекаетъ. Званіе негоціанта переходитъ у нихъ отъ отца къ сыну; въ жилахъ ихъ течетъ бухгалтерская кровь, но когда жребій эшаго врожденнаго назначенія къ торговому поприщу падаетъ на молодую дѣвушку, то она представляетъ собою самое странное и вовсе не поэтическое существо. *Торгъ* заступаетъ въ ней тогда мѣсто природы, и если по временамъ послѣдняя одерживаетъ верхъ, то изъ эшаго выходитъ какал-то чудная смѣсь, которая заставила бы васъ разсмѣяться отъ чистаго сердца, если бы всякій недоспадокъ умственный и шѣлесный не заключалъ въ себѣ чего-то достойнаго жалости. Въ разсказѣ моемъ намѣренъ я передать исторію одного изъ такихъ необыкновенныхъ созданий.

Въ Антверпенѣ жили, а можетъ бытъ живутъ еще и нынѣ, два спарика, во всемъ между собою схожіе: *Кель* и *Родбергъ*. Оба были негоціанты, миліонщики и скряги. У *Келя* былъ осьмнадцатилѣтній сынъ; у *Родберга* шестнадцатилѣтняя дочь, и спарики издавна условились соединить дѣтей своихъ. Молоденькая *Гретхень Родбергъ* была олицетворенное хозяйство, порядокъ и опрятность. Я желалъ бы, любезный читатель, чтобы вамъ случилось получить отъ своего банкира вексель на домъ *Г. Родберга* и компаніи. Когда бы вы явились въ контору для полученія денегъ, то васъ опвели бы въ комнату бухгалтера, и я воображаю, съ какимъ удивленіемъ вы увидѣли бы тамъ милую *Гретхень*, которая получивъ отъ васъ росписку, внесла бы еѣ въ книгу и выставила на ней номеръ красными чернилами.

Скромная наука щетоводства представилась бы вамъ тогда совершенно въ другомъ видѣ. Ножики для скобленія и очинки перьевъ, эти презрѣнныя орудія чистописанія, въ тонкихъ пальчикахъ милой негоціантки имѣли какую-то особенную прелесть. *Гретхень* не пренебрегала самымъ маленькимъ лоскуткомъ бумаги, если на немъ оставалось еще чистое мѣсто для какой нибудь выкладки. Упрямое тройное правило съ удивительною вѣрностію повиновалось нашей красавицѣ во всѣхъ ея вычисленіяхъ; казалось, что по ея велѣнію цифры сами послушно занимали свое мѣсто.

Не проходило дня безъ того, чтобы глава дома *Г. Родбергъ* не обнялъ съ нѣжностію своей дочери и не сказалъ ей: ты мой ангелъ, мое сокровище, *Гретхень*.

Надо замѣнить, что спарый *Родбергъ*, будучи довольно бѣденъ идеями, за недоспакомъ ихъ, имѣлъ привычку часпо повпорять одно и тоже.

Но глава дома *Р. Кель* былъ совсѣмъ не такъ щасливъ, какъ *Родбергъ*; сынъ его *Жанъ* ненавидѣлъ торговлю и щетоводство; въ осьмнадцать лѣтъ онъ не умѣлъ свести самаго пустаго щета, и дремалъ, какъ скоро принимался за расходныя книги.

Не смотря на такіе важныя недоспашки, *Гретхень* охотно опкладывала въ спорону свою большую книгу, чптобы разговаривать съ *Жаномъ*; а эшаго она не сдѣлала бы ни для кого другаго. Это значило, чпто любовь закралась и въ сердце *Гретхень*.

Случилось однажды, чпто *Жанъ*, осматривая прекрасный Антверпенскій музей, пришелъ въ восторгъ отъ картинъ *Рубенса*; слѣдствіемъ эшаго было то, чпто онъ заперся въ своей комнатѣ, и скоро наполнилъ цѣлый ящикъ неудачными рисунками своей работы. Это привело въ отчаяніе спараго *Келя*, и онъ обратился къ своему сыну съ горькими упреками.

— Вмѣсто того, чптобы перяпть время и марапть бумагу, *Жанъ*,—говорилъ онъ ему: ты бы поступилъ гораздо лучше, еслибы занялся со мной въ конторѣ; я назначилъ бы тебѣ часпть въ своей порговлѣ, какъ сдѣлалъ кумъ *Родбергъ* въ пользу своей дочери, и ты спалъ бы наживапть деньги, а не бросапть ихъ за окно.—

Жанъ равнодушно слушалъ и молчалъ. *Р. Кель* взялъ за руку сына и повелъ его къ *Гретхень*.

— Вопъ, моя милая, я привелъ къ вамъ сына моего *Жана*, и прошу васъ поговорить съ нимъ. Ему пришла блажь сдѣлаться живописцемъ, и онъ только и дѣлаетъ, чпто мажуетъ глаза, носы, да рожицы. Усовѣстите вы его, *Гретхень*, а я, право, не придумаю, чпто съ нимъ дѣлать. Я говорилъ ему: негодный сынъ! ты хочешь уморить меня, говорилъ ему и по и другое, ну, словомъ, говорилъ все, чпто говорятъ дѣшпамъ, а онъ и не думаешь меня слушапть.—

Видно, чпто глава дома *Р. Келя* былъ достойнымъ кумомъ спараго *Родберга*. Къ щастію, во всей Фландріи никто не имѣлъ сполько здраваго смысла и разсудка, сколько было ихъ въ хорошенькой бѣлокурой головкѣ *Гретхень*. Она посадила подлѣ себя друга своего *Жана* и спала говорить съ нимъ съ такимъ благоразуміемъ и кротостію, чпто *Жанъ*, воротившись домой, бросилъ всѣ свои рисунки въ огонь. Но увы! судьбѣ угодно было, чптобы *Р. Кель* въ шу

же недѣлю услышалъ новое нещастіе. Проходя однажды вечеромъ по городской площади, *Жанъ* услышалъ музыку: пруппа спранспвующихъ музыканшовъ разыгрывала прекрасную симфонію *Гайдена*. Онъ слушалъ во все время съ необыкновеннымъ волненіемъ, и когда наконецъ они кончили, *Жанъ* спалъ упрашивапть начальника оркестра, чптобы онъ выучилъ его играть на кларнетѣ. Еще болѣе встревожился отецъ неугомоннаго *Жана*, когда день и ночь спало перзашъ слухъ его гудѣнье проклятаго инструмента. Новые совѣпы и убѣжденія оспались какъ и прежде напрасными и кончились тѣмъ, чпто старикъ опять повелъ своего сына къ милой щепчицѣ. *Гретхень* снова принялась такъ нѣжно и такъ умно уговаривапть *Жана*, чпто онъ безъ всякаго пропшворѣчія бросилъ кларнетъ свой въ каналъ.

Не прошло еще недѣли послѣ того, какъ онъ явилъ эшопъ знакъ доброй воли и послушанія, когда случилось третье нещастіе, гораздо важнѣйшее, нежели оба прежнія. *Жанъ* разговорился на престани съ шпурманомъ одного купческаго корабля, и топъ пуспился рассказывать ему объ Испаніи, о Кадикскихъ женщинахъ, о Парижскихъ спектакляхъ и достопримѣчательностяхъ, о разнообразныхъ удовольствіяхъ во Франціи и о множествѣ другихъ вещей, которые такъ воспламенили воображеніе бѣднаго *Жана*, чпто съ эшихъ поръ онъ спалъ бредить пупешествіями. Каждый разъ, когда корабль выходилъ изъ устья Шельды, или почптовая карета капилась по мостовой, *Жанъ* дрожалъ отъ неперпвнія: Отецъ его опять прибѣгнулъ къ хорошенькой наспавницѣ; эшопъ разъ *Гретхень* говорила еще краснорѣчивѣе, еще благоразумнѣе, чѣмъ прежде; но въ воображеніи *Жана* мелькали такіе прелестные виды, такіа очаровательныа мѣспа, чпто вся логика *Гретхень* была попереяна напрасно. *Жанъ*, однакоже, ни разу не прервалъ ея, но когда она переспала говорить, онъ сказалъ:

« Выслушайте меня, бапюшка и вы, милая *Гретхень*: одинъ изъ нашихъ Париж-

скихъ корреспондентовъ часто совѣщавалъ намъ завести въ этомъ городѣ мыльный заводъ. Теперь я беру это дѣло на себя и общаю вамъ дѣятельно имъ заняться; вы уполномочите меня на полученіе сорока тысячъ франковъ отъ нашего корреспондента; въ три года я сдѣлаюсь хорошимъ негодяемъ, прѣду женимся на милой *Гретхенъ* и увезу её съ собою.»

Такая неожиданная перемена въ склонностяхъ *Жана* до слезъ обрадовала спараго *Р. Келл*.

— Очень хорошо, любезный *Жанъ*, сказала *Гретхенъ*; только вмѣсто того, чтобы увозить меня въ Парижъ, вы останетесь лучше въ Антверпенѣ, а я по прежнему буду вести щепы. Въ нашемъ домѣ, позади кладовой, въ которой лежатъ кошениль, есть мѣсто для большаго жилья; мы останемся съ бапюшкою, и вы вѣрно не поѣдете больше путешествовать. —

Жанъ отправился на слѣдующій день; онъ обнялъ *Гретхенъ* со слезами отъ нѣжности и радости вмѣстѣ. Бѣдная дѣвушка пляска вздыхала во весь потъ день; но на другое утро, вошедши въ свою комнату и принявшись за расходныя книги, она упѣшилась, и рѣшилась спокойно ожидать испеченія прехлѣпнаго срока.

Глава дома *Р. Келл* и компаніи и щепчица дома *И. Родберга* поступили въ этомъ случаѣ очень неосторожно. Едва только *Жанъ* прѣхалъ въ Парижъ, какъ всѣ его благоразумныя намѣренія рушились. Онъ успѣлъ однако же купить большой домъ, который скоро обратился въ мыловарню. Въ первомъ письмѣ, которое *Жанъ* написалъ къ отцу своему по прѣздѣ, онъ распространялся о цѣнѣ кунжутнаго масла, индиги и хлопчатой бумаги; онъ писалъ сверхъ того, что продажа мыла идетъ довольно хорошо, но цѣна на шафранъ упадетъ, и эти подробности исторгли радостныя слезы изъ глазъ всѣхъ обитателей домовъ *Келл* и *Родберга*.

Черезъ три мѣсяца мыльный заводъ былъ приведенъ въ самое цвѣтущее состояніе. Но

въ это время *Жанъ* страстно влюбился въ одну оперную актрису. Чтобы поправить свою красоту, онъ долженъ былъ дарить её, а чтобы сохранить ея любовь, ему надобно было прапить много денегъ, и слѣдствиемъ этого было то, что послѣ нѣсколькихъ недѣль совершеннаго счастья, *Жанъ* оспался безъ копѣйки. Заводъ его еще дѣйствовалъ, жалованье работникамъ было заплачено, но прибыль, которую ему слѣдовало принести, издержана заранѣе, а между тѣмъ *Жанъ* имѣлъ необходимую нужду въ деньгахъ. Наконецъ случилось то, чего должно было ожидать: заводъ продать и обратить въ наличную монету, которая очень недолго оставалась въ карманахъ своего хозяина.

Эта новость была громовымъ ударомъ для стариковъ *Келл* и *Родберга*. Отецъ *Жана* взялъ почтовыхъ лошадей и отправился искать своего сына по всему Парижу; но этотъ блудный сынъ, успѣдившись своей неблагодарности, не осмѣлился пропигустать родительскому гнѣву и уѣхалъ въ Испанію. *Жанъ* явился въ Мадридъ съ надлежащимъ паспортомъ, и какъ ему надобно было чѣмъ нибудь жить, то онъ опредѣлился въ королевскую гвардію и началъ довольно дурно вести себя. Скоро корреспондентъ дома *Р. Келл* и компаніи уведомилъ старика о смерти сына его *Жана*, который былъ убитъ на дуэли послѣ одной пирушки, гдѣ онъ поссорился съ поварихею.

Въ продолженіе двухъ недѣль глубочайшее безмолвіе царствовало въ домахъ *Келл* и *Родберга*. Бѣдная *Гретхенъ* выронила слѣзки при нарисованіи своей расходной книги, но какъ между тѣмъ насталъ срокъ для свода общаго баланса въ ея щетахъ, то мало по малу она разсѣлась за своими занятіями. Отецъ *Келл* былъ нѣсколько упѣщенъ щастливымъ успѣхомъ одного огромнаго торговаго предпріятія. По временамъ онъ не переставалъ однако же повпорять: о Господи! для чего Ты не далъ мнѣ такой дочери, какъ *Гретхенъ*, вмѣсто этого негодяя сына, который умеръ, промотавъ мои сорокъ тысячъ франковъ!

Гретхенъ продолжала заниматься щепною частію торговаго дома *I. Родберга*, и такимъ образомъ непримѣтно для неѣ прошло пять лѣтъ. Въ это время одинъ Англичанинъ, пріѣхавшій въ Антверпенъ съ рекомендабельными письмами, влюбился въ хорошенькую щепчицу. И въ самомъ дѣлѣ, щеки *Гретхенъ* были также румяны, руки ея также полны, зубы также ровны и бѣлы, спайнъ также спроенъ, какъ въ шестнадцать лѣтъ ея возраста. Все это было причиною, что Англичанинъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ разъ въ день повпоралъ самъ съ собою:

— Я бы хотѣлъ жениться на *Гретхенъ*. —

Въ одно утро онъ вошелъ въ комнату, определенную для ея занятій и сказалъ:

— *Гретхенъ*, я бы хотѣлъ на васъ жениться. —

Потомъ онъ явился въ кабинетъ спарика *Родберга* и сказалъ ему:

— Милоспивый государь, я бы хотѣлъ жениться на *Гретхенъ*. —

Англичанинъ былъ очень богатъ и попому все объявили себя въ пользу этого брака, кромѣ *Гретхенъ*, которая со слезами говорила опцу своему:

— Выслушайте, батюшка, вамъ надобно будетъ взять бухгалтера, который будетъ сподить вамъ тысячу двѣсти флориновъ въ годъ; я не хочу выходить за мужъ; я останусь съ вами и буду вести щепы. — *Гретхенъ* принуждена была согласиться. Свадьба совершилась въ Антверпенской соборной церкви. Увы! чувствительный чинапель, плачьте, попому что это было смертнымъ ударомъ для милой *Гретхенъ*. Мужъ повезъ еѣ съ собою путешествовать, и какъ скоро она осталась безъ занятія, будучи окружена толпою слугъ и горничныхъ, которые не оставляли ничего дѣлать ей самой, по лишилась здоровья и свѣжести. Она пріѣхала съ мужемъ въ Неаполь, и въ одинъ знойный Италіанскій день, молодая чепа взошла на Везувій полюбоваться великолѣпнымъ видомъ, на прибрежныя долины и Средиземное море. Едва только *Гретхенъ* окинула взо-

ромъ эпомъ прелестный видъ, какъ погн ея подкосились, она залилась слезами, свѣтъ попомитъ въ глазахъ ея, еѣ представился туманный воздухъ Фландріи, ея опчизны; она увидѣла и закопченныя Антверпенскія кровли, и покрытую льдомъ Шельду, и узкія окна дома *I. Родберга* и компаніи, и тусклое стекло, на которомъ пѣкогда было написано крупными буквами: *Бухгалтерская колната*.

На другой день *Гретхенъ* не спало на свѣтъ.

Съ Франц. *Ип. Габовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЯВЛЕНІЕ ДѢВЫ.

(Изъ Шиллера.)

Въ долину бѣдныхъ пастуховъ
Являлась каждый годъ, весною,
При первой пѣсни соловьевъ,
Съ чудесной дѣва красою.

*

Никто не зналъ, *отколь, куда*
Она пришла и возвращалась?
Еѣ не видѣли слѣда,
Когда, какъ соиъ, она скрывалась.

*

Когда же шла, — на встрѣчу къ ней
Душа съ любовію летѣла;
Но дѣва отдаляла умѣла
Осанкой важною своей...

*

Плоды какихъ-то спранъ чужихъ
Она съ цвѣтами приносила:
Не наше солнце грѣло ихъ;
Земля не наша ихъ роспила!

*

Блестала подъ щедрою рукой
И плодъ, и цвѣтъ въ убранствѣ яркомъ;
И внукъ, и дѣдъ его съ клюкою —
Всякъ шелъ домой съ ея подаркомъ.

*

Съ привѣтомъ сельской престоппы
 Радушно *встрѣхъ* она *встрѣчала*;
 Но для пылающей чешы
 Цвѣтны *свѣжте* выбирала.

Авдотья Глинка.

LOGOGRIPHE.

Terrible est mon entier, redoutable au combat;
 Sans mon chef je porte le bât.
 Lecteur, je t'offre encor, si tu coupes ma tête,
 Ce que Lise souvent répond à ma requête;
 Mais... obéit qui veut... Mon chef encor ôté,
 Je suis un pronom usité.

Въ No 31-мъ помѣщенная шарада значить: *Ода*.

M O D E S.

Mme *Beauvais*, autrefois rue Sainte-Anne, vient de transporter son établissement rue de Richelieu. Ses salons spacieux et fraîchement décorés font ressortir avec éclat de fraîches et nouvelles modes, dont nous dirons un mot de détail; entre celles qui nous ont le plus frappés, était une capotte en pou de soie blanc ornée d'un bouquet de lilas blanc, attaché par un nœud de gaze à damiers; autour de la passe était un voile de *blonde-dentelle*, riche et léger. Un chapeau jonquille en *néreïde* glacée, étoffe adoucie par un reflet blanc, très-doux au visage, sur le bas de la forme étaient deux plumes jonquilles.

Un turban de gaze rose, lamé en argent à petites raies étroites.

Quelques jolis bonnets à fleurs et une charmante capote d'enfant très-petite, en gros de Naples, à carreaux mille raies bleus et blancs, avec une petite rosette de rubans à carreaux assortis à l'étoffe.

Les colliers ont un genre nouveau de forme et de travail. Ils ressemblent à une chaîne serrée au cou. Nous avons remarqué dans les magasins de *Chauffert*, Palais-Royal, de charmantes parures dont le collier

faisait le tour exact du cou, et retombait d'un seul bout jusque sur le corsage où il retrouvait la Sévigné. Une de ces parures était à plaques composées de feuilles d'or mat, relevées par des perles et des émeraudes. Une autre parure de même forme était en très beaux camées montés sur des plaques d'or travaillé.

Pl. No 15. Turban de gaze lamée et brodée.—Robes de satin.—Echarpe de mousseline cachemire.

М О Д Ы.

Г-жа *Beauvais* перенесла свое заведение изъ улицы Sainte-Anne въ улицу Ришельё. Ея приторныя залы, вновь опдѣланныя, придають болѣе блеску красивымъ и новымъ уборамъ, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ; между шѣми, которые намъ болѣе понравились, одишъ капошь изъ бѣлаго pou de soie, опдѣланный бупепошь бѣлой сирени, прихваченнымъ банпошь изъ газовыхъ ленпш съ шахмашцами, вокругъ помя вуаль изъ блондоваго кружева, богатый и легкш. Жонкилевая шляпка изъ двуличневой *néreïde*; маперя смягчена бѣлымъ опливомъ, весьма нѣжнымъ къ лицу.

Турбанъ изъ розоваго газа, волнистаго, съ серебромъ, самими мелкими полосками.

Нѣсколько красивыхъ чепчиковъ съ цвѣтами и прелестный весьма маленькш дѣтской капошь, изъ гроденапля, съ самими мелкими клѣпками, голубыми съ бѣлымъ, съ небольшою розеткою изъ клѣпчаныхъ ленпш, приличныхъ къ маперш.

Ожерелья дѣлаются въ новомъ родѣ относительно къ формѣ и работѣ. Онѣ походятъ на цѣпь, схваченную около шеи. Мы замѣтили въ магазинѣ *Chauffert* прелестныя приборы, въ которыхъ ожерелье сдѣлано было почно по шѣт, и потомъ опускалось однимъ концемъ до Сединь. Одишъ изъ сихъ приборовъ былъ изъ бляхъ, сопавленныхъ изъ машовыхъ золотыхъ лшпшьевъ, съ жемчугомъ и изумрудами. Другой приборъ шаккой же формы изъ прекрасныхъ анпиковъ, вдѣланныхъ въ бляхи изъ выработаннаго золота.

Карш. No 15. Газовый шюрбанъ.—Апласное плашье.—Шаръ изъ кашемировой кисей.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 33 и 34.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 25 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Бышь можешь — лесная надежда! —
Укажешь будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвишь: что-то былъ Поэтъ!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

С М И Р Е Н Н И Ц А.

(Изъ Бальзака).

Графиня N. есть одна изъ молодыхъ женщинъ, хорошо воспитанныхъ; она дама съ правилами; впрочемъ любить наряжаться, ѣздитъ на балы и въ оперу. Она добродѣтельна изъ одного расчета, или можешь быть потому, что ей это нравится. Семь лѣтъ уже какъ она женой графа N. Онъ человекъ весьма незначительный, но ему тепло при Дворѣ. Его хорошія качества и недоспапки отрицательны; первыя сполько же мало приносятъ ему имени добродѣтельнаго, сколько другіе набрасываютъ на него нѣкоторый блескъ пороковъ. Будучи депутатомъ, онъ никогда не говоритъ, за то исправно подаетъ голосъ. Обращеніе его въ супружескомъ быту есть такое, что и въ засѣданіяхъ; это лучший мужъ во всей Франціи. Онъ никогда не воспаляется, за то и не бранится, лишь бы его не заспавляли только дожидаться. Дѣйствительно въ немъ нѣтъ

ни слишкомъ яркаго свѣта, ни совершенной темноты. Впрочемъ, женщинъ съ правилами, не для чего желать лучшаго мужа. Довольно и того для добродѣтельной женщины, если мужъ ея не дѣлаетъ глупостей. Нѣкоторые въпрогоны покушались за панцами пожимать слегка ручку графини и въ отвѣтъ получали взгляды презрѣнія: это обидное равнодушіе, подобно весеннимъ морозамъ; оно разрушаетъ зародыши лучшихъ надеждъ. Красавцы, умники, шуты, дипломаты, люди съ громкими именами, весь этотъ народъ помрачала графиня. Она пріобрѣла право говорить такъ много и такъ долго, сколько ей заблагоразсудится, не спрашась попасъ въ альбомъ клеветы. Найдутся кокетки, способныя слѣдовать сему же плану въ продолженіи семи лѣтъ, чтобы выковать себя щипъ; но предполагать ту же мысль въ графинѣ, значило бы: злословить ея.

Я имѣлъ щастіе видѣть этого фенкса изъ всѣхъ графинъ, и такъ какъ я обладаю рѣдкимъ качествомъ: слушать какъ другіе говорятъ, то понравился ей. Я бываю у неѣ

на вечерахъ: вопль весь предѣлъ моего самолюбія. Нельзя графиню назвать красавицею, и нельзя же сказать, что она дурна. Она женщина рослая и стройная; имѣетъ бѣлые зубы, яркій цвѣтъ лица, губы чрезвычайно красныя, маленькую, узенькую и скромную носку. Глаза ея, ни сколько не похожія на погасшіе взгляды другихъ Парижанокъ, имѣютъ пріятный свѣтъ, который дѣлается магическимъ, если они случайно оживляются. Въ сей неопредѣленной формѣ вы угадываете душу. Если разговоръ для неѣ занимателенъ, она выказываетъ особенную прелесть, закрывшую подъ предосторожностію холоднаго обращенія, и тогда-то она становится прелестною. Не гонясь за побѣдами, она вездѣ побѣждаетъ; ибо всегда находить то, чего не ищешь. Справедливостъ сихъ словъ весьма часто подтверждается, и вѣрно они обращались когда нибудь въ пословицу. Я бы не осмѣлился рассказать вамъ нравственной спорны сего происшествія, если бы полки цѣлаго Парижа объ ономъ не дали мнѣ на то права.

Не болѣе какъ съ мѣсяць тому назадъ, графиня танцевала съ однимъ спраннымъ молодымъ человекомъ; онъ былъ сколько же скромнѣе, сколько и вѣрнѣе; имѣлъ много прекрасныхъ качествъ и выказывалъ одни только недоспадки; онъ былъ человекъ со спрасьями и всегда надъ ними смѣялся; имѣлъ дарованія и скрывалъ ихъ; съ аристократами корчилъ ученаго, а съ учеными аристократа. Короче: маркизь Эрнестъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ, весьма смысленныхъ людей, которые за все принимаются и, такъ сказать, хопятъ осязаемъ людей, чтобы предугадывать будущность. Онъ соединялъ въ себѣ оригинальность съ любезностію, а онѣ встрѣчаются рѣдко вмѣстѣ.

Цѣлые полчаса Эрнестъ разговаривалъ съ графинею безъ малѣйшихъ помысленій о какомъ бы то ни было успѣхѣ, и, мѣняя безпрестанно разговоръ, который начался объ оперѣ Вильгельмъ Тель, онъ оспановился на обязанностяхъ женщинъ, и

нѣсколько разъ взглядами своими приводилъ графиню въ замѣшательство. Послѣ сего, опошедъ отъ неѣ, онъ не говорилъ болѣе съ графинею во весь вечеръ. Танцевалъ, съль за карпы, проигрался и опсправился домой спать.

Честъ имѣю подтвердить, что все происходило такъ точно, какъ я говорю, не прибавляя и не убавляя ничего.

На другой день Эрнестъ проснулся поздно, и лежа въ постелѣ, вѣроятно предавался сладоуспыннымъ упрененнымъ мечтаніямъ.

Наконецъ Эрнестъ звнуль раза два, поспянулъ, позвонилъ, принялся за чай; потомъ шль его много, что вовсе не покажется спраннымъ охотникамъ до чаю; но чтобы объяснить обетоятельство сіе тѣмъ, кои допускаютъ употребленіе онаго, какъ средство только лекарственнаго, то я скажу просно: Эрнестъ писалъ. Онъ препокройно сидѣлъ; ноги его чаще поворачивались къ пылающему огню, нежели къ скамейкѣ у письменнаго стола. О! какое наслажденіе, возставъ отъ сна, сидѣть въ халатѣ у каміна. Обращаюсь ко всему человеческому роду. Не правда ли, что это восхищительная вещь? — Какъ часто я сожалѣю, что не имѣю ни любовницы, ни халата, ни каміна; если же когда нибудь случится мнѣ пріобрѣсть все это, о! увѣрю васъ: перестану писать романы, лучше бубу ихъ самъ производить!...

Первое письмо Эрнестъ написалъ въ четверть часа. Сложивъ его, запечаталъ; но не надписалъ адреса. Второе письмо, начатое въ одиннадцать часовъ, послѣло къ двѣнадцати. Цѣлыя четыре страницы были густо написаны. — Не понимаю право: жепщина эта безпрестанно верпится у меня въ голову, говорилъ онъ себѣ.

Сіе второе посланіе Эрнестъ также запечаталъ, не надписавъ; потомъ, прикрывъ одну полу своего халата другою, онъ пропаянулъ ноги на шабурешъ, заложилъ руки въ свои красныя кашемировыя шаравары и небрежно развалился на роскошномъ диванчикѣ, спинка коего и основаніе равнялись

углу спа двадцати градусовъ.—*Эрнестъ* переспалъ пить чай: вперилъ неподвижный взглядъ на бронзовыя украшенія дивана, однако ничего не видалъ. Опъ даже забывалъ мѣшать въ каминѣ. Непроспипельная ошибка!... Какое удовольствіе расколочивать пылающія дрова и думать о любви! Мнѣ кажется: мѣшать въ каминѣ, когда любишь, значитъ: матеріально развивать свои мысли.

Въ ту самую минуту я вошелъ къ *Эрнесту*; онъ приподнялся, спросивъ меня:

«А! ты здѣсь... Давно ли?»

—Только что вошелъ.—

«Очень радъ.» Послѣ чего онъ надписалъ оба письма и, кликнувъ лакея, сказалъ ему: снеси это въ городъ.

И *Жанъ*, не дѣлая никакихъ наблюдений, опправился: рѣдкій слуга!

Разговоръ у насъ начался объ экспедиціи въ Алжиръ, гдѣ я желалъ служить въ качествѣ испоріографа и редактора военныхъ бюллетеней, но *Эрнестъ* располковалъ мнѣ, что званіе мое, какъ сочинителя романовъ, можетъ вредить моему предпріятію; опъ чего предметъ разговора нашего измѣнился. Полагаю, что съ меня не взыщутъ, если я умолчу объ ономъ.

Въ два часа по полудни графиня только что встала, и горничная потчасъ же подала ей письмо. Пока *Тереза* убирала ей голову, она читала оное. (Мнѣ случалось видѣть эту же неоспорожность у многихъ дамъ).

O cher ange d'amour, trésor de vie et de bonheur!

При сихъ словахъ графиня хотѣла было бросить письмо въ огонь, но ей пришла въ голову фантазія, которую легко пойметъ каждая добродѣтельная женщина: ей хотѣлось именно узнать: чѣмъ кончитъ молодой человѣкъ, письмо котораго начиналось такъ спраспно.

И такъ она продолжала читать. Первертывавъ четвертую страницу, графиня опустила руки опъ усталости.

— *Тереза!* поди узнай, кто сюда принесъ это письмо.—

«Я его получила, судариня, опъ человѣка г. маркиза *Эрнеста М.*»

За симъ послѣдовало продолжительное молчаніе.

«Угодно ли вамъ одѣваться?» спросила *Тереза*.

— Нѣтъ.—

—Онъ долженъ быть очень дерзокъ!—подумала графиня.

Теперь покорнѣйше прошу всѣхъ милыхъ дамъ разгадать мысли графини. Но я избавлю васъ опъ этаго труда и объясню ихъ: она твердо рѣшилась не принимать маркиза, и если вспрѣпятъ его гдѣ нибудь, то наказатъ болѣе, нежели презрѣніемъ. Смѣлостъ его не могла даже сравниться ни съ одною изъ тѣхъ, кои и прежде графиня не прощала. Сначала она думала было оспавить письмо у себя, но поразмысливъ, она сожгла его.

«Ну признаюсь, барыня наша получила славное любовное объясненіе,» говорила *Тереза* старой нянюшкѣ.

— Я опъ неѣ этаго никогда не ожидала,—опвѣчала удивленная спарушка.

Вечеромъ графиня поѣхала къ маркизу *Л.*., гдѣ думала найти *Эрнеста*, попому, что это было въ субботу, а старый маркизъ былъ дядя *Эрнеста*, который не могъ не явиться въ продолженіе вечера. Въ два часа утра графиня для того оспалась дома, чпобы дождавшись молодаго человѣка, поразить его своимъ холоднымъ пріемомъ. Одинъ оспроумный писатель: г. *Стандаль*, возымѣлъ странную мысль, назвать *кристаллизациею* ту работу, коей подверглись мысли графини послѣ сего вечера. Не даромъ преобразователей липературныхъ прозвали романпиками!—Я согласенъ употребить слово кристаллизація: оно мнѣ нравится.

Четыре дни спустя, *Эрнестъ* бранилъ своего слугу.

«Послушай, *Жанъ*, я принужденъ буду тебя прогнать!»

— Что прикажете, сударь?... —

«Ты вѣчно все перепутаешь. Куда ты опнесъ два письма, что получилъ отъ меня въ пятницу?»

При семъ вопросъ *Жанъ* ошалѣлъ. Нѣсколько времени онъ стоялъ какъ вкопанный, напрягая всю способность своего воображенія. Вдругъ, онъ глупо улыбнулся, опивчая:

— Одно письмо было къ графинѣ *Н.* въ улицу Сенъ-Оноре, а другое къ вашему адвокату. —

«Такъ ли?»

И *Жанъ* опять смѣшался.

Я видѣлъ, что мнѣ пришлось вмѣшаться. На слова мои: *Жанъ* правъ, *Эрнестъ* обратился ко мнѣ.

— Я прочелъ адреса невзначай, — говорилъ я.

«Какъ, прервалъ *Эрнестъ*: развѣ на одномъ письмѣ не было написано къ виконсесъ *В...*?»

— Кой чортъ! я и тогда уже было подумалъ: какъ это пвое сердце скакнуло изъ улицы Сенъ-Доминикъ въ Сенъ-Оноре. —

Вмѣсто отвѣта *Эрнестъ* хлопнулъ себя по лбу и началъ смѣяться. Тупъ *Жанъ* замѣпилъ, что не его была вина.

Теперь выпишу мораль, о которой должны бы подумать молодые люди.

Первая ошибка: *Эрнесту* казалось забавнымъ заспавишь графиню смѣяться надъ ошибкою, по которой досталось ей любовное письмо.

Вторая ошибка: Онъ поѣхалъ къ ней не ранѣе, какъ чепыре дня спустя послѣ происшествія, давъ такимъ образомъ доставочное время кристаллизироваться мыслямъ молодой добродѣтельной женщины.

Нашлось бы еще съ десятокъ ошибокекъ, но объ нихъ умолчимъ, чпобы доставишь удовольствіе дамамъ располковать ихъ тѣмъ, кои сами недогадливы.

Эрнестъ скачетъ къ графинѣ, но у подъѣзда швейцаръ докладываетъ ему, что ея нѣтъ дома. Садясь въ коляску, онъ видишь графа копорый сказалъ: пожалуйте, маркизъ; жена моя у себя.

О! простите графа!.. онъ мужъ; и сколько-бъ ни былъ хорошъ, все же не можетъ имѣть всѣхъ совершенствъ.

Идя по лѣстницѣ, *Эрнестъ* принялся за размышленія, и тогда-то только замѣпилъ всѣ десять ошибокъ пропиву свѣтской логики.

Графиня невольнo покраснѣла, увидя супруга вмѣспъ съ *Эрнестомъ*. Маркизъ замѣпилъ эпу краску; и такъ какъ каждый молодой человекъ, даже самый скромный, имѣетъ въ себѣ частичку глупаго самолюбія, съ которымъ также не охотно распаешя, какъ женщины съ губительнымъ кокетствомъ, то и онъ невольнo подумалъ:

«Какъ! неужь-то гѣша крѣпость сдаешя!»

Графъ... увидя на каминѣ листокъ *Gazette de France*, опправился въ углубленіе окна, оставя маркиза съ графинею однихъ.

Женщина, я говорю о смиренницѣ, не долго остаешя въ замѣшательствѣ, хотя бы была въ самомъ затруднительномъ положеніи. Мнѣ кажешя, у неѣ всегда въ рукѣ вѣпка запрещеннаго дерева прабабушки *Евги*. И *Эрнестъ*, исполковывая въ свою пользу отказъ, сдѣланный ему при пріѣздѣ, раскланялся довольно развязно; но графиня, такъ сказавъ, запавѣсила свои мысли одною изъ пѣхъ женскихъ улыбокъ, которыя бываюшь непроницаемѣе даже словъ вельможи.

«Можешъ бышь вы нездоровы, графиня, попому что меня не хопѣли принять?»

— Напротивъ. —

«Или располагались выѣхать?»

— Нѣтъ, вовсе не собиралась. —

«Такъ можешъ бышь ожидали кого нибудь?»

— Никого. —

«Если посѣщеніе мое не въ пору, то обвинайте въ томъ графа: я хопѣлъ повиноваться вашему шайнственному желанію, но онъ меня встрѣпилъ и ввелъ въ святилище».

— Я графу не повѣряю моихъ мыслей; не всегда благо разумно дѣлать мужа учасннйкомъ *нѣкоторыхъ тайнъ*.—

Графиня произнесла слова сіи голосомъ пѣрдымъ, но пріятнымъ, и ея равнодушно важный взоръ, брошенный на *Эрнеста*, заставилъ его судить, что онъ неинго попорощился, заблаговременно поздравивъ себя съ побѣдой.

«Я васъ понимаю графиня, — отвѣчалъ онъ улыбаясь. Въ такомъ случаѣ я вдвойнѣ обязанъ графу за доставленіе мнѣ возможности принести вамъ оправданіе, весьма сомнительное, если бы я не смѣлъ надѣяться на доброту вашу.»

Графиня взглянула на молодого маркиза, но между тѣмъ отвѣчала ему съ нѣкоторою важностію:

— Прошу васъ замолчать; это будетъ лучшимъ оправданіемъ: я съ моей стороны объявляю совершенное забвеніе. Это есть родъ прощенья, котораго вы едва заслуживаете.—

«Графиня!» прервалъ съ живостію *Эрнестъ*: «прощеніе напрасно, когда не было оскорбленія. Письмо, которое вы получили и которое могло показаться вамъ столь неприличнымъ, было не для васъ назначено,» прибавилъ онъ въ полголоса.

Графиня не могла не улыбнуться.

— Къ чему говорить неправду?— отвѣчала она съ видомъ припворно-презрительнымъ и веселымъ, но голосомъ довольно пріятнымъ: я васъ побранила, и теперь охотно посмѣюсь надъ военною хитростію, которая довольно зла. Конечно, есть бѣдныя женщины, которыя бы повѣрили вамъ. Боже мой! какъ онъ любилъ!... сказали бы онъ.— И графиня начала громко смѣяться; потомъ, съ видомъ снисхожденія, она присовокупила:

— Если вы хотите, чтобы мы остались друзьями, то перестанемъ говорить объ ошибкахъ, которая не можетъ меня обмануть.

«Клянусь вамъ честію, сударыня, вы обманываетесь болѣе, нежели сколько думаете,» отвѣчала съ живостію *Эрнестъ*.

«Да о чемъ вы тамъ говорите?» спросилъ графъ, который съ мнѣнпу уже спарался разслушать ихъ разговоръ, не будучи въ состояніи проникнуть въ таинственный смыслъ его.

— О! это для васъ не занимательно!— отвѣчала графиня.

И графъ снова, престокойно принялся за газету.

— Знаете ли, милостивый государь, — говорила графиня, обращаясь къ *Эрнесту*: вы сказали дерзость.—

«Если бы я не зналъ вашихъ спрощихъ правилъ,» отвѣчалъ *Эрнестъ* простоушно: «то подумалъ бы, что вы хотите смѣяться надо мною, или сдѣлать меня непременно виноватымъ, или наконецъ, выведать мою тайну.»

Улыбка графини раздосадовала *Эрнеста*.

«Искренно желаю, чтобы вы лучше повѣрили оскорбленію, котораго я не думалъ вамъ нанести, нежели бы случайно узнали въ свѣтѣ шу особу, которая должна бы прочесть это письмо.»

— Какъ! не ужьли оно къ виконтессѣ?— воскликнула графиня, горя болѣе любопытствомъ проникнуть тайну, нежели мещію за эпиграммы молодого человека.—

Разумѣется, что *Эрнестъ* покраснѣлъ: надобно слишкомъ соспарѣться, чтобы не покраснѣть, когда произносятся имя, для насъ *дорогое*; но между тѣмъ онъ отвѣчалъ довольно хладнокровно: «о! нѣтъ сударыня!»

Вотъ промахи молодого человека въ двадцать пять лѣтъ.

Признаніе сіе сильно расстрогало графиню; но *Эрнестъ*, не умѣвшій еще анализировать женщины, взглядывалъ на лице графини то вскользь, то со стороны. Одни губы ея замѣтно поблѣднѣли. Наконецъ, она вспала, чему послѣдовалъ и маркизъ.

— Если это такъ, — сказала она съ видомъ холоднымъ и встревоженнымъ: то все же вамъ прудно объяснить мнѣ, какимъ образомъ могло выйти мое имя изъ подъ вашего пера; потому, что адресомъ на письмѣ нѣтъ

зл такъ легко размѣняться, какъ на балѣ при развѣздѣ шляпами.—

Смѣшавшійся *Эрнестъ* смотрѣлъ на графиню, какъ осполбенѣлый; но замѣшивъ наконецъ, что становится смѣшнымъ, пробормotalъ какую-то школьную фразу, опкланялся и вышелъ.

Нѣсколько дней спустя, графиня убѣдилась въ справедливости словъ *Эрнеста*. Вопшъ уже цѣлыя двѣ недѣли, какъ она не выезжаетъ.

Всѣмъ любопытствующимъ узнать причину этой переменны, графъ отвѣчаетъ: у моей жены воспаленіе въ желудкѣ.

Пер. А. Са—iii.

О П Е Р Н Ы Я Ч У Д Е С А .

Видѣлъ я Солнце и Луну, разговаривающихъ на небесахъ между собою; видѣлъ и ужаснаго *Нептуна*, выходящаго изъ моря съ зависшими на головѣ волосами.

Видѣлъ прекрасную *Киприду* съ прелестными взорами, съ живымъ румянцемъ, окруженную Амурами, рожденными не въ Циперѣ.

Видѣлъ Владыку грома, препещущаго опъ одинаго свиста и ожидающаго повелѣнія суфлера, дабы бросить перунъ свой на землю.

Видѣлъ, какъ изъ мрачнаго царства приближали съ факелами пятьдесятъ служащихъ духовъ, для разрушенія черпоговъ, сооруженныхъ изъ каршузной бумаги.

Видѣлъ крошкихъ драконовъ, показывающихъ зубы, но не кусающихъ; видѣлъ удивительные кинжалы, умерщвляющіе людей безъ малѣйшей раны.

Видѣлъ любовника одной пашушки, повелѣвающаго пицамъ молчать, когда она спала, и пѣвшаго въ то же время во весь голосъ.

Видѣлъ въ тревогѣ воиновъ, кричащихъ безпрерывно: «Къ оружію! къ оружію!»—и споявшихъ неподвижно, сложа руки.

Видѣлъ я, и кто тому повѣришь? видѣлъ Трипоновъ, морскихъ живописныхъ, обмѣнившихъ, для пляски, рыбы хвосты на пару башмаковъ.

Видѣлъ танцующія и скачущія рѣпки; видѣлъ, какъ плясали вдругъ при Игры, шесть Смѣховъ и два Въпра.

Видѣлъ препещущаго *Фаэтона* на колесницѣ его родителя, превращающаго въ пепелъ всю землю жестяными лучами.

Видѣлъ разъяреннаго *Роланда*, напрягающаго мышцы свои для испорченія изъ земли деревьевъ, которыя едва на ней держались.

Видѣлъ фурій, благосклонно отвѣтствующихъ на ласки человѣческія; видѣлъ волшебниковъ, воздвигающихъ великолѣпные черпоти и живущихъ на чердакахъ.

Видѣлъ живыхъ пѣней, дрожащихъ опъ спрахъ на берегахъ Спикса; видѣлъ адъ и всѣхъ демоновъ въ пяпи сажняхъ опъ рай.

Видѣлъ *Диану*, преслѣдующую съ жаромъ оленя; видѣлъ какъ и олень, позади кулись, бѣгалъ за *Дианою*.

Видѣлъ кровопролитное сраженіе, на которомъ не пролило ни капли крови; жестокій бой, послѣ котораго всѣ воины оспались живы.

Видѣлъ на сценѣ царицъ, величественно возсѣдавшихъ на великолѣпномъ тронѣ; видѣлъ ихъ, спящихъ за кулисами на спулѣ о трѣхъ ножкахъ.

С Т Р А Н Н А Я П О Э М А .

Въ одной Англійской газетѣ помѣщено слѣдующее забавное извѣстіе: Въ Нивершпашѣ была напечатана въ 1669 году на Латинскомъ языкѣ поэма, состоящая изъ 302 гексаметрическихъ стиховъ, заключающихъ въ себѣ 1500 словъ, каждое изъ нихъ, равно какъ и заглавіе поэмы, имя автора и проч., начинается съ буквы *P*. Твореніе сіе называется: *Pugna porcorum per Petrum Porcinum, Paraclesis pro potatore*. Эпиграфомъ избрано слѣдующее изреченіе: *Perlege porcorum pulcherima proelia, Potor, potando poteris proferre poesin*. Поэма начинается такъ: *Plaudite porcelli porcorum pigra propago*. Она написана вѣрными стихами и расположена по всѣмъ правиламъ Аристотеля.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСТОРИЯ О МАГОМЕТЪ-ЛѢВШѢ И ЕГО ТРЕХЪ ДЩЕРЯХЪ.

(Отрывокъ изъ романа Вашингтона-Ирвинга: *Алгамбра*.)

Небрежно покоясь на диванѣ, въ одной изъ залъ Алгамбры, *Магометъ-лѣвшя* вдыхалъ въ себя ароматную прохладу упря, какъ донесли ему о прибытіи невольника изъ крепости Салобрини, гдѣ его при дочери, подъ надзоромъ *Кадижи*, самой бдительнѣйшей изъ дуэнтъ, жили въ глубокомъ уединеніи. Невольникъ вручилъ *Магомету* поздравительное письмо отъ *Кадижи*: ибо по былъ день рожденія его дочерей. Въ то же время она прислала ему въ красивой, цвѣтами украшенной корзинчкѣ, на подстилкѣ изъ виноградныхъ и смоковыхъ листьевъ, одинъ персикъ, одинъ абрикосъ и одну брунеллу; мягкимъ пушкомъ еще подернутые плоды только что достигли зрѣлости. *Магометъ*, какъ знающъ восточнаго языка цвѣтовъ и плодовъ, немедленно разгадалъ смыслъ подарка.

— И такъ, приближается роковое время, предсказанное мнѣ звѣздочетами; — сказалъ онъ самъ себѣ — мои дочери невѣсты. Что мнѣ теперь дѣлать? — Онъ скрылся отъ зоровъ мушинъ; я ввѣрилъ ихъ надзору бдительной *Кадижи*; — все это хорошо, — но онъ живущъ не подъ моимъ собственнымъ присмотромъ, какъ звѣздочеты мнѣ приказывали. — Нѣтъ, нѣтъ! съ нынѣшняго дня онъ должнъ находиться подъ родительскою защитою; пора не довѣрять чужому надзору. —

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ приказываетъ употребить въ башнѣ Алгамбры все нужное для принятія трехъ принцессъ; онъ самъ, въ сопровожденіи своихъ пѣлохраниителей, отправляется въ крепость Салобрину.

Три года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ *Магометъ* не видалъ своихъ дочерей. Едва ввѣрилъ онъ глазамъ своимъ, увидя удивительную перемену, произведенную временемъ въ ихъ наружности. Онъ только что пресуприли доспопримѣчательный жизнен-

ный рубежъ, отдавляющій молодую, невинную дѣвочку отъ дѣвницы мыслящей, чувствующей, краснѣющей, подобный тому рубежу, который ведетъ путешественника изъ печальныхъ, пустынныхъ равнинъ Ла-Манхскихъ въ плодоносныя, роскошныя долины Андалузіи. — *Заида* была высока и стройна; глаза имѣла она черные, поступь благородную, величественную. Твердою сподою она подошла къ *Магомету* и поклонилась ему почтительно, какъ будто привѣстствуя въ немъ не сполько родителя, сколько государя. *Зораида*, средняго роста, съ очаровательнымъ взоромъ, граціозною поспуею, цвѣшущими ланитами, еще возвысила красоту свою блескомъ пышнаго наряда. Она съ улыбкою на устахъ приблизилась къ отцу, поцѣловала у него руку, привѣстствовала его нѣсколькими спсхами изъ любимыхъ поэтовъ монарха. *Зораида*, ропсомъ была менѣе своихъ сестеръ, слабал и робкая, казалась одною изъ тѣхъ красавицъ, копорыя впушаютъ участіе и коимъ нужна защита и подпора. Будучи неспособна владычествовать, какъ ея старшая сестра, или ослаблять, какъ другая, она, казалось, родилась на то, чтобы приковывать къ себѣ сердца любовью, въ ней искалъ себѣ подпоры и защиты, и всегда быть довольною своею участію. *Зораида* робко приблизилась къ отцу; она хотѣла облобызать его руку, но ободренная улыбкою *Магомета*, кинулась ему на шею; и предалась влеченію непримворной пѣжности. Любви исполненнымъ и въ то же время заботливымъ взоромъ *Магометъ* разсматривалъ своихъ дѣтей; ибо радуясь ихъ красотѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ невольню вспомнилъ о пророчествѣ звѣздочетовъ. — «Три дочери! при дочери!» бормоталъ онъ про себя: «и всѣ при невѣсты.» — Вотъ золотые плоды Гесперидскіе, къ коимъ нужно приставить спражемъ дракона.

Прежде, чѣмъ *Магометъ* отправился обратно въ Гранаду, онъ послалъ впередъ многихъ глашатаевъ для предостереженія вслкая, не показываться на дорогѣ. Онъ приказалъ, чтобы вездѣ, гдѣ принцессы будутъ проезжать, всѣ окна и двери были заперты. Вслѣдъ

за пѣмъ поѣздъ отправился въ путь, подъ прикрытіемъ дружины опвратительныхъ Мавровъ, покрытыхъ блестящими бронями.

Принцессы, окутанныя въ длинныя покрывала, ѣхали подлѣ опца на красивыхъ бѣлыхъ иноходцахъ, коихъ бархатныя, золотомъ вышитыя попоны висѣли до земли. Уздечки и спремена были также золотыя, а шелковыя поводья сверкали жемчугомъ и драгоценными камнями. На шеяхъ иноходцовъ висѣли серебряные колокольчики, которые, при равномерной, легкой поступи оныхъ, оглашали воздухъ пріятнымъ звономъ. Но горе тому, кого оспановятъ звуки сей музыки: спража имѣла приказаніе изрубить его безъ пощады.

Уже поѣздъ приближался къ Гранадѣ, какъ увидѣли на берегахъ Ксениля малочисленныи опрядъ Мавританскихъ воиновъ, провожавшій плѣнныхъ. Сип войны, не зная куда дѣваться, бросился ницъ на землю, и приказали своимъ плѣннымъ послѣдовать ихъ примѣру. Между сими послѣдними находились шрое Христіанскихъ рыцарей, которые увидѣли принцессъ съ высоты своихъ павильоновъ; или они не слышали приказанія, или не хотѣли повиноваться, какъ бы то ни было, но они оспались на ногахъ и успремилли свои взоры на поѣздъ. Сіе, по видимому преступное неуваженіе повелѣній *Магомета*, возбудило гнѣвъ его; онъ немедленно обнажилъ саблю лѣвою рукою и бросился на рыцарей. Уже кровь Христіанская должна была обогрѣть землю, но принцессы успѣшно окружили опца, умолая о пощаду. Даже слабая *Зораганда* покинула свою робость, и сдѣлалась краснорѣчивою при семъ необыкновенномъ случаѣ. *Магометъ* все еще грозно возносилъ свою лѣвую руку; шупъ начальникъ конвой бросился ему въ ноги: «Ваше величество! воздержитесь отъ поступка, который возмутитъ все государство. Эти три плѣнника благородные, храбрые воины, которые въ сраженіи оказали чудеса храбрости и, послѣ опчальной обороны, взяты нами въ плѣнъ; они всѣ знатнаго рода и дадутъ богатый выкупъ.»— Довольно! — сказалъ монархъ,— я

дарую имъ жизнь, но накажу ихъ дерзость; заключить ихъ въ Красную башню и осудить на тяжкую работу.—

Но чрезъ это именно *Магометъ* опять сдѣлалъ одну изъ свойственныхъ ему ошибокъ. Во время сей преводной сцены, покрывала прехъ принцессъ распахнулись, и блестящая красота ихъ опкрылась взорамъ всѣхъ присутствующихъ. Древнія повѣстии пѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что тогда любовь овладѣвала сердцами гораздо скорѣе, нежели нынѣ. Посему не удивительно, что предести прехъ принцессъ обворожили прехъ рыцарей; однакожь надобно взять въ соображеніе и то, что къ чувству удивленія присоединилось и чувство благодарности. Принцессы съ своей стороны также поражены были благородною осанкою Христіанъ, и не упустили ни одного слова изъ шого, что говорили про ихъ храбрость и знаменитый родъ.

Между пѣмъ поѣздъ отправился далѣе; принцессы, казалось, погружены были въ задумчивость; изрѣдка только онѣ оглядывались, чтобы еще разъ посмотрѣть на плѣнныхъ, которыхъ, по приказанію монарха, повели въ Красную башню.

Принцессы, казалось, доселѣ всегда довольны были своею участью въ замкѣ Салобринскомъ, и потому *Магометъ* полагалъ, что онѣ очарованы будущъ великолѣпиемъ Алгамбры, ихъ новаго мѣстопребыванія. Но какъ велико было его изумленіе, когда онъ узналъ, что его дочери безпрестанно грустятъ и тоскуютъ, что ни благоуханіе цвѣтовъ, ни пѣніе соловьевъ, ни тихое журчаніе фонтановъ не могутъ разсѣять ихъ горести. Но вспомнивъ, что дочери достигли шого возраста, въ которомъ развиваются спраспи, онъ подумалъ самъ въ себѣ: «онѣ ужъ не дѣтши; надобно, для разсѣянія, дать имъ приличныя ихъ возрасту занятія.»—Топчасъ послалъ онъ за искуснѣйшими золотошвейками и ювелирами Гранады, и подарилъ принцессамъ дорогихъ шелковыхъ пканей, золотомъ и серебромъ вышитыхъ брокадъ, Каццемирскихъ шалей, жемчужныхъ и бриліантовыхъ одерелъевъ, бо-

гапфйшыхъ серёгъ и драгоценнйшихъ за-
пяспевъ. Все щещно! Въ самыхъ бле-
спящихъ нарядахъ принцессы печались
и унывали. Онъ уподоблялись премъ розо-
вымъ почкамъ, которыя, будучи ужалены
насъкомымъ, медленно увядаютъ.

Магометъ не зналъ, что дѣлать. Онъ вооб-
ще имѣлъ большую довѣренность къ своему
уму, и никогда еще ни у кого не спраши-
валъ совѣта.—«Приходи и причуды энихъ
прехъ дѣвушекъ.»—сказалъ онъ самъ себѣ—
«могутъ привести впуникъ самый прозор-
ливый умъ;»—и на сей разъ рѣшился про-
сипть чужаго совѣта. Онъ обратился къ
мудрой дуэни.—«*Кадиджа*,» сказала *Маго-*
метъ: «я знаю, ты великая умница, въ пол-
ной мѣрѣ достойная моей довѣренности, и
помому досель ввѣрялъ тебѣ надзоръ надъ
моими дѣтьми. Подумаемъ-ка теперь о томъ,
нельзя ли опыскашь спасительное лекар-
ство для ихъ ранъ, нельзя ли возвратипть
имъ щаспие и здорье?»

Дуэнна обѣщала слѣпо повиноваться его
волѣ. Она лучше принцессъ знала болѣзнь,
которою онъ спрадала. Старуха заперлась
съ ними, и приложила все стараніе, чтобы
пріобрѣсти ихъ довѣренность.—«Возлюб-
ленные дѣточки мои,» сказала она имъ: «о
чемъ вы такъ поскуете въ эпомъ пріят-
номъ мѣспѣ, которое заключаешъ въ себѣ
все, что можешъ радовать сердце?» Прин-
цессы подняли къ небу свои томные взоры
и вздохнули.—«Говорите же, чего вы желае-
те?» продолжала она: «хотите ли удиви-
тельного поугая, который говоритъ на
всѣхъ языкахъ, и пѣшипъ всю Гранаду сво-
имъ болповспвомъ?»

— Ахъ, Боже мой, нѣшъ!—опѣчала *Заида*.

«Не хотите ли обезьяны со скалы Гиб-
ралтарской? Она спанешъ забавляпть васъ
своимъ уморительнымъ кривлянемъ.»

— Обезьяна!—воскликнула *Зораида*;— фи,
опъ неѣ несносно воняешъ.—

«А что вы скажете,» продолжала дуэнна:
«о знаменипомъ пѣвцѣ Маврипанскомъ, ко-
торый восхищаль гаремъ государя Ма-
рокскаго?—Говоряпть, что у него такой

понкй, звонкй голосокъ, словно какъ у жеп-
щины.»

— Лица энихъ черныхъ невольниковъ для
меня спрашны,—возразила робкая *Зораида*:
«припомъ же мнѣ опрошивѣла всякая му-
зыка.»—

«Ахши, мое дшпяпко! Ты бы такъ не го-
ворила, еслибъ, какъ я, вчера вечеромъ услы-
шала пѣніе прехъ плѣнныхъ Испанскихъ
рыцарей. Что съ вами, милая дѣпочка, что
вы такъ поблѣднѣли? Что васъ такъ вепре-
вожило?»

— Ничего, ничего, милая маменька!— воз-
разила дѣвица въ замѣшательствѣ.

«Если такъ,» продолжала старуха: «то
слушайте: вчера, проходя мимо Красной
башни, я увидѣла нашихъ проихъ плѣн-
ныхъ, которые опдыхали послѣ работы.
Одинъ изъ нихъ держаль гитару, изъ кото-
рой онъ извлекаль восхищительные звуки,
оба другіе пѣли попеременно. Пѣніе ихъ
было такъ сладкогласно, такъ плѣнительно,
что самая спражи спояли неподвижно, какъ
испуканы. Да простипть мое прегрѣшеніе
Алла, я не могла воздержаться опъ живѣй-
шаго умиленія, внимая сей пѣсни, которая
приводила мнѣ на память мою родину. Ахъ,
какъ прискорбно видѣпть энихъ благород-
ныхъ, опважныхъ рыцарей въ цѣпяхъ и въ
такой пляжкой неволь!»—Глаза чувствви-
тельной *Кадиджи* при сихъ словахъ напол-
нились слезами.

— Нельзя ли намъ посмотрѣпть на плѣн-
ныхъ?—спросила *Заида*.

— Я полагаю,—замѣшила *Зораида*,— что
эпа музыка будетъ имѣпть на мое здорье
благодѣтельное вліаніе.

Робкая *Зораида* не сказала ни слова, но
съ нѣжностью обвила свою руку вокругъ
спарухиной шеи.

«Бѣда! Бѣда!» вскричала *Кадиджа*: «Чего
вы опъ меня хотите! Если узнаете объ
эпомъ вашъ спрогй родитель, то всѣхъ
насъ предастъ смерти. Конечно эпи рыца-
ри знаменипаго происхождения, но что въ
эпомъ пользы? Они враги нашей религii, и

слѣдственно вы можете ципать къ нимъ полько омерзѣніе.

Дѣвицы не рѣдко имѣють смѣлоспъ, копорая не спрашитси угрозы, и идепъ навстрѣчу величайшимъ опасностямъ. Принцессы просили, умоляли и увѣрили, со слезами на глазахъ, что отказъ ея умершвишь ихъ. Что было дѣлать мудрой дуэннѣ? Хопя и совершенно преданная *Магомеду*, она однако же не хотѣла быпъ причиною смерпши прехъ красавицы; она пошла къ *Гуссейнъ-Бабѣ*, спражу *Испанцевѣ*.

Очень жаль, что мы должны сократити эту повѣспъ; весьма желали бы мы дать читателю идею о краснорѣчїи *Кадижи*, копорымъ она спаралась склонити *Гуссейнъ-Бабѣ*, широкоплечаго ренегата съ дикимъ взоромъ, чтобы онъ послалъ всѣхъ проихъ Христіанскихъ рыцарей работать подъ сводомъ башни, и позволилъ бы имъ, въ часы опдыха, играть на гитарѣ и пѣть. Въ заключение своей рѣчи спаруха сунула ему въ огрубѣлую руку нѣсколько золотыхъ монешъ, копорыя уничтожили всѣ опасенія ренегата,—и на другое упро наши при рыцаря работали подъ сводомъ башни.

Около полудня, когда ихъ соповарищиневольники, упомленные работою и зноемъ, уснули въ пѣни, а услужливый *Гуссейнъ* нарочно удалился, всѣ при рыцаря, съвъ на дерновую скамью подлѣ башни, запѣли подъ звукъ гитары *Испанскій романсъ*. Хопя башня и была очень высока, однакожь звуки пѣсни доходили до слуха споявшихъ на балконѣ принцессъ. Онѣ учились *Испанскому языку* у своей дуэнны, и потому заунывное пѣніе плѣнныхъ произвело сильное впечатлѣніе на ихъ сердце. Но мудрая *Кадижа* на это сильно разсердилась. — «Да защититъ насъ Алла!» воскликнула она: «Они поютъ любовныя пѣсни, копорыя намекаютъ на васъ, мои дѣпочки. Видана ли когда нибудь такая дерзоспъ? Я прикажу наказатъ ихъ палками.»

—Какъ! Такихъ красавцевъ-рыцарей бити палками?—воскликнули въ одинъ голосъ принцессы, вздрогнувъ при сей ужасной мысли: рыцарей, копорые такъ прїятно и про-

гашельно поютъ? Ты сама не знаешъ, что говоришь, милая маменька!— —

Не смотря на свое цѣломудренное негодованіе, *Кадижа* вскорѣ успокоилась; въ особенноспи, когда замѣтила благодѣтельное вліяніе музыки на прехъ своихъ пипомиць, коихъ глаза заблнспали прежнимъ огнемъ, розовыя дѣвспвенныя уста засіяли прежнею улыбкою. По окончанїи концерпа, принцессы пребыли нѣсколько времени безмолвными и неподвижными. Наконецъ *Зораида* взяла гитару, и запѣла сладоспнымъ, хопя робкимъ и дрожащимъ голосомъ, *Арабскій романсъ*, въ копоромъ каждый куплетъ оканчивался спихами: «Роза сокрыпа между цвѣтами, однакожь она съ воспоргомъ внимаешъ пѣнію соловья.»—Съ пѣхъ поръ *Испанскіе рыцари* каждый день работали подъ сводомъ башни. Нѣсколько времени они бесѣдовали посредспвомъ народныхъ пѣсешъ и романсовъ. Вскорѣ послѣ пого принцессы спали показывапъся на балконѣ, и бесѣда мало по малу обрапилась въ символическїй языкъ цвѣшовъ. Трудносп сего сообщенія мыслей придавала оному какую-то особенную прелеспъ, и пѣмъ самымъ еще болѣе усиливала споль необыкновеннымъ образомъ возникшую склонноспъ.

Внезапно прекратилась эпа телеграфическая бесѣда. Нѣсколько дней сряду плѣнные не показывались подъ сводомъ. Тщеспно прелеспныя принцессы протягивали свои лебединыя шеи надъ балкономъ; лщеспно онѣ пѣли, подобно горяющимъ соловьямъ въ клѣпкѣ, возлюбленные рыцари болѣе не показывались. Мудрая *Кадижа* пошла освѣдомитъся; вскорѣ она возвратилась съ упопающими въ слезахъ очами.

«Ахти, увы! мои дѣпочки!» возопила она: «все погнбло! Повѣспте ваши люпни на вѣпви ивы. Всѣ прое *Испанскихъ рыцарей* выкупили себя, и теперь собираются въ обратный путь. Но повѣрите ли, какое они дѣлали мнѣ предложеніе, мнѣ, наимудрѣйшей изъ дуэннѣ?—Не говорите мнѣ болѣе ни слова про эпихъ *Испанскихъ рыцарей!*»

— Чпожъ такое случилось?—спросила *Заида*.

«Представьте себя, мои дѣточки! Рыцари всячески спарались уговорить меня, чтобы я васъ упростила съ ними бѣжать, и клялись Всемогущимъ Богомъ, что соединятся съ вами узами брака, какъ скоро прѣдупъ въ свое опечесство.» — При сихъ словахъ *Кадиджа* закрыла лицо обѣими руками, и дала полную волю своей горести и своему гнѣву.

Невозможно изобразить безпокойство прехъ сестеръ. Внимая словамъ дуэнны, онѣ попеременно то краснѣли, то блѣднѣли; онѣ дрожа, въ крайнемъ замѣшательствѣ посмапиривали одна на другую, и ясно было видно, что сердца ихъ перзались различными чувствами. Между тѣмъ *Кадиджа*, казалось, совершенно предалась своей горести. — «Для того ли,» восклицала она: дождала я на спарости, чтобы меня предали пакому позору, меня, вѣрнѣйшую изъ служительницъ.»

Наконецъ подошла къ ней спаршая принцесса, которая при этомъ случаѣ показывала болѣе пвердоспи и присупствивя духа, нежели ея сестры.

— Какъ ты думаешь, милая маменька! — сказала она, и глаза ея возсіали надеждою, — ну, еслибъ мы согласились на просьбу рыцарей, то можно ли еѣ исполнить? —

Тупъ спаруха взглянула, и мгновенно переспала всхлипывать: «Исполнить?» повпорила она: «разумѣется можно; ибо рыцари уже успѣли подкупить *Гуссейнъ-Бабу*; все съ нимъ условлено. Но какъ мнѣ во зло упопребить довѣренность вашего родителя?» И ояпъ она завопила и зарыдала.

— Намъ родитель никогда не довѣрялъ, — отвѣчала *Зайда*: онъ довѣрялъ только замкамъ и замворамъ, и обходился съ нами, какъ съ плѣнницами. —

«Это конечно правда,» замѣтила спаруха, оспановя попокъ слезъ: «онъ, разумѣется, поступилъ съ вами безчеловѣчно, заключивъ васъ въ эту башню. Но рѣшитесь ли вы оставить вашу родину?»

— Развѣ спрана, въ которую насъ приглашаютъ, не дала жизни нашей доброй маменькѣ? Развѣ памъ не будемъ жить на свободѣ? Развѣ не найдемъ, вмѣсто спрогого родителя, молодыхъ и милыхъ супруговъ? —

«Все это правда,» возразила *Кадиджа*: «вашъ отецъ всегда вамъ былъ пираномъ; — но — примолвила она, и горестъ ояпъ овладѣла ею — можете ли вы покинуть меня, предавъ меня мценію вашего родителя?»

— Милая, добрая *Кадиджа*, — отвѣчала *Зайда*: поѣдемъ съ нами! —

«Очень хорошо,» сказала воспитательница: «Почему же мнѣ не ѣхать? *Гуссейнъ-Баба* обѣщала снабдить меня всѣмъ нужнымъ на дорогу, если я соглашусь вамъ сопупствивать.»

Назначенная для бѣгства ночь наступила. Всѣ выходы башни, въ которой жили принцессы, заперли по обыкновенію; вся Алгамбра погрузилась въ глубокій сонъ. Около полуночи мудрая *Кадиджа*, на цыпочкахъ вышедъ на балконъ, припала ухомъ къ рѣшеткѣ, обращенной въ садъ. *Гуссейнъ-Баба* былъ уже на мѣспѣ; онъ подалъ условленный знакъ. Дуэнна развернула веревчатую лѣспницу, и привязавъ еѣ къ балкону, сама первая спустилась въ садъ. Обѣ спаршія принцессы послѣдовали ея примѣру, не смотря на сильное бѣненіе сердца. Когда очередь дошла до младшей принцессы, то овладѣлъ ею невыразимый спрахъ; неоднократно она покушалась спунить на лѣспницу, но всякій разъ ояпъ опдергивала ножку. Чѣмъ болѣе она медлила, тѣмъ сильнѣе билось сердце. Въ эту минушу она невольню оглянулась въ свой перемъ; памъ она конечно жила, какъ ппичка въ клѣпкѣ, но по крайней мѣрѣ была въ безопасности; кто знаетъ, какими бѣдспвіямъ теперь она шла во срѣщеніе. Ояпъ она подумала о возлюбленномъ, еще разъ поставила на лѣспницу свою нѣжную ножку; попомъ вспомнила обѣ опцѣ, котораго намѣрена покинуть, и ояпъ опдернула ножку.

Слишкомъ удалились бы мы отъ нашего предмета, еслибъ захотѣли подробнѣе описывать борьбу сего невиннаго, любящаго и робкаго сущесства, еще незнакомаго съ міромъ. Тщешно умоляли сестры, негодовама дуэнна, бѣсился ренегатъ; робкая дѣва все еще медлила; съ одной стороны влекла еѣ

любовь, съ другой её устрашали опасности, представляемая ей воображеніемъ. Между тѣмъ каждое мгновеніе увеличивало опасность; шапруги, коихъ шаги уже были слышны, легко могли ихъ открыть.

«Мы всѣ погибнемъ, если долѣе будемъ мѣшкаеть,» пробормотала ренегатъ сквозь зубы: «Принцесса, скорѣ сойдице, или мы васъ оставимъ.» Нѣсколько мгновеній *Зораганда* еще была добычею жеспочайшей борьбы; вдругъ она съ опчаяннымъ усиленіемъ опвязала опъ балкона шелковую лѣспницу, и спремительно бросила её въ садъ. «Рѣшено!» воскликнула она: «спеперь бѣгство для меня уже невозможно! Прощайте, милыя сестрицы! Да сопутствуетъ вамъ и благословишь васъ Алла!—Прощайте!» повпорила она со вздохомъ и возвратилась въ свой перемъ. Старшія принцессы были въ опчаянніи, что сестра нейдетъ; онѣ еще хотѣли ждалъ, но дзоръ приближался. Ренегатъ свирѣпствовалъ; онѣ почти насильно увлечены были въ подземный ходъ. Бѣгство нашихъ любовниковъ достойно удивленія, но намъ пора кончить.

Легенда не распространяется о гнѣвѣ *Магомета*, когда онъ узналъ о бѣгствѣ своихъ дочерей. Это было въ первый разъ, что онъ испросилъ чужаго совѣта. Онъ поклялся, что впередъ уже не сдѣлаеть подобной ошибки. Родительски заболелся онъ о единственной у него оставшейся дочери, копорая ради него опказалась опъ бѣгства съ возлюбленнымъ. Но говорятъ, она вскорѣ тайно раскаллась въ томъ, что не послѣдовала примѣру сестеръ. Не разъ видѣли, какъ она, печально опираясь о перилы балкона, успремляла томные взоры къ горамъ Кордовы. Часто внимали звукамъ ея люпни, сопровождаемымъ жалобными романсами, въ которыхъ она выражала свою горестъ о томъ, что ей суждено жить въ одиночествѣ, въ разлукѣ съ сестрами и возлюбленнымъ. Она скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ, и по народному преданію бранные останки ея поклясь подъ сводомъ башни.

Съ Нѣм. В. Тило.

НѢЧТО О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА: МУЗА.

Кому не извѣстно, что Музы были богини, и самыя любезныя дѣти Юпитера и Мнемозины, также богини памяти. Кпо не знаемъ, что ихъ щипалось прежде при, потомъ девять, наконецъ десять, изъ коихъ къ попомспиву дошли только девять: Эвтерпа (1), Эрапо (2), Каліопа (3), Кліо (4), Мельпомена (5), Полимнія (6), Талія (7), Терпсихора (8) и Уранія (9), и что кромѣ сихъ именъ, по качествамъ и занятіямъ имъ данныхъ, назывались онѣ еще по мѣстопребываніямъ: Аганиппидами, Аопидами, Ардалидами, Геликонидами, Гипокрепидами, Иллисидами, Каспалидами, Корицидами, Либерпидами, Ангіями, Меопидами, Мнемозинидами, Олимпіадами, Пашеидами, Парнасидами, Пегассидами, Пимплеидами, Пьерпидами, Теспіадами, Фецидами, Циперіадами и проч.? Еще извѣстный, что каждой изъ нихъ приписываются изобрѣтенія разныхъ частей учености, разныхъ предметовъ, къ народному образованію принадлежащихъ, и, наконецъ, вообще всегдашнее наблюдение за всѣми знаніями человѣческими; но значеніе общаго, или родоваго ихъ названія досель подлежащъ разнымъ полкамъ: иные Музу называютъ вдохновеніемъ, иные разумніемъ, иные ученостью, и есть люди, называющіе её проспо буквою; но это догадки, и кажется, не совсѣмъ удачныя. Къ этимъ догадкамъ мы желаемъ прибавить еще одну, копорую по связи вещей и историческимъ розысканіямъ находимъ еспественнѣе, и слѣдовательно удовлетворительнѣе.

Органъ, копорымъ всѣ наши чувствованія, помышленія, движенія спрастей и памяти

- (1) Музыки.
- (2) Пѣснопѣній брачныхъ и любовныхъ.
- (3) Спиховъ ироническихъ.
- (4) Исторіи.
- (5) Трагедіи.
- (6) Особливо музыки струнной и исторіи.
- (7) Комедіи.
- (8) Пляски.
- (9) Астрономіи.

событій переносятъ къ другимъ, переходящъ изъ однихъ спрашъ въ другія, опть предковъ къ намъ, опть насъ къ попомспву— еспь бумага. Бумагу, нынѣ дѣлаемую изъ прешья, начали употреблять только съ 1311 года послѣ Р. X. (1).

До изобрѣшенія шрянной бумаги употребляли для письма дѣлаемую изъ хлопчатой съ 704 года послѣ Р. X. (2).

До изобрѣшенія письменной хлопчатой бумаги писали на пергаментъ или на кожѣ, копороу выдѣлка, для сего удобная, изобрѣшена въ Пергамѣ во время Пшоломея Епифана, около 204 года до Р. X.

До изобрѣшенія пергамена употреблялся для письма папирусь, со времени Александра великаго, или около 336 года до Р. X.

Не должно забыть, что съ неизвѣспныхъ времѣнъ высѣкали письмена на камняхъ; но каменные письмена употреблялись только для памяшниковъ неподвижныхъ (3), а книги, какъ выше сказано, писались на пергаментѣ и папирусь.

Теперь спрашивается: на чемъ писали до изобрѣшенія средства писать на папирусь? По историческимъ розысканіямъ находимъ, что прежде папируса со времени изобрѣшенія буквъ, которое (самое древнее) опноспна къ 1510 году (4) до Р. X., а у Кипай-

цовъ, ко временамъ еще опдаленнѣйшимъ, писали на широкихъ и прочныхъ листьяхъ одного дерева, въ большомъ количествѣ произраспавшаго въ Финикии, въ Египтѣ, въ Дамаскѣ, въ Александрии и проч., и имѣвшаго кромѣ листьевъ, для письма удобныхъ, и плоды весьма вкусные. Эшаго дерева тогдашнее названіе было: Муза (1). И такъ, дерево Муза, на листьяхъ коего сохранились первый или древнѣйшія письма, Греками причислено къ богамъ, и подъ различными именоваціями названо изобрѣшателемъ всѣхъ шѣхъ знаній и предметовъ, коихъ истинные и первые изобрѣшатели были неизвѣспны. Розысканія о происхожденіи слова: Муза, на Русскомъ языкѣ намъ не встрѣчалось, а потому изложили опое здѣсь по собственному нашему плану.

Руссовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЕ СПАСИБО ЗА СТАКАНЪ.

(Экспромптъ.)

М. В. Павлов...

Какъ миловиденъ вашъ *стаканъ!*...

Какой вамъ даръ прекрасный дасть
Наклеивашъ *ръзныя штучки!*

И золотыя ваши ручки
Чего не наклеили здѣсь? —

Тутъ все, что еспь на бѣломъ свѣтѣ,
Сказашъ смѣлѣй—и свѣтѣ шутъ весь:

Вотъ *дала* въ полномъ шулетѣ,—
Мартышка съ краснымъ колпакомъ; —

А вотъ Французскихъ *два солдата*
Не сладящъ съ Русскимъ мужичкомъ!

Вотъ паспущекъ, свирель и хапа...
Тутъ конь кипишъ подъ сѣдокомъ;

Комаръ воюешъ съ мошылкомъ;
Кругомъ сидящъ парядны шпицы;

А вотъ парядныя дѣвнцы

(1) Въ Россіи съ 1542 года.

(2) Шлецеръ и издатели книги: *L'art de verifier les dates* утверждають, что употребленіе писчей хлопчатой бумаги внесли въ Испанію Арабы въ IX столѣтій, дѣлая оную по примѣру шелковой, въ Китаѣ извѣспной съ опдаленной и неизвѣспной древности; но Арабы завоевали Испанію съ 704 года, посему кажешъ сомнипельнымъ, чтобы Арабы, завоевавъ Испанію около 100 лѣтъ, бумаги своей не употребляли.

(3) Между такими неподвижными памятниками сохранилась однако цѣлая лѣпопись, извѣспная подъ названіемъ Паросскихъ мраморовъ, кои бывъ увезены въ Англію, называются по фамилии ихъ владѣтелей: Аропделевыми.

(4) Въ сіе время жилъ Моисей, который, какъ утверждаетъ Евсвей, изобрѣлъ и письма Еврейскія; но Филонъ, Еврейскій же писатель, изобрѣшеніе Еврейскихъ письменъ опноспна ко временамъ Авраама.

(1) О прочихъ свойствахъ сего дерева можно читать въ Напуральной исторіи.

И льнешь надуший къ нимъ *павлинь*,
 И рыцарь на *осля* преважный,
 И *тигръ* (по щастію бумажный)!....
 Вошь въ *фазонѣ* господинъ,
 Съ бичемъ въ рукъ, съ манерной дамой...
 Все полно блескомъ, жизнью, драмой;
 Мнѣ кажется: шупъ говорятъ,
 Читають, спорящъ, разсуждають;
 Другъ къ другу на вечеръ спѣшатъ,
 Волненьемъ, суешой кипятъ;
 Но страхъ учпивы!... не полкають
 И не кусають никого,
 Не шакъ какъ въ свѣпъ!... Ничего
 Тупъ не боится *кроликъ-крошка*:
 Его сосѣди *песъ* и *кошка*,
 И что-жь?—Не прогають его!!...
 Какой урокъ для человека!
 Обращикъ *золотаго вѣка*
 Вы оживили на стеклѣ! —
 Но это кто на помель,
 (Держась за помело руками),
 Верхомъ, сказавъ: «*прости!*» землѣ,
 Лешись и вздорись съ облаками?
 Въ полночь, юркнувъ черезъ каминъ,
 Она капить на шумъ пирушки...
 Я узнаю... Нашъ *исполнитъ*—
 Поэтъ и краснописецъ *Пушкинъ*
 Её въ *Гусаръ* описалъ:
 То *вѣдьма!*—Вѣрно вы смѣялись,
 Когда въ узоръ вашъ попадались
 Такъ разнородно, какъ на балъ:
 И *лишь* и *котъ* и *сусликъ* грязной,
Фелида въ *фижмахъ* и *приказной*:
 Сумбуръ!—Но шайная есть связь!
 И, молча, носъ упкнулъ *карасъ*
 Въ колоду каршъ!... О! каршы въ модѣ!
 Корпиль надъ каршами весь свѣпъ!
 Въ *стаканѣ* вашемъ и въ народѣ
 Какихъ чудесъ, посмотришь, нѣпъ!?...
 Сударыня! всѣ ваши шпучки
 Улажены съ большимъ умомъ:
 Вашъ даръ—шаканъ—порукой въ шомъ...
 И я цѣлюю ваши ручки.

О. Глинка.

Э Л Е Г І Я.

Свѣпное, ясное небо!
 Какъ ты привѣпно склонилось къ землѣ!
 Какъ величаво на ней опразились,
 Цвѣпъ голубой и полуденный жаръ!
 Смопришь, и думаешь: если
 Свѣпдый взглядъ неба на землю—перерождаетъ
 Тощій хребетъ въ плодородныя нивы,
 Лды быспропечныхъ морей опъ солнца
 Топятся, съ черной волною мѣшался—
 Чпо же должно бышь памъ, въ эпомъ небѣ пре-
 красномъ?...

Свѣпное, ясное небо!
 Какъ ты привѣпно склонилось къ землѣ!
 Можно ли памъ, за проспранспвомъ далекимъ,
 Гдѣ ты съ землею слилось,
 Съ бѣдной земли преселишься на небо?...
 О, какъ памъ тепло, хорошо!...
 Какъ памъ привѣпливо, ясно!...
 Сколько памъ Ангеловъ есть!...
 Ангелы, людямъ родные,
 Тѣ молодые опходцы земли,
 Которые землю любили,
 Были любимы землей —
 Небу всю жизнь посвящили,
 Чая на небѣ приютъ свой родной!...

Свѣпное, ясное небо!
 Чпо же?... Возмешь ли меня опъ земли?...
 Ты успокоило многихъ
 Милыхъ мнѣ, близкихъ людей!
 Жажда привѣпливой вспрѣчи,
 Такъ и сушишь и снѣдаетъ меня!
 Скоро-ль я ввиду въ черпогъ швой злапой,
 Свѣпное, ясное небо?...

Н. Станеловъ.

STANCES A MA FILLE.

Ma chère enfant, viens, écoute ta mère,
 De mes leçons garde le souvenir;
 De la raison si le flambeau t'éclaire,
 Tu fixeras ton sort pour l'avenir.

Que ta pudeur soit ta seule parure;
Redoute l'art et la frivolité;
La vérité convient à la nature,
Le talent seul ajoute à la beauté.

Quand le matin tu vois briller la rose,
Songe qu'au soir elle ne sera plus;
Un seul moment de la beauté dispose:
On est toujours belle avec des vertus.

Si le malheur te suit dans ta carrière,
Arme ton cœur d'une noble fierté;
On est timide alors qu'on désespère:
Un front serein brave l'adversité.

Mais si le Ciel t'accordait l'opulence,
Et des jours purs par les plaisirs tracés,
Ouvre ton ame à l'honnête indigence,
Et que ses pleurs par toi soient effacés.

Ah! crains surtout que l'amour ne t'engage!
Une folie amène un repentir.
Pour assurer le bonheur d'un ménage,
Avec le cœur la raison doit choisir.

Sois toujours douce, affable, honnête et sage;
D'une coquette évite l'art flatteur;
Que la candeur peinte sur ton visage,
Fasse juger des vertus de ton cœur.

Puissé-je dire à mon heure dernière:
« De tout danger j'ai sauvé mon enfant! »
Je finirai sans regret ma carrière,
Si je te laisse heureuse en expirant.

О М О Н И М Ъ.

Я вещи многиа въ себѣ соединяю:
Въ лугахъ ли лѣпнею являюся порой,
При блескѣ солнечномъ какъ молнія сверкаю;
Цвѣты и мурава валяпся предо мной.
Но не въ шакоя была я модѣ
Въ спарь:
Меня носилъ Министръ, Сенаторъ, Государь.
Въ ашласъ и шапкѣ являлась я въ народѣ.

Я иногда песчана и сыра,
На взморьѣ обипаю,
И, если знойная пора,
То въ волны далеко вспупаю.

III.

LOGOGRIPE.

Ici l'on me vénère, ailleurs je suis proscrit,
Et jadis pour mon culte on fit plus d'une guerre:
Dans les conciles même où l'on m'avait maudit,
Je fus reinstallé par l'ordre du Saint-Père.
Si tu coupes ma tête, alors, mon cher lecteur,
Tu trouveras le nom qu'on donnait à ces sages
Qui vinrent d'Orient pour voir notre Sauveur,
Lui présenter leurs vœux et leurs humbles hommages.
Mon corps renferme aussi certain mot en usage,
Qui figure le tems et dont le prompt déclin
Déplait à la coquette et même à l'homme sage.
On ne me voit en grand que dans un lieu divin.

Въ No 32-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: Canon, апон, пои, он.

MODES.

Pour terminer nos indications sur les bals, nous détaillerons l'ensemble de quelques toilettes qui nous ont paru les plus saillantes dans les réunions des dernières semaines.

Une robe de crêpe rose ouvrait sur un jupon en pou de soie rose, garni de deux hauts volans de blonde. La jupe de dessus était fixée à celle de dessous par des bouquets de violettes de Parme. Ces mêmes fleurs formaient agrafes au corsage et dans les manches; dans les cheveux deux bouquets de violettes, et un petit diadème de diamans montés sur de l'émail noir; point de collier: une écharpe de blonde à légers dessins rayés, et à mailles dentelle.

Une robe d'Angleterre sur un jupon de satin bleu ciel était retenue par des nœuds de satin à longs pans que fixait une agrafe de perles, d'où pendaient cinq poires de diamans. Dans les cheveux une guirlande de véronique; pour bijoux des perles et des diamans.

Une robe de tulle cerise était ouverte en crevés sur le côté, fermés par des nœuds de gaze cerise et

des touffes de *boutons d'or*. Dans les cheveux une couronne de *boutons d'or*; pour bijoux, des camées.

Une toilette simple fut remarquée comme très-nouvelle; c'était une robe de crêpe blanc à corsage blanc décoleté; le tour de la gorge, au lieu d'être bordé d'une blonde, était bordé d'une frange en soie blanche. Cette frange garnissait le troisième bouillon de la manche, et une espèce de mancheron ou jockey à trois dents retombait sur le premier bouillon; une large ceinture de satin blanc terminée par de la frange, nouait par devant à longs pans.

Pour poser sur le devant des bonnets, les fleuristes montent de très-petites fleurs de couleur avec beaucoup de feuillage très-délicat et touffu. Ces fleurs se posent de chaque côté, tombant en dehors des touffes.

Nous avons remarqué dans les magasins de *la Providence* une étoffe simple et distinguée; ce sont les marcellines *camayeux*. Elles sont destinées aux robes tout-à-fait négligées.

Une des plus belles étoffes que nous ayons vues est le *pou de soie damassé* et broché à fleurs brillantes, dont M. Gagelin vient de recevoir de nouvelles pièces à dessins nouveaux d'un aspect riche et paré. *Ses gazes de soie du printemps* sont fraîches et brillantes.

En fantaisie, une des étoffes du matin qui nous a frappés comme très-distinguée à cause de son extrême simplicité, est un gros de Naples à *œil de perdrix*. Sur un fond vert, un petit rond noir; sur un fond brun, un petit rond blanc. Ce gros de Naples est tout-à-fait dans le goût des dernières années du dix-huitième siècle.

М О Д Ы.

Чтобъ окончить наши замѣчанія о балахъ, мы опишемъ подробно нѣсколько нарядовъ, показавшихся намъ самыми рѣзкими въ собраніяхъ послѣдней недѣли.

Открытое розовое креповое платье, на юбкѣ изъ розоваго *pou de soie*, обшитой двумя блондовыми оборками. Верхняя юбка была прихвачена къ нижней букетами Пармскихъ фиалокъ. Изъ этихъ же цвѣтовъ составлены заспѣжки у лифа и рукавовъ. Въ волосахъ два букета фиалокъ, и

небольшая діадема изъ бриліантовъ, вѣланныхъ въ черную эмаль; ожерелья не было; блондовый шарфъ съ легкими полосатыми узорами, сдѣланными кружевною пеллею.

Платье изъ Англійскихъ кружевовъ, на голубой атласной юбкѣ прихвачено было атласными бантами съ длинными концами, придержанными застежками изъ жемчугу, къ которымъ подвѣшено было по пяти бриліантовыхъ грушъ. Въ волосахъ гирланда изъ вероники; приборъ изъ жемчугу съ бриліантами.

Платье изъ алаго шюля, открыто на боку прорѣзми, составленными изъ газовыхъ алыхъ бантовъ и кустиковъ изъ *boutons d'or*. Въ волосахъ вѣнокъ изъ *boutons d'or*; приборъ изъ аншиковъ.

Простой нарядъ замѣченъ былъ какъ весьма новый: бѣлое креповое платье съ бѣлымъ открытымъ лифомъ; вверху лифъ вмѣсто блонды, обшитъ былъ бѣлою шелковою бахрамою. Этой же бахрамою обшита была прешья буфа рукава, и родъ рукавчика или эполета откидывался на первую буфу; широкій бѣлый атласный поясъ, съ бахрамою на концахъ, завязанъ былъ спереди съ длинными концами.

Для накамыванія спереди на чепчики, цвѣточницы дѣлають самые мелкіе цвѣты, съ множествомъ нѣжной и густой зелени. Эти цвѣты прикалываютъ съ каждой стороны, выдавшись передъ кустиками.

Мы замѣтили въ магазинѣ *la Providence* простую и отличную матерію; это марселинъ *camayeux*. Её употребляютъ для самыхъ простыхъ платьевъ.

Самая красивая матерія, какую мы видали, это *pou de soie damassé* и зашканный блестящими цвѣтами. Г-нъ *Gagelin* получилъ новый шпукъ съ новыми узорами, имѣющія богатый и нарядный видъ. Его шелковые весенніе газы легки и блестящи.

Изъ прихотливыхъ матерій мы замѣтили одну какъ весьма отличную по ея чрезвычайной простотѣ, это гроденапль à *œil de perdrix*. По зеленому грунту, маленькіе чѣрные кружки; по темному грунту, маленькіе бѣлые кружки. Этопль гроденапль совершенно во вкусъ послѣднихъ годовъ осьмнадцатаго столѣтія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 35.

СРЕДА, Мая 2 дня 1854 года.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

Задумчива ли ты, смѣешься, или поѣшь,
О Хлоя милая! ты всѣмъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МОДНАЯ ДАМА 1833 ГОДА.

Я говорю 1833 года потому, что, какъ всякому легко себя представить, модная дама нынѣшняго года конечно еще не была ею въ 1832, и разумѣется, уже не будетъ въ 1834 году. Я знаю многихъ дамъ эпаго рода, копорымъ, въ свое время, довольно было прехъ мѣсяцовъ, иногда мѣсяца и даже недѣли, чтобы послѣ сего срока уступить мѣсто соперницѣ, которая не превосходила ихъ ни въ красотѣ, ни въ богатствѣ, ни въ молодости, и которой одна только прихоть, ничто, менѣе нежели ничто, однимъ словомъ—мода, передавала скипетръ ея предшественницы.

И беззаботная, веселая, непостоянная, облеченная газомъ и цвѣтами, шелковыми тканями и мѣхами, она приняла сей скипетръ, не зная всей его тягости, не обдумавъ всѣхъ непріятностей, съ владычествомъ сего рода соединенныхъ.

Знаете ли вы, что такое модная дама, какъ она пріобрѣтаетъ сей титулъ, и къ чему онъ еѣ обязываетъ? слушайте:

Семь или восемь вертопраховъ, но вертопраховъ хорошаго тона, оплечающихся бездостью, скрывающихъ съ такимъ же стараніемъ свои познанія, съ какимъ иной папикъ свои слабости; вертопраховъ съ лорнетами, въ шелковыхъ чулкахъ и желтыхъ перчаткахъ; семь или восемь эпихъ вертопраховъ берутъ на себя попеченіе поспавить одну изъ знакомыхъ имъ дамъ царцею моды; и вотъ они начинаютъ вездѣ прославлять еѣ, всюду за нею слѣдуютъ, являются съ готовностью служить ей, читаютъ приказанія въ ея малѣйшемъ взглядѣ, короче, среди пысли женщины, видятъ одну только еѣ.

Въ театрѣ, сіи семь или восемь вертопраховъ входятъ полною къ ней въ ложу, какъ будто для изъясненія своихъ привѣтствій, начинаютъ громко говорить, тогда какъ она смѣется, и обращаютъ на себя вниманіе партера, который сначала воз-

спаетъ пропивъ ихъ шумливости, но увидѣвъ хорошенькую дамочку, успокоивается. Это заставляетъ говорить:

— Кто эта дама?—«Такая-то! Не уже ли вы не знаете? Она изъ самыхъ модныхъ дамъ въ Парижѣ.»— Мнѣ кажется, она не изъ первыхъ красавицъ.—«Я и не называлъ её первую красавицею, а называлъ модною дамою, это большая разница.»— Извините, я этого не зналъ.—«Это долженъ быть провинціалъ,» говоритъ лѣвый сосѣдь своему правому сосѣду.— Или прѣвзжй изъ Алжира, — отвѣчаетъ правый сосѣдь, улыбаясь.

Чтобы заслужить названіе модной дамы, не нужно быть герцогиней, маркизой, графиней, или знапною дамою; гораздо лучше всего этого имѣть мужемъ банкира; о! мужъ банкиръ—вотъ мужъ *par excellence*, высокій идеалъ мужей, мужъ истинно романтическій.

Мужъ - банкиръ пріобрѣщаетъ столько денегъ, и такъ проворно, такъ легко, такъ удобно, что право, надобно быть хуже, нежели мужемъ-скрягою, чтобъ отказать женѣ въ нарядахъ, въ драгоценностяхъ, въ пряткахъ, которыя можно достать однимъ почеркомъ карандаша въ продолженіе одной секунды.

Правда, что одной секунды довольно и на то, чтобы испребить весь итогъ почерковъ карандаша за цѣлый годъ; но что же дѣлать? это другая спорона медали.

Возвращаюсь къ моему предмету, отъ котораго отвлекло меня это небольшое отступленіе, и прошу мнѣ простить сіе послѣднее.

Такимъ образомъ, чтобъ быть модною дамою, надобно имѣть немного болѣе двадцати и немного менѣе тридцати лѣтъ оцѣ роду; быть или дородною, или худощавою, это совершенно равно; имѣть русые, черные, или каштановые волосы,—нѣтъ нужды до цвѣта (разумеется, только не рыжіе); надобно однакоже замѣтить, что владычество брюнетки продолжается нѣсколькими днями долѣе владычества блондинки.

Модная дама одѣвается всегда просто и щеголевато, но никогда не надѣвается брилліантовъ (предусмотрительное созданіе, она побережетъ ихъ для того, чтобы обратиться на себя вниманіе, когда настанетъ конецъ ея господству).

Модная дама прѣвзжаетъ на балъ: её ангажируютъ танцовать при выходѣ изъ кареты, ангажируютъ на лѣспницѣ, въ передней; её ангажировали вчера, прѣшлаго дня, на послѣднемъ балѣ; когда она входитъ въ залу, то число сдѣланныхъ ей приглашеній превышаетъ количество танцовъ, которые будутъ танцовать во всю ночь.

За то, недогадливый кавалеръ; который вздумаетъ подойти къ ней, лишь только она покажется, навѣрное получитъ въ отвѣтъ: «Я уже ангажирована, сударь.»— На второй, сударыня.— «Я дала уже слово.»— На третій.— «Я приглашена на десять, и вѣрно больше танцовать не буду.»—Въ такомъ случаѣ, сударыня, не откажите мнѣ въ удовольствіи провальсировать съ вами.— «Меня ангажировали для вальса на все продолженіе бала.»—По крайней мѣрѣ, позвольте просить васъ на галопъ.— «Я намѣрена танцовать его не больше одного раза, и кавалеръ мой уже здѣсь.»— Мнѣ оспается сожалѣть, что я такъ несчастливъ, сударыня!—И бѣдняжка опходитъ прочь съ тяжкимъ вздохомъ, а модная дама въ ту же минуту о немъ позабываетъ.

Тутъ собирается вокругъ неё ужаснѣйшая толпа; она не успѣваетъ отвѣчать на всѣ приглашенія, съ которыми къ ней обращаются; её душають комплименами, если только комплименты могутъ душиить, и возносятся лестною до седьмого неба. Это восхищительно.

Она оспается на балѣ на самое короткое время, чтобы только блеснуть и скрыться; потомъ, повпоряетъ тоже дѣйствіе еще на двухъ или трехъ балахъ; и возвращается домой гораздо прежде, чѣмъ успалость погаситъ блескъ ея взоровъ, разовьетъ ея шелковыя кудри, и поколеблетъ въ основаніи зыбкое зданіе ея убора.

Надобно, чтобы о ней могли сказать: «она привадила на один миг; её зовут во столько мѣстъ; на ней лежатъ столько свѣтскихъ обязанностей, что ей нельзя являться иначе, какъ на минуточку; но никогда не была она такъ мила, какъ въ нынѣшней вечеръ.»

Въ какой бы то вечеръ ни было, нѣтъ нужды.

Модная дама встаетъ поздно; утро проводитъ дома, въ хозяйственныхъ занятіяхъ, если у неё нѣтъ для эпаго матери, или свекрови; также занимается дѣтьми, если ихъ имѣетъ; въ противномъ случаѣ посвящаетъ утро рисованью, музыкѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ женщины всѣмъ этимъ занимаются и не скрываютъ того; имъ даютъ отличное воспитаніе; онѣ обладаютъ многими пріятными талантами, любятъ музыку и живопись. Но оставимъ это.

Около четырехъ часовъ, она садится въ карету и ѣдетъ,—куда? Въ Булонскій лѣсъ, гдѣ ждетъ её ослѣдманная лошадь, которую держитъ жокей въ богатой ливреѣ, также сидящій на красивой лошади. Потомъ, по сторонамъ ея несутся нѣсколько всадниковъ, ея вчерашнихъ кавалеровъ, тѣ семь или восемь вертопраховъ, которыхъ вы знаете.

Если дурна погода: модная дама отправляется дѣлать визиты, покупки, или ѣдетъ смотрѣть новую выставку художественныхъ произведеній.

За прогулкою-обѣдъ, послѣ того театръ, тамъ балъ, и такимъ образомъ проходитъ время до весны, эпохи, въ которую модница, хотя немного заботящаяся о своемъ добромъ имени, бросаетъ Парижъ; уѣзжаетъ въ деревню и возвращается не прежде, какъ въ началъ зимы, гораздо прелестнѣе и свѣжѣе, нежели была когда нибудь.

Но увы! мѣсто ея занято другою, престолю ея похищенъ, скипетръ сокрушенъ, владычество миновалось. Впрочемъ, она можетъ еще поспѣть мѣста, которыхъ были свидѣтелями ея славы; она можетъ лично насладиться успѣхами своей соперницы, или

видя ихъ, надорваться опъ зависти, какъ ей угодно. Она можетъ также, если ей вздумается, снова прияться за разработку эпаго движущагося рудника выученныхъ взглядовъ, нѣжныхъ вздоховъ, льстивыхъ привѣтспвій,—но увы!...

Въ театръ, нѣтъ уже болѣе толпы въ ея ложѣ; дверь ея не распоряется поминутно; на балъ, вокругъ неё нѣтъ уже болѣе снроя кавалеровъ. Ровно столько приглашеній, сколько танцуютъ танцовъ, и много, если одно лишнее. Нѣтъ болѣе густаго вихря пыли вокругъ ея кареты, на дорогѣ въ Булонскій лѣсъ; а точъ въ точъ столько, сколько нужно, чтобы ослѣпить проезжающаго, но никакъ не болѣе,—это ужасно!

Въ такомъ случаѣ, если мужъ бывшей модной дамы сохранилъ свое богатство (что въ наше время случается очень рѣдко): то роскошь самая изысканная, нарядъ самый модный, еще заставятъ обратить на неё вниманіе; но подлѣ неё, и довольно громко, для того, чтобы она могла слышать, спануть говорить: «это такая-то; она прошлаго года сводила всѣхъ съ ума; модная дама того времени, теперь это одна изъ «нашихъ свѣтскихъ женщинъ.»

Или же, если мужъ ея лишился своего состоянія, дѣло весьма естественное, (дѣлаго года много для богатства въ Парижѣ), и какой нибудь спарикъ, человекъ съ разсѣяною памятью, случайно спроситъ у молодаго фашіонабля: скажите, мой милый, куда дѣвалась такая-то?—«Такая-то? Право, не знаю, о комъ вы говорите.»—«Вотъ еще!—«Клянусь честью.»—А та прелестная блондинка (или брѳнетка, смотря по обстоятельству), которая галоцировала подоль съ вами?—«А! такъ, теперь я вспомнилъ.»—Мужъ ея разорился, а она?—«Ей Богу не знаю, что съ нею сдѣлалось; теперь её нигдѣ не видно. Но извините: вотъ идетъ наша настоящая богиня: я ангажировалъ её.» — —

И забывчивый кавалеръ начинаетъ около неё увиваться; обращается съ прошлогонными привѣтспвіями, улыбками и взглядами къ пеперешней модной дамѣ.

Скажите же, сподѣлал ли пруда вводилъ себя въ такія непріятности, въ такія хлопоты, чтобы въ продолженіе, по самой большей мѣрѣ, шести мѣсяцовъ, слыть модною дамою, а потомъ, въ слѣдующемъ году, видѣть себя забытою, или бытъ не болѣе, какъ свѣтскою женщиною?

Право, по моему мнѣнію, гораздо лучше веселился не блистая, плѣняя не ослѣпляя, не внушая ни зависти, ни сожалѣнія; не заимѣвая собою никого, даже подъ опасеніемъ, что сами вы будете немного въ заимѣніи, и просто нравиться! Какъ вы объ этомъ думаете?

Впрочемъ, не всякая свѣтская дама можетъ сдѣлаться модною дамою, по своему желанію.

Говорятъ, что эта мысль облегчаетъ плечо сего пингуды для тѣхъ, кто его носитъ, и утѣшаетъ тѣхъ, кто не можетъ имъ пользоваться. Не ручаюсь за справедливость его: мнѣ это вовсе неизвѣстно.

Пер. *Ип. Глбосъ.*

САМОУБИЙЦА.

Одному Англичанину надоѣла жизнь.— Почему?.. Не знаю!— Да кажется онъ и самъ не зналъ этому причины.— Ненависть къ жизни есть весьма обыкновенная болѣзнь Великобританцевъ: ничто такъ не располагаетъ къ ипохондріи, какъ порперъ и гуслые туманы.

У Англичанъ мысль о самоубійствѣ не дѣлаетъ особаго впечатлѣнія на мозговые органы, т. е. они не сходятъ напередъ съ ума, чтобы потомъ заспѣряться или утопиться. Самоубійство есть у нихъ дѣло почти обыкновенное; такъ, между прочимъ... путешествіе на пароходѣ, безъ возвращенія опшуда.

Мой Англичанинъ цѣлую недѣлю прежде занимался уплатою своихъ щеповъ, и вообще приведеніемъ дѣлъ своихъ въ порядокъ. Потомъ пошелъ къ Темзѣ, раздѣлся, завязалъ

все свое платье въ узелъ, какъ дѣлають купающіеся, и бросился въ рѣку.

Поселяне, увидѣвъ упопающаго челоука, бросились къ нему на помощь, и спасли его. Это дѣйствіе не входило въ расчетъ Англичанина: онъ взбѣсился, порядочно поколопилъ своихъ спасителей и пошелъ далѣе по берегу Темзы, чтобы утопиться снова.— Поселяне не выпускали его изъ виду.— «Это сумасшедшій», говорили они: «настоящій дуракъ, прибилъ насъ вмѣсто благодарности;—но мы однако же не дадимъ погубить ему свою душу.» Сказавъ это, они опять бросились на помощь Англичанину, и снова выплывили его на берегъ.

«Экіе дьяволы», ворчалъ сквозь зубы Англичанинъ: «нигдѣ не дають мнѣ утопиться—а это такъ мнѣ казалось пріятно... Какимъ бы образомъ отправиться мнѣ на пароходѣ? А, вошь щастливая мысль!» Онъ скинулъ свой галстукъ, одинъ конецъ онаго привязалъ къ полному суку дерева, а другой къ своей шеѣ—повисъ на ономъ и удушился.

Поселяне видѣли и эту продѣлку Англичанина, однако не прогались съ мѣста. Вскорѣ послѣ того на мѣстѣ происшествія явилась полиція, но не успѣла спасти жизнь повѣсившагося.

«Какъ вамъ не стыдно, ребята;» сказалъ полицейскій споявшій въблизи поселянамъ: «Вы видѣли и не могли помѣшать самоубійцѣ въ исполненіи его намѣренія?»

— Какъ! не ужели онъ повѣсился?—«Конечно, и вамъ нельзя было не примѣнить этого.»—Извините г. констабель,—два раза мы выпаскивали его изъ воды—и думали, что онъ, повиснувъ на деревѣ, хотѣлъ только просушиться на солнцѣ.

Пер. *Круг... съ.*

БОГОМОЛЕЦЪ.

Однажды докторъ позванъ былъ къ родильницѣ. Какъ большой опасности еще не было, то его оставили въ госпиной. Чрезъ

часть ожиданія, выходилъ изъ спальни мужъ. «Ну, все кончено, *Ив. Адам.*; извиняйте, что васъ обезпокоилъ.»—И, вмѣстѣ съ пѣмъ, даешъ ему за визитъ.—Я буду молить за васъ Бога,—сказалъ докторъ.—«За что же?» спросилъ мужъ.—Я,—опивъчалъ докторъ: *всегда моллю Бога за того, кто мнѣ даромъ даетъ деньги.*—

И-ЕЩЕ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

«Какимъ образомъ ушибенъ у тебя, братецъ, глазъ?»— Не образолъ, а *подсвѣтничкомъ* за кармаи.—

СЛОВЕСНОСТЬ.

СОФІЯ И ГЕНРИХЪ.

Народное преданіе.

(Изъ *Одынца.*)

Часть первая.

Просьба.

Изъ скалы, клянусь честію, высъчены опцовскія сердца: моленья, жалобы, слезы—ничто ихъ не прогаситъ.

Отвѣт.

«О, мой родитель! Убей меня, въ землю зарой живую, или пронъся моими слезами, не опринь опчаянной дочери.

«Скорѣ рѣки обращаются къ испоку водъ своихъ, скорѣ скалы, какъ воскъ распаятъ, нежели забуду я *Генриха*, и буду женою *Оскарда.*»

— *Софія!* Безмолвствуй и будь покорна волѣ отца: пвой *Генрихъ* могъ измѣнить тебѣ; онъ могъ погибнуть въ сраженіи.—

«Ахъ, нѣтъ, мой нѣжный родитель! Сердце *Генриха* постоляно, измѣна чужда ему, онъ любитъ меня по прежнему.

«Не ты-ль насавлялъ его жертвовати опечеству покоемъ и жизни: раны, колпорыя

получилъ опъ, сражаясь за благо опчизны, замедляютъ его возвращеніе.

«Я помню, какъ прощался ты съ *Генрихомъ*, и надѣвал на него панцырь, говорилъ: возвращись, тошоша храбрый, возвращись—и *Софія* пвол!»

— Безразсудная! Ты дерзаешь... знаю, знаю къ чему опносятся рѣчь пвол: ты упрекаешь меня въ измѣнѣ честному слову; но пусть возвращился пвой *Генрихъ*— я сдержу свое слово!—

«О, мой отецъ, вѣчно буду тебѣ признательна: ты извелъ меня изъ пропасти ада!»—При сихъ словахъ руминецъ Авроры показался на блѣдныхъ ланипахъ дѣвicy.

Графъ остановилъ на ней соколиный взоръ свой. Лице его поблѣднѣло опъ гнѣва и мощная длань мимовольно склонилась на рукоятку меча.

«Родитель! зри жестокою мою горестъ! Опсрочъ приготоваемый бракъ: придетъ воскресенье, и... вѣрное извѣстіе получила я... *Генрихъ* мой возвратился.»

— Извѣстіе?...— гнѣвно вымолвилъ графъ, окпнувъ дочь свою окомъ суровымъ: извѣстіе?... Опкуда, черезъ кого?... Но, пусть пакъ: я далъ тебѣ слово.

— Знай только, что когда въ воскресенье настанетъ время полудня, бракъ пвой ни на минуточку не будетъ опсрочекъ. Я не приму болѣе никакихъ опговорокъ.—

Опъ кончилъ, и взявъ величественный свой шлемъ, удалился. Сердце *Софіи* было похоже на увядающій цвѣшокъ, утрепцею роскою орошенный.

Часть вторая.

Ожиданіе.

Но напрасно ждетъ, пождетъ: никого по дорогѣ не видно.

Мицкевичъ.

Едва желанное упрое опразилось на башняхъ замка, и наѣхали въ замокъ гости званые; загремѣли въ немъ брачныя пѣсни.

Оруженосцы разукрасили сполы, погнувшіеся подъ тяжестью сосудовъ серебряныхъ.

Толпы васаловъ, какъ море, нахлынули на пространныя площади замка.

Часовая спрѣлка на башнѣ начала приближаться къ полудню; все приготоовлено было въ церкви къ совершенію брака; не было только випязи и младои невѣсмы его въ церквѣ.

Въ слезахъ побѣжала она на верхъ башни, оградою обнесенный, посмотрѣвъ, не ѣдетъ ли милый.

Она господствуетъ взоромъ надъ обширнымъ пространствомъ дороги, слушаетъ не переводя духа — но — никого не видно, и ничего не слышно.

«*Агнеса!* взойди на башню, сядь со мною и смотри на дорогу: быть можетъ, увидимъ его; я бѣлаго свѣта не вижу.»

Сказавъ сіе, она закрыла плапкомъ глаза.— «*Агнеса!* который часъ?»— Еще полчаса до полудня.—И, посмотривъ въ поле дѣвица... посмотривъ, и пуще заплачетъ.

«*Агнеса!* не видишь ли ты кого-нибудь? Не слышишь ли попопа по лѣсу?»—Только въперъ шумитъ, только пыль, какъ шуманъ, по дорогѣ несется.—

«О *Генрихъ!* Гдѣ ты, неоцѣненный мой *Генрихъ?*... Приди, останои адской бракъ мой... О, ужасъ! Быть можетъ, раны твои... Быть можетъ, несчастіе новое...»

«*Агнеса!* который часъ?»— Только чепверть часа остаеися.— «О Боже! на Тебл возлагаю надежду! Только Твоя святая десница можетъ спасти меня!»

«*Агнеса!* не видишь ли ты кого-нибудь? Не слышишь ли попопа по лѣсу?»—Только въперъ шумитъ, только пыль, какъ шуманъ, по дорогѣ несется.—

«И болѣе ничего?»—Ничего совершенно.— «О, какъ я несчастна!... Увы! время уходитъ... долгъ призываетъ меня... О *Генрихъ!* гдѣ ты? Ахъ, гдѣ ты?»

«Неблагодарный! Быть можетъ, у ногъ другой ты смѣешься надъ горькими моими сле-

зами, презираешь мою любовь непорочную... *Агнеса!* не видишь ли ты чего нибудь?»

— Слышу... попопъ конской раздался... Вижу, вижу, какъ вихоръ онъ мчится: это онъ, это онъ!... — «Онъ!... Кто онъ?»... — Женихъ.—

«Жестокая!... И пакъ сей, ужаснѣйшій смерти бракъ, для меня неизбѣженъ! О ты, виновникъ моихъ несчастій! Гдѣ ты, ахъ! гдѣ ты, единственный другъ мой?...

«Минута ужасная приближается!.. Свершилось!... Ожиданье напрасно!... О *Генрихъ!*... Будь щасливъ — ежели можешь быть щасливымъ безъ меня!»

Но послѣднія слова ея заглушилъ громъ пушекъ, около башни стоящихъ: гулъ выспрѣловъ, какъ звукъ погребальной трубы, опдался въ душѣ одинокой невѣсмы.

— Дочь моя, прошелъ назначенный часъ— сказалъ графъ—все готово: помни обѣщаніе, побкою мнѣ данное, и повинуйся волѣ опца. Не возмущай его напрасными своими слезаами; пускай презрѣніе будетъ оплатою за невѣрность: *Генрихъ* забудь тебя—будь женою *Оскалда*.—

«О, буду, буду, опецъ мой! преодолѣю и ненависть и любовь!» И взоръ ея, орошенный слезами, невольнo обратился на праздное пространство дороги.

Часть претъя.

Вьнганье.

Святой опецъ! меня соедини съ нею!

Мицкевичъ.

Тамъ, гдѣ величественныя колонны поддерживали преддверіе храма, гордый обѣщаннымъ щасіемъ, стоялъ неперпѣливый женихъ.

Далѣе, сосѣдніе юноши, блистая красою и золотомъ, украшенные миршовыми вѣнками, ожидали невѣсму.

Смотрите: это она, она — а съ нею двѣ молодыя подруги. Съ главы ея виситъ бѣлое покрывало и обвиваетъ спройный ея станъ.

Какъ мѣсячный лучъ въ водѣ, такъ она дрожитъ и блѣднѣетъ. Взоръ ея, орошенный слезами, поникнулъ къ землѣ.

Зазвенѣли липавры и трубы; опѣ звука ихъ потряслися окна въ храмѣ! Уже *Оскарда*, вмѣстѣ съ прекрасною своею невѣстою, переснупили священный прагъ церкви.

Приготовясь къ началію службы, священникъ окончилъ предшествовавшія браку молитвы и присупилъ къ совершенію священнаго обряда.

Онъ освятилъ молитвою кольца, на золотомъ блюдѣ лежащія, и окропилъ ихъ святою водою; жениху вручилъ кольцо невѣсты—невѣстѣ кольцо жениха.

И, воздѣвъ горѣ правую длань свою, медленно спалъ читать онъ клятву.—Невѣста, желаешь ли быть супругою юноши, предъ побоемъ спящаго?—«Желаю.»—Добровольно... непринужденно?—

—Но ты молчишь... отвѣчай смѣло, безъ слезъ и рыданій... Но кто нарушаетъ безмолвіе храма?—«Остановись, святой отецъ! удалишься, васаллы!»

Кто это? рыцарь? О Небо! Стройна и мужественная осанка... лицо, вмѣстѣ пріятное и суровое, выражаетъ непертерливость.

Черный, безъ знака, панцырь его, покрытъ дорожною пылью; на черномъ шлемѣ колеблется черныя перья.

Васаллы, устращенные явленіемъ рыцаря, съ видомъ смиренной покорности озираютъ его. Скорыми шагами онъ приближается къ алтарю.

Глухой шопотъ послышался въ церкви: Кто это? рыцарь? Никто не знаетъ; но сердце блѣдной невѣсты колеблется между надеждою и страхомъ.

О Небо! Это онъ, это милый ей *Генрихъ*! Она привѣтствуетъ его радостнымъ воплемъ. Священникъ окончилъ начатый имъ обрядъ—и соединилъ узамъ брака *Софію* и *Генриха*.

Съ Польскаго Ст.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕЛИСАВЕТЪ НИКОЛАЕВНЪ ХИТРОВОЙ.

(При посылкѣ долготроющаго соловья.)

Вопь вамъ малюшка-соловей!

Пипомецъ плѣна и людей;

Онъ не порхалъ па зыбкой вѣшкѣ:

Онъ родился и выросъ въ клѣткѣ;

И щасливъ: онъ не понялъ мукъ,

Какими насъ томилъ неволя.

Не зналъ ни садовъ, ни полей,

У васъ, изъ вашихъ добрыхъ рукъ,

Свой кормъ свободно будетъ кушать,

Васъ будетъ знать, любить и слушать.

Но если тайный гласъ весны

Встревожитъ сонную природу,

Къ нему спорхнутъ златые сны,

Во снѣ увидитъ онъ свободу,—

Тогда малюшкѣ грудь зажесть

Тоска по родинѣ безвѣстной,

Онъ загруститъ и запоетъ;

Но пѣсни робкой, въ клѣткѣ тѣсной,

Не повторитъ долины даль:

Его вздыхающіе поны,

Урчанье томное и стоны,

Навѣютъ на душу печаль.

И вамъ ужъ вѣрно спанеть жалъ

Запворника.—Тогда, съ улыбкой,

Тихонько клѣтку отворя,

Вы скажете: «падь рѣчкой зыбкой

«Горитъ рубинами заря;

«Прошли невзгоды и морозы:

«Лети, мой узникъ! въ область розы,

«Гулай по роцамъ и лѣсамъ!»

И онъ, свободный и щасливый,

Лети, куда не зналъ самъ,

Присядетъ подъ навѣсомъ ивы;

О вашихъ ласкахъ вспомнитъ

И вѣрно разъ еще вздохнетъ;

Но чувство воли одолѣетъ,

Во взоръ радость засвѣплетъ:

Онъ громко, громко запоетъ,

Роняя посвисты и шреды...

И васъ утѣшитъ въ пѣсни мой,

И звукъ произшельной свирѣли,

И пеноръ ровный и густой,
И высвистъ ясный, благородный....
Такъ онъ поётъ, пѣвецъ свободный,
Свою весну, свою любовь,
Въ душистой зелени садовъ.

О. Глинка.

Ш А Р А Д А.

На первое, за воровство и за обманъ,
Пресупниковъ сажаютъ
У чамоносныхъ Музульманъ;
Последнимъ же поэты чувства выражаютъ,
Поютъ восторги радости, печали;
А цыгане, чиншатель! вѣрно вы встрѣчали,
Гдѣ пилятъ красный лѣсъ.
Его царемъ лягушкамъ далъ Зевесъ.

К. Жеревъ.

Въ No 33 и 34-мъ помѣщенные значашъ: омонимъ *Коса*;
логогрифъ *Image, tage, âge*.

M O D E S.

Les magasins de bonneterie s'occupent toujours des bas en soie de couleur; il paraît que l'on voudrait établir de porter les bas semblables aux robes; comme autrefois on portait selon la robe, *le bas à coins assortis*. Pour donner notre avis nous attendrons que la mode se soit prononcée.

Les mitaines se feront peut-être également en soie de couleur; en attendant on porte toujours celles de dentelle ou blonde noire, de dentelle ou blonde blanche, et celles en filet de soie brodées au plumetis.

Plus riches on voit aussi celles de point d'Alençon ou application d'Angleterre.

Pour mettre avec une robe Pompadour à pointe, en belle étoffe riche, rien n'est plus en harmonie que les *corsages*; cette ligne de pierreries qui descend en partageant le corsage et traçant une ligne brillante sur la poitrine. Dans le magasin de M. Chauffert, nous avons remarqué un de ces bijoux d'un effet admirable; sur des plaques d'émail noir entouré d'or brun, se détachent des turquoises rondes et des diamans.

La mode des bagues s'affaiblit, mais elle ne peut passer. On en fait de nouvelles, on en fait de riches, massives, apparentes. Une forme que l'on porte beaucoup et fort bien, est un serpent qui fait trois fois le tour du doigt, sa tête et sa queue se redressent en sens différens; ses yeux sont marqués par des pierres. Ce genre de bague est d'autant mieux que le serpent est fort et bien dessiné.

Pl. No 14. Habit à colet de velours. — Gilet de velours. — Pantalon de drap. — Redingote de drap. — Gilet de cachemire. — Pantalon de casimir.

М О Д Ы.

Чулочные магазины продолжаютъ заниматься вышитыми шелковыми чулками; кажется хотѣтъ ввести въ употребленіе чулки подъ цвѣтъ плащамъ, какъ прежде дѣлали спирылки у чулокъ различные плащамъ. Чтobъ подать наше мнѣніе, мы подождемъ рѣшенія моды.

Мишени, можеть, такъже будутъ носить цвѣтные шелковые; между шѣмъ носятъ кружевные или блондовые, и шелковые филейные, вышитые гладью.

Наряднѣ видны изъ point d'Alençon или Англійскихъ кружевовъ.

Для плаща Помпадуръ, съ мыскомъ, изъ богатой и красивой матеріи, ничего нѣтъ приличнѣе *corsages*; эща полоска изъ каменьевъ, которая спускается, разделяя лѣвъ и пролагая блестящую полосу на груди. Въ магазинѣ г-на *Chauffert* мы замѣтили подобную вещь удивительной красоты; на чѣрныхъ эмалевыхъ бляхахъ, окруженныхъ шѣннымъ золотомъ, ошдѣляются круглыя бирюзы и бриліанты.

Мода на кольца уменьшается, но не можеть совсѣмъ пройти. Дѣлають новыя, богатыя, тяжелыя, замѣныя. Въ форма въ большомъ употребленіи: змѣя, обернута въ три раза около пальца, хвостъ и голова приподымаются въ разныхъ стороны, глаза означены каменьями. Эшошъ родъ шѣмъ лучше, что змѣя очень хорошо изображена.

Карп. No 14. Фракъ съ бархатнымъ воротникомъ. — Суконныя панталоны. — Суконный рединготъ. — Кашемировый жилетъ. — Казимировыя панталоны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 36.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 5 дня, 1854 года.

Ну, что вашъ бапюшка? все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка оппрыгаль ли свой вѣкъ?

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОДАННАЯ ЖЕНА.

(Изъ воспоминаній путешественника).

Проходя въ Лондонѣ по одной площади, я увидѣлъ молодую женщину лѣтъ двадцати пяти; ея черные какъ смоль волосы, покрытые шелковою косынкою, упали локонами на ея плечи; спань ея былъ высокъ и спроенъ. Подлѣ неѣ находилось какое-то уродливое, исковерканное существо, составлявшее странную противоположность съ симъ ангеломъ красоты и кротости. Эпонтъ сокращенный челоуѣкъ былъ мужъ ея, честный Лондонскій ремесленникъ. Толпа народа окружала его. Подстрекаемый любопытствомъ, я подошелъ къ сей странной четѣ... Какое зрѣлище представилось мнѣ! На шеѣ этой женщины была веревка, какъ-бы у презрѣнной невольницы, и, событіе непоспимое въ странѣ образованной, самъ мужъ водилъ еѣ по поржищу! При видѣ сего я не могъ воздержать моего негодованія, особенно когда услышалъ сиповатый голосъ мужа, котораго кричалъ: «Продается женщина за тридцать

шиллингъ!» Казалось, что въ покупщикахъ не было недоспапка, но никто не давалъ пребуемой цѣны, мужъ же съ своей стороны не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей успупки. Хотя я женатъ, но рѣшился приобрести молодую Англичанку, съ шѣмъ, чптобъ немедленно дать ей свободу.

Въ эту самую минупу подошелъ ко мнѣ молодой челоуѣкъ небольшого роста. Я уже прежде замѣтилъ, что онъ нѣсколько разъ проходилъ среди толпы съ разсѣленнымъ видомъ и часто посмапривалъ на кожаный кошелекъ, бросая жадныя взгляды на жену ремесленника; онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ покраснѣвъ:

«Милоспивый государь, вы богаты, эта женщина конечно достанется вамъ... я не имѣю состоянія, въ противномъ случаѣ... Но кто бы вы не были, дозвольте мнѣ сопоставить ея благополучіе.»

Удивленный сими словами, я приспально посмопрѣлъ на молодаго челоуѣка; его смущенный видъ, блѣдное, разспроенное лицо, глаза омоченные слезами, ясно доказывали мнѣ, что онъ принимаетъ большое участіе

въ продажной женщинѣ. Изъ немногихъ сказанныхъ мнѣ словъ и изъ выраженій физиогноміи прелестной невольницы и молодого человека, я понялъ все. Не входя въ дамнѣйшіе распросы, я опдалъ кошелекъ мой юношѣ, который въ свою очередь очень хорошо понялъ меня. Не теряя времени, онъ побѣжалъ къ мужу, опдалъ ему тридцать шиллинговъ, и взявъ купленную имъ женщину подъ руку, возвратилъ мнѣ кошелекъ, поблагодарилъ меня за доставленное ему щастіе и исчезъ въ толпѣ.

Мужъ пересчиталъ деньги и, довольный своею продажею, вошелъ въ ближайшій шиннокъ. Что касается до меня, то я возвратился домой, радуясь о случившемся со мною происшествіи, но удивляясь сему странному праву, предоставленному Англійскими законами мужьямъ, которые могутъ такимъ образомъ публично продавать женъ своихъ, даже безъ участія оцѣнщика.

Съ Франц. М. Медвѣжикъ.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы .

Философъ предоставляет своему портному одѣвать себя. Избѣгать моды и слѣдовать ей съ рабскою покорностію, есть одна и таже слабость.

*

Мущина пріобрѣтаетъ тонкость ума и чувства, женщина родится съ нею.

*

Чѣмъ болѣе женщины праздны, тѣмъ болѣе занято ихъ сердце.

*

Сердце женщины можетъ быть закрыто для любви, но не для кокетства.

*

Нельзя выгодно заключать ни о сердцѣ, ни объ умѣ того, кто не любитъ женщинъ.

*

Природа набрасываетъ абрисъ кокетки; искусство ея дорисовываетъ.

*

Все согласны, что хорошее общество есть рѣдкость, но никто не сознается, что оно принадлежитъ къ дурному.

*

Нѣжная женщина уступаетъ сердцу, кокетка только разсудку.

*

Усовершенствованіе палантовъ въ женщинахъ болѣе льститъ ихъ тщеславію, нежели способствуетъ ихъ благополучію.

*

Добрыя качества мужчинъ столь же неприличны женщинамъ, какъ и недоспадки ихъ.

П О Р А О Б Ѣ Д А .

Время обѣда въ Петербургѣ весьма различно: купцы, студенты, ученики всѣхъ казенныхъ образовательныхъ заведеній, монашеры, инстинпупки, ремесленники—обѣдаютъ въ полдень; чиновники въ 3 часа, высшіе чиновники въ 4, модный свѣтъ въ 5, 6 и 7 часовъ. Столъ Англичанина ярко отличаетъ отъ обѣда Француза: послѣдній ѣстъ много хлѣба, а мало мяса; Англичанинъ напрошивъ того пьетъ болѣе мясомъ. Французъ любитъ мясо хорошо-разваренное; Англичанинъ едва не сырое. Французъ съ удовольствіемъ садится за столъ, обставленный разными кушаньями; Англичанину довольно двухъ блюдъ, лишь бы между ними былъ бифстекъ. Французъ любитъ долго сидѣть за столомъ и разговаривать; Англичанинъ ѣстъ скоро, чтобы скорѣе приступить за бутылку, которая осушаетъ онъ до самаго вечера, разговаривая съ пріятелями о полипикѣ. Русскій любитъ щи, бутраки, вешчину, ботвинью, кулебяку, бужанину самую жирную, уху, подовые пироги, квасъ, кисляя щи, пѣнящіяся какъ Шампанское, и наливки.

ДЛЯ РЕВНИВЫХЪ.

Какой-то старый ревнивецъ выдумалъ новое средство подсапривать за своею молодою женою. Онъ вырѣзалъ лицо въ своемъ портретѣ, висѣвшемъ въ спальнѣ жены, и всякой разъ, уходя будто бы со двора, прокрадывался въ сосѣднюю комнату, гдѣ чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе въ стѣнѣ вспавлялъ лицо свое въ картину. Жена замѣтила эту хитрость мужа, и вздумала проучить его примѣрнымъ образомъ. Однажды, когда настоящее лицо ревнивца вмѣсто живописнаго явилось въ рамкѣ портрета, жена съѣла за письменный столъ, спала писавъ любовное письмо и перечитывавъ его вслухъ. Портретъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. «Ты можешь быть сердисься, размалеванная рожа, на мой поступокъ, но я вдвое сержусь на твою глупую ревность.» Съ симъ словомъ оскорбленная супруга вскочила на стулъ и дала одушевленному портрету двѣ жаркія пощечины. Ревнивецъ съ пѣхъ поръ не смѣлъ уже вспавлять въ золотую раму своей старой хари.

ПИСЬМО МОЛОДАГО КУПЧИКА КЪ ОДНОМУ ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ, ОТЪ 29-го ЯНВАРЯ 1854 ГОДА.

М. г.! Имѣлъ удовольствіе я быть въ черашняго числа вашемъ магазинѣ въ книжномъ библиотикѣ которыя вы изволили мнѣ предовѣрить ваши книги 4 части Леониды, что я вамъ объяснялъ въ черашняго числа вамъ изволимъ предъявить, что сегоднешняго дня доставилъ хотѣлъ вамъ деньги, но покорнѣйши васъ прошу: меня извинишь, я получу на сихъ дня большія деньги то я вамъ доставлю сбольшими благодарностию. Какъ естъ пожа коммерческой хочу быть человѣкомъ то васъ прошу быть вономъ спокойны.

Милостиваго государя

Покорнѣйши слуга

А. С.

ВЫБОРЪ КНИГЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

«Какія книги читаешь ты нынѣ?» спросилъ старикъ дядя у шестнадцатилѣтней сироты-племянницы, взятой имъ на воспитаніе и привезенной къ нему въ Петербургъ изъ за-Рязани. — Мнѣ очень расхвалили нѣкоторые новые романы, — почтительно отвѣчала сирота: такъ я взяла ихъ изъ Библиотеки чтенія — и сегодня вечеромъ займусь ими. — «Книги эаго разбора сведутъ тебя съ ума; читай-ка, милая, лучше книгу *Наула* о великомъ Божіемъ мірѣ, она наведетъ тебя на умъ!» замѣтилъ ей благо-разумный воспитатель.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЕ САДЫ.

Неправильный четверугольникъ 700 въ длину и 600 аршинъ въ ширину занятъ садомъ: на одномъ углу его дворець. Въ него ведутъ 9 воротъ, изъ коихъ 7 для экипажей, хотя ѣздить позволяется только по большой, средней и по окружной аллеямъ.

Ворота чугунныя и мраморныя болѣе всѣхъ достойны замѣчанія; они великолѣпнѣе соотвѣтствуютъ пѣмъ великимъ событіямъ, въ честь коихъ они сооружены здѣсь.

Первыя, съ надписью: *Любезныя сослуживцалъ мои*, поставлены Императоромъ *Александромъ* по возвращеніи изъ побѣдоноснаго похода въ Парижъ. Они воздвигнуты пропивъ дома князя В. П. *Кочубелъ*; передъ ними полукруглая площадка; 8 дорическихкихъ колоннъ составляютъ рѣшетки съ арматурой; — на другую сторону въ садъ таже са-мая надпись по Французски.

Вторыя воздвигнуты *Екатериною великою* въ память прекращенія моровой язвы; на нихъ надпись: *Орловыиъ отъ бѣды избавлена Москва*. Величественный портикъ оныхъ, изъ разноцвѣтнаго мрамора, въ Римскомъ

вкусъ, похожъ на *Arco di Tito* въ Римѣ. Опъ суровости мороза мраморы разсѣлись, въ щрещины набилась земля, и поросшій въ нихъ мохъ, повиллика и кустарники дають симъ триумфальнымъ вратамъ наружность хорошо сохранившагося антика. Передъ ними Гатчинская дорога.

Еще одни чугунныя ворота пропивъ Александровскаго Кадетскаго Корпуса: легки, красивы и освѣщаются хрустальными фонарями: всѣ прочія ничего не имѣють любопытнаго.

Воды сада ясны, чисты и здоровы, хотя проведены за 18 верстъ, посредствомъ трубъ, изъ села Танць.

Садъ по улицѣ обнесенъ рѣшеткой съ каменной граничною набережною; съ другихъ споронъ идетъ ровъ съ часпоколомъ.

Екатерина великая, кажется, желала собрать въ свой садъ образки всѣхъ странъ Свѣта, или садъ хотѣла превратить въ маленькой мѣрѣ, гдѣ на каждомъ бы шагу встрѣчали еѣ памятники. Взойдемъ въ него по ея дорогѣ мимо Греческаго храма, привезеннаго сюда изъ Мореи графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ *Орловымъ Чесменскимъ*.

Средняя алея, продолженіе терасы, раздѣляетъ садъ на двѣ половины: первая, пропивъ мраморной фасады дворца, дышетъ прелестью Греціи. Передъ зеркальными стеклами кабинета спелется, какъ бархатъ, зелѣный лугъ, по срединѣ котораго возвышается прислоненный къ соснамъ мраморный обелискъ Кагульскій. — Немного далѣе, подъ мрачною сѣнью березъ и елей мелькаетъ надгробная урна; и щипъ и мечъ висятъ праздые и мирповый вѣнокъ завялъ. На право красивый домикъ, поддерживаемый каріатидами; прежде въ немъ играли въ мячи; теперь въ немъ живутъ. — Вблизи, окруженный деревьями, стоить храмъ *Аполлоновъ*: у подножія медленно извивается ручей, отражая круглый портикъ и величественный куполь; вокругъ тишина таинственная и все дышетъ пророчествомъ. Внутреннее великолѣпіе соотвѣтствуетъ

наружной красотѣ: множество мраморныхъ бюстовъ, а полъ вымощенъ мелкимъ мозаикомъ. Его спроилъ *Гваренги*. — Въ сосѣдней роцѣ, привезенные на военныхъ корабляхъ нашихъ въ 1774 году, знаменитые останки Аѣинъ. Мраморные барельефы, рѣзные архиправы, пеперь безглавыя статуи, можеть быть, видѣли пышность Греціи, украшали храмы гордаго народа, и, опслужив времени, свидѣтельствуютъ о славѣ побѣдоноснаго Россійскаго флота, который, обогнувъ всю Европу, пришелъ въ Морею для освобожденія единовѣрцевъ нашихъ Грековъ и обузданія варваровъ. Что могли бы намъ рассказать эти камни, когда, и безмолвные, они волнуютъ душу? — Но здѣсь кончится живописная, полная души Греція, и начинается ей пропивоположный, неподвижный Китай. На берегу одной изъ рѣчекъ, которыми вся сія часть сада пересѣкается, стоить Индѣйскій пагодъ. Кровля изогнута и пестрѣетъ яркими красками; съ граничною ея пристани видъ на Китайскую деревню, лежащую за каналомъ въ *Александровскомъ* саду; опъ неѣ, по обѣ спороны, дороги — въ Китайскомъ вкусъ: они соединяють Италіанскій и Англійскій садъ съ паркомъ. — Я опишу ихъ послѣ; пеперь возвращаюсь къ Турецкому кіоску. Онъ находится недалеко опъ *Аполлонова* храма, окруженъ водою, весь въ стеклахъ и убранъ со всею Азіатскою роскошью. *Екатерина II* поспроила его въ память опѣзда князя Н. В. *Рюмина* посломъ въ Царьградъ. Она любила давать въ немъ домашніе праздники.

Вправо оспается обширная поляна, на которой нынѣ пасутся мериньсы; прежде же она была усыяна розами и посредищъ возвышался на 32-хъ ступахъ мраморный храмъ. Не знаю, почему его сломали; основаніе его оспалось и превращено въ площадку, на которой, за нѣсколько льпъ предъ симъ, играли музыканты. — Воды сего садоваго опдѣленія, соединясь, проходятъ подъ мшистымъ утесомъ, текутъ рѣчкою и въ большой алей низвергаются сребрискимъ водоскапомъ; надъ нимъ красивый мостикъ изъ дикаго камня. Вода, образуя еще нѣсколько жи-

вописныхъ водоскаповъ, проходитьъ подъ мраморный мостъ и наполняетъ большое озеро.

Но мы еще не были на терасъ: она вдоль средней алеи; обложена гранитомъ, съ балюстрадами, съ навѣсами, и уставлена лимонными и померанцовыми деревьями. Передъ нею зеленый скапъ на озеро, съ картинными островами, готическими бесѣдками и прелестными берегами; вдали соборъ Софійскій. Сходъ съ терасы двумя каменными лѣстницами. Дорога внизъ по скапу ведетъ въ лѣсъ: тамъ посреди площадки, на огромномъ гранитномъ камнѣ, сидитъ бронзовая молочница; она разбила кувшинъ, изъ котораго льется вкусная вода. Отъ нея идетъ темная алея; влѣво мелькаетъ озеро; вокругъ все мрачно и дико, все внушаетъ задумчивость—и вдругъ, передъ вами, крытый мраморный мостъ, который мы видѣли только издали. Цѣльные портики, стройныя Ионическія колонны, прекрасныя балюстрады: онъ, какъ будто бы высѣченъ изъ мраморной горы въ Афинахъ, по рисункамъ *Палладиа*; онъ перегибается черезъ протокъ большаго озера, которое лежитъ передъ нимъ свѣплымъ зеркаломъ. Вокругъ шумятъ водоскапы; видны желѣзные мостки; изъ-за кустовъ выглядываютъ Турецкія башенки; а изъ-за деревьевъ мелькаетъ обширная купальня.— Вправо, множество маленькихъ острововъ, обитаемыхъ лебедями; а возлѣ небольшая пирамида, окруженная липами и берѣзами; около ея похоронены любимыя собачки Императрицы *Екатерины великой*. За пирамидой чугунныя Готическія ворота, копія съ Рейнскихъ Императора *Рудольфа Габсбургскаго*. Они ведутъ по излучистой крутизнѣ, поросшей дикимъ лѣсомъ, въ древній рыцарскій замокъ. Высокая Готическая башня, распреснувшіе своды, вывалившіеся камни, заставляющіе вѣрять въ древность сей развалины. Въ наружномъ сводѣ камень съ надписью: *Положенъ въ день объявленія войны съ Турціей 1769*. Съ вершины башни видны всѣ окрестности: и свѣпмый каналъ сада съ дубовой рощей и Софія съ своимъ соборомъ и кладбищемъ. Въ отдаленіи пе-

редъ ней широкая дорога въ Баблово, прорубленная въ спаринномъ лѣсу. У подошвы башни крѣпостный ровъ съ зубчатымъ мостикомъ; за нимъ лѣсная поляна, по которой бродятъ разсыпанные мериносы.

Дорога вдоль по озеру съ волнистыми, легкими излучинами. По ней дерзистые холмики, съ покойными подъ пѣнью деревъ софами, и съ каждой очаровательная картина на противоположный берегъ: то открывается дворецъ съ воздушною *Киллероново* галереєю, по острову *Калитсы* съ концертнымъ павильономъ и величественнымъ, достойнымъ лучшихъ временъ Греціи памятникомъ славной побѣды нашего флота надъ Турецкимъ подъ Чесьюмою. На гранитномъ подножіи мраморный столпъ съ бронзовыми барельефами, а на вершинѣ орелъ съ распростертыми крыльями.

Шумя вѣкругъ, валы съдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Адмиралтейство построено изъ чистоскладенныхъ на Голландскій манеръ кирпичей; оно Готической архитектуры: въ нижнемъ сараѣ онаго хранятся раззолоченныя придворныя шлюбки и ялики; байдарка, изъ одного кокосоваго дерева, 18 аршинъ въ длину и $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину. Она такъ легка, что для перевѣса привязываютъ на одну сторону тяжелый шестъ; на ходу быспроты необыкновенной. Въ пристани качаются лодки, лодочки и ялики. Посреди озера еще недавно красовалась яхта незабвенной Виртембергской королевы *Екатерины Павловны*, споль безвременно, споль внезапно оппоргнутой отъ скипетра, отъ любви дѣпей и супруга. Въ верхнемъ ярусѣ большая Готическая зала, по стѣнамъ которой гравированныя виды славнѣйшихъ увеселительныхъ дворцовъ царей и сельскихъ домовъ богачей Европейскихъ. Къ Адмиралтейству примыкаетъ пшичникъ: павлины важно прохаживающія распустя колесомъ хвостъ

Чернозелѣный, въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамою.

Лебеди лежатъ свернувшись, какъ снѣжные комы на изумрудныхъ берегахъ, или—бѣлые и спатные, блестятъ серебромъ на кристальномъ лонѣ озера, съ нѣгою ихъ колыхающаго.

Лицейскіе любящъ рассказывать, что лѣтъ за 15 передъ симъ одинъ лебедь, завидѣвъ на берегу полпу Лицейскихъ учениковъ, опѣдился съ крикомъ, какъ будто объявляя духомъ пророчества, о тѣхъ спавъ плившей по озеру, и, препенущій, палъ къ ногамъ грядущаго поэта—*Пушкина*.

Каменная плотина на сводахъ: поросшій мохомъ и деревьями остатокъ древности удерживаетъ воды озера. Нѣсколькими опверстіями шумятъ небольшіе водоскапы: свѣпмый потокъ печетъ далѣ, вспрѣчаетъ препону, рощетъ, гнѣвается, пѣнится и, дробясь объ огромные гранипы, низвергается сверкающими лучами. Нѣсколько деревьевъ и частый кустарникъ скрываютъ деревянный мостикъ, положенный на камняхъ. Съ него видны: Царское село, Евангелическая церковь и обширный прудъ обойной фабрики. Направо лѣсистая насыпная гора скрываетъ границы сада; пониже другой водоскапъ, подобный описанному, у котораго спощтъ мраморный памятникъ графу Федору Григорьевичу Орлову; онъ служилъ пограничнымъ сполбомъ вѣка *Екатерины* и вѣка *Елисаветы*: тупъ кончается садъ Англійскій и начинается садъ правдильный.

Сей садъ совершенная проптивуположность первому. На ровномъ, выглаженномъ пространствѣ проведены сприженныя липовыя алеи; длинныя, свѣплыя каналы съ однообразными мостами. Площадки, съ статуями по срединѣ, расположены слишкомъ правильно; между ними въ геометрическомъ порядкѣ попадаются водоёмы, храмы и купальни. Терасы съ мраморными крыльцами, одна надъ другою возвышаясь, ведутъ ко дворцу, еще сохранившему свой фасадъ съ сей спороны. Большая середняя алея, начинаясь отъ параднаго крыльца, замѣченнаго четырью статуями, упррается въ эрмишажъ. Онъ въ видѣ храма, одной архипектуры съ дворцомъ;

внутри обширная зала съ механическими сполами. Обѣдающіе обходятся безъ услуги, потому что все нужное къ сполу поднимается снизу посредствомъ машинъ, скрытыхъ въ нижнемъ ярусѣ.

Но любопышна здѣсь алея, вдоль по каналу, изъ Сибирскихъ деревъ, насаженная *Петромъ великимъ*. Вѣройпно, для ней сохранила *Екатерина* сей лоскупъ сада, единспвенный, въ которомъ обинаетъ однообразіе, гдѣ съ перваго шагу все видно, съ перваго взгляду все замѣчено; нѣтъ ничего ни новаго, ни нечаяннаго, ни полусокрыпаго; какая-то грустная пишина подъ стариннымъ названіемъ великолѣпія въ немъ царствуетъ; все покороено важной и мѣрной власти искусства. — Уродливый вкусъ самолюбивой посредспвенности *Лудовика XIV*-го, хотѣвшій все спѣспить въ извѣспные предѣлы, всему назначилъ опредѣленную форму, ввелъ въ Европу, вмѣстѣ съ фижмами, париками и мушками, Италіанскіе сады; къ нимъ можно приложитъ и правила словесности, гдѣ хотъ прѣспни, а полезай въ заданную раму. При немъ находили всѣ сп обновки прекрасными, потому что ему казались паковыми; лѣспецы сочинили полспыя книги, въ которыхъ логически и спспемапически доказывали, что никакого другаго сада нельзя назвать садомъ: такъ какъ въ наше время *Байрона* не хотѣли признатъ поэтомъ потому только, что его поэмы неподражаемы. Увѣрившись, что вѣжливоспъ и приличіе спощтъ въ безпокойспствѣ, они не спали сомнѣваться, чтообъ скука и однообразіе не были вѣрнымъ признакомъ красосы и хорошаго вкуса. Другіе повѣрили имъ на слово потому, что сами ничего обдумать не умѣли. Въ добавокъ они писали книги, за которыя получили награду, и съ ними многіе согласны.—По щастью, слѣпецъ *Мильтонъ*, который равно зналъ и будущее и прошедшее, и даже небывалье, догадался, что Эдемъ не могъ походитъ на жеманный Версаль. Англичане, извѣспные рабы здраваго смысла и своихъ законовъ, плѣнились обипелью нашихъ праопцевъ, наровитъ съ поэзіей соотечественника, перевели природу,

посредствомъ прудовыхъ денегъ, въ свои сады.

Зиждипель,

Для первыя чепы гошова Самъ обихель,
Прямыхъ и правильныхъ дорогъ не пролагалъ,

И водъ свободнаго разлива не спѣснялъ.

Младенчество земли, весна въ прелестномъ цвѣтѣ

Не представлялись намъ нигдѣ имѣ въ чуждомъ свѣтѣ;

Природа чистую и нѣжную рукой

Въ цвѣтѣхъ и зелень правъ одѣлась съ простотой.

Полюнокъ и холмовъ пріятное смѣшенье,

Водъ независимыхъ веселое печенье,

Небрежность милая, запутанность прѣпинь,

И поразительность печальныхъ каршинъ —

Взоръ выборомъ красотъ пріятно зашруднили,

Разнообразили воспоргъ и продолжали.

Коврами на лугахъ цвѣтны и мурава:

По нимъ высокія и спройныя древа

Свои волнистыя уборы раскидали,

Вкусъ, обоняніе и взоръ очаровали;

То спануть кучкою, то разойтись въ дугъ;

Бѣгутъ другъ за другомъ, встрѣчаясь, и вдругъ

Неожиданно открываютъ видъ далёкой;

То вѣтви опустиа и расплывъ широко,

Задерживали ихъ прѣградю шакой,

Иль вязью легкою висѣли надъ главою,

Иль сыпали цвѣтны на нихъ идущихъ мимо.

Лѣса кустарниковъ въ чащѣ непроходимой

Бесѣдой, сводами, навѣсами сплелись.

И, сладострастные, другъ съ другомъ обнялись.

И *Екатерина*, оспая спаринную частъ
Царскосельскаго сада, какъ обрашкъ минувшаго,
новый свой садъ устроила по образцу
Эдема, столь изящно описаннаго *Миллтономъ*.

Отдохновеніе Жены, героямъ равной,

Гдѣ не заросъ ея любезный Россамъ слѣдъ,

Гдѣ каждый памятникъ еспь памятникъ побѣдъ,

Гдѣ ёхо имя сей Царицы не забыло.

Императоръ *Александръ* создалъ паркъ,
или *Александровскій* садъ изъ звѣринца. По
широкимъ дорогамъ его капаяются въ экипажахъ;
всѣ зданія, въ немъ воздвигнутыя, въ изящномъ
Готическомъ вкусѣ. Съ башни, уцѣлѣвшей между
развалинами древняго рыцарскаго замка, видѣнъ
Петербургъ какъ на ладони; ферма восхищительна
проспешною

наружною и внутреннею, и опрятностью, почти
Голландскою. Въ полуразрушенной всесильною
рукою времени часовнѣ посѣпипель благоговѣнно
поклоняется величественному образу Спасителя,
изъ блага мрамора изваянному.

Царское село щипаепъ при вѣка: вѣкъ
Елисаветы, вѣкъ *Екатерины* и вѣкъ *Александра*.

Яковъ Сибуровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ГЕНИЮ-ХРАНИТЕЛЮ.

Давно-ль изъ области эфирной
Меня мой Геній посѣпипель?

Раздался въ сердцею голосъ мирной,
И влетѣлъ воздухъ райскихъ крылъ!...

Увиля ты—и нѣтъ спрадана, —
Веселья вѣспникъ, шипинны;

Мысль о тебѣ покоитъ сна
И свѣпплы, тихія мечпанья.

Земля исчезла—миръ другой
Въ опраду мнѣ въ шебѣ открылся;

Какъ мрачный путь мой озарился!
Не ошлешай, мой гостъ драгой!

Тебѣ внимал, крошкій Геній,
Не буду знать земныхъ мученій,

И всѣ слова—изъ успѣ твоихъ
Приму какъ даръ—увиду въ нихъ

Залогъ блаженства несравненный.
Твоимъ дыхайемъ ушпиши,

Волненья бурныя души
И будь мнѣ спупникъ непзмѣпный.

Однимъ присутствіемъ твоимъ
Мой духъ встревоженный наспроенъ;

Кто свѣплымъ Геніемъ хранимъ,
Тотъ можетъ ли не быть спокоенъ?

И въ сферѣ суеты пуспой
Къ тебѣ лишь взоръ мой обратится,

Я чувствую себя другой;
Съ побой легко къ добру спремипсья!

Уже ли гласъ души моеи
Обманчивъ? Нѣтъ, хранился въ ней

Божественное доверье,
Неложно здесь её влеченье!

Она въ шебѣ, съ побой однимъ
Живеть блаженствомъ—неземнымъ.

Авдотья Глинка.

E N I G M E.

Sans moi l'on parvient rarement;
Je mène au but, mais lentement;
Je suis la devise du sage:
La jeunesse vive et volage
Trop souvent m'abandonne et toujours s'en repent;
De moi l'on a besoin en tout temps, à tout âge,
Pour acquérir un beau talent
Et pour finir un grand ouvrage;
La raison, l'esprit, le courage,
Sans moi sont des dons superflus;
Et seule enfin, j'ai l'avantage
De donner du prix aux vertus.

Въ № 35-мъ помѣщенная шарада значить: *Колѣда*.

M O D E S.

Voici la grande époque des modes, l'époque régénératrice. Voici la semaine solennelle, les trois grands jours! Long-Champs! De tous côtés se sont de nouvelles étoffes, de nouveaux dessins, de magnifiques rubans, des chapeaux que l'on n'a pas encore vus; les nouveautés se renouvellent; tout est inconnu, jusqu'à leurs noms.

Quand on est entré aux magasins de M. *Delisle*, on est vraiment dans une hésitation positive à prononcer quelle est la merveille qui a mérité les suffrages; et qui a visité les immenses et nombreuses salles des *magasins Sainte-Anne*, comprendra combien il nous est difficile de donner une juste idée de ce qu'il réunit.

Pour répondre aux derniers froids qui accompagnent les premiers soleils, voici les *salamporis unis*; ce tissu, châtly perfectionné, mais plus souple et plus sou-

tenu, forme des plis admirables et brille de vives nuances.

Les *salamporis croisés* dont les fils entrelacés ajoutent à la fois à l'éclat de l'étoffe et à sa qualité.

Les nouvelles *mousselines de laine léonaises*, d'un tissu aussi léger et en même temps plus serré, plus moelleux que les étoffes du même genre que l'on avait vues précédemment.

Plus simples nous voyons les *batistes de cachemire*, unies ou brochées de toutes nuances; les *satins de Bombay*, les *mousselines de Delhi*, le joli *gros de Fontanges*, enfin les *levantines de laine* qui continueront la réputation d'excellence de celles de soie.

M O D Ы.

Вопь великая эпоха для моды, эпоха возобновительная. Вопь порожественная недѣля, великіе при днѣ! Лонгшань! Со всѣхъ сторонъ новыя ткани, новыя узоры, великольные лампы, шляпки которыхъ не видали еще. Новости возобновляются; все неизвѣстно, даже и названія ихъ.

Вшедши въ магазинъ г-на *Делиля*, весьма затруднительно отдать чьму преимуществу, и кпо посѣщала многочисленныя залы магазина *Sainte-Anne*, поймешь, что не легко дать понятие о томъ, что въ немъ находится.

Чтобъ соответствовать послѣднимъ холодамъ, всегда сопровождающимъ первые солнечные дни, вопь гладкой *salamporis*. Эта ткань, усовершенствованное шали, но мягче и плотнѣе, составляетъ удивительныя складки и блестящія яркими цвѣтами.

Кипорный *salamporis*: переплетенныя нитки прибавляютъ въспѣ блеску матеріи къ ея добротѣ.

Новыя шерстяныя кисеи *léonaises*; ткань такая же легкая, но несравненно плотнѣе, нѣжнѣе, нежели въ матеріяхъ того же рода, которыя видны были досель.

Изъ простѣйшихъ тканей, мы видимъ бапиственные кашемиры, гладкіе или затканные велкими цвѣтами; апласы *Bombay*, кисеи *Delhi*, красивый *gros de Fontanges*, наконецъ шерстяныя левантинны, которые поддерживаютъ хорошую славу шелковыхъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 37.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 9 дня 1854 года.

Ахъ, нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И память ужь спожествуетъ оны.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БѢДА, ЗАБЫТЬ ДОМА ДЕНЬГИ!

Не знаю, со всякимъ ли изъ васъ, мои дорогие читатели, случалась такая бѣда, какъ со мной; но я нишу для тѣхъ, которыхъ осторожность и благоразуміе предохраняли отъ нее до сего времени: говорю о непріятности забыть дома деньги и думать, что они у васъ въ карманѣ. Что до меня касается, то съ того чернаго дня, который намѣренъ описать здѣсь, всегда ощущиваю свои карманы прежде, чѣмъ вхожу въ прачкиръ, въ магазинъ, въ лавку. Спѣшно сказать, а грѣхъ упоминать, что до тѣхъ поръ, пока не ощущаю своего кошелька и записной книжки, кака-то невольная дрожь пронимаетъ меня.

Въ пятницу на Вербной недѣлѣ собрался я объѣздить магазины и гостинный дворъ и искупить все нужное для себя, для жены, для дѣтей и челядинцевъ. Я нанялъ извозчика на три часа, распорядясь такъ, чтобы

сдѣлать нѣсколько визитовъ по дѣламъ, потомъ позавтракать въ прачкиръ *Лондонъ* (пропивъ Адмиралтейства), въ которомъ при новомъ хозяинѣ послѣднее кушанье готовятъ изъ самыхъ свѣжихъ припасовъ и весьма вкусно. И немудрено, говорятъ, что онъ нанимаеъ повара покойнаго гофмаршала *Ласунскаго*. Я заѣзжалъ въ кандиперскую *Клозе* прочесть Свв. Пчелу и *Journal des Debats*, полкнулся къ *Мясникову* за очками, а къ книгопродавцу *Фарикову* за шестымъ томомъ *Исторіи Петра великаго*. Въ самый полдень остановился я у зелѣнепъкаго навѣса *Лондона*, прыгнулъ съ дрожекъ и, сказавъ извозчику, что сей часъ вышлю деньги, забылъ о немъ, почувъ благовоный паръ отъ кушанья. Я прошелъ въ самую дальнюю, уединенную комнату, и въ ожиданіи водки съ свѣжепросольною икрою, занялся чтеніемъ Академическихъ вѣдомостей, которыхъ, какъ мнѣ думается, угодили бы вкусомъ всякаго рода своихъ читателей, еслибъ къ нынѣшнему ихъ содержанію прибавить хорошо написанныя и безприсрастные из-

вспія о всѣхъ вновь выходящихъ въ свѣтъ Россійскихъ книгахъ.

Икра и водка возбудили во мнѣ апетитъ; я заказалъ порцію ухи, холодной рыбы и пирога. Съѣвши, или, справедливѣе сказать, сожравъ все это почти не переводя духа и запивъ двумя рюмками Сотерна, я машинально опустилъ лѣвую руку въ потъ карманъ, въ который обыкновенно кладу кошелекъ. Но въ какое превожное пришелъ я изумленіе, ощупавъ въ немъ пустоту. Я послалъ правую въ другой—таже пустота, какую находилъ я въ романахъ *Паршова*, *Сигова*, *Гурьянова*, *Кобылина*, *Кузмичева*, *Федулина*, *Зимулина*, *Родивоновскаго* и другихъ многихъ Великороссійскихъ, Малороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ романчиковъ, сочинителей многопомныхъ романовъ.

Пуще прежняго смущенный, судорожно ухватился я за серпучный карманъ, что на груди, желая удостовериться: со мною ли записная моя книжка съ ассигнаціями?... Увы! И путь, кромѣ не разрѣзаннаго номера *Дамскаго журнала*, отъ котораго половина была уже оторвана, ничего не оказалось. Между тѣмъ, пракпирный слуга, стоя въ уголку, видѣлъ всѣ сіи продѣлки и лукаво улыбался, закрывая лицо платкомъ. «Какъ быть?» пробормоталъ я ему гробовымъ голосомъ: «я позабылъ деньги дома; но ты знаешь меня, я часто захожу къ вамъ завпракамъ.»

Слуга. Конечно-съ, вы баринъ-то знакомый и добрый, всегда изволите жаловать мнѣ на водку; но хозяинъ меня разбранилъ и вычтетъ изъ жалованья.

Я. Черезъ часъ я непременно привезу тебѣ долгъ свой вдвое.

Слуга (почесывая запялокъ). Я не смѣю не вѣрить вашему благородію, однакожь позвольте доложить, не во гнѣвъ вашей милости, что деньги любятъ щѣтъ, а хлѣбъ мѣру. Извольте хорошенько пошарить въ карманахъ, авось либо и найдется попребная сумма. Выпъ и всего-то приходится съ васъ 4 рубля 15 копѣекъ.

Я. Выпъ я тебѣ по Русски говорю, что и кошелекъ и книжку забылъ дома. Вспомни-ка, что еще живучи въ лакеяхъ у Адама Адамовича *Клеинмана*, ты зналъ меня, зналъ, гдѣ я служу, гдѣ живу и сколько получаю жалованья.

Слуга. Оно все такъ, безспорно, да выпъ дѣло-то въ пакпу не приходится. На всякое чиханье не наздравствуешься.

Я (въ крайней досадѣ отъ непривычки къ уничиженію, снялъ золотую гербовую печать съ часовъ и бросилъ на споль). На, вопъ тебѣ закладъ. Довольно ли?

Слуга. Никакше благодаренъ вашему благородію, что не ввели меня въ слово передъ хозяиномъ. Нашъ брапъ человекъ подчиненный: *твори волю послѣдшаго т.я.*

Я схватилъ поспѣшно шляпу и накинувъ шинель на плеча, вышелъ, обрадованный, что сбросилъ бѣду съ плечъ. Но лишь просунулъ въ стеклянную дверь голову, какъ пырь мнѣ въ глаза извощикъ.

Тутъ только узналъ я, что безденежье заспавляетъ краснѣть, какъ преступленіе; что оно опшимаешь языкъ, спановишь чеснаго бѣдняка въ раболѣзное положеніе передъ безчеснымъ богачемъ, который часно

Обворовалъ казну, обворовалъ сосѣдовъ.

Не могу вспомнить, чтобы всѣ внутрепности мои не поворопились, о помъ, какъ простой *Ванька* въ оборванномъ сермяжномъ армякѣ, привелъ меня въ спрахъ.—«Я ждалъ васъ цѣлый часъ, баринъ; вы обѣщали выслать деньги ту же минушту, а не исполнили своего обѣщанія. Власъ ваша, а вы должны заплатитъ мнѣ за простой. Выпъ у меня нѣтъ деревень, я самъ крѣпостной крестьянинъ; съ меня взыскиваетъ казна подушная, рекрутскія, на дороги, на магазины, на почтовыхъ лошадей, а баринъ тяжелый оброкъ, по 60 рублей съ пята. Вамъ хорошо было прохлажаться въ пракпиръ за курьями да за поросями, а нашъ брапъ прѣвѣпривается себѣ на дождъ и въ бурю, на полудѣнномъ жару и на прескучемъ морозѣ. Да не на такого ты, баринъ, началъ;

я опъ тебя не опстану; сей часъ расплапись на число, или я стащу съ тебя шинель. Что ты глдишь на меня такъ гнѣвно? Ужь не ударишь ли хочешь? Попробуй полько, я сей часъ дамъ мужицкимъ кулакомъ здачи, такъ, что и свохъ не узнаешь.»... — О чемъ ты такъ разшумѣлся? — прервалъ я его съ притворнымъ равнодушіемъ и проглотивъ его пилюли, которыми чуть не подавился. «Ты бы долженъ благодарить меня за то, что хочу доставить тебѣ выгодную работу. Входя въ трактиръ, я вспомнилъ, что мнѣ нужно захватить еще въ нѣсколько домовъ сего дня упромъ, а какъ я пвоей вѣдой доволенъ: то и разсудилъ лучше доставить эти денежки тебѣ.» — «Коли такъ, то спасибо; изволь садиться.» — Садясь, я обронилъ баписповый плапокъ; нищій, сполвшій на углу, подбѣжалъ къ дрожкамъ, поднялъ его, подалъ мнѣ и, пропянувъ руку, съ умоляющимъ видомъ просилъ подавннн, но я сухо кивнулъ ему головою; дрожки пропулись — и я, мнупы черезъ при оглянувшись, видѣлъ еще моего добраго нищаго, сполвшаго съ пропянутою рукою и глазами, поднятыми къ небу. Проклятая забывчивость! Она поставила меня въ невозможность заплатить за услугу калѣкъ-пищему! Это сто разъ прискорбнѣе и оскорбительныхъ намѣкъ прапирнаго слуги и площадной брани извопика. Мы остановились противъ великолѣпнаго книжнаго магазина, *Наполеона Русской книжной торговли, А. Ф. Смирдина*. Мнѣ хотѣлось спросить: не вышла ли шеспая книжка *Московскаго Телеграфа*. Только что взялся я за снющую дверную ручку, какъ Аграфена Ивановна *Зарядская*, опворявшая дверь на лѣво — въ магазинъ *Битепажы*, назвала меня по имени. Я оборопился, а она всунула мнѣ въ руку билетъ въ концертъ госпожи Сабинь *Гейнефеттеръ*. Надлежало заплатить 25 рублей, а у меня не было и 25 копѣекъ! Но я уже, такъ сказать, оболгался — и сказавъ ей, что у меня нѣтъ денегъ, кромѣ двухсопенной ассигнаціи, которую сей часъ размѣняю и слѣдующую ей сумму доставлю, не дождался опвѣта, а порхнулъ въ магазинъ на-право, и,

видя сквозь спеклянную дверь, что она погрузилась въ сипцовое море, выпорхнулъ на улицу, сълъ на извопика — и помчался къ Казанскому мосту. Тупъ мнѣ надобно было забѣжать въ чайный магазинъ *Барсукова* за письмами. На пропуарѣ встрѣпился мнѣ мой задушевный прнатель Пепръ *Николлаевичъ Кривенко* — и попросилъ у меня полпипникъ серебра, котораго не доспало ему при расплапѣ за чай и сахаръ. Травенный волкъ, я опговорился немѣннемъ никакихъ другихъ денегъ, кромѣ двухсопенной ассигнаціи. Идя пѣшкомъ къ *Аничковскому мосту*, я увидѣлъ бабу, продававшую породнспую чѣрную москку; мнѣ давно хотѣлось имѣть такого щенка — и я бы непременно купилъ его... — но

Бѣда, забыть деньги дома!

Слышалъ отъ коллежскаго ассесора Пвана Никаноровича Н.

А. Кораблинскій.

СТО ТРЕТІЙ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

«Что дѣлаешь вашъ своякъ?» — Пустился въ проэкты; всякой день опправляетъ тройки съ транспортомъ по зелѣному полю. —

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕ ПОРА ЛИ?

или

ТИРОЛЬСКАЯ ГЕРОИНЯ.

Я служилъ офицеромъ въ Баварской арміи и въ 1806 г. былъ посланъ въ Тироль, полько что присоединенный къ Баварскому Королевству. Полкъ нашъ составлялъ часпъ гарнизона въ Триденпѣ, гдѣ я оставался до 1809 года. Въ послѣднее время моего тамъ пребыванія случилось происшествіе, котораго я никогда не забуду.

Владычество Баварцевъ, нынѣ извѣстно, не слишкомъ правилось Тирольцамъ, а по-

тому и пребываніе наше въ такой землѣ было не очень пріятно. Жители Триденва и окрестностей его показывали къ намъ чрезвычайную холодность; иногда, правда, они сближались съ нами, но для того только, чтобы завести ссору, и если не наносили намъ оскорбленій, то показывали явно свое нерасположеніе.

Само собою разумѣется; что такой образъ жизни весьма не нравился молодымъ офицерамъ, которые жаждутъ удовольствій и которымъ пскутило гарнизонное житье. Однажды, послѣ объѣда, болѣе веселаго и роскошнаго, нежели какъ обыкновенно бывало, два или три повѣсы предложили намъ отправиться безъ приглашенія на вечеръ, который давали на одной дачѣ въ полумилѣ отъ города. Это предложеніе съ восторгомъ принято и, вопреки добрымъ совѣтамъ разсудительныхъ офицеровъ, рѣшено, что на вечеръ явится непременно пять или шесть человекъ самыхъ удалцовъ, которые щипали себя украшеніемъ корпуса легкоконныхъ драгунъ Его Баварскаго Величества.

Предаваясь шумной радости отъ мысли присутствовать въ собраніи Тирольскихъ гражданъ, достигли мы рѣшетки замка. Слуга чрезвычайно изумился, и не успѣлъ еще доложить о насъ, какъ мы были уже въ большой залъ, наполненной обществомъ, не менѣе блестящимъ самаго Минхенскаго. Мы были приведены въ чрезвычайное замѣшательство самимъ хозяиномъ, который, подошедъ къ намъ съ необыкновенною вѣжливостью, просилъ садиться: мы были приглашены ко всему, только не къ такому приему. Такимъ образомъ мы представляли здѣсь самое печальное лицо и весьма рады были, что одинъ изъ насъ сохранилъ столько присутствія духа, что умѣлъ вывести насъ изъ столь запруднительнаго положенія. Онъ съ чистосердечіемъ просилъ прощенія за этотъ необдуманнй поступокъ; извиняясь однообразіемъ нашей жизни, упростилъ намъ вступиться за насъ, и такимъ образомъ успѣлъ поселить между нами и прочими гостями какую-то откровенность.

Среди множества женщинъ одна въ особеннсти привлекла мое вниманіе; она была красавица; лицо ея, выражавшее крепость и остроуміе, и пріятное обхожденіе ея заставили меня заняться ею, и прелестная *Доротея* обращалась со мною снисходительно. Да и все общество дѣлалось къ намъ часъ отъ часу благосклоннѣе, кромѣ одного гостя, котораго звали *Рузеномъ*. Мрачный видъ его и хитрыя черты лица, показывавшія въ немъ болѣе Испаліанца, нежели Германца, представляли рѣзкую противоположность съ откровенною и веселою физиогноміею *Доротеи*.— Трудно бы было представить себѣ что нибудь общее между ними, по видимому, столь противоположными существами; однакожъ я примѣтилъ, что чѣмъ откровеннѣе дѣлалось мое обращеніе съ *Доротеєю*, тѣмъ мрачнѣе становился видъ *Рузена*.

Молодая женщина замѣтила эту перемену, подошла къ нему и старалась разными ласками возвратить ему доброе расположеніе духа. Это, конечно, походило на любовь, и родившееся въ душѣ моей странное подозрѣніе подтверждено было однимъ изъ гостей, который сказалъ: «Берегитесь, вы навлекете на себя мезъ *Рузена*, если спанете еще увиваться около его невѣсты.»

Сія слова заставили меня обратишь большое вниманіе на эту чепу, и сдѣлались для меня еще менѣе понятными отъ того, что безпокойство и смущеніе *Доротеи* происходили, казалось, не столько отъ любви, сколько отъ страха. Не взирая на отношенія ея къ *Рузену*, когда общество разошлось, я предложилъ свои услуги проводить еѣ домой, но она отказалась отъ сего, сдѣлавъ пріятную улыбку. Я не упрашивалъ и, поклонясь ей, пошелъ еще проходиться по заламъ. Воровившись къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла *Доротея*, я весьма удивился, найдя еѣ по прежнему одну, съ сильнымъ смущеніемъ на лицѣ.

«Капитанъ,» сказала она увидѣвъ меня и стараясь казаться веселою: «не называйте меня своенравною; если бы вы повторили теперь ваше предложеніе, то я бы не отказалась отъ него.»

Я успѣшилъ воспользоваться сею щастливою переменною ея мыслей, и позвалъ слугу ея; мы отправились къ ея дому, споявшему на дорогѣ къ Боцену.

Ночь была темная и на пути никого не встрѣчалось. Слуга шель передъ нами съ факеломъ, при свѣтѣ коего я замѣпилъ, что спутница моя погружена была въ размышленія. При всемъ спараніи моемъ завязавъ разговоръ, она отвѣчала мнѣ самыми краткими словами, и наконецъ произнесла громкимъ голосомъ:

«Капитанъ *Либеръ*, я теперь подлѣ своего дома, и мнѣ нечего бояться. Что же касается до васъ, вы *Баварець* (мнѣ показалось, что она удержала вздохъ, произнося слова сін), и на васъ смотритъ здѣсь не ласково. Заклинаю васъ воротитесь домой, какъ можно скорѣе и тише, и забыть оказанную съ моей стороны слабость, которая можетъ вовлечь васъ въ опасность.»

Она произнесла сін слова тихимъ, но значительнымъ тономъ, и, какъ-бы желая придать имъ большую силу, сжала мнѣ руку. Это дѣйствіе проникло во глубину моего сердца, но произвело совсѣмъ не то, чего она ожидала: я тѣмъ пверже рѣшился проводить ея до самой двери ея жилища.

Мы пришли къ замку ея, въ коемъ царствовалъ тогда мракъ и тишина. *Доротей* постучала въ окно, оно тихо отворилось; она сказала нѣсколько словъ на ухо показавшемуся изъ него человеку, и ей принесли широкій мужскій плащъ и шляпу съ распущенными полями.

«Возьмите это,» сказала она мнѣ: «*Перелитыя одежды* можетъ быть нужна *теперь*; вы закроете этимъ наспоящій нарядъ вашъ.»

— Чего намъ бояться?—спросилъ я съ некоторымъ удивленіемъ: *Баварцы* и *Тирольцы* составляютъ теперь одинъ народъ; мы болѣе не въ войнѣ; а ваши крестьяне вѣрно полюбятъ правительствво, которое прѣбуетъ только порядка и покорности законной власти.—

«Я не должна спорить съ вами, желаю вамъ теперь только доброй ночи, надеясь, что и вы мнѣ того же пожелаете и не отвергнете предосторожностей, которыхъ совѣтую вамъ принять.»

Вмѣсто отвѣта, я закутался въ широкій плащъ, поднесъ къ устамъ прелестную руку *Доротей* и сказалъ:

— Повинуюсь вамъ, но прежде, чѣмъ пойду, скажите мнѣ, милая *Доротей*, не ужели вы въ самомъ дѣлѣ невеста этаго мрачнаго *Рузена*?—

«Да!.. нѣтъ!» отвѣчала она, и не докончивъ, вбѣжала въ домъ.

Я удалился отъ жилища милой *Тирольки*, сохраняя еще нѣкоторую надежду, и пошелъ домой.

Сначала я создалъ въ воображеніи самыя пріятныя мечты о будущемъ щастіи; но темнота дороги заставила меня обратить вниманіе на окружавшіе предметы. Вдали, казалось, мелькалъ блѣдный свѣтъ, выходящій изъ *Триденпа*; я шель скоро, но съ осторожностію... Вдругъ встрѣчаю человека, который подобно мнѣ завернутъ былъ въ плащъ и пробирался въ тиши безъ малѣйшаго шума. Остановившись, я спалъ прислушиваясь, но человекъ сей исчезъ. Я былъ изумленъ, тѣмъ болѣе, что какой-то голосъ произнесъ позади меня шопотомъ слѣдующія слова:

«Не пора ли?»

Измѣнивъ голосъ, самъ не зная для чего, я отвѣчалъ:

«Теперь пора лежать въ теплой постели, любезный.»

Незнакомецъ, какъ-бы ошибившись, удался не сказавъ ни слова.

Это обстоятельство, когда я сообразилъ его съ тѣмъ, что случилось въ ночь вечеромъ, показалось мнѣ тѣмъ болѣе подозрительнымъ, что незнакомецъ, судя по голосу, былъ *Рузень*. Схватившись за ручку моей сабли, я своропилъ съ большой дороги на проселочную, по которой хотя при-

ходилось дѣлать крюкъ, но за то я былъ здѣсь безопаснѣе. Эта пропинка вела къ одному старинному монастырю. Приблизившись къ нему, я рѣшился не идти прямо въ проспиривающуюся передо мной долину, а подождать прежде нѣсколько времени и осмотрѣть мѣстность. Съ осторожностію пробирался я межъ обломковъ, какъ вдругъ увидѣлъ человека, который, съ сложенными на крестъ руками, стоялъ облокопившись на перилы. Онъ, казалось, погруженъ былъ въ дремоту, ибо вздрогнулъ, когда кто-то, подошедши съ другой стороны, обратился къ нему съ такимъ же вопросомъ, какой сдѣланъ былъ мнѣ:

«Не пора ли?»

Тутъ я узналъ совершенно голосъ *Рузена*. Другой незнакомецъ отвѣчалъ:

— *Салюрнъ*. —

«Не проходилъ ли онъ мимо васъ?» спросилъ *Рузень*.

— Мышь бы не прокралась мимо меня пайкомъ, — отвѣчалъ бдишельный спражь: куда пройши этому поганому Баварцу? —

«Пойдемте-жъ вмѣстѣ на большую дорогу; пойдемте впередъ.... ему нельзя долѣ мѣшкавать... и чѣмъ дальше будемъ отъ города, тѣмъ лучше.»

Заговорщики (я не могъ щипать ихъ чѣмъ либо другимъ) удалились, и когда не спало болѣе слышно шума шаговъ ихъ, я вышелъ изъ убѣжища и поспѣшилъ домой.

Послѣ сего вечера нѣсколько времени я никакъ не могъ увидаться снова съ *Доротеею*, а между тѣмъ получилъ приказаніе охранять съ моею командою обозъ съ деньгами, шедшій въ Баценъ. Такъ какъ мнѣ нужно было проходить мимо замка опца ея, то и рѣшился я, во что бы то ни стало, увидѣть этотъ предметъ, который занималъ мысли мои и днемъ и ночью. — Приказавши поручику своему ждать меня въ одной ближней деревнѣ, я слезъ съ лошади и пошелъ по тропинкѣ, ведшей къ главнымъ дверямъ замка. Такъ какъ онѣ были отворены, то я готовъ былъ войти безъ доклада въ залу;

какъ вдругъ вздрогнулъ и оспался неподвиженъ, услышавъ грубый и непріятный голосъ *Рузена*, который говорилъ какому-то человеку, котораго я не видѣлъ:

«Завтра вечеромъ, въ Салюрнскомъ замкѣ...»

— Такъ положено, — отвѣчалъ другой голосъ; но подождите, послушайте меня! —

Это былъ голосъ *Доротей*.

Я не въ состояніи изобразить тогдашнихъ моихъ мыслей и чувствованій: это было смѣшеніе ревности, досады и негодованія; но наконецъ, одумавшись, я побѣждалъ къ своей рошѣ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТАРИННОЕ И НЫНѢШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ.

«Тогдашнее воспитаніе,» говоритъ *Д. И. Фонъ-Визинъ* (родившійся въ 1743-мъ году): «при недоспажкахъ своихъ, имѣло и свойственныя ему выгоды. Ребенокъ оспавался долѣ на Русскихъ рукахъ; долѣ окруженъ былъ Русскою атмосферою, въ которой знакомился ранѣе и болѣе съ языкомъ и обычаями Русскими. Европейское воспитаніе, которое уже позднѣе довершало воспитаніе домашнее, исправляло предрасудки, просвѣщало умъ, но не искореняло впечатлѣній первоначальныхъ, которыя были исключительно Русскія.»

Послѣ видимъ мы совершенно противоположное: первые звуки, первыя понятія, которые передавали дѣтству другаго поколѣнія, были исключительно иносѣранныя, потому, что ребенокъ съ груди кормилицы Русской обыкновенно вѣренъ былъ рукамъ чужеземцевъ. Уже только послѣ, въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ, уже перерѣломъ для исправленія погрѣшностей вкоренившихся, по собственному обращенію влеченію и, какъ будто по уязвленію собственной совѣсти, Русскій обращался къ изученію отечественнаго. Болѣе домогдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ

исправленію часпныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ Русскаго православія, можетъ быть менѣе суеппности, но въ семейномъ кругу болѣе живаго участія въ дѣлахъ общеспенныхъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію, которое имѣло свои погрѣшности и весьма важныя; но, какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное и дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ.

Нынѣ воспитаніе наше слишкомъ опвлеченно и, пущенное въ ростъ, ничѣмъ не опирается въ коренномъ основаніи.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СРАВНЕНІЕ.

Какъ свѣтелъ *тамъ* янтарь луны,
 Весь воздухъ палевымъ окрашень!
 И низупся кругомъ спѣны
 Зубцы и рядъ спаринныхъ башень.
 Какъ памъ и вечеромъ тепло!
 Какъ въ тѣхъ долинахъ аромашно!
 Легко памъ жипъ, дышапъ пріятно,
 Въ душѣ какъ на небѣ свѣшло;
 Все говоръ, опзывы и пѣны:
 Вошъ вечеръ сладоспный, весенній,
 Спрапы, гдѣ жилъ я какъ днпя,
 Среди семейной, кропкой ласки,
 Гдѣ такъ меня плѣняли сказки....
 Но буря жизни, ухвапая,
 Мой чѣлнъ въ безбрежное умчала:
 Я слышалъ, подо мной урчала
 И въ клубъ свивалася волна;
 И въпры парусъ мой препали....
 И часто чувства замирали
 И слыла кровь....
 Скучна спрана,
 Куда меня замчали бури:
 Увы! тупъ небо безъ лазури!
 Сн безцвѣпные луга,
 Во вѣкъ не слышапъ пчель жужжапій,
 Ни соловьиныхъ въздыханій;
 И тупъ, черезъ мшистые брега,

Какъ горликъ лспребомъ гоппмый,
 Лепипъ весна, какъ будпо мимо,
 Безъ ясныхъ, теплыхъ вечеровъ...
 Ничто здѣсь чувства не дѣлеть,
 Ничто души не опогреть.
 Тупъ нѣтъ волшебныхъ жизни сповъ;
 Тупъ юность безъ живыхъ волненій,
 Безъ пѣсенъ молодость лепипъ;
 И, какъ надгробіе, споппъ,
 Прижавъ крыль,—безмолвпый Геній.

О. Глипка.

Э Л Е Г І Я.

Не изьявляй холоднаго участія
 Къ горячимъ пы моимъ слезамъ:
 Не возврапипъ упраченнаго щаспья
 Тому, кто ввѣрился упраченнымъ словамъ!
 Ужъ рѣшено—мой жребій соверпился:
 Я знаю, я забылъ побой!
 За чѣмъ же хочешь ты, чтобы на мигъ забылся,
 Еще на мигъ, любовникъ вѣрпый пвой?
 Что мигъ любви въ сравненіи съ спраданьемъ,
 Измѣною вселлемымъ въ людей?
 Что сладкій лдъ разгаданныхъ рѣчей?
 Еще-ль меня ласкаешь упованьемъ?
 Нѣтъ! нѣтъ! ты больше не мол!
 Я понялъ все! я понялъ слишкомъ много—
 И съ ропопомъ, не съ кляпвой спрогой,
 Къ холодной испинѣ себя принудилъ я!...
 Кто былъ любимъ и перенесъ измѣну,
 Тому нѣтъ упѣшенья!... нѣтъ!...
 И кто участие возмешь
 Любви въ замѣну?.....

*

Да, ночь больной, который прочипалъ
 Въ спраданьяхъ шпюспныхъ свой приговоръ могильной,
 Не пожелаешь, другъ, чтобы рукой весельной,
 На мигъ лишь, новыми мученьями обильной,
 Богъ смерти громъ свой удержалъ!...

Н. Ставловъ.

Ш А Р А Д А.

Ничего вамъ мое въ наказъ;

Но вовсе пѣшь его въ приказъ.

Средина же моя, въ сель и городовъ,

Рождаетъ хлѣбъ и правы всѣхъ родовъ.

Кошу-жь, чипапелъ, знаете употребленье,

Любимое воспочное мѣспоименье.

А *цѣлое* былъ царь судьбы, былъ человекъ,

Побѣдами, умомъ онъ изумилъ нашъ вѣкъ.

К. Жезевъ.

Въ № 36-мъ помѣщенная загадка значить: *Persévérance*.

M O D E S.

En première ligne brilleront à Long-Champs le *taffetas et le satin de Siam*, mélange diaphane de laine et de soie filées ensemble, tissu léger; les *mousselines siamoises*, transparentes comme la gaze sylphide, mais si souples qu'elles supportent tous les froissemens sans en garder la trace; nous y verrons surtout les *grands et petits carreaux écossais*, à la soie brillante; les *gros de Canton*, à dessins si originaux; les magnifiques *pékins chinés*, à deux faces, sans envers.

Remarquons aussi la *gaze pékin brochée*, qui présente au coup d'œil, avec la force et le reflet de l'étoffe, la transparence de la mousseline la plus légère.

Et les mille *foulards*, aux dessins toujours nouveaux, dont la vogue semble s'accroître à mesure qu'elle se prolonge.

On commence à voir de jolies nouveautés dans les magasins de lingerie. Une très-élégante forme de col que nous avons remarquée chez Mlles *Fortin Gambard*, boulevard des Italiens, est à pointe par derrière, garni de deux rangs de dentelle qui figurent un double col. Le rang supérieur est accompagné de riches broderies très-déliçates.

La forme sur laquelle nous devons le plus nous arrêter est le col arrondi par derrière, brodé d'une

pitite bordure étroite et d'une ligne de bouquets jetés au-dessus, sans ourlet, un point à jour festonné, garni d'une dentelle haute de trois doigts.

Pour les enfans, on fait un petit col simple formant une pointe sur chaque épaule, et une pointe devant et dans le dos. On le borde d'un très-fin passepoil et d'une basse dentelle plate.

M O Д Ы.

Во первыхъ отличаясь будутъ въ Лоншанъ *Сіамскія тафты и атласы*, прозрачная смѣсь шелку съ шерстью, пряденыхъ вмѣстѣ, легкая ткань. *Сіамскія кисеи* прозрачны какъ газъ *silphide*, но такъ мягки, что какъ бы измяты не были, не остается никакихъ слѣдовъ. Мы увидимъ тамъ особенно матеріи съ мелкими и крупными Шотландскими клѣпками, изъ блестящаго шелку; *gros de Cantons*, съ такими оригинальными узорами; великолѣпные *pékins chinés*, на оба лица, безъ изнанки.

Замѣтимъ также газъ *pékin* зашканный, который представляетъ взору, съ твердостью и опблескомъ матеріи, прозрачность самой легкой кисеи.

И тысячи разныхъ фуларовъ, все съ новыми узорами; употребленіе на нихъ кажется возрастаетъ по мѣрѣ продолженія моды.

Начинають показываться красивыя новоспичи въ бѣлошвейныхъ магазинахъ. Весьма щеголеватый покрой воротника, который мы замѣтили у г-жъ *Fortin Gambard*, сзади сдѣланъ съ мыскомъ, обшитъ въ два ряда кружевомъ, что составляетъ двойной воротникъ; верхній рядъ отдѣленъ богатымъ, весьма пѣжнымъ шипьемъ.

Покрой, на которомъ наиболѣе должны остановиться: воротникъ; округленный сзади, вышитъ узенькой каемкою и полоскою букетовъ, разбросанныхъ сверху, безъ рубца; спрочка обметана; воротникъ обшитъ кружевомъ въ три пальца ширины.

Для дѣшей, дѣлають простые воротнички съ мысками на плечахъ, сзади и спереди. Ихъ обшиваютъ весьма узенькой выпушкой и узенькимъ кружевомъ вгладь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 38.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 12 дня, 1854 года.

Блаженъ, кто вѣруеть, тепло ему на свѣтѣ!

Грибоедовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАКЪ И КТО СОЧИНАЕТЪ СОННИКИ, ОРА-
КУЛЫ И ГАДАТЕЛЬНЫЯ КНИЖКИ.

Вы вѣрно хотите вѣдать, кто сочиняетъ
такого рода книги, какъ: 1) Открытыя
таинства картами гадашь, раскладывая
ихъ и узнавать по нимъ свое счастье; 2)
Древній и новый всегдашній гадательный
оракулъ, найденный послѣ смерти одного
сто шестидѣтняго старца *Мартына Заде-
ки*; 3) Астрологъ, или новый оракулъ, от-
крывающій судьбу счастья и несчастья че-
ловѣческаго и проч., съ приобщеніемъ науки
гадашь картами, бобами и кофеемъ; 4) Егип-
тскій оракулъ, или всеобщій полный и
новѣйшій гадательный способъ, служащій къ
невинному увеселенію людей обою пола,
снабженный опытомъ на предложенные во-
просы; 5) Тайнственней микроскопъ, или
зеркало волшебныхъ таинствъ; 6) Исполко-
ваніе сновъ по Астрономіи, происходящихъ
по печенію луны; 7) Волшебное зеркало,
открывающее секреты великаго *Альберта* и
другихъ знаменитыхъ Египетскихъ мудре-
цовъ и астрономовъ, съ показаніемъ, кто
подъ которою изъ планетъ родился, въ ка-

комъ родѣ жизни какое будетъ имѣть ща-
стіе; съ приложеніемъ Арабскаго кабли-
спика, дающаго опыты и предсказывающа-
го судьбу каждаго челоуѣка?

«Весьма бы желанельно; но позволете до-
ложитъ, что мудрено вамъ, господинъ плак-
са-пересмѣшникъ, удовлетворитъ насъ;» во-
зопили въ разногласицу писатели, писачки,
пачкуны, книжники и фарисеи, бывшіе со
мною въ послѣдній понедѣльникъ, 13 Апрель-
ля, на вечеринкѣ у одного Санктпетербург-
скаго книгопродавца: во *первыхъ* попому,
что ни имена авторовъ, ни годъ, когда пис-
нупы, на сихъ книгахъ не выставлены; во
вторыхъ, всѣ они напечатаны въ Москвѣ,
а вы болѣе двадцати лѣтъ, и именно съ на-
шествія *Наполеона*, переслали были Москов-
скимъ гражданиномъ.»

— Помилуйте, господа, развѣ только по
подписи имени и фамилии, а не по образу
мыслей, не по языку и слогу книги оцѣни-
ваются? Развѣ надобно жить въ Парижѣ,
чтобъ опредѣлить, къ какому сословію, къ
какой политической партіи, къ благочести-
вымъ ли Христіанамъ или къ атеистамъ и
матеріалистамъ принадлежатъ *Шатобрианъ*,
Ламартинъ, *Евгеній Сю*, *Бальзакъ* и *Поль-*

де-Кокъ? Пушкинъ подписался *Θεοφιλακτομъ* *Κοσιγκινημъ* подъ двумя сапирическими спапшейками, въ Телескопъ напечатанными, но всѣ узнали его подъ маскою семинариста. Онъ не открылъ, что онъ авторъ *Пиковой дамы*, но съ первыхъ пяти спрокъ каждый грамотѣй опгадалъ пседонимъ. Вотъ напри-мѣръ въ одномъ альманахъ прочипали мы два слѣдующіе разговора:

Разговоръ первый.

«Чѣмъ занимается теперь Гизо Россійскій?»

— Да вѣрно пѣмъ же всѣ: какойнибудь подпиской

На книгу, новую, которую—Богъ дастъ—

Когданибудь и онъ напишетъ и издасп!

Разговоръ второй.

«Пусть говорятъ, что онъ сплешапелъ скучныхъ вракъ;

Но Публики никто, какъ онъ, не записываетъ!»

— Какъ Публики? Богъ вѣспъ, кто вкусъ ея узнаешъ?

— У Публики—вотъ это такъ!—

Согласилпсь, что подъ семи спихами не нужно было спавить имени: веселость, живость, язвительность съ перваго' взгляда обличаютъ оспроумнаго автора, эмпотъ бичъ алчныхъ поргашей, продающихъ похвалы и хулы литературнымъ произведе-ніямъ, актёрамъ, актрисамъ, пѣвцамъ, пѣвицамъ, живописцамъ, гравёрамъ, липографамъ и фокусникамъ.

Мои собесѣдники молчали. Принявъ ихъ молчаніе за знакъ согласія, я продолжалъ: «У Французовъ есть весьма справедливая по-словица: à force de forger, on devient forgeron. По Русски это значптъ: *Куешь, куешь—и сдѣлаешся кузнецомъ*. Знайте, любезные друзья, что сонники и аспрологи, гадапель-ныя книжки и иногда даже историческіе романы (если имя автора скрыто), составляютъ люди безграмотные или семна-ристы, ходившіе до риторики, но убоявшіеся бездны премудрости и вспашъ воро-пившіеся. Книгопродавецъ, желающій из-дать хиромантію и аспрологію, обыкновенно подкарауливаетъ одного изъ бума-гомарашекъ, о коихъ мы выше упомина-ли, кличетъ его по имени и опечеству

и ведетъ въ *растерлицю*, гдѣ уконтетовы-ваетъ его бураками, подовыми пирогами, чер-нымъ пивнщемъ и зеленымъ винищемъ, и спунъ же, опкрывъ ему свое литературное предпріятіе, нанимаетъ его соспряпать но-вую такою рода книгу къ извѣспному сро-ку; почпши всегда ко времени опъѣзда на Ни-жегородскую ярмонку и даетъ цѣлковой или два задатка. За весь же спрудъ, п. е. за книгу, содержащую до 20-ти печатныхъ листовъ, опъ 30-ти до 50 рублей монетою...» Я хо-пѣлъ было продолжать, но одинъ изъ ли-тературныхъ грозныхъ Ариспарховъ во-шедшій въ гостиную испугалъ поргующую плодами ума полпу, всѣ вскочили и, кла-няясь ему съ подобострастіемъ, забыли и о хиромантіи, и объ оракулахъ, и обо мнѣ. А я, по пословицѣ: *Филать тому и радъ*, прижался въ уголокъ, припалъ ды-ханіе и во все оспальное время ни пик-нулъ; за по новоприбывшій госпъ ревѣлъ, какъ буйволь; послѣ ужина вынесенъ на рукахъ въ коляску и сданъ въ цѣлоспи ку-черу.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕ ПОРА ЛИ?

или

ТИРОЛЬСКАЯ ГЕРОИНЯ.

(*Ожоганіе.*)

По возвращеніи нашемъ, на претпій день вечеромъ, я перевелъ моихъ солдатъ на дру-гія кварширы, приказавъ выдать имъ биле-ты на постой у крестьянъ Салюрнской деревни; потомъ, осмопрѣвъ лично размѣ-щеніе людей и лошадей, я перешелъ черезъ дикій и ужасный оврагъ, который, казалось, природа помѣспила здѣсь для обороны дре-вняго замка, спольшаго на вершинѣ круп-го упеса. Небольшія башни его, отражали еще послѣдніе лучи заходящаго солнца, а при основаніи его царспвовалъ мракъ и пи-

шина. — Никогда еще сіи древнія развалины не представлялись мнѣ въ столь очаровательномъ видѣ.

Нѣсколько времени я съ изумленіемъ глядѣлъ на это зрѣлище, когда пораженъ былъ внезапнымъ появленіемъ молодого горца, который съ удивительною ловкостью скакалъ съ одного возвышенія на другое. Опасаясь подвергнуться оскорбленіямъ со стороны кресльянъ, я сдѣлалъ свой мундиръ, и могъ тогда безъ страха смотрѣть на легкія движенія эшаго паспуха, хотя-бъ, появилась вслѣдъ за нимъ цѣлая толпа его товарищей. Онъ съ быстротою молніи пронесся передо мной, бросивъ на земь доскупокъ бумажки изъ корзинки, висѣвшей на его рукѣ. Я взглянулъ на эту бумажку, но на ней начертаны были только таинственныя слова: «теперь пришла пора!»

Я старался угадать смыслъ сихъ краткихъ словъ, кои, безъ сомнѣнія, находились въ связи съ вопросами *Рузена*. Мнѣ было извѣстно, что Тиролецъ вообще былъ худо расположенъ къ своимъ новымъ властителямъ, хотя впрочемъ не обнаруживали ни малѣйшаго знака явной и умысленной неприязни. Пишная въ себѣ подозрѣнія, я считалъ важными такія обстоятельство, на которыя въ другое время не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія; и теперь-то мнѣ пришло на память, что не такъ давно я замѣчалъ не разъ, что по нѣсколько чело-вѣкъ спяло вмѣстѣ, ведя между собою разговоръ съ таинственнымъ и безпокойнымъ видомъ, а однажды цѣлая толпа людей приспально смотрѣла на Салюрнскій замокъ. Все это однакожь было еще темно, и изъ всего нельзя было ничего заключить.

Что мнѣ было дѣлать? Въ первыя минуты я думалъ было потчасъ же воропиться въ деревню и приказать моей ротѣ вооружиться; но мнѣ непременно хотѣлось узнать, не увижу ли я въ такую необыкновенную пору и въ такомъ мѣстѣ *Рузена* вмѣстѣ съ *Доротеею*. Я рѣшился удостовѣриться прежде въ моихъ подозрѣніяхъ, а потомъ воропиться въ Салюрнъ и Три-

денштъ для принятія нужныхъ предосторожностей.

Посему я продолжалъ итти не убавляя шагу, не смотря на то, что скалы и овраги болѣе и болѣе затрудняли путь. Наконецъ я подошелъ къ подошвѣ огромнаго утеса, на которомъ стоялъ замокъ; но чтобы взойти на верхъ, нужно было опыскавъ выдѣланную въ самомъ камнѣ лѣстницу. Между тѣмъ мракъ распространился болѣе и болѣе... Я не въ состояніи выразить тогдашнія мои чувствованія.

Въ скоромъ времени я распозналъ голосъ *Рузена*, слышавшійся изъ-за вершины утеса. Скрытый мракомъ, я тихонько пробрался въ ту спорону, откуда выходили звуки, и едва только обошелъ вершину, какъ замѣтилъ, при слабомъ свѣтѣ фонаря, прехъ чело-вѣкъ: это были *Рузень*, *Доротел* и одна незнакомая мнѣ женщина. При помощи эшаго свѣта я спалъ въ такомъ мѣстѣ, откуда могъ по крайней мѣрѣ слышать всѣ ихъ слова.

Всѣ прое сохраняли нѣкоторое время молчаніе, и прешущее пламя свѣчи дѣлало ихъ похожими на три мраморныя статуи.

«Слушайте меня,» произнесъ наконецъ *Рузень* голосомъ грубымъ и съ гнѣвомъ: «мы должны понимать другъ друга. Вамъ извѣстно, что я не Тиролецъ. Для меня нѣтъ никакой личной выгоды возжигать войну въ семъ несчастномъ краю; напротивъ того торговыя предпріятія, приведшія меня сюда, могутъ быть успешны только среди мира и тишины. Если я приму участіе въ заговорѣ и если рискую своимъ имуществомъ, вліяніемъ и кредитомъ, то долженъ быть обезпеченъ въ вознагражденіи. И такъ, *Доротел*, произнесите рѣшительное слово; скажите, что завтра будете моею женою, и я сію же минуточку полечу на вершину утеса. Отвѣчайте мнѣ ясно и опредѣленно, потому что я не хочу быть долге посмѣшищемъ и въ особенности... здѣсь.»

Спустя нѣсколько минутъ, *Доротел* произнесла отвѣтъ, но голосомъ столь слабымъ

и препещущимъ, что я никакъ не могъ понять его.

«Она согласна,» произнесла другая женщина: «теперь спускайте, если вы благородный человекъ.»

Щитаю не нужнымъ описывать по впечатлѣніе, которое произвела на меня эпа сцена. Разговаривавшія лица удалились, — я слѣдовалъ за ними шайкомъ. Спустился съ минушу, фонарь, какъ-бы самъ собою, началъ подыматься на утесъ. Замѣтивъ мѣсто, гдѣ онъ показался, я опыскалъ по оному начало спупеней и немедля пошелъ по нимъ. Онѣ были почти въ отвѣсномъ положеніи, скользки и потому чрезвычайно опасны; однакожь ноги мои какъ-бы по инстинкту попадали въ углубленіе, которыя помогали мнѣ держаться. Я болѣе и болѣе приближался къ фонарю, и силы мои какъ-бы удвоились отъ того звѣрскаго, невольна овладѣвающаго человекомъ чувства, когда онъ видитъ въ своей власпи смертельнаго врага своего. Прямо надъ нами находилась узкая площадка, окружавшая замокъ. Тупъ по я насигъ моего соперника.

Услышавъ за собою шаги, онъ оборопилъ съ изумленіемъ. Я бросился на него и схватилъ за горло.

«Исусъ Марія!» закричалъ онъ, спараясь судорожнымъ движеніемъ вѣтпиться въ меня: «развѣ теперь не время?»

— Да, — отвѣчалъ я: теперь время! —

Въ это мгновеніе свѣтъ фонаря открылъ ему черты мои; лице его выражало вмѣстѣ и радсть и ужасъ.

— Именемъ короля! — продолжалъ я: арестую васъ, какъ измѣнника. Хотите ли быть моимъ плѣнникомъ? —

«Никогда,» воскликнулъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны погибнуть, — сказалъ я, напрягая всѣ силы, чтооь припачить его на край бездны.

Италіанецъ отбывался, какъ отчаянный; мы боролись нѣсколько минушъ, оба вися надъ пропастью. Различныя спраспи, соединясь въ душѣ моей, усугубляли силу мо-

ихъ рукъ. Личное мое отвращеніе къ этому человеку, преданность моему королю и любовь къ *Доротелъ*, все сіе вмѣстѣ воодушевляло меня; но пропивникъ мой былъ чрезвычайно силенъ въ мышцахъ, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась борьба наша, если-бъ онъ не упустилъ рѣшительной минушы, намѣреваясь выдернуть свой кинжалъ. Движеніе сіе было для него гибельно. Я былъ искуснѣе всѣхъ товарищей моихъ въ борьбѣ, копорю мы любили заниматься въ свободное отъ гарнизонной службы время. Въ ту самую минушу, какъ *Рузена* выпустилъ меня изъ рукъ, я поставилъ свою ногу между его ногъ и перебросилъ его въ пропасть. Онъ упалъ, испустивъ пронзительный спонъ. Я оспавался съ минушу, какъ окаменѣлый; пришедъ же въ себя, поспѣшилъ спуститься по лѣспницѣ, чтооь посмотреть, не жива ли еще жертва моя. Пришедъ на то мѣсто, гдѣ онъ упалъ, я встрѣтился тамъ съ *Доротеею* и съ подругою ея, копорыя, нѣмыя отъ ужаса, сполли склонившись надъ неподвижнымъ тѣломъ *Рузена*. Фонарь по прежнему привязанъ былъ къ груди его и горѣлъ еще.

«Вы, капитанъ, здѣсь!» воскликнула *Доротелъ*: «о праведное небо! не сновидѣніе ли это?»

— Да, будемъ отнынѣ щипать все это спомъ, — сказалъ я: вы по крайней мѣрѣ не должны быть нисколько причастны симъ преступленіямъ и убійству. —

Она сохраняла молчаніе и, спавъ на колѣни, опвязала фонарь отъ груди *Рузена*.

«Оспавьте меня! оспавьте! капитанъ *Либеръ*,» сказала она наконецъ: «мнѣ должно исполнить священнй долгъ. Такъ какъ нещаснаго *Рузена* болѣе уже нѣтъ, то я должна окончить то, что онъ началъ.»

— *Доротелъ*, вы поступаете совѣмъ не благоразумно. Вы теперь въ сильномъ безпокойствѣ и не можете размыслить о томъ, что предпринимаете. Мнѣ должно непременно удалить васъ отъ эпаго ужаснаго мѣста. Пойдемте; долгъ мой не позволяетъ мнѣ долѣе оспаваться. —

«Какой долгъ!» сказала она голосомъ твердымъ, но печальнымъ. «Знаете ли, что вы хотите сдѣлать? Вы хотите выдать меня, выдать, быть можетъ, на смерть ту несчастную, которую вы говорили, что любите.»

— Никогда, клянусь небомъ! Ни одно слово, ни одинъ взоръ не обличитъ ея. —

«Но могутъ быть другіе свидѣтели и....» промолчавъ съ минутою, она продолжала попомъ:

«Въ башнѣ замка лежатъ бумаги, которыми мнѣ должно сжечь вопъ эскимъ фонаремъ; покаместъ онъ не сгоритъ, я буду въ ужасномъ безпокойствѣ.»

— Если только въ помъ дѣло, то я берусь его исполнить. Дайте мнѣ фонарь! —

«Вы, капитанъ!» Она запрепетала, произнося слова сіи.

— Милая *Доротея*, не медлите; немного оспается времени. —

Молодая дѣвушка ломала себѣ руки и плакала. — Вы боитесь, можетъ быть, — продолжалъ я, самъ не понимая что говорилъ: чтобы я не прочиталъ этихъ бумагъ и попомъ не открылъ того, что въ нихъ содержался? —

«Этого именно и боюсь я,» отвѣчала она запинаясь.

— Я готовъ поклясться, что даже не погляжу на нихъ. —

«Нѣтъ, не клянитесь, но поручитесь мнѣ вашею честію, вашею любовію ко мнѣ, что, взойдя на верхъ башни, когда найдете тамъ на каменномъ столѣ бумаги, то сожжете ихъ не прочитавъ, и не выдете вонъ изъ башни, доколѣ онъ не превратится въ пепель. Обѣщаете ли мнѣ это?»

— Даю вамъ честное слово война. —

Происшествіе сей безпокойной ночи омрачило душу мою. Въ это мгновеніе я не могъ ни о чемъ порядочно размыслить, и мною овладѣла новая надежда пріобрѣсть наконецъ сердце и руку *Доротеи*.

Я взялъ фонарь изъ препещущихъ рукъ этой дѣвочки-героини и снова началъ взби-

раться по крупной лѣстницѣ, ведшей на площадку. Я достигъ ея щастливо, но почувствовалъ головокруженіе, проходя мимо того мѣста, откуда упалъ несчастный *Рузень*. Опыскавъ, не безъ труда, среди обломковъ дорогу, я дошелъ до основанія разрушенной башни. Тутъ мнѣ еще нужно было взойти на круглую, полуразвалившуюся лѣстницу; наконецъ уже, чрезвычайно уставъ, я достигъ самаго верха. Свѣжій воздухъ скорѣй подкрѣпилъ меня: — паннспвенная бумага точно лежала на камнѣ.

Вѣрный своему обѣщанію, я отворопилъ глаза, поднося къ бумагѣ фонарь. Она долго не загоралась, вѣроятно отъ того, что опсырѣла, и я невольно взглянулъ на камень. — Къ изумленію моему бумага была... бѣла! Смертельный холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ, когда я это замѣтилъ. Между тѣмъ бумага загорѣлась... дала нѣсколько искръ и вспыхнула въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобно пороху. Вслѣдъ за симъ поднялся въ воздухъ высокій столбъ голубаго пламени.

Я тотчасъ догадался — и вся пспина для меня обнаружилась. — Въ одно мгновеніе изо всѣхъ силъ я схватилъ спѣнный камень и бросилъ его въ бездну; но было уже слишкомъ поздно... *сигналь* былъ уже поданъ. — На вершинахъ ближнихъ и дальнихъ горъ показались огни, и бросая пламень свой въ воздухъ, походили на адскихъ духовъ, переговаривающихся между собою среди мрака. Спусти минутою, раздался звукъ барабановъ пѣхотныхъ войскъ и трубъ драгунскихъ. За симъ послѣдовали ружейные выстрѣлы и пушечные залпы, многократно повторенные эхомъ горъ.

Я ни сколько не помню, какъ спустился съ башни и съ утеса. Убѣгая *Доротеи*, простиравшей ко мнѣ свои объятія, я летѣлъ въ деревню, какъ безумный. Увы! я увидѣлъ здѣсь, что храбрые солдаты мои были окружены и вырваны вооруженными крестьянами. Оппсюду слышался крикъ: пора, пора! Въ эту ужасную ночь Баварія лишилась Тироля.

Я упалъ, пораженный пулею, и когда, послѣ долгихъ спраданій, снова пришелъ въ состояніе понимать окружавшіе меня предметы, то услышалъ, что вся горная область снова присоединена къ Авсприн, а въ попечительной женщинѣ, ухаживавшей за мною во время болѣзни, узналъ мужественную напирютку *Доротето*. Вскорѣ прекратились непріятельскія дѣйствія, съ симъ вмѣстѣ исчезла въ насъ народная вражда, и я имѣлъ щастіе получить руку этой женщины-героини.

Пер. И. Д—ъ.

ДВА НЕГРА.

(*Истинное происшествіе*).

Была ночь; небо было ясно, море тихо и спокойно.

На шкунѣ *шесть сестеръ* находилось двадцать восемь пассажировъ, и все обѣщало имъ, по видимому, благополучное плаваніе. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ; пѣсни мапросовъ пріятно сливались съ шумомъ волнъ, и капитанъ, спокойно сидя подлѣ г-жи *Мюльфитъ*, одной изъ пассажирокъ, разговаривалъ съ нею о своемъ опечесствѣ.

Вдругъ подлѣ нихъ раздался среди мрака крикъ ужаса, и вслѣдъ за тѣмъ блеснуло яркое пламя. Отъ неосторожности мапросовъ, огонь овладѣлъ шкуною, и пожаръ распространился на ней съ удивительною быстротою.

Вся сила человѣческой дѣятельности почасти приведена была въ дѣйствіе, чтобы преодолѣть ужасную опасность. Но всѣ усилія были напрасны; поднялся сильный вѣтеръ, тучи покрыли горизонтъ; между тѣмъ пламя росло, поднималось, извивалось около судна, и скоро обхватило его совершенно. Шкуна еще горѣла нѣсколько времени, потомъ наполнилась водою и исчезла въ волнахъ.

Это происходило въ Апрѣль 1819 года.

Небольшая шлюбка, избѣжавшая отъ пожара, послужила единственнымъ средствомъ

спасенія для экипажа шкуны. Пассажиры бросились въ нее полною въ безпорядкѣ; посудите о ихъ опчаяннн, когда они увидѣли, что по тѣснопѣ своей, шлюбка едва могла ихъ вмѣстить въ себѣ, и что въ ней не оставалось даже мѣста кормчему, чтобы дѣйствовать и спасти ихъ отъ погребенія въ случаѣ бури. Между тѣмъ вѣтеръ съ силою гналъ волны, и въ воздухѣ раздавались громовые удары.

Такимъ образомъ судьба ихъ казалась рѣшею: шлюбка, будучи слишкомъ тяжело нагружена, необходимо должна была погибнуть въ волнахъ. Капитанъ вступилъ въ совѣщаніе съ своими подчиненными о средствахъ, которыми имъ оставались. Нѣсколько жертвъ признаны были нужными для общаго спасенія; надлежало освободить шлюбку отъ излишней тяжести. Сначала обрели на гибель только *двоихъ*, рѣшившись и на другія пожертвованія, если бы въ послѣдствіи потребовала ихъ необходимостъ.

Но кого принести въ жертву? кого бросить въ море?

Двое черныхъ невольниковъ оказывали самую прогательную заботливость своей владѣльницѣ, г-жѣ *Мюльфитъ*, которая, изнемогая отъ страха, проспирала объятія къ своему сыну, питавшемуся подлѣ нее грудью кормилицы. Взоры капитана и мапросовъ обратились къ Неграмъ, и выборъ двухъ жертвъ былъ рѣшенъ.

Но какъ бросить въ море этихъ могучихъ сыновъ Сенегала, отъ исполинской силы которыхъ можно было ожидать самаго упорнаго сопротивленія. Безъ сомнѣнія, они спали бы обороняясь, и эта борьба, среди зыбкой лодки, которая при малѣйшемъ движеніи, могла бы быть залита водою, только ускорила бы ея погребеніе. Буря усиливалась; нельзя было терять времени, и потому немедленно принято новое намѣреніе: кровь застываетъ въ жилахъ капитана, онъ закрываетъ руками лицо; женщины и ребенокъ должны погибнуть.

Одинъ изъ Негровъ подслушалъ приговоръ; онъ бѣетъ по плечу своего чернаго собра-

па, и шихимъ голосомъ, съ живостию объя-
сняетъ ему что-то въ коропкихъ словахъ.
Потомъ, обращаясь къ г-жѣ *Мюльфиртъ*, го-
воритъ ей ломанымъ своимъ нарѣчіемъ:

«Онъ џя готовъ на смерть. Пустьъ толь-
ко вы возвратитесь на родину.»

«Поклянитесь спасти госпожу нашу,»
продолжаетъ онъ, обращаясь къ капитану:
«и мы попчасть бросимся въ море!»

—О! отвѣчаетъ пронупый капитанъ: кля-
нущъ вамъ въ этомъ именемъ Божиимъ!—

«Нѣтъ,» прервала г-жа *Мюльфиртъ*, для
которой все объяснилось изъ этихъ словъ:
«нѣтъ, я не принимаю такого самоотверже-
нія; Негры мои молоды и сильцы; они мо-
гутъ вамъ бытъ полезны; но я... я буду
вамъ только въ тягосъ!... Такъ, господа,
мнѣ должно умереть. Я вдова и добровольно
жертвую собою... я готова. Объ одномъ
только прошу васъ, капитанъ, спасите мое-
го сына!»

Бѣдная мать со слезами опняла своего
сына опъ груди кормилицы, и сжавъ его въ
объятіяхъ, при свѣлтѣ молніи, подала на-
чальнику судна. Пассажиры и матросы всѣ
внутренно усыновили дитя вдовы.

«Бѣдный малюшка!... Дайте намъ обнять
его!» вскричали съ воспоргомъ оба Негра,
прижавшись своими черными лицами къ нѣж-
ной головкѣ ребенка.

— Прощай, дитя! До свиданія *тамъ!*—

Они указали на небо.

Потомъ, при продолжительныхъ громо-
выхъ ударахъ, оба бросилсъ въ море и ис-
чезли въ безднѣ океана.

Свершилось неожиданное чудо! Новыл жер-
твы сдѣлались не нужными. Высокое само-
отверженіе обезоружило гнѣвъ небесный.
Вѣтеръ утихъ и буря прекратилась.

Шлюбка спасена.

Съ Франц. Г—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Л. О. Б. ...ей.

Подъ хранительною сѣнью,
Безъ печалей, безъ заботъ,
Какъ цвѣтокъ въ саду подъ тѣнью,
Ваша молодость цвѣтѣтъ.
Розой щеки ваши рдѣютъ...
Съ ней вы схожи и душой:
Ароматомъ розы вѣютъ
Думы дѣвы молодой.

М. Деларю.

ТОСКА ДѢВЫ.

Не тучи находятъ
На небо ясное,
Не море волнуется
Опъ вѣтра буйнаго.

Горюетъ дѣвица,
Тоскуетъ красная;
Меркнутъ ланиты
Опъ горя и слѣзъ.—

Головкой склонилась
На ручку пуховую;
Грудь воздымается
Опъ вздохомъ любви!

Вспоминяя
Давно-прошедшее,
Со вздохомъ спѣсеннымъ
Родной говоритъ:

«Щастіе сей жизни
Для меня ужъ промчалось,
Другъ незабвенной
Меня разлюбилъ.—

«Лейтесь же слѣзы,
Лейтесь горючія,
Скорѣй изсушите
Больную грудь.»

Такъ тосковала
Дѣвица бѣдная,

Въ мечпахъ призывая
Друга невѣрнаго.—

Родная крѣспила
Дочь дряхлой рукой
И взоръ возводила
На небо съ мольбой.

М. П—ъ.

29 Апрѣля 1834.

С. Петербургъ.

LOGOGRIPHE.

Avec cinq pieds on me monte sur deux;
Mon chef à bas, je coule en un pays heureux;
Mon chef encore à bas, je blanchis tes cheveux.

Въ № 37-мъ помѣщенная шарада значить: *Наполеонъ.*

MODES.

Il nous est resté de Long-Champs quelques jolies formes des robes et une foule de fantaisies en fleurs et rubans, en dessins d'étoffes. Les nuances unies doivent être pâles ou glacées de blanc; les dessins sont au contraire de couleurs très-vives et opposées, sur des fonds blancs; on recherche des fleurs rouges, vertes, oranges, sur fond noir également.

Nous rappellerons à ce sujet les foulards et les sains de laine de *Gagelin*, fond de fantaisie peu foncé, semé en larges fleurs naturelles. Ses *carreaux écossais* brochés, noisette et amarante, vert et vert, noir vert et violet ont été fort remarquables à Long-Champs, ainsi que des *pous de soie chinés* à petits dessins, et des *gros de Naples façonnés* couleur sur couleur.

Une jolie nouveauté des magasins *Gagelin* sont les *châles d'été*. Parmi toutes les variétés de fantaisies, nous distinguerons particulièrement les *châles de satin blanc* brochés à fleurs blanches, à bordures imprimées; les *châles de satin noir souple*, dont le plain est tout-à-fait uni et la bordure et les coins brodés en soie de couleur; le même genre en thibet. Les *châles de foulard*, fond de toutes couleurs, à fleurs unies semées ou en ramages, bordures en guirlande; les *châles*

écossais unis ou croisés à énormes carreaux de plusieurs couleurs. Il y a dans ces châles légers toute l'ampleur des châles lourds, et l'élégance d'un sautoir.

Dans ces mêmes genres nous avons remarqué de jolies écharpes et des petites cravates du matin.

Pl. No 15. Modes de Long-Champs.

МОДЫ.

Намъ осмалось въ прогулкахъ опъ Лонгшана нѣсколько красивыхъ покровъ для плащевъ и множество новаго въ цвѣсахъ, ленсахъ и узорахъ въ матерiяхъ. Одинакіе цвѣта должны быть блѣды или двучисленные съ бѣлымъ; узоры же напрошивъ должны быть яркихъ и прошивуположныхъ цвѣтовъ, по бѣлому грунту; ищущъ красныхъ, зелѣныхъ, оранжевыхъ цвѣтовъ, по черному грунту также.

Мы напомнимъ при семъ случаѣ о шерстяныхъ фуларахъ и апласахъ г-на *Gagelin*. Грунтъ необыкновенный, не весьма шѣмнаго цвѣта, усѣянный большими натуральными цвѣтами. Его зашканныя Шотландскія клѣпки, орѣховаго и амарантоваго цвѣтовъ, зелѣнаго съ зелѣнымъ, изъ черна-зелѣнаго съ фиолетовымъ, весьма замѣчены были въ Лонгшанѣ, а также и *rou de soie chinés* съ мелкими узорами, и узорчатые гроденаши подъ цвѣтъ.

Красивая новосць въ магазинѣ г-на *Gagelin*, *лѣтніе платки*. Между всѣмъ разнообразіемъ, мы оплчимъ особенно *блѣгге атласные платки*, зашканные бѣлыми цвѣтами съ печатными коймами; *черные атласные, легкие платки*, у которыхъ середина совсѣмъ гладкая, а коймы и углы вышиты цвѣпнымъ шелкомъ; въ такомъ же родѣ шибетовые. *Фуларовые платки*, середина различныхъ цвѣтовъ, разбросаны одноцвѣпные цвѣпы или разводы, коймы гирландами; Шотландскіе плашки гладкіе или съ огромными клѣпками разныхъ цвѣповъ. Эти плашки заключаютъ въ себѣ всю полную большихъ плашковъ, и щеголеватость шарфовъ.

Въ этомъ же родѣ замѣтили мы красивые шарфы и маленькіе упреніе галстучки.

Карп. No 15. Отличнѣйшіе новые наряды, замѣченные на гулянь въ Лонгшанѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 39.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 16 дня 1834 года.

Цвѣла и блистала
И радостью взоромъ была,
Младенчески жизнью играла,
И смерть, улыбаясь, на битву звала;
И вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной,
Съ презрѣніемъ броса покровъ свой земной,
Опъ плачущей дружбы, любви безоправдной,
Въ эфиръ унеслася крылатой душой.

Гильдичъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

К А Ч Е Л И.

Послѣ праздничныхъ визитовъ, въ Субботу на Святой недѣлѣ, я сидѣлъ въ своей каморкѣ, успалый и грустный; и не могъ, и не хотѣлъ ни за что приняться. Душа моя изнемогла подъ колокольнымъ звономъ, громомъ пушекъ, спугомъ каретъ, сплелнями, болповнею, обвинаньемъ и цѣлованьемъ. Надобно было оппущитъ сполько поздравленийъ начальникамъ, привѣтствій подчиненнымъ, прїдпныхъ словъ родственникамъ, друзьямъ, прїятелямъ, знакомымъ, приласкать кумовьевъ, одѣлпть конфектами крестницъ, фарфоровыми яцами крестниковъ, перехристосываться съ курьерами, почталіонами, писарями, инвалидами, спорожами, съ своимъ дворецкимъ, камердинеромъ, лакеемъ, кучеромъ, ключницею, кухаркою, прачкою! Будучи ни къ чему не спо-

собенъ послѣ пакихъ оглушительныхъ и изнурипельныхъ прудовъ, я вздумалъ позъ-вапъ на людей *подъ кателлами*; взялъ шляпу и шпросъ, побрѣлъ опъ Аничковскаго моста вдоль по улицѣ *впротерпимости*, или, говоря безъ риторическихъ фигуръ, по *Невскому проспекту*....

Все бѣжало,
Все поропилось. Старъ и младъ,
Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
Живою, смѣшанной толпою
Туда, гдѣ, словно самъ собою,
На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блпстая песпрыми дворцами,
Шумя цвѣпными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ:
Сполица лѣгкая бездѣля
И безчиновнаго веселья,
Народной живости кумиръ.
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ;
Тамъ раздаюпся звуки прубны,

Звеняшь, гремишь липавры, бубны;
 Паяцы съ зыбкихъ галерей
 Зовушь, манишь къ себѣ гостей,
 Тамъ клеперъ чуетъ чѣсть и нечѣсть;
 Ножи проворные въницомъ
 Кругомъ себя Индѣецъ мечетъ
 И бисеръ цѣкаетъ языкомъ.
 Гордись дикими сѣдокъ.
 Тамъ одноклѣки заспучавъ,
 Съ попѣшныхъ горъ леплять спремглавъ.
 Своими длинными шестами
 Качели крашенныя тамъ
 Людей уносятъ къ небесамъ.
 Волшебный праздникъ довершалъ,
 Межь пѣль, съ вселымъ поржеспвомъ,
 Кареть блестящихъ цѣль тройная
 Капнишь медленно кругомъ.
 Межь бадагановъ оживенныхъ,
 Ежеминушно осажденныхъ
 Несперѣливою толпой.

И я, мыслипель *на-ровитъ съ вѣкомъ*, полкался и бросалъ *взглядъ вышнѣ*, превыспреннѣ, на *аристократовъ, цѣловальниковъ, посадскихъ* и чернѣ.

Какая шахматная, полосатая смѣсь! Какъ волнуется это народное море: оно колыхается по въ одну сторону, по въ другую; по нахлынетъ, пѣснимое впередъ перевозными задними волнами; по опхлынетъ, испуганное скачущими всадниками. Веселые кляки, шумъ, гамъ, говоръ, пѣсни, музыка, споръ, брань, обниманье и цѣлованье двоятъ, рлблятъ въ глазахъ предметы; дамскія шляпки съ перьями, съ лентами, цвѣтами, плодами, ягодами, съ узлами, бантами, кокардами, цвѣтна адскаго огня, базарнаго и пуншеваго пламени, сыраго мяса, сѣренѣкаго мышиннаго (gris de souris), зелѣнаго Жако (vert Jocko), зелѣнаго орѣховаго (le vert-brouet-de noix), зелѣнаго раждающагося (le vert naissant), бронзовой черни (d'un noir bronsé), больше же всего алыхъ, красныхъ, пунцовыхъ, розовыхъ, ранжевыхъ, желтыхъ, голубыхъ, лиловыхъ и бѣлыхъ. Между ними мелькають, какъ вороны между попугаями и чижиками, мужскія шляпы съ широкими какъ грибокъ полями, другія почти безъ полей, претпы на манеръ грешневка. Вотъ кучерскія съ чер-

нымъ бархатомъ и спальною бляхою, крестьянскія съ павлиными перьями, фуражки и карпузы самые уродливые—съ заломомъ, съ киспями на маковкѣ, съ разваломъ и па чепыре угла, Бухарскія шапки, Персидскія эриванки съ чернымъ околышемъ, лакейскія прехъ-угольные съ золопымъ и серебрянымъ галуномъ:

Блестательный пеапръ, гдѣ каждый-поспипиель
 Въ шуму веселья самъ и эрѣлице и эрпипель.

Званія, чины, возрасты, полы — все пере-мѣшано. Вотъ широкоплечій кучеръ съ окладною черною бородою, высокою грудью, жилистыми руками, въ зелѣномъ понкаго сукна съ бобровою опушкою шулупъ, пуховой шляпъ съ свѣплою бляхою, подпоясанъ Персидскимъ шёлковымъ кушакомъ. Онъ подноситъ спаканъ клюковнаго квасу кучарки въ синемъ сарафанъ; передникъ у ней съ пѣшушками, серги съ подвѣсками изъ самоцвѣпныхъ спѣкмышекъ, копы съ мѣдными сѣбками и красною сафьяною опорочкою. Вотъ пригоженькая, щегольски обуная въ барынины чулки à jour и лайковые башмачки, зашланупая въ корсетъ, въ розовой шляпкѣ, въ шёлковомъ капотѣ, горничная съ военнымъ лакеемъ, зашланупымъ въ перешитый изъ баринова мундира форменный фракъ и зелѣные панталоны, въ налакированныхъ, какъ зеркало, ботфортахъ и шляпъ съ широкимъ серебрянымъ галуномъ. Онъ подчиваетъ кедровыми орѣхами еѣ и кормилицу въ красномъ бархатномъ сарафанъ и парчевомъ кокошникѣ. А вотъ цѣлая дюжина Нѣмцовъ-ремесленниковъ въ длиннополыхъ сюрпукахъ, съ свѣплыми въ спаринный пятакъ величиною пуговицами, разноцвѣпныхъ плапкахъ на шеѣ, жѣлтыхъ лидепахъ и кожаныхъ панталонахъ: одинъ изъ нихъ раскрылъ огромную жестяную съ Блюхеровымъ порпретомъ пабакерку—десять рукъ опустились въ ней, выпашили по горсти зелѣнаго табаку—и набили имъ длинные носы свои. Подождите, другой опкроепъ свою—и еѣ опустошатъ. Когда же всѣ пабакерки опорожняпся: знайте, это вѣрный знакъ, что хозяевамъ ихъ пора убираться во свояси. Для контраста съ выход-

цами изъ Пруссіи, Виртемберга и Ганновера — взгляните на Русскаго ремесленника въ подосапомъ халатъ, съ голою шею и неподполсаннаго; хмѣль порядочно раскачиваетъ его съ стороны въ сторону; это подмастерье: его ведутъ за руки два ученика въ такихъ же подосапыхъ халатахъ. Поспоропитесь, не то, раздавши васъ гвардейскій унперъ-офицеръ съ красивыми усами и какъ чѣрный лѣсъ бакенбардами, шагающій по великашски: такъ шагаль онъ по Кавказскимъ и Балканскимъ горамъ; такъ перешагнулъ черезъ Варшавскія укрѣпленія, что доказываютъ на груди его кресты и медали. Съ нимъ рядомъ рысью бѣжитъ его крохотная жѣночка, разодѣтая, какъ офицерша, въ шюлевома чепецъ и въ манто изъ синяго дра-дѣ-дамъ съ малиновою шёлковою подкладкою; съ другой стороны его свояченица, чиновница 14-го класса... Господи, Боже мой! На ней блестятъ всѣ цвѣты радуги: оранжевое платье, желтая шляпка съ піономъ, голубой платокъ съ тюльпанами накинутъ на плечи, перчатки лиловыя, башмаки пунцовыя!.. Не уже ли отъ одного *Адама* произошли и эти ловкіе, мѣткіе, черноглазые Донцы, эти лхкіе наездники — ужась Турокъ, Ташаръ, и эта бѣлоглазая, рыжеволосая чудь съ медвѣжьими ухватками? Посмотрите, какая противоположность между худощавымъ на поненькихъ ножкахъ Италіанцемъ, который дуешь въ кулакъ, и широкоплечимъ, румянымъ Русскимъ мѣщаниномъ, который лакомится Вяземскимъ пряникомъ. Нашъ перещибеть того пополамъ богатырскимъ кулакомъ своимъ! А эти Калужскіе и Нижегородскіе купцы, какъ папріархи съ величавою осанкою, съ бородою, волнами падающею на грудь ихъ. Ничтожными пварями кажутся передъ ними наши полунѣмецкіе и полурусскіе госпидворцы, ошипанные, осприженные въ кружокъ, съ бристою бородою, въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ, въ сертукѣ и съ голою шею, въ жилеткѣ и остроносыхъ сапогахъ изъ выроспка. То-ли дѣло это отважный паренъ въ Александрійской рубашкѣ, пуховой шляпѣ и смуромъ армякѣ на распашку; бѣло-румяное лицо его весело, беззаботно, походка скорая, пвѣрдая;

онъ глядитъ, какъ глядѣли *Суворовскіе* солдаты, когда шли на *Измаильскій* приступъ: это фабричный, съ отважною Русскою физиогноміею. Возлѣ него Коломенская баба въ шахматной появѣ, въ золотой сорокѣ съ бисеромъ и въ бѣлой съ красными кумачными рукавами рубашкѣ: они пощелкиваютъ калѣные орѣхи и запиваютъ сбитнемъ. Ба, да это семинаристъ... Да, почто семинаристъ въ длинополомъ полужафтанѣ, широко подполсанъ каламенковымъ кушакомъ; волосы его гладко причесаны и заплетены въ косичку. Вотъ писаря въ военныхъ сертукѣхъ съ унперъ-офицерскими позументами. Вотъ поваръ въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ и фаршукѣ, съ янлюшкою, на которой шугай съ разводами; она въ синемъ шелковомъ, золотыми цвѣтами усыпанномъ платкѣ на головѣ и шерстяномъ грубой Кулавинской работы на шеѣ... Но что за цѣпы молотятъ позади балагановъ? Это пріятельская драка на кулачки! Я узнаю тебя,

О Русскій бодрственный народъ,
Опечески хранящій нравы!

Свинцовые кулаки стучатъ о бока, какъ о стѣну гранитную; зубы расквашены, фонари поставлены подъ глазами, скулы вздулись; но вотъ враги уже примирились. Вотъ они обнимаются, цѣлуются; вотъ взяли за руки — и, едва держась на ногахъ, оправились въ храмъ *Важуса* праздновать вожделѣнный миръ. Русскій рождень для рукопашнаго боя: онъ слишкомъ пылокъ и храбръ; ему не по-сердцу сползать, какъ вкопаному и заниматься переспрылкой. Въ шпыки, въ атаку, ура! И все наше!

Теперь вопрѣмся въ самую пѣсную толпу народа, продерѣмся къ самымъ качелямъ, поспараемся снятъ на-скоро порпремены съ пѣхъ замѣчательныхъ особъ, кон, сидя на нихъ, то возвышались, то опускаются, какъ временщики. На одной бѣздкѣ, важно избоченясь, сидитъ деньщикъ въ шинели съ длиннымъ воротникомъ, обложеннымъ въ при ряда красными суконными полосами. Понюхивая табачокъ изъ берѣсповой павлинки, онъ опущается лакейскія

нѣжности толстой какъ опрубокъ дерева сосѣдкѣ своей — солдаткѣ того полку, въ которомъ господинъ его служилъ прапорщикомъ. На второй — при бурлака, кресьяне Тверской губерніи въ неуклюжихъ шапкахъ: двое въ сермягѣ, претій въ новомъ нагольномъ шулуѣ, похожіе ухватками на медвѣдей, не нарадуются своимъ блаженнымъ состояніемъ. О, какъ же они расхвастаются дома, не только передъ мірянами, да и передъ старостою, да и передъ бурмистромъ, никогда не бывавшими въ Пиперь! Третью занимаетъ кузнецъ съ кузничихой и дочерью, а четвертую поршней съ портнихой и груднымъ ребѣнкомъ. — «Почему узналъ я,» спросите вы у меня: «что это кузнецъ и портней?» — Перваго по чернымъ закорючившимъ ручищамъ, втораго по иголкамъ, которыми онъ даже на праздничномъ коричневомъ сертукѣ напыкалъ. На другихъ качеляхъ почпаліонъ, мапрось и будочникъ вмѣстѣ, а въ прехъ остальныхъ бесѣдкахъ записныя прелестницы съ оцекатуренными лицами и намалеванными бровями и въ коспюмахъ à l'enfant.

«Хорошо бы пробраться въ балаганъ къ *Леллану*; однакожь это невозможно. Жаль, что нынче нѣтъ звѣринца.» — Я бы не пошелъ, если-бъ и былъ онъ. Что тамъ дѣлать! Я уже сто разъ видалъ заморскихъ дикихъ звѣрей. Вотъ, еслибъ Парижскій чудодѣйцъ *Мартинъ* съ своимъ звѣринцемъ къ намъ пожаловалъ, это другое дѣло, я бы готовъ заплатить по червонцу за входъ, чтобы посмотреть его въ клѣткѣ между свирѣпымъ львомъ и лютымъ пигромъ, имъ воспитанными. Онъ обращается съ ними, какъ съ щенкомъ и котѣнкомъ; они опдыхаютъ полова свои чудовищныя головы къ нему на колѣни; онъ ихъ гладитъ, совываетъ руку въ ихъ пасть. Этого мало! Онъ надѣваетъ себѣ на шею боа; не того боа, которыми наши дамы окушываютъ свои прелестныя шейки, но огромнаго змѣя и не соннаго, не сытаго, а голоднаго, сверкающаго глазами, разгибающаго и сверпывающего въ кольца свое блестящее, распещренное яркими цвѣтами и толстое какъ каша тлувище.

Боже великій! Какая величественная карпіна! Слабый человекъ поверпываетъ, переверпываетъ сего змѣя, примѣриваетъ на шею какъ галспукъ. Что скажутъ теперь материалисты противъ могущества умнаго, терпѣливаго учителя, перевоспитывающаго природу, превращающаго кровожадную гіену въ кропкаго агнца? Что возразятъ противъ эаго поклонники доктора *Галля*? Имъ надобно бросить въ могилу собраніе разбойничьихъ череповъ, сомкнуть святошапсвенныя уста и перестать извинять разврапъ и злодѣйство головными выцуклоспями и впадинами. —

Одиннадцать балагановъ, и между ними *Леллиновъ*, столь огромный, что его можно щипать за три: цѣлая длинная улица! Рядъ качелей, коньковъ и разѣзжающихъ кругомъ одноколокъ соспавляетъ другую улицу. Бѣлые шапры прлишниковъ претью, а квасники четвертую: это городъ.

Говоря о балаганахъ, не могу *пролиновать*, чтобы не вспомнить, какъ одинъ *журналистъ* весьма невыгодно опозвался объ одномъ масляничномъ фокусникѣ. Фокусникъ обидѣлся, нашелъ доступъ къ главному издателю, который, (хвала и честь его правдолюбію) найдя его правымъ, заставилъ своего *сотрудника* опречься опъ прежняго дурнаго мнѣнія и напечатать похвалу ему.

Дѣла давноминувшихъ лѣтъ,

Преданья старины глубокой!

Помните ли вы, господа, механической шаптры *Мейергофера*? А я, будто теперь вижу игру лучей, волшебное дѣйствіе свѣта, живописные сельскіе виды... Все это было прекрасно, восхищительно; но всего болѣе восхищало Публику зрѣлище коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Кресла и лавки были всегда заняты. Сначала, жужжаніе показывало удовольствіе зрителей: потомъ благоговѣйная тишина, какъ будто бы дѣйствительно совершался передъ ними священный обрядъ вѣнчанія на царство и миропомазанія; когда же музыка начинала играть: *Боже, Царя храни!* и возвѣщала пор-

жестивенное шествіе Императора, сердца не могли удержатъ своего веселія.— «И я видѣлъ собственными своими глазами,» говоритъ издатель оспроумной газеты *Le Furet*: «какъ купцы лобызали другъ друга, восклицали ура! и проливали слѣзы отъ щастія, воображая, что они созерцаютъ своего Опца-Государя.»— Мы не въ состояніи ничего прибавить къ этой похвалѣ г. *Мейергофферу*.

Порядочно одѣтые люди, офицеры, чиновники прогуливаются по Адмиралтейскому бульвару *особь-статьей*; однакожь вмѣшиваются иногда *изъ прихоти* въ самую дремучую толпу черни. Взгляните сюда; угадаете ли — въ пожиломъ мушкетѣ съ значительнымъ лицомъ и величавою осанкою, — смиренно-одѣшаго въ серпукѣ Посла одного изъ могущественнѣйшихъ монарховъ Европы? Да, это Посолъ...; съ правой его стороны секретарь его, а съ лѣвой совѣтникъ посольства. Оглянитесь шуда, кого думаете вы видѣть въ этомъ посѣпителѣ народныхъ увеселеній? Это одинъ изъ государственныхъ нашихъ саювниковъ!

Долго бы, можетъ быть, пробродилъ я *подъ кагелями*, еслибъ толпа несносныхъ врагій не окружила меня съ докучными вопросами. Одинъ, разинувъ ротъ до ушей и по скопски усмѣхнувшись, закричалъ: «А, здравствуйте; *вѣрно пожаловали сюда наблюдать нравы, собирать краски для каррикатуръ? Помогай вамъ Богъ; на Ооминой протѣмъ въ Пересмѣшникъ*— и посмѣмся.» Другой, пожавъ мнѣ руку, съ видомъ покровительства, говоритъ: «Вы *вѣрно подарите насъ статейкою о гуляньѣхъ подѣ кагелями?*» Третій шепчетъ мнѣ на ухо: «*Вамъ непременно надобно написать что нибудь о кагеляхъ.*» Четвертый... Но я не выслушалъ бредней четвертаго, понатужился и, правымъ плечомъ, какъ корабль носомъ, разбѣкъ на родныя волны—и скрылся.

Въ Среду на Ооминой я проѣхалъ отъ Зимняго дворца къ Исакіевскому мосту и обозрѣлъ не за долго до сего шумное, теперъ же пустынное поле подвиговъ *Лемана, Лексы, Мекгольда, Веле* и другихъ героевъ

Масляницы и Святой недѣли. Башни лежатъ дощатыми главами своими на булыжникъ; зубцы изъ драничекъ переломаны; балконы, съ копорыхъ охриплымъ голосомъ паяцы зывали: *Сюда пожалуйте, господа, сей часъ начинается!* валялись въ прахъ; карпонные шлемы, кумачныя мантіи, мишурные шарфы и перевязи, знамена изъ золотой бумаги свалены въ безобразную груду—и ломовой извозчикъ въ дегтярномъ армякѣ готовился заскарузлыми руками накладывать ихъ на свои дроги!!! Такъ разрушенъ Персеполь, такъ пали Вавилонъ и Ниневія! Самыя солнца и планеты, какъ распѣнія, зачинаются, развиваются, достигаютъ высочайшей степени своего образованія, потомъ нисходятъ къ конечному разрушенію. Все имѣетъ свой конецъ, даже моя безполковая спашья о гуляньѣхъ *подѣ кагелями*.

А. Кораблинскій.

ВЫГОДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ.

«Скажите мнѣ, любезный баронъ,» сказала графъ *В.*, бывший по уши въ долгахъ: «какъ вы дѣлаете, что не наживая долговъ, живете открыто? Я, хотя имѣю больше вашего доходовъ, но...»—Я занимаю должность,—отвѣчалъ баронъ. «Должность! Объ этомъ я никогда не слыхалъ; а какую?»—Я занимаю должность управляющаго собственнымъ своимъ имѣніемъ.—Графъ *В.* потупилъ глаза въ землю и переспалъ спрашивать.

СТО СЕДЬМОЙ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

Двое пріятелей заспорили. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, что у него построены сарай на сели *верстахъ*, а другой говорилъ, что этаго быть не можетъ. Спорщики ударились объ закладъ, и первый выигралъ, объявивъ дѣло такимъ образомъ: «Я поставлялъ подрядомъ версты по новому образцу, а старыя бралъ себѣ. Изъ числа этихъ старыхъ верстъ, семь врылъ я въ землю, покрылъ и обшилъ песомъ, такъ что у меня теперъ сарай на сели *верстахъ.*»

СОБАЧЬЯ ПОДАТЬ.

Англійскому министру *Вальполю* поданъ былъ проэктъ о наложеніи подати съ собакъ. Министръ прочелъ оный со вниманіемъ и сказалъ: «Проектъ хорошо обдуманъ; но если я приведу его въ дѣйствіе: то всѣ собаки Великобританіи на меня залаютъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБРАЗЦЫ СТАРИННОЙ НѢМЕЦКОЙ РОСКОШИ.

Въ 1475 году, съ необыкновенною роскошью праздновано было въ Минхенѣ бракосочетаніе герцога Баварскаго *Георга* съ Польскою принцессою *Гедвигого*. Курфирстъ Бранденбургскій и его супруга прѣхали на празднество сіе въ сопровожденіи болѣе ста придворныхъ дамъ, будучи сверхъ того окружены четырнадцатью благородными дѣвицами, которыя ѣхали верхами подлѣ ихъ кареты, отличаясь богатствомъ наряда и великолѣпными алмазными эгретками, украшавшими головные уборы сей прелестной стращи. Чинапельницы вѣроятно поблагодарятъ насъ за то, что мы приводимъ прописаніе, которому не бываетъ болѣе примѣра въ наше время, и пѣтъ подаемъ имъ способъ соперничествовать съ самою блестящею изъ гвардій нынѣшнихъ Европейскихъ государей.—Между свадебными постыпателями замѣчательнѣйшіе были Императоръ *Фридрихъ III* и принцъ *Максимиліанъ*, при которыхъ находилось болѣе шести тысячъ лошадей; у Курфирста *Альберта* было ихъ до тысячи ипехъ сотъ.

Въ 1397 году происходило собраніе Германскихъ государей, близъ Франкфурта, гдѣ находился тогда герцогъ *Леопольдъ* Австрійскій. *Аилбургская хроника* съ подробностью описываетъ великолѣпие тамошняго Двора, о которомъ можно составить себѣ понятіе изъ собственныхъ словъ сего государя: «Кто хочетъ ѣсть, пить и кормить коней своихъ, для Бога и рыцарской чести, тотъ

приходи ко Двору моему.» И дѣйствительно, по его повелѣнію, отпускалось ежедневно корма на 4 п. лошадей. Иногда на Имперскихъ Сеймахъ собиралось сполько сихъ живошныхъ, что ихъ принуждены были опводить въ другія мѣста, за недоспакомъ фуража.

Роскошь въ одеждѣ гораздо превосходила ту, которая замѣтна въ наше время. Смотря нынѣ на каменные ступи старинныхъ рыцарей, мы никакъ не подозреваемъ, что они сполько же любили наряжаться, какъ и записные щеголи нашего времени.

Что касается до женщинъ, то онѣ охотно перенимали иноземные костюмы; владычество моды было чрезвычайно, и все преклонялось предъ ея всеильнымъ скипетромъ. Это заставило писателя *Спангенберга* сказать въ своемъ *Зеркаль Германскаго дворянства*:

«Есть женщины, которыя мѣняютъ свои наряды по три раза на день, смотря по времени и мѣсту, въ которомъ они показываются; онѣ одѣваются иногда по Французски, а иногда по Нѣмецки, по Испански и даже по Италіански.»

Намъ кажется, что сей послѣдній обычай былъ бы весьма полезенъ и для нынѣшнихъ красавицъ. Та, которой не суждено нравиться въ платьѣ Гречанки, плѣняла-бы, можетъ быть, въ Китайскомъ нарядѣ; а та, которой не приспалъ Русскій костюмъ, могла бы плѣнить ланисственностью, высокимъ ростомъ и стройнымъ станомъ, подъ покрываломъ Турчанки. Мушкетеры ни сколько бы отъ сего не потеряли, и иной почелъ бы себя щасливымъ, просидѣвъ за столомъ рядомъ съ миловидною Француженкой, проведя послѣ-обѣденное время съ Опашлянкою и окончивъ вечеръ въ танцахъ съ Италіанкою.

Но пышность и дороговизна нарядовъ, болѣе чѣмъ разнообразіе оныхъ, безпокоили и разоряли тогдашнихъ мужей. Принцесса *Гедвига*, молодая невѣста герцога Баварскаго, явилась на свадебномъ балѣ въ платьѣ изъ алаго атласа, вышитомъ сверху до ни-

зу жемчужными цвѣтами, изъ которыхъ въ каждомъ заключался драгоценный камень; высокій воротникъ сего плащя также былъ опдѣланъ жемчугомъ. Корона изъ жемчуга и алмазовъ украшала ея голову, покрывающую покрываломъ, которое, съ пріятностью спускаясь по плечамъ ея, еще болѣе возвышало ея рѣдкую красоту. Рядомъ съ нею шелъ Императоръ, одѣтый въ плаще багрянаго цвѣта, вышитое золотомъ и устлнное алмазами, рубинами, изумрудами и сафирами. На груди его висѣлъ драгоценный крестъ. Онъ велъ принцессу подъ руку съ лѣвой стороны, а съ правой велъ ее герцогъ *Оттонъ*, въ коричневомъ полукафтанѣ, шипомъ жемчугомъ.

Наконецъ, роскошь эта дошла до такой степени, что Франкоиское, Швабское и Рейнское дворянство нашлось вынужденнымъ принять для уменьшенія оной спорогія мѣры. Въ 1485 году, на Гейльбронскомъ турнирѣ, условлено было, чтобы ни одна дама или дѣвица не имѣла болѣе трехъ или четырехъ богатыхъ плащевъ, и, сверхъ того, не показывалась въ плащѣ, вышитомъ жемчугомъ или золотомъ. Та, которая нарушила бы сіе постановленіе, лишалась права раздавать награды на турнирѣ, и танцевать первый танецъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было придумать строже этого наказанія?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

6-ти ЛѢТНЕМУ ВАСѢ Т. Ф. В.

(При посылкѣ деревяннаго коня.)

Вотъ, Вася! конь лихой, репивый, ставный конь!
Скорый, бодрый, съ своей осанкой молодецкой,
Садись и выѣжай!... Шепнешь лишь нянѣ: «пронь!»
Она помкнешь, и ты... мечшой помчишься
дѣтской
За придевать земель, за дальнія моря.—
Когда-жь придуть годъ и, Вася ставъ Василій,
Огнемъ святой любви къ Олечеству горя,
Ты вихремъ въ бой за вѣру и Царя....
Будь рыцарь: не щади ни жизни, ни успій,

Чтобъ всѣ про ѣздока сказали: «Ай Василій!
«И прямъ и твердъ онъ на конѣ!
«И по душѣ, какъ дѣдъ, прямыхъ и твердыхъ правль;
«А въ схваткахъ грозныхъ, на войнѣ,
«Точъ въ почъ, какъ дядя *Павелъ*.»
Но съ нимъ равнялся воешнымъ удалешвомъ,
Спайся бытъ въ него-жь—и сердцемъ и умомъ!
О. Глинка.

ВЕРБЛЮДЪ (*).

(Изъ *Лобалли*.)

Басил.

Въ нагренѣи набилъ карманъ,
Однажды, о Святой, какой-то шарлатанъ
Верблюда вывелъ въ балаганъ,
И объявилъ, что прямо изъ Туниса
На кораблѣ Верблюдъ былъ привезенъ.
Вотъ зрители въ шаперъ толпою собралися;
На звѣря рѣдкаго глядятъ со всѣхъ споромъ;
И всякой красоту особую находятъ.
«Какой почтенный видъ!.. какъ важно смотритъ
онъ!»
(Такъ рѣчь заводитъ
Надуцкій, опспавный Судья.
«Ну точно я,
«Когда исеиць ко мнѣ бывало входитъ.»
—А тошъ, пошпеналъ любилъ!—
(Его хозяинъ прерываетъ)
—А эта сьеръ прюшка не ошenna феликъ,
А инахта пѣчаетъ
Што съла двѣ недѣль не кушай ни шето!—
«Вотъ точно качество прекрасное его!»
(Вскричалъ богатый,
Но хуже ницаго паряженный кащей).
«За входъ не жаль мнѣ платы;
«Верблюдъ мнѣ далъ урокъ: теперь, съѣвъ миску
щей,
«Попробую-ка я не ѣсть пятнадцать дней.»
—Эхъ господа! (Прервалъ одинъ горбатый)

(*) Изъ стихотвореній *Николая Линдборса*, которыя недавно напечатаны.

Не удивляешься вы всё
 Опличнейшей его красъ!
 Взгляните же, какъ эти возвышенья
 Прелестны на его спить!
 Какое украшенье
 Ему доставили онъ! —
 Орапору не опвѣчали. . . .
 Но на спину его взглянувъ, захохотали.

*

Смѣемся мы надъ горбуномъ,
 А сами на него похожи:
 Чпо худо въ насъ, не рѣдко поже
 Мы хвалимъ и въ другомъ.—

А Н А Г Р А М М А.

Я пагуба людей,
 И бѣдняковъ и богачей,
 И опъ скоповъ бросаюсь на звѣрей.
 Переверни меня: напипокъ вкусной,
 И всякъ меня кто много пьѣтъ
 Съ водой, иль чаемъ: попь не грустно
 Въ союзѣ съ Бахусомъ живѣтъ.

Л. Ливанскій.

Въ No 38-мъ, помѣщенный догоришь значить: *Etage, tage, âge.*

M O D E S.

Une ancienne maison dont la renommée a longtemps parlé vient de se renouveler sous la direction de Mme *Gaupillat*, successeur au magasin de modes de Mme *Delavigne*, rue Vivienne. De jolis chapeaux habillés et demi-habillés, de charmantes capotes jeunes et simples ont fixé notre attention; nous citerons en particulier un chapeau en pou de soie rose glacé, dont le ruban à gros grain, assorti à l'étoffe, attachait une branche de *noisetier*, et des capotes en paille de riz à jour, avec des rubans de taffetas glacé formant l'*écossais* par une ligne blanche; la passe d'une jolie forme doublée de pou de soie assorti.

Une façon de redingote pour une étoffe unie, est boutonnée vers le milieu par deux rangs d'olives de passementerie très-grosses. Ces olives ferment le bas de la manche en deux rangs également, de manière à garnir le poignet, comme les boutons d'argent des femmes espagnoles.

On fait des corsages plats, croisés, avec des jupes fermées droites par devant. Les biais en mathilde sont fréquemment choisis entre d'autres ornemens.

Le magasin de Mme *Gleizal*, rue Dauphine, et rue Castiglione, se fait toujours remarquer par quelques nouveautés de bon goût. Nous y revoyons avec plaisir les mantelets; ce joli complément de toilette demande encore plusieurs années de faveur.

М О Д Ы.

Одинъ старинный домъ, бывшій въ славъ продолжительное время, возобновился подъ распоряженіемъ г-жи *Gaupillat*, преемницы моднаго магазина г-жи *Delavigne*, въ улицѣ *Vivienne*. Нарядныя и полу-нарядныя шляпки, прелестныя простыя капоты для молодыхъ, привлекли наше вниманіе. Мы особенно опишемъ шляпку изъ двуличневаго розоваго *pou de soie*, у которой програвированная лента, подъ цвѣтъ матеріи, прихватывала вышку орѣшника. Басповые прорѣзные капоты, съ двуличневыми шафляными лентами, въ которыхъ бѣлою. полоскою составлены Шотландскія клѣпки; поле красивой формы подложено *pou de soie* подъ цвѣтъ лентамъ.

Покрой *редингота* для гладкой матеріи, въ срединѣ застѣгнутъ двумя рядами весьма большихъ плеченыхъ оливокъ. Эти оливки схватываютъ низъ рукава также въ два ряда, такъ чшобъ обшивка была убрана, какъ Испанки украшаютъ серебряными пуговицами.

Лифы дѣлаются гладкіе, крестообразные; юбки застѣгнуты прямо въ срединѣ. Косыя полоски, положенныя мапильдою, часто употребляются между прочими отдѣлками.

Магазинъ г-жи *Gleizal*, въ улицѣ *Dauphine*, всегда замѣчашеленъ по какой нибудь новостии хорошаго вкуса. Мы видимъ тамъ съ удовольствіемъ манпильды; эта красивая принадлежность наряда пребуется еще оспашься въ употребленіи на нѣсколько лѣтъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 40.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 80, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 19 дня, 1854 года.

Свой слогъ на важный ладъ настрою,
Бывало, пламенный пворецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.

Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДВА ГОДА ЖЕНАТОЙ ЖИЗНИ.

Есть два рода брачныхъ союзомъ: одни основываются на рашапахъ, другіе заключаются по склонности.

Въ первыхъ, вовсе не участвуетъ любовь, и потому время не производитъ никакой значительной перемены во взаимномъ расположеніи супруговъ; отъ эпига подобные браки бывають самыя щасливые.

Уже съ перваго дня послѣ свадьбы, такіе супруги смотрять другъ на друга, какъ два человѣка, которыхъ жизнь связана по какому нибудь случаю; они будутъ сходиться ежедневно, какъ солдатъ сходился съ своимъ казарменнымъ поварихомъ, или чиновникъ съ своимъ сослуживцемъ. Союзъ такого рода—простая сдѣлка, и, не говоря о мелкихъ непріятностяхъ, неизбѣжныхъ между людьми, которые ежедневно бывають

вмѣстѣ, между ними никогда не произойдетъ охлажденія, потому что никогда не было горячности; никогда не послѣдуетъ отвращенія, потому что никогда не было привязанности; никогда не родится ненависти, потому что никогда не было любви.

Въ союзъ послѣдняго рода, бываетъ совсѣмъ пропивное. Въ первые дни, любовники трапятъ сколько любви, спрасятъ, во спорговъ, сколько спало бы ихъ на всю жизнь для какого нибудь *Вертера*; въ этомъ случаѣ, ихъ можно сравнить съ молодыми людьми, которые никогда не имѣли въ своемъ распоряженіи десятка рублей, и вдругъ лишившись скупаго отца, безразсудно проматываютъ богатое наслѣдство, достапочное сдѣлавъ ихъ щасливыми на всю жизнь.

Но дни воспорговъ должны когда нибудь миноваться; положимъ, что они продолжались мѣсяць, полгода, годъ, даже два года; не менѣе того, наконецъ они проходятъ,

и какъ въ мѣрѣ не существуетъ двухъ душъ, получившихъ одинакую организацію, какова бы ни была симпатія, ихъ сблизившая, по опъ сего происходитъ, что любовь одной изъ нихъ переживаетъ любовь другой, и тогда рождаются подозрѣнія, ревность, упреки, жалобы, ссоры, словомъ цѣлый адъ, неизбѣжный въ такъ называемыхъ щаспливыхъ и поспрасти супружествахъ.

Когда вамъ случится слышать, что супруги говорятъ другъ другу нѣжности черезъ два года послѣ свадьбы, будьте увѣрены, что они поссорились наканунѣ, или поссорятся завтра; нѣжность эпа—лихорадочный припадокъ, мимолетная прихоть, не болѣе.

Я бываю часто по вечерамъ у однихъ добрыхъ и милыхъ моихъ знакомыхъ, которые женились два года тому назадъ; они еще любятъ другъ друга, но въ любви ихъ также бываютъ промежутки холодности, равнодушія; и какъ обыкновенно случается, что когда припадокъ спрассти овладеваетъ мужемъ, въ женѣ она споситъ на почкѣ замерзанія, или на оборотъ, по это составляетъ неисчерпаемый источникъ жалобъ, слезъ и разныхъ сценъ, которые служатъ самымъ убѣдительнымъ доводомъ противъ союзовъ по склонности.

—А! это ты, мой другъ; какъ ты сегодня поздно возвратился.— «Да, я былъ занятъ.»—Что это, какъ ты мнѣ сухо отвѣчаешь; года за два, я бы опъ тебя эпаго не услышала: теперь, я очень вижу, что ты меня больше не любишь...—

На другой день, таже пѣсня.— Ты уходишь, и не хочешь со мной проспитъся?— «Виновать... но я такъ спѣшилъ...»— Два года тому назадъ, съ тобой бы вѣрно эпаго не случилось: я очень вижу, что ты меня больше не любишь.—

Потомъ приходитъ очередь мужа.— Ты три раза танцевала съ *Нарумовымъ*; это неврилично.— «Развѣ ты ревнуешь меня, мой другъ?»—Я совсѣмъ не ревнивъ, но вѣдь эпаго нельзя не замѣтить; въ свѣтѣ любятъ злословить другъ друга, а мнѣ бы не хотѣлось,

чтобъ на меня указывали пальцами.— «Не сердись, впередъ я эпаго не сдѣлаю.»— Прежде ты не довела бы меня до эпахъ замѣчаній. Ты танцевала только со мной однимъ: *вижу, что ты меня больше не любишь.*

Это всегдашняя пѣсня щаспливыхъ супруговъ:

—Ты не хочешь повезти меня въ театръ: *вижу, что ты меня больше не любишь.*—

«Ты еще не вышла мнѣ кошелекка: *вижу, что ты меня больше не любишь.*»

Они еще любятъ другъ друга, и любятъ горячо; но они слишкомъ спраспно, слишкомъ пламенно любили въ началѣ и припомъ женились по любви.

Вообще, нельзя не согласиться, что бракъ есть самый худшій изъ всѣхъ законовъ, которые установлены обществомъ противъ самаго себя.

Л. Л.

ЛЮБОпытныя исчисления, относительно къ Англійскому національному долгу.

Предположивъ, что Великобританскій національный долгъ простирается на свыше 700 мил. фунт. ст., превратимъ оный мысленно въ Банковыя билеты, цѣною каждый въ 1 ф. ст. Билеты сии, положены будучи одинъ подлѣ другаго, покроютъ собою проспранство 4,516-ти квадратныхъ миль.

Размѣняя ту же сумму на гинеи (25 р. на Русскія Гос. ассигнаціи) и положивъ оныя, одну подлѣ другой, составимъ можно линію, которая простиралась бы свыше 10,521-й мили.

Таже сумма, размѣненная на шиллинги, составитъ линію, длиною въ 290,956 миль, п. е. почти въ 9 разъ болѣе, нежели окружность всего земнаго шара.

Превращена будучи въ пенсы, составитъ линію, длиною въ 4,162,878 миль: линію, которая въ 17 разъ превышаетъ проспранство, отдѣляющее луну отъ земли.

Исчисливъ, сколько Англійскій національный долгъ составитъ вѣсомъ, будучи раз-

мѣненъ на золото, серебро или мѣдь, спрашивается: сколько потребно солдатъ, для перенесенія онаго съ одного мѣста на другое, предполагая, что каждый будетъ нести въ своей сумкѣ по 40 фунтовъ? Отвѣтъ: если онъ размѣняется на золото—374,531 человекъ, если на серебро—5,645,462, если на мѣдь—262,500,000 человекъ.

Но можетъ быть, пожелаютъ перевезти оный въ мешкахъ? Въ такомъ случаѣ, полагая на каждую по 2,000 фунт., потребно имѣть оныхъ 7,401, для перевезенія его золотомъ и—5,250,000 для сей же суммы, превращенной въ мѣдь.

Хотите ли отправить сію огромную массу металловъ благородныхъ моремъ? Для сего нужно имѣть 9,375 кораблей, каждый въ 500 тоннъ. Въ случаѣ же, если бы вся сумма національнаго долга превращена была въ мѣдь, то для перевоза оной потребно болѣе, нежели двойное число всѣхъ купеческихъ кораблей, находящихся въ Англии.

Но при приемѣ сей ужасной суммы надобно будетъ щипать оную. Предположимъ, что съ нѣкоторымъ проворствомъ можно счесть 100 монетъ въ минуту и употребить на сіе ежедневно по 12-ти часовъ, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ такомъ случаѣ потребно на щепъ сей суммы, превращенной въ гинеи—27 лѣтъ, 6 мѣсяцовъ, 2 недѣли, 1 день и 6 часовъ. Но если бы она выплачена была пенсами, то для щета оной надлежало бы употребить—6,944 года, 7 мѣсяцовъ и двѣ недѣли.

ВѢРНЫЙ РАЩЕТЪ.

Графъ Б...ій имѣлъ управителя, который, наживаясь графскими доходами, выстроилъ себѣ огромный домъ и подводилъ его уже подъ крышу. — Пріятели графа уведомляли его о плутияхъ управителя, и упомянувъ, что онъ, наживаясь на его щепъ, строилъ домъ, совѣтовали ему отрѣшить его отъ должности и взять другаго управителя. «Все знаю, друзья мои;» отвѣчалъ имъ графъ: «но посудите сами: теперешнему моему управителю остается только покрыть домъ;

если же я возьму другаго, потъ начнетъ спрощъ съ фундамента!»

СТО ОСЬМОЙ РУССКІЙ КАЛАМБУРЪ.

Въ одномъ обществѣ рассказывали, что одинъ порпной, бывший незадолго передъ тѣмъ крѣпостнымъ значнаго вельможи, купилъ себѣ подъ Москвою дачу и заплашилъ за неѣ 100,000 рублей. «Ничего тутъ не вижу мудреннаго,» замѣтилъ одинъ изъ присущствующихъ: «надобно только держать ножницы не отъ себя, а къ себѣ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАТМИСЬ ЛАМПАДА.

Романсъ.

Затмись, затмись, моя лампада!
Въ моей душѣ уже зажглась
Незъяснимая опрада:
Заря блаженствомъ занялась!

*

Какой-то Ангелъ надо мною
Поѣтъ о щастьи неземномъ:
Мнѣ вѣетъ сладкою весною,
Меня покоитъ сладкимъ сномъ.

*

Гори, гори дружица лампада!
Ты мнѣ ужъ больше не нужна!
Со мной мой другъ, мол опрада:
То гость души моей—она!

*

Она со мной! на что лампада?
Погасни бѣдный свѣтъ почной:
Со мной она, моя опрада:
Другая жизнь моя—со мной!...

О. Глинка.

ЭЛЕГІЯ.

Коварно такъ обмануемый тобою,
Я весь не свой! горю: во мнѣ огонь!...

Я говдрю: не говори со мною!
 Я говорю: оставь меня, не шронь!...

Ужь, кажется, все сдѣлано: забышы
 И кляшвы, и восторги, и любовь;
 Ужь, кажется, довольно перебишы
 Слова мои: изъ эпихъ точныхъ словъ,
 Которыми я выражалъ помленье
 И ненависть обманутой любви,
 Твои друзья сковали подозрѣнья:
 Не вѣрь: коварны всѣ друзья твои!
 Я все тобой дышалъ, одной шбою!
 Я все тебя, одну тебя любилъ!...
 За чѣмъ же ты смѣялась надо мною?...
 Я, кажется, такъ ясно говорилъ!
 Но, не хочю... Напрасны убѣжденья!
 Я не могу тебя разубѣдить!
 И, что-жь? Тѣперь ужъ поздны вразумлѣнья:
 Погибла ты!... Я не могу любить!...
 О! горькой, горькой ждешь тебя учитель:
 Ты все поймешь: изъ опыта поймешь!
 Не вѣрешь швой коварный обольстителъ!
 А друга ты ужъ больше не найдешь!
 Люби, люби, будь щасплива!... Ужасно!...
 Какъ?... Можно ли, съ такою красотой,
 Съ такою душой, съ такимъ умомъ—напрасно
 Любить и обольститься клеветой?...
 Люби, люби! Сама ты виновата!
 Не сожалѣю я! Не стоишь ты! Люби!
 За нарушенье кляшвъ швоихъ—опшлала
 Готовишься тебѣ: красоты швои
 Поблекнуть скоро, очень скоро!... Горе,
 О, горе ждешь тебя!... Да, я молчу!...
 Но, что во мнѣ?... Ахъ! огненное море!...
 Я ни любить, ни вѣрять не хочу!...
 Презрѣнье, ко всему одно презрѣнье!...
 Я весь смущень! не попадись никто:
 Я опшолкну, за то, что жажду мщенья!...
 И если щаспливъ кто—я опшолкну за то!...
 Какъ страшно былъ обманушь я шбою!
 Я весь не свой! горю: во мнѣ огонь!
 Я говорю: не говори со мною!
 Я говорю: оставь меня, не шронь!...

Н. Станеловъ.

C H A R A D E.

Si vous parcourez mon premier,
 Rédoutez le naufrage;
 Si vous parcourez mon dernier,
 Armez-vous de courage,
 Enfin pour ne rien oublier,
 Observez qu'à tout âge,
 Pour échapper à mon entier,
 Vous devez être sage.

Въ No 39-мъ помѣщенная анаграмма значить: *Морь, роль.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: *Рука Всевышняго Отечество спасла*, соч. Н. В. Кукольника.

Cessons, messieurs, cessons de flétrir le siècle
 qui commence: nos enfans valent mieux que
 nous!

Chateaubriand.

Къ щаспію, между людьми и прекрасное
 заразительно. Въ сосѣдствѣ у насъ, въ Гер-
 маніи, пышно развилась драма: вопць и у
 насъ рождаются драма за драмою. Не прошло
 года послѣ того, какъ явились два поэта
 вдругъ, будто съ неба упали, съ двумя оп-
 личино хорошо написанными драмами, и мы
 уже гордо щитаемъ чепырехъ поэтовъ-пра-
 гиковъ: *Кирьева*, *Хомякова*, барона *Розенъ*
 и *Кукольника*. Г. *Кукольникъ* напечаталъ
 второе свое произведеніе, драму: *Рука Все-*
вышняго Отечество спасла.

Содержаніе сей новой драмы: освобожде-
 ніе Россіи отъ Поляковъ, *Мининъ* и *По-*
жарскій, въ 1612 году. Сей предметъ, по-
 добно всѣмъ происшествіямъ царствъ, взя-
 тымъ изъ исторіи съ той точки зрѣнія, съ
 коюрой нынѣ обыкновенно смотрятъ на
 историческія событія, никогда не соспа-
 винъ драмы. Онъ — достояніе исторіи или
 поэмы, романа, повѣсти. Драма пре-
 буетъ боренія спраспей, бури случаетъ

и чувствъ семейственныхъ, изображаетъ жизнь человѣка, а не народовъ. Въ липературѣ для всего есть свой образъ выраженія, свой костюмъ. Драмы поэмапическаго содержания бывади писаны прекраснѣйшими стихами, съ высокимъ умомъ и чувствомъ: онѣ производятъ воспоргъ, пробуждаютъ народную гордость, а не спрахъ и жалость. Даже *Озеровъ* не совсѣмъ успѣлъ въ *Дмитрѣ Донскомъ*, незабвенный *Озеровъ*, сполько знавшій глубь сердца, сполько властный надъ чувствительностью, сполько обворожительный стихомъ. Нынѣ пребуютъ инаго: сохраненія естественности, высочайшей истины, разоблаченія природы, сердца и міра. Нынѣ судятъ объ изящныхъ произведеніяхъ не по курсамъ словесности, а по внутреннему своему чувству удовольствія или холодности; неправильнымъ сдѣлалось одно то, что скучно!

У г. *Кукольника* вы увидите историческій предметъ въ другомъ видѣ: свѣтъ на драму онъ бросилъ не съ боку, не опъ насъ, а съ Неба. При первомъ взглядѣ эта мысль кажется спранныю, больше старинною, чѣмъ новою, но она глубока и сильна. Свое нравный, самоспоятельный поэтъ здѣсь не обманулъ; онъ проложилъ путь самый короткій къ истинѣ. Онъ постигъ Русскую душу, замѣтилъ, какъ мы смотримъ на происшествія міра, еще больше—какъ смотрѣли на это Россіане XVI-го вѣка, понялъ, что значилъ бытъ не просто поэтомъ, но Русскимъ поэтомъ—и основалъ дѣйствіе драмы на силахъ неба. Прочъ исторія и поэма: на ея мѣстѣ священная для народа мистерія. Мы благоговѣемъ, видя, что участвовало небо въ происшествіяхъ, которыми началась династія нашихъ Царей, которыми Русь сильна, велика, щасплива. Русь до сихъ поръ Русь: Богъ, Царь и Русь сливаются для насъ лучи свои въ одно солнышко! Между нами космополиты рѣдки; и сіи рѣдкіе съ испорченною правственностью. Въ насъ кровь опцовъ: никакой народъ не можетъ не походить на предковъ. Между тѣмъ изъ новой драмы изгнана и сухость. Въ неѣ введены страсти человѣческія, наши чувства и мы-

сли, Русская земля, Русскіе нравы, Русскій Богъ: однимъ словомъ, драма припаровлена къ нашей крови. Легко, сладостно эпо льется въ грудь Русскихъ! При подобныхъ зрѣлищахъ можетъ оспаться холодець развѣ чужеземець. Мы видимъ путь уже не поѣму: ибо чувствуемъ воспоргъ благоговѣйный, дрожимъ, или молимся: да пройдетъ мимо чаша бѣдствій, и во все это время крѣпко спучитъ сердце!

Не подобными ли средствами древніе Греческіе трагики дѣйствовали на своихъ современниковъ, составляя драмы изъ происшествій народныхъ, скрѣпляя ихъ силами своего неба? Намъ кажутся увеличенными *Атриды*, *Тезей*, *Тесдра*, кажутся риторическимъ украшеніемъ судьба, боги и богини: но Грекамъ эти имена и воспоминаія были драгоценны, святы. У нихъ поэзія была вдохновеніемъ боговъ, драма—частію обрядовъ вѣры. *Собоколь* и *Эсхиль* принадлежали къ сословію священнослужителей, которые театральными предспавленіями совершали служеніе богамъ. Усердные поклонники идоловъ роптали на *Эсхила*, что онъ въ прагедіяхъ слишкомъ открылъ таинства, ввѣренные ему при жертвенникѣ. *Иліада* была для нихъ библіею; Греческихъ лириковъ можно уподобить изъ Христіанскихъ лириковъ только Царю *Давиду*: всюду у нихъ боги и богини, земля нигдѣ не уходитъ изъ-подъ неба. Могли ли Греки читать *Гомера*, пѣть гимны *Пиндари*, даже *Анакреона*, смотрѣть драмы своихъ трагиковъ безъ участія, безъ сладости? Колоссальныя фигуры царей, которыхъ имъ были дороги, какъ намъ *Петръ I*; полуоткрытые вымыслы о богахъ, къ которымъ они относили свое щастіе и бѣдствія—казались любви ихъ естественными. Все было имъ родное, выражающее образъ ихъ мыслей, вѣрованія; все было священно, все было Греція! Они увеселялись съ благоговѣніемъ, сидѣли въ амфитеатрѣ, какъ въ храмѣ; какъ на молитвѣ! Греческіе сплхотворцы сильно властвовали надъ современниками, молва объ этой власти такъ громко переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу, что почти до насъ сплхотвор-

цы всѣхъ народовъ будто не надѣялись быть изящными, не быть Греками! Они забыли, что слушатели, зрители ихъ, что они сами не Греки, что они Христиане, а не язычники! Тѣ были романики въ полномъ смыслѣ; наши—классики: такъ назвали послѣднихъ за ихъ просиоту!

Вы знаете про *Декарта*, что онъ, презирая подражаніе, желалъ все забыть, что зналъ, хотѣлъ дѣйствовать только своимъ гениемъ, мыслилъ какъ никто не мыслилъ. Конечно, у этого Француза закружилась голова, конечно изъ этой головы поднялись одни вихри и другія странности. Но *Декартъ* ошибся (какъ ошибаются современные намъ историки и крипики) только въ томъ, что хотѣлъ одного особеннаго, новаго, не разбирая, не хуже ли открытіе давно извѣстнаго. Нѣтъ ничего легче, какъ порошить новую дичь: мудрено—говорить новую истину! Если бы *Картезий* съ пою же гордостію искалъ истины, лучше бы замолкъ, когда небо ему не улыбалось: на него можно бы было указать романикамъ, какъ на фаросъ. Въ литературѣ чужое золото, выдаваемое за свое, становится жезломъ. Русская драма, сложенная не только по *Соборозски*, но и по *Шиллеровски*, драма и Русская историческая, но въ формѣ, съмыслими Англичанъ, Германцевъ—въспрогомъ смыслѣ есть драма классическая. Романтизмъ значитъ—жить сердцемъ и помысломъ въ землѣ, во времени того предмета, изъ котораго создается изящное произведение; выводитъ сердце и міръ изъ самаго сердца и міра: творитъ въ высочайшей степени истину. Классикомъ можно быть, и иначе нельзя быть, какъ выучившись; романики бываютъ только по призванію. Даже, собственно романтической писатель одно и тоже, что гениальный писатель: ибо ни въ чемъ такъ не жалка подражающая брашля, какъ въ романтизмѣ. Романикъ долженъ писать, не зная, или забывъ другихъ писателей, черпать изъ собственной души, быть *Декартомъ*, только съ вѣрнымъ умомъ. Такіе гении являются рѣдко; но есть литературно-щастливые народы, которые самою

природою или нравами ограждены отъ соблазна подражать иноземцамъ. Кромѣ восточныхъ народовъ, посмотрите на Испанцевъ. Какъ числѣ, обширей романтизмъ у этихъ дѣтей Европейскаго просвѣщенія: ищите причину сего въ томъ, что ихъ мыслей не пропускаютъ на чужбину—моря, Пиринеи и мошахи!

Сколько отличается народъ отъ народа, сколько должны быть различны ихъ романтическія созданія: восхищая своихъ, отъ другому народу могутъ не правиться, никогда не сдѣлаются за границею предметомъ подражанія. Высокое имя Русскаго романтическаго драматика будетъ достояніе того, кто напишетъ драму, и на нее не будетъ походить ни одна иноземная. Драма его понравится намъ какъ Русская старинная пѣсня, а иноземцамъ—какъ изображение чужихъ нравовъ и мыслей. Всякому народу мила своя пѣсня! Наши драматики перемѣнили подражаніе Грекамъ, Французамъ, на подражаніе *Шиллеру* или *Шекспиру*. Драмы ихъ опзываются Германіей, даже *Лотероль*, тамъ, гдѣ мысли касаются до вѣры. Развѣ нельзя быть Русскому только православнымъ? Вѣтъ Русскій почто также не Немецъ, не Англичанинъ. Конечно, трудно прежде опытовъ, пролагать путь драмъ теоріей. Надобно, чтобы родился драматикъ самобытный, своевольный и вѣрный въ своемъ: онъ откроетъ форму и сущность народной драмы. Какъ должно ее писать—поэту сердце скажетъ. Думается однакоже, что нашимъ драматикамъ слѣдовало бы дѣйствовать средствами, оппосительными къ тѣмъ, которыми дѣйствовали Греки: писать именно для театра, а не толстыя книги для чтенія; предметы брать близкіе, дорогие всѣмъ сословіямъ народа; дѣйствіе драмы сцѣплять и двигать тѣми случаями, нравами; повѣрьями, кои составляютъ цѣпь нашей жизни, вѣрою и вліаніемъ Божественныхъ силъ, кои такъ явны во всѣхъ происшествіяхъ міра, сколько бы ни были они скрыты, или запутаны. Однимъ словомъ, драма Русская должна быть столько же Русская и Христианская по нашему испо-

вѣданію, сколько у древнихъ Грековъ была трагедія Греческая и міѳологическая. Тогда театръ нашъ не щитался бы идольскимъ капищемъ, куда старовѣръ идетъ, прошивъ обычая, не перекрестясь, гдѣ купецъ боится сотворить молитву, и посидѣвъ въ театръ, едва ли не кается въ эпомѣ на духу! Тогда наша драма будетъ производить такой же восторгъ, какой производили трагедіи подъ небомъ древнихъ Аѳинъ.

Странное дѣло! Христіане, конечно не исключая и писателей, горячи къ своей вѣрѣ, а писатели ихъ, хуже язычниковъ, какъ бы стыдясь говорить о своемъ Богѣ! Прежде думали, что безъ предельныхъ, но чуждыхъ и невѣроятныхъ для насъ вымысловъ міѳологическихъ пѣлъ изящнаго, и составляли бѣдныя ослаеваемые фигуры, мелочи; въ сравненіи съ безконечными, невидимыми мыслями Христіанина. Кромѣ того, что различіе на безконечность всегда возвышеніе, естественнѣе для души человѣческой, чѣмъ сжатіе въ вещественныя формы, Христіанство имѣетъ свою предель, свое очарованіе, чуждыя суккъ и упомленію. Самыя, пакъ называемыя божественныя стихотворенія и драмы, отъ коихъ Русскіе бѣгутъ, думая, что онѣ попорной работы *Симіона Полоцкаго*, или учениковъ его Академіи, могутъ быть для насъ мірянъ сколько же восхищительны, какъ для Грековъ были вымыслы языческіе. Въ Испанскихъ *Auctos sacramentales* находясь многія прекрасныя созданія, особенно у *Кальдерона*. *Байронъ* въ *Каинѣ*, не смотря на то, что онъ *Каина* называетъ своимъ *Ватерлоо* (*), показалъ во всемъ объемѣ безконечность своей мысли, мракъ и мощь своей души, будто не жившей въ грубомъ пѣлѣ! Прибавьте къ этому, что создавая изящныя произведенія, надобно брать предметъ, изъ коихъ можетъ быть создано изящное. Не скучные дни опшельника, безспаснаго и охолодѣваго, не нравственностъ въ лицахъ должна представлять драма, но дѣйствитель-

тельную жизнь міра. Картина міра, падъ коимъ носятся невидимыя, божественныя силы, а внизу происходитъ борьба спрасней людскихъ, бунтъ сердце: представляетъ во всей полногѣ жизнь человѣческая. Такая картина, повѣрыте мнѣ, не будетъ безцвѣтна: она изобразитъ челоѳка въ видѣ болѣе многостороннемъ, болѣе испишномъ и заманчивомъ, чѣмъ обыкновенно его изображаютъ!

Начерчивая путь, какимъ должна шествовать Русская романтическая драма, мы ни сколько не вывели мысли изъ новой драмы г. *Кукольника*, но напрошивъ она сама подходитъ подъ сіи правила, выведенныя изъ природы челоѳка и міра. Религіозный свѣтъ, брошенный имъ на драму, чистъ и испишенъ; онъ заженъ рукою челоѳка, родившагося въ Россіи и исповѣдывающаго православную вѣру. Вліяніе Неба представлено въ ослаеваемыхъ формахъ, но понятіямъ Греко-Русскихъ Христіанъ. Сильно поэтъ и дѣйствующій его лица, Россійце XVI-го вѣка, рѣзко опшѣнились отъ другихъ Европейцевъ, кои вѣру исказили и низвели до ложной философіи. Опъэтаго легъ на отечественную драму г. *Кукольника* — колоритъ святорусскій. Вліяніе Неба въ новой драмѣ сколько различно отъ мистическаго вліянія Божественныхъ силъ въ *Іоаннѣ д'Аркѣ*, высококомъ созданіи *Шиллера*, но дышущемъ Германіею, что скорѣе можно допустить, что г. *Кукольникъ* хотѣлъ удалиться отъ славнаго Германскаго прагика, нежели подражать ему. Между тѣмъ, эпомъ новый взглядъ поэта удивительно приличенъ избранному имъ предмету, пакъ, что, быть можетъ, не соображенія поэта, но самый предметъ навелъ его на свѣтлый путь. Конечноспи событія, взятаго г. *Кукольника*, можно сказать, исторически являющъ видимое посредничество Бога. Въ разспроившейся Россіи, которую не успокоили ни мудростъ царей *Годунова* и *Шуйскаго*, нимень *Скотина-Шуйскаго*, ни даже мечъ въ первую войну самаго *Пожарскаго*, вдругъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, мѣщанинъ поднимаетъ Россію, и дитя-Царь врачуетъ ея раны! Самая година бѣдспвій

(*) «Звѣзда *Наполеона* померкла въ *Москвѣ*, моя звѣзда погасла въ *Донъ-Жуанѣ*; *Фаііери*—моя *Лейпцигская* битва, *Каинъ*—мой *Ватерлоо!*»—См. *Донъ-Жуана* пѣснь XI.

принадлежитъ къ шѣмъ, въ которыхъ не можетъ быть невѣрующихъ. Въ 1612 году, XVII вѣка Русскіе не имѣли Царя, лишались Москвы; Россійское государство распалось на части: послѣднее несчастіе народа, гораздо губельнѣйшее, чѣмъ въ 1812 году нашего вѣка! Если бы наши прадѣды до шѣхъ поръ и уклонились отъ спрогихъ правилъ предковъ: то, все теряя, конечно, уже на дѣлились на одного сильнаго во браняхъ Господа. Закипѣла война божественная, за народъ, вполне уповающій! Тотъ пойметъ это, кто вспомнитъ священную брань съ первымъ полководцемъ въ міръ, ополчившимъ на насъ цѣлую Европу. Такъ человекъ, самый развратный, самый безбожный, въ минуту гибели возводитъ глаза къ Небу и ищетъ тамъ помощи! Изобразитъ вѣрно 1612 и 1812 годы, XVII и XIX-го столѣтій, иначе нельзя, какъ выразивъ общую мысль душъ: вѣру въ Бога, смиренное сознание во всемъ благой десницы Его, и въ несчастіи и въ щастіи!

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

M O D E S.

Le *mantelet Marion* de Mme Gleizal est destiné à un grand succès ainsi que son *mantelet pèlerine*. Le premier est en blonde noire doublé de moiré de couleur; les devans forment des revers à pointes et retombent en pans de moyenne longueur. Le mantelet pèlerine est en dentelle noire, doublé de citron; il descend au-dessus de la ceinture, garnie d'une dentelle peu froncée; le col est garni d'une ruche.

Nous parlerons aussi de ses mantilles en gaze de soie à impressions d'or, fermant le corsage et les jockeis sur l'épaule; avec des robes de demi-toilette, ces mantilles sont riches et élégantes.

Quelques femmes ont déjà paru avec les guêtres d'été; elles étaient en gros de Naples de couleur, avec un soulier pareil ou plus généralement un soulier de

maroquin noir très-léger. Une extrême recherche est une guêtre de satin avec le soulier pareil.

Il y a quelques mois nous avons signalé à nos abonnées comme une des meilleures que nous connaissions, l'eau de Portugal de M. Postasque, rue Neuve-des-Petits-Champs. Cet extrait, où domine un parfum prononcé d'écorce d'orange, à une odeur fraîche et naturelle qui conserve une longue durée lorsqu'il est répandu sur le linge. Cette année l'extrait de M. Postasque est encore perfectionné; nous croyons être agréables à nos lectrices en le leur rappelant.

М О Д Ы.

Маншмля-Marion, г-жи Gleizal, появился съ большимъ успѣхомъ, какъ и ея *маншмля-пелеринка*. Первая изъ черной блонды, подложена цвѣтной обьярью; спереди опвороты съ мысками, спускаются внизъ допостями средней длины. Маншмля-пелеринка черная кружевная, подложена матеріей лимоннаго цвѣта, спущена подъ поясъ, обшита слегка собранымъ кружевомъ; вокругъ шеи рюшь.

Мы скажемъ также слово о маншмляхъ изъ шелковаго газа, печатнаго золотомъ. Она составляетъ лифъ съ эполетами на плечахъ; съ полунарядными плащьями, эти маншмля богаты и щеголеваты.

Нѣкоторыя дамы показались уже въ льпниихъ шпиблепахъ; онѣ были изъ цвѣтнаго гроденапля, съ такими же башмаками, или по большой части съ весьма легкими черными сабьянными башмаками. Чрезвычайно отличо апчасныя шпиблепы съ такими же башмаками.

Мы говорили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашимъ подписчикамъ какъ объ лучшей намъ извѣстной eau de Portugal г-на Postasque, въ улицѣ Neuve-des-Petits-Champs. Это извлеченіе, гдѣ владычествуетъ рѣзкій запахъ померанцовой корки, имѣетъ свѣжій, натуральный ароматъ, сохраняющійся весьма долго, если имъ въспрыснуто бѣлье. Нынѣшній годъ экспрактъ г-на Postasque еще усовершенствованъ; мы надѣемся угодить нашимъ читательницамъ, напомнивъ имъ о немъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 41.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
сплаткою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 23 дня 1834 года.

На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшеніе языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧАСОМЪ РАНЬШЕ.

Если во всякомъ случаѣ невыгодно опазды-
вать, то иногда, можетъ быть, также опас-
но явиться слишкомъ рано. Главное дѣло
въ томъ, чтобы успѣвать во время: это
правило самое благоразумное. Вы, безъ со-
мнѣнія, помните о томъ учителѣ, который,
вышедши рано поутру изъ дома, нашелъ на
улицѣ кошелекъ, полный золотомъ.

— Вотъ видишь ли! — сказалъ онъ учени-
ку: что значить рано вставать; безъ эаго
мы бы не сдѣлали такой находки.—

«Это правда,» отвѣчалъ ученикъ: «одна-
кожь, тотъ, кто потерялъ эти деньги,
всталъ еще раньше насъ.»

Когда васъ позовутъ обѣдать, никогда не
являйтесь прежде, какъ за пять минутъ до
того времени, какъ сядутъ за столъ, потому
что, прѣхавъ ранѣе, вы должны были бы
вставать и кланяться каждому вновь прихо-
дящему гостю; напротивъ, если вы сами
придете послѣдній, то сдѣлаете всѣмъ одинъ
поклонъ, а это гораздо легче. Въ театрѣ ври-

ходите не прежде, какъ когда спануть под-
нимать занавѣсъ; чтобы добраться до свое-
го мѣста, вамъ надобно будетъ беспокоить
другихъ, но это лучше, нежели самому быть
обеспокоеннымъ. Для убѣжденія васъ въ томъ,
какъ вредна бываетъ излишняя почность,
скажу вамъ, что я, вашъ покорнѣйшій слу-
га, лишился мѣста и тысячи двухъ сотъ
рублей жалованья отъ того, что явился
въ департаментъ часомъ раньше обыкновен-
наго. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ чинов-
никовъ земнаго шара, я одинъ былъ опсрав-
ленъ за подобную вину.

Въ продолженіе цѣлыхъ одиннадцати мѣ-
сяцовъ службы моей въ *** мѣстѣ, я при-
ходилъ къ должности въ исходѣ декабря,
также какъ и всѣ мои товарищи. Но
перваго Декабря (день, вѣчно для меня не-
забвенный), надѣясь получить награжденіе
въ концѣ года, я вздумалъ явиться къ сво-
имъ занятіямъ ровно въ 9 часовъ. При-
хожу, и вижу, что мой начальникъ разго-
вариваетъ съ какимъ-то просителемъ, ко-
торый среди жаркихъ убѣжденій въ пра-
вотѣ своего дѣла, схватилъ со стола его

табакерку и проворно сунувъ въ неё *что-то*, поставилъ опять на прежнее мѣсто. Я не могъ удержаться отъ улыбки, и эта проклятая улыбка погубила меня, давъ почувствовать моему начальнику, что я *все* видѣлъ.

— Вы пришли сегодня очень рано, милоспивый государь,—сказалъ онъ мнѣ сурово.

«Я исполняю долгъ мой, *Иванъ Ивановичъ*; впрочемъ, вы сами изволили служить мнѣ примѣромъ.»

— Очень хорошо: ваше усердіе не останется безъ награды.—

Онъ грозно посмотрѣлъ на меня и ушелъ въ другую комнапу.

Меня не заставили долго ждать обѣщанной награды. Въ концѣ года, я былъ уволенъ за *неисправность*. Этого предлога былъ такъ забавенъ, что я улыбнулся, когда подумалъ, какъ насмѣшу пѣхъ, кому расскажу свое приключеніе. Теперь, однако же, я одумался, и нахожу, что это удовольствіе не стоитъ 1,200 рублей годового жалованья.

К И Н Ж А Л Ъ.

Во Франціи весьма не рѣдки театральныя банкротства. Еще недавно, директоръ одного провинціального театра, бросивъ свою бѣдную труппу, которой онъ за три мѣсяца не заплатилъ жалованья, отправился въ Соединенную Америку. Покинутая братія тотчасъ собралась и положила основаніе новому обществу, въ надеждѣ, что публика будетъ къ ней благосклонна по прежнему. Но въ простомъ сообществѣ артистовъ недоставало директора; который бы хорошо или худо умѣлъ цѣнить таланты актеровъ, и награждать ихъ по своему усмотрѣнію и сообразно съ положеніемъ своей кассы; всѣ были равны, и потому всѣ желали первенства. Самолюбіе каждаго изъ нихъ выдержало страшную борьбу съ самолюбіемъ другихъ: такимъ образомъ они расходились, обыкновенно ничего не рѣшивъ. Отъ этого цѣлую недѣлю публикѣ не было

открытъ входъ въ спектакль, и наконецъ, они лишились всякаго довѣрія.

Между пѣмъ кирасирскій полкъ, стоявшій въ городѣ, выходилъ на другія кварширы, и фигурантки, актрисы, пертої и второй роди, отправлялись за нимъ, чтобы лучше научиться музыкѣ. Такимъ образомъ, оперная труппа оспалась безъ пѣвицы, и сиропсвующіе пѣвцы разбрелись въ разныя стороны, чтобы какъ нибудь промыслить себѣ хлѣбъ насущный.

Одинъ изъ нихъ, *Огюстъ Б.*, довольно пріяпный пenorъ, не могъ такъ свободно покинуть города, въ которомъ онъ жилъ съ женою и четырьмя дѣтьми. Между пѣмъ въ этомъ городѣ, какъ и вездѣ, *чтобы жить*, надобно было проживать деньги, а у *Огюста* ихъ не было. Дѣти его терпѣли голодъ. *Огюстъ* не могъ болѣе этого вынести. Со слезами на глазахъ, съ опчаяніемъ въ сердцѣ, онъ обнимаетъ жену свою, беретъ кинжалъ и, спрятавъ его подъ ~~рукавомъ~~, выходитъ изъ дома съ разспрошеннымъ видомъ. Онъ послѣдно идетъ къ самому богатому городскому банкиру и проситъ, чтобы его допустили переговорить съ нимъ наединѣ.

Огюста ввели въ кабинетъ банкира, и богачъ очень ласково пріяпль его, но былъ пораженъ его блѣдностію и водненіемъ, которое обнаруживалось во взорахъ артиста.

— Милоспивый государь,—сказалъ *Огюстъ* глухимъ голосомъ: я терплю голодъ съ женою и четырьмя дѣтьми.—

«Сердечно о васъ жалю,» отвѣчалъ банкиръ.

— Покорно васъ благодарю, но этого мало. Нищета принуждаетъ меня рѣшиться на такой поступокъ, о которомъ я всегда боялся думать.—

Съ сими словами онъ вынимаетъ свой кинжалъ, и лезвье его блеснуло въ глазахъ банкира, который въ свою очередь дрожитъ и блѣднѣетъ.

«Чего же вы хотите?» вскричалъ банкиръ.

— Этого кинжалъ, вотъ моя единственная надежда.—

«Милосливый государь...»

— Онъ оправленъ золомомъ, какъ видите; ручка его осыпана превосходными спразами; но главное его достоинство состоить не въ наружномъ блескѣ, а въ томъ, что безсмертный *Тальма* употреблялъ его для умерщвленія *Дездемоны* въ *Отелло*, и что прекрасная *Жоржъ* также нѣсколько времени имъ владела. Для охотника, онъ стоить очень дорого. Я уступаю вамъ его за двадцать франковъ; купите его: этихъ денегъ мнѣ станеть дней не двадцать для пропитанія жены и дѣтей моихъ.—

Банкиръ, опомнившись ошъ спреха, опщипалъ *Огюсту* за кнжалъ его двадцать пять луддоровъ.

Пер. *Ив. Глббовъ*.

ПОНЯТІЯ ИЗДАТЕЛЯ МОСК. ТЕЛЕГРАФА О ЮРИСПРУДЕНЦІИ.

«Юриспруденція, наука *законовъ*, имѣеть для себя самой *законы*, выведенные логически изъ непремѣнныхъ *законовъ* ума чловѣческаго.»

«До сихъ поръ еще не опличаютъ въ нашихъ юридическихъ системахъ *положительнаго, кореннаго, ошъ относительнаго и прикладнаго*; не находятъ раздѣленія *предмета отъ вещи, обрядовъ суда отъ законовъ* и проч. и прочая, не говоря уже о недостаточности свѣдѣній.»

П О Л О В И Н А.

(*Каламбуръ*).

Не знаю когда, не вѣдаю гдѣ, но вѣрояпно, что или въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1600-мъ году, или въ Симбирскѣ въ 1807-мъ, или въ Москвѣ въ 1812-мъ году, жштели положили пожертвовать *четвертою* частію своего имущества на общественныя нужды.

Когда сборщики явились къ одному памошнему купцу, то онъ сказалъ имъ: «Жер-

твую свою половину, возьмите еѣ!»—И указалъ на жену.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Я.

(*Подражаніе Беранже.*)

Изъ пустяковъ всегда шумить
Глупецъ,
На все съ улыбкою глядитъ
Мудрецъ.
Не огорчить холодный міръ
Его;
Милый ему душевный міръ
Всего.

*

Глупца нещасіе спрашитъ
Всегда,
А мудрый твердъ, пускай шумитъ
Бѣда.
И вся земная жизнь пройдетъ,
Какъ день.
И скорбь и радость—все мелькнетъ,
Какъ тѣнь!

*

Тучиѣтъ всякой годъ
Дуракъ,
Заваленъ грудю заботъ
Бѣднякъ.
Глупцу даетъ фортуна блескъ,
Она слѣпа,
И поднимаетъ шумный плескъ
Толпа.

*

И говорятъ, что всѣ равны,
Но ахъ!
Всѣ люди лишь равно бѣдны
Въ бѣдахъ.
Мудрецъ жалеть обо всѣхъ,
И для него
На этомъ свѣтѣ все: или смѣхъ,
Или ничего!...

М. Демидовъ.

E N I G M E.

Je suis, mon cher lecteur, tout au bout de la main;
Je commence la nuit, et je finis demain.

Въ № 40, помѣщенная шарада значитъ: *Ré-lise*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: *Рука Всевышняго Отечество спасла*, соч. Н. В. Кукольника.

(Продолженіе.)

Къ смѣлѣйшимъ нововведеніямъ въ драмѣ принадлежалъ исцѣленіе *Пожарскаго* и характеръ *Минина*. Казалось бы, проповидно нашимъ понятіямъ о вѣрѣ, выдумалъ небывалое религиозное чудо, представилъ какъ бы святымъ челоуѣка, который не былъ святымъ. Но свяпость *Минина*, но чудо исцѣленія *Пожарскаго*, важны въ Русской драмѣ, разливая по ней характеръ, коимъ опличается православная вѣра опъ иностранныхъ. Мы, по внушеніямъ опъ дѣйства, склонны слушать про видимыя, осязаемыя чудеса. Исцѣленіе *Пожарскаго* для нашего ума столь же естественнo, сколько для Грековъ слова *Калхаса*, увѣрявашаго, что паруса *Атридовыя* кораблей не развѣются, если не принесется жертвы опъ крови царской; сколько пророчество вдохновенной *Аполлоны* *Кассандры*, или разсказъ *Пирра* о томъ, что ночью надъ могилою опца его вспавала багровая *Ахиллова* пѣнь! Быть можетъ, чудо исцѣленія вождя-спасителя Россіи покажется не столь вѣроятнымъ на театрѣ, если роль *Пожарскаго* будетъ разыграна актеромъ меньшихъ дарованій, и даже не пакой наружности, какъ г. *Каратыгинъ*. Но нашъ артистъ - прагикъ выполняетъ эту сцену со всею великостію мысли сочинителя. Знаменитому артисту помогаетъ высокая роспъ, величавость фигуры, многомысленность мимики. Борьба съ жизнью, постепенно исчезающей, какъ свѣтъ догорающей и погасающей лампы, и судороги тихой смерти, выражаетъ г. *Каратыгинъ* съ пѣмъ искусствомъ, что кажется нѣпъ искусства: будто видимъ челоуѣка въ самомъ дѣлѣ умирающаго! Это удивительно распо-

лагаетъ зрителя къ *Пожарскому*, который кончается въ то время, когда съ его жизнью пѣсно связана жизнь Россіи, сіяніе православія. Опъ молитвы *Минина* онъ воспаетъ, но сохраняя неподвижность членовъ, воспаетъ, какъ могильная пѣнь, съ указующимъ перстомъ на Небо. Эта колоссальная, изнеможенная фигура, это удивленное, небесно-воспорженное лицо, эта рука, поднятая къ верху, какъ вяпно говорятъ о силѣ Бога Христіанскаго! (*)

Впрочемъ, мы хвалимъ сцену исцѣленія *Пожарскаго* только потому, что она въ Русскихъ нравахъ: собственнo, она мысль лирическая. Драмапическаго дѣйствія всегда больше, когда люди представлены въ борьбѣ съ своимъ сердцемъ, съ своими силами, или съ посторонними случаями. Сія сцена была бы несравненно прогательнѣе, если бы она была челоуѣчнѣе: если бы *Пожарскій*, больной, изнеможенный, ополчался на брань за Отечество. Вы вѣрно видѣли въ Москвѣ памятникъ, поставленный *благодарного Россію*. Не сравнивайте его съ моделью, которая находится въ Пепербургѣ (**). *Мининъ* и *Пожарскій* здѣсь въ чужой землѣ, окружены не пѣмъ воздухомъ. Здѣсь они поже, чѣмъ показалось бы чудотворное изваяніе *Фальконета* въ Парижѣ, передъ *Тюльерійскимъ* дворцомъ. Какъ для *Петра* нужно, чтобы царская рука Его показывала на *Неву* и дѣсь купеческихъ судовъ, чтобы зданія Сенапа и Синода стояли на одной его споронѣ, Адмиралшество на другой и чтобы горѣли шпиди двухъ башенъ: такъ для *Минина* и

(*) Г. *Борецкій*, играющій *Минина*, не понимаетъ мысли сочинителя. Когда *Пожарскій* вспаетъ, то г. *Борецкій*, съ другими Нижегородцами, показываетъ видъ удивленія! Другіе и самъ *Пожарскій*, конечно должны быть изумлены, но не *Мининъ*. Онъ предсавленъ какъ бы святымъ, молился съ увѣренностію, что *Пожарскій* опъ его молитвы воспанетъ и, слѣдственнo, ему не успали удивляться воскресенію вождя славы. Онъ до конца дѣйствія долженъ продолжитъ видъ посланнаго Небомъ мужа. Его удѣлъ умиленіе, благодарность и воздѣныя къ Небу руки: въ немъ все должно напоминать чудо—Господомъ во спасеніе новаго *Израиля* совершаемое.

(**) На дворѣ Академіи Художествъ.

Пожарскаго нужны Кремль, златоглавые Московскіе соборы, церковь св. *Василія*, и эпхи Русскіе паптріархальные бородачи, которые, оспанавливаясь передъ двумя гигантами, толкуютъ: «вопъ каковы были спаринные-по люди!» *Мишинъ* созданъ г. *Мартосомъ* съ пою же мыслію, какъ и г. *Кукольникомъ*: онъ вдохновенъ, онъ посланникъ Промысла, онъ показываеъ на Польскую дорогу, возбуждаеъ, хватаеъ за руку *Пожарскаго*. Сей архиспрапигъ Русскаго воинства распроганъ, слушаеъ съ жаждою, и слушал, хватаеъ за мечъ: но до того изнеможенъ болѣзнію, что не можеъ подняеъся, и не поднялся бы, если бы не эпхи златоглавые соборы! Вотъ драма! *Мартосъ* создалъ не мѣдное изваяніе: это свящяя мощи двухъ великановъ, кои, не познавъ смерти, окаменѣли въ самую священную мину-пу ихъ жизни!

Новой драмѣ много придаеъ драматизма характеръ *Маринь*, которая можеъ быть предметомъ особой прекрасной драмы, чего до г. *Кукольника* наши драматикки не замѣчали. Женщина одушевила драму и потому, что другихъ женщинъ нѣтъ въ ней, что политическій предметъ драмы, дѣйствіе въ смутную годину Опечесива и болышею часію въ военномъ лагерѣ, не даю мѣста любви. Конечно, любовь, еспъ время цвѣпенія человека, и общество людей, въ коемъ никто не веселъ, не печаленъ опъ эшаго чувства, скучно, скучно, какъ дугъ, на которомъ нѣтъ ниодного цвѣтка! Но въ происшествіяхъ народныхъ чаще дѣло обходится безъ любви; бываютъ случаи, что человеку и она на умъ неидеъ! Не смотря на прекраснѣйше стихи *Озерова*, *Ксенія* въ *Димитрѣ Донскомъ* разпропваеъ и великое событіе и самую прагедію. *Филоктетъ*, блснующійся *Алексъ* — изъ древнихъ прагедій, *Смерть Юлія Кесаря* изъ новыхъ — упомптельны, но опъ того, что составлены безъ семейственныхъ спраспей; опъ того, что одна спраспъ растянута на всю драму. Кто скажеъ, что *Авалія—Расина*, *Эдипъ—Озерова* не прекрасны? Не непременно любовь, но разнообразіе должно быть въ драмѣ, какъ во всякомъ изящномъ произведеніи: разнооб-

разіе линій, цвѣшовъ, поновъ, мыслей и чувствованій, кои опяъ сливались бы въ одну гармонию, согласную, очаровательную, какъ виды въ природѣ, какъ тоны въ пѣсни соловья. Драма требуеъ сверхъ того разнообразія характеровъ, спраспей, дѣйствія, которое должно кипѣть, какъ оно кипитъ въ дѣйствительной жизни міра. Сверхъ того женщины, особенно сдѣлавшіяся историческими, волновались или не одною любовію, или ихъ любовь сопровождалась такою грозою, и нѣжное чувство исчезало въ другихъ несповыхъ спраспяхъ. Любовь прилична высокому предмету, если она была или могла бытъ: сладенькая же любовь почпи всегда расслабляеъ пружины драмы. Кромѣ любви, въ сердцѣ женщины много спраспей, кои сильны даъ драмѣ занимательность, исполнитъ душу жалостью или ужасомъ. Сію мысль доказываеъ и драма г. *Кукольника*, безъ любви, но до конца поддерживающая любопытство, съ женщиною, которой спраспи придаютъ пѣсь высокой драматизмъ.

Марина, воспитанная въ Польской гордости, дочь *Сендомирскаго* воеводы, помомъ царица, помомъ—ничто. Еще она могла бы бытъ покойна, жывя въ Польшѣ; но она познала сладость царскаго вѣнца, переступила черезъ грань благородной гордости, и уже не помнитъ, что дѣлаеъ: жена *Тушитскаго* вора, наложница казака! Еѣ ласкаеъ мечта увидѣть сына своего на престолѣ. — Но передъ стѣнами Москвы любимецъ народа, *Пожарскій*, и кто увѣритъ еѣ, что опъ не домогаеъся царства, какъ *Годуновъ*, какъ *Шуйскій*? Нѣтъ ни царства, ни сына для царства! Такой женщиной было бы легче, если бы передъ ея глазами только убивали ея сына! Она именно попалась въ то сдѣпленіе спраспей, когда женщина становитъся не ангеломъ, упѣшипелемъ человеческого рода, а разъяренною фуріею! Такъ выведена *Марина* у г. *Кукольника*, во всей нагопъ опчаяннаго положенія женщины, грызмой униженною гордоспію и материнскою любовію. Этомъ взрывъ жизни очень еспественно представленъ послѣднимъ, который мгновенно погасилъ огонь души, данный приро-

дою на годы жизни. *Марина* сумасшедшая, забывшая даже, что есть Богъ, *Марина* въ этомъ положеніи есть лицо исплинно драматическое, живетъ не исторически, но человѣчески! Ея безуміе произошло прямо изъ сердца несчастной женщины, царицы и матери. Ея слова:

«Кто это Богъ!»

Раздираютъ душу! Онѣ спрашны какъ ночью крикъ ворона; онѣ прорѣзали мракъ души ея браздою того мертваго свѣта, который свѣспилъ надъ могилами!

Поэтъ обязанъ *Маринѣ* же лучшею во всей драмѣ сценою между *Пожарскимъ* и *Мариной* (*). Русская царица, у которой не оспалось ни луча надежды, но по-человѣчески еще созидающая мечты на мечтѣ, боязливо входитъ въ ставку полководца. Лѣспиво начинаеть она хипрую рѣчь, прививаетъ къ вождю змѣей, по-немногу, хипро заводитъ пѣсню своего сердца. *Марина* то грозитъ *Пожарскому* участіемъ *Шуйскаго*, то ласкаетъ его своею приверженностью къ Руси, нѣжитъ именовъ какого-то правителя, говоритъ о какомъ-то царѣ въ пелѣнкахъ...

«Марина Юрьевна, не понимаю

О чемъ ты говоришь?»

.....

«Марина Юрьевна, присядь, пожалуй.

Мнѣ нравится рѣчь узнала твою.»

Не слова ли это добраго Русскаго боярина-воина? Но мужъ болѣе браней, чѣмъ хипрости, обольщенный краснорѣчіемъ *Марины*, доврчиво склонившійся къ ней, вдругъ почувствовалъ въ сердцѣ жало змѣи!

«Умолкни! Громъ да разразитъ тебѣ.

Сынъ вора на престолѣ Иоанна!!»

Прямо мужское сердце, Русское сердце излило негодование, и женщина разразилась въ женской злобѣ! Вотъ сцена, гдѣ въ *Пожарскомъ* все Русское и *Пожарское*, гдѣ въ *Маринѣ*—вся женщина и мать: сцена прекрасная по слогу, мыслямъ, особенно по жиз-

ни развивающихся спраспей! Намъ скажутъ охотники ко всему привязываться, что сія сцена напоминаетъ *Шиллера*, который любитъ такимъ же образомъ изображать невинное, непонимающее лицо, и другое коварное, около него пресмыкающееся. Не въ такомъ ли положеніи представлены *Донъ-Карлосъ* съ принцессою *Эболи*, *Фердинандъ* съ леди *Мильфортъ*? Почти въ каждой пьесѣ знаменитаго Германца вы найдете подобныя сцены, такъ что ихъ, по особенностямъ *Шиллерова* спила, можно назвать *Шиллеровскими*. Впрочемъ, сцена эта во всякомъ случаѣ приноситъ честь г. *Кукольникову*: онъ былъ въ полномъ смыслѣ драматикъ, когда писалъ еѣ. Здѣсь не повѣсть, не разглагольспвіе: здѣсь истина, которая для драматика важнѣе величайшаго ума, всесвѣспныхъ знаній, истина сердца человѣческаго!

Изображеніе сумасшествія, мрачныя картины какъ-бы въ духѣ г. сочинителя: эпо конекъ его, и часто у него такія изображенія превосходны. Въ фантазії онъ еще не сумѣлъ перемѣшать минуны ума съ минунами безумія *Тассо*, представляя его въ послѣднемъ случаѣ не столько сумасшедшимъ, сколько спрашнымъ. Напропивъ того, безуміе *Марины* еспественно выведено изъ предшеспивавшихъ случаевъ и спраспей; потомъ оно мучитъ бѣдную царицу постоянно, безъ проблесковъ ума. Каждое слово *Марины*, ея дѣйспвія, чувства дико и неспройны, печальны, ноющы. Душа ея—опаленное солнцемъ поле, воздухъ Аравіи, спершійся передъ Самумомъ! Г. *Кукольникъ* вездѣ показываетъ приспастіе къ такимъ изображеніямъ и мыслямъ. Его оплдіе опѣ другихъ поэповъ, его особенность: ужасающій взглядъ на предметы; онъ чуденъ, но нравится и по новизнѣ, и потому, что почти всегда соединенъ съ необьяпною мыслію, или съ глубокою истиной. Послушайте, какъ онъ описываетъ народное бѣдспвіе:

«Страдала Русь и кровью обливалась;

По воздуху ходилъ огонь небесный,

И солнце безъ лучей, какъ рана, спрашно

На сѣромъ куполѣ краснѣло; мѣсяцъ,

Какъ желтое пятно болѣзни пляжкой,

(*) III-е дѣйствіе, стр. 91—102.

Пугаль глаза, предсказывая горе;
Гладь по землѣ ходилъ, какъ исполинъ,
И поражалъ безчисленныя жертвы!»

Таковы любимые его образы и мысли, копорья, не смотря на общій характеръ дикоспи, разнообразны и часто самобытны. То мрачностію напоминая Байрона, по описаніемъ величественныхъ видовъ природы напоминая великолѣпнаго Шатобриана, нашъ родной поэтъ занимаетъ между ними середину, удерживая однако же самоспопьятельность: ибо нельзя сказать, чтобы онъ былъ сколокъ того или другаго. *Фантазія* не изнурила его: онъ и въ драмѣ разсыпалъ, хотя въ меньшемъ числѣ, но много богатыхъ, неощутенныхъ мыслей (*). Истинный поэтъ неиспощимъ душою и сердцемъ!

Пріятно писателя сближать съ знаменитыми писателями. Описание бѣдствія Россіи, взятое изъ новой драмы напомнило два славящіяся въ либературномъ мірѣ описанія народныхъ бѣдствій. *Ксенофонтъ* изобразилъ бѣдствіе Аѳинъ въ правленіе тридцати пирановъ, и *Шекспиръ*—бѣдствіе Шотландіи время *Макдуфа*.

«Аѳины,» говоритъ *Ксенофонтъ* (**): «превратились въ пространную могилу, обитавшую ужасомъ и безмолвіемъ. Тѣлодвиженіе, мгновеніе ока, самая мысль—наносили гибель несчастнымъ гражданамъ. Злодѣи надзирали

(*) Замѣчательныя стихи и мысли: стр. 11 стр. 23 и 24; стр. 18 стр. 1—4; стр. 20 стр. 7 и 8; стр. 21 стр. 7—8; стр. 22 стр. 1, 2 и 9; стр. 26 стр. 12—14; стр. 27 стр. 18; стр. 30 стр. 12; стр. 33 стр. 3—8; стр. 36 стр. 7; стр. 37 стр. 4 и 5; стр. 38 и 39 (монологъ *Пожарскаго*); стр. 44 стр. 22—24, 25 и 26; стр. 45 стр. 8, 9, 12, 13 и 22; стр. 46 стр. 2—9; стр. 62 и 63 (монологъ князя *Трубецкаго*); стр. 68 стр. 7—9; стр. 70 стр. 23; стр. 72 стр. 18—20 и стр. 73 стр. 1—4; стр. 77 стр. 3 и 10; стр. 80 стр. 1; стр. 81 стр. 4 и 5; стр. 86 стр. 16; стр. 88 стр. 4 и 5; стр. 90 стр. 4 и 5; стр. 94 стр. 9 и 10; стр. 107 стр. 12—14; стр. 113 стр. 4; стр. 114 стр. 2—6; стр. 119 стр. 1—2, 6—12; стр. 120 стр. 6 и 7, 22 и 23; стр. 127 стр. 7 и 8; стр. 130 стр. 5—16, 19—22; стр. 131 стр. 4—27; стр. 132 стр. 12—16; стр. 140 стр. 16—26, и многіе большіе монологи *Пожарскаго*, *Марини* и частію *Митина*.

(**) *Жс. Греческой исторіи*, кн. 2.

надъ избранную жертвою, спарались на челѣ ея опкрыть прямодушіе и добродѣтель: подобно, какъ судья на челѣ виновнаго спрашивается прочитавъ тайное пресупленіе!»

Россе рассказываетъ у *Шекспира* (*): «ахъ, бѣдная страна опечесственная! Она сама спрашивается узнать о собственныхъ несчастіяхъ. Не будемъ болѣе называть еѣ матерью, но нашимъ гробомъ. Тамъ уже ни на чьемъ лицѣ не сіяетъ улыбка веселости, кромѣ дѣшей, которыя не понимаютъ, что значить несчастіе! Вздохи, стенанія, вопли наполняютъ воздухъ, и никто ихъ не слышитъ. Тамъ самая жестокая горестъ кажется чувствомъ обыкновеннымъ. Когда раздается печальный звонъ колокола, возвѣщающій еще о жертвѣ смерти, тамъ уже не спрашиваютъ: по комъ!»

Очень ясно, что ни Англичанинъ Греку, ни Россіянинъ обоимъ имъ не подражали: между пѣмъ описанія всѣхъ превосходны. Карпина нашего соотечественника правится особенностію, дикою красою, но она какъ-бы карпина съ видимой природы, и не сполько изліяніе горестное, сколько лирической порывъ. Уже въ *Ксенофонтъ* много чувствованій челоувѣческихъ, и въ опрывкѣ изъ его исторіи большае драмы, чѣмъ въ опрывкѣ изъ драмы нашего поэта. Всмотритесь теперь въ карпину *Вольтерова* пьянаго дикаря. У него все челоувѣческое: какъ прогашельно онъ изображаетъ общую горестъ, напоминаетъ о дѣшяхъ, кои въ толпѣ несчастныхъ не знаютъ, что такое несчастіе; о звонѣ колокола, возвѣщающаго, что еще умеръ челоувѣкъ! *Шекспирова* истинна, особенность—схвачены не изъ-за облаковъ, просты: но онъ, какъ желѣзные когти, обхватываютъ сердце! Онъ начерпилъ десять строкъ—и уже видѣнъ величайшій драматикъ! Мы отдаемъ должное г. *Кукольнику*, признавая высокимъ, образцовымъ его описаніе бѣдствія Россіи: однако же нельзя не замѣтить, что онъ до сихъ поръ беретъ для драмы ноты выше, чѣмъ должно; больше мыслитъ, описываетъ, чѣмъ чувствуетъ; больше удивляетъ, чѣмъ прогашетъ; что онъ ближе къ *Шатобриану*

(*) *Макбетъ*, дѣйств. IV, явл. 3.

или Байрону, чѣмъ къ Шекспиру. Мысли г. Кукольника часпо новы, истины, возвышеннѣе нашихъ, но это мысли а не чувствования, похищенные изъ сокровищъ нашего сердца!

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

C'est après la semaine de Long-Champs que l'on commence à connaître les détails des nouveautés auxquelles le mauvais temps n'a pas permis de se montrer. Nous avons au bord des grandes passes les biais en crêpe lisse qui ont remplacé les ruches; ces biais se mettent au nombre de quatre, et produisent un effet doux et vapoureux.

Les fleurs en grappes doivent être très-légères et flexibles, d'une teinte pâle.

Au bord des passes on voit beaucoup de rouleaux, larges à peu près d'un demi doigt; un même rouleau au haut des calottes.

La mode la plus distincte que l'on ait cherché à introduire ou plutôt à renouveler, sont les manches *amadis*. Quelques femmes ont été remarquées en voiture découverte avec des robes de soie dont les manches étaient tout-à-fait justes du haut.

Cependant nous doutons que cette mode reprenne faveur, et nous désirons qu'elle retombe dans l'oubli. C'est d'abord une question de savoir si elle est gracieuse, même pour les femmes dont la taille est parfaitement régulière et proportionnée; s'il ne faut pas au vêtement une certaine ampleur qui accompagne nos membres. Mais cette question est décidée par rapport à la généralité. La masse se compose en grande partie de médiocrité, et à cette masse il faut des modes qui soient le plus avantageuses possibles; aux tailles légèrement défectueuses il faut des fronces qui dissimulent les formes; à des bras longs et maigres qui pourrait conseiller une manche *amadis*?

La plupart et la généralité, nous devrions presque dire la totalité des robes sont toujours à grandes manches, connues il y a quatre ans sous le nom de manches à l'imbécile; quelquefois elles sont montées sur un haut poignet à pointe, ce qui dégage le bras;

le plus souvent elles sont montées simplement sur un petit poignet haut de deux doigts.

Pl. No 16. Modes de Longchamps.—Habit à l'anglaise couleuraille de Hannelton, pantalon de piqué.—Redingote de drap, gilet de soie pantalon de casimir, cravatte de satin broche.

M O Д Ы.

Послѣ Лонгшанскаго гулянья начинаютъ узнавать шолько подробно новости, которыми дурная погода не позволяла показываться. По краю большихъ полей, вмѣсто рюша, кладутъ косыя полоски изъ гладкаго крепа, числомъ до четьырехъ, что составляетъ весьма нѣжный облачный видъ.

Цвѣты кислыми должны быть весьма легки и гибки, и блѣднаго цвѣта.

По краю полей видно много руло, шириною почти въ пол-пальца; такое же руло по верху шулы.

Самая отличительная мода, которую хотѣли ввести, или лучше, возобновить, это рукава *amadis*. Некоторыя дамы замѣчены были въ открытой каретѣ въ шелковыхъ пластьяхъ, у которыхъ рукава были совсѣмъ въ обтяжку вверху.

Мы однако же сомнѣваемся, чѣмъ эта мода вошла въ употребленіе, и желаемъ, чѣмъ она опять пришла въ забвеніе. Надо впередъ спросить, красива ли она, даже для женщинъ, у которыхъ статура совершенно правильна и въ пропорцію; не нужно ли въ одеждѣ нѣкоторой полноты для прикрытія нашихъ членовъ? Но этотъ вопросъ рѣшенъ въ отношеніи къ общему. Масса состоитъ по большей части изъ посредственности, и этой массѣ нужны моды сколько возможно выгодныя; стаямъ нескладнымъ нужны сборки, прикрывающія формы; длиннымъ и худымъ рукамъ кто можетъ посовѣтовать рукава *amadis*?

По большей части и вообще мы должны бы сказать, что почти всѣ пластьи еще продолжаютъ дѣлать съ большими рукавами, извѣстными подъ именемъ рукавовъ à l'imbécile; иногда обшиваются они широкою обшивкою съ мыскомъ, что обозначаетъ руку; по большей же части они просто съ обшивкою въ два пальца ширины.

Карш. No 16. Моды гулянья Лонгшанцъ.—Англійскій фракъ, панталоны пике.—Суконный редигошъ, шелковый жилетъ, казимировыя панталоны, апласный галстукъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 42.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 26 дня, 1854 года.

Мнѣ Лѣкаръ говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажешь обо мнѣ, что не доволенъ мной!—
«Конечно, думалъ я, никто того не скажешь!
Смерть всякому языкъ привяжешь!»

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТАКЪ ЭТОТЪ - ТА!

Голубчикъ мой!....

Баратынскій.

«Въ какомъ часу опходишь дилижансъ?»

—Въ 9, сударь!—«Въ 9! чорть возьми, рано же я забрался сюда... *Иванъ*, укладывай пока мои вещи.»—Сей часъ, сударь!—

—Рекомендуюсь, батюшка, я съ вами же дѣлаю компанію по Петербургской дорожкѣ; просимъ любить, да жаловать; а не куришь ли табачку-съ?—

«Нѣтъ.»

—Слава Всевышнему; какъ опть сердца оппало.— Я, знаете, батюшка, головою слабъ, такъ знаете, табакъ права головоломная, зеліе пахучее.—

Я опошелъ опъ спарика, котораго принялъ за раскольника—и напкнулся на оригинала въ другомъ родѣ: безъ бороды, чиновнаго, полснаго и спараго крючкотворца.

—Хе...хе...хе...—(закричалъ онъ, за-ключая меня въ свои объятія): Прощай, мой любезный, кланяйся дядюшкѣ въ Москвѣ, да скажи, за чѣмъ ни ты, ни дядюшка твой не бываете у меня по два года; воптъ завернули бы на гитарѣ поиграть што-ли, позабавишься, да и насъ позабавишь; мы вишь люди спарые, съ опцами вашими давнишніе знакомые.—

«Благодарю васъ, *Кузьма Васильевичъ*, за память; мы съ дядей заняты службою, а Московскій мой дядя, которому вы посылаете такъ усердно поклонъ, 4 года какъ умеръ.»

—А, понимаю! Твой дядя былъ почтенный человекъ, умница, дѣловой, хлѣбосоль... словомъ, нашъ братъ...одного со мною поля ягода!—

По окончаніи порядочнаго папегирька самому себѣ, мой *Кузьма Васильевичъ* побѣжалъ въ другую комнату, паща меня за собою; на порогъ попался ему какой-то, видно также давнишній знакомецъ и, пошептавъ ему на ухо, указавъ пальцомъ на бѣ-

локураго, молодого челоѣка въ очкахъ. Спои-те!» воскликнулъ *Кузьма Васильевичъ*: «спойте! Какъ, эптопъ-па! Чахлый, бѣлобры-тый, дохлый! Ха, ха, ха!— Такъ эпо-по сочинитель-по, писатель-па.... ха, ха, ха!...»

Признаюсь, я сгорѣлъ отъ стыда, споя передъ порядочными людьми рука объ руку съ челоѣкомъ, который пакъ изъяснялся, хохочешъ безъ умодку и безъ полку.

«Помилуйте, *Кузьма Васильевичъ*, да чпожъ шупъ смѣшнаго вы находите?»

— Какъ что, брапецъ, эптопъ худоцавый челоѣкъ сочиняешъ книги, печатаешъ; ихъ покупаюшъ, похваливаюшъ. По этому я думалъ, что онъ дюжій молодчина... кровь съ молокомъ, а онъ чахоточный, испитой, чуть душа въ шѣль... Ну, самъ разсуди, не смѣшно ли эпо?—

«И—полноте, *Кузьма Васильевичъ*, онъ челоѣкъ почтенный во многихъ опношеніяхъ, и если Богъ не далъ ему тучнаго шѣла, за шо одарилъ умомъ и паданпомъ.»

— Эхъ вы мнѣ умники, молоды вы насъ учите стариковъ; вопъ мы и въкъ изжили, достатокъ нажили, да и шѣла не промышарили, а вы—ну, что вы съ вашимъ умомъ, съ виршами, журналами? На лицѣ ни кровинки, а въ карманъ ни алтына. Я знавалъ въ старину одного сочинителя, ну, точно былъ сочинитель, такой знаешъ матерой, широкоплечій, дюжій мужикъ, какъ выпьетъ бывало полштофа настойки, шо и ода скипить. А этому въпропѣльному, гдѣ и пить настойку съ наборомъ славнаго Малороссійскаго доктора *Трофиловича*, удушье заколопить. Я думаю, онъ на суслѣ и выросъ... ха, ха, ха!—

Я записалъ слово въ слово эпу выходку прошивъ современныхъ писателей для курьезу—и предлагаю еѣ Публикѣ.

Терентій Кабановъ.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы.

Богатый челоѣкъ, который даетъ обѣды для арпистовъ, который судитъ о произведеніяхъ однихъ по опзывамъ другихъ, который, будучи окруженъ карпинами, въ коихъ онъ ничего не смылитъ; живописцами, которые смѣются надъ нимъ, набивая карманъ его деньгами; книгами, въ которыл онъ не заглядываетъ,—воображаетъ, что все эпо показываетъ въ немъ челоѣка со вкусомъ,—эптопъ праздный челоѣкъ называется любителемъ.

Очень часто встрѣчаешъ людей, которые безпрерывно полкуютъ о самихъ себѣ: разговоръ ихъ есть зеркало, всегда отражающее ихъ непріятную физіогномію.

Красота, не имѣющая нужды въ уборахъ, должна однако же употреблять ихъ для ушѣшенія зависпи.

Большая библіотека можетъ сравниться съ многлюднымъ городомъ; скучно и даже опасно было бы знакомиться тамъ со всѣми; всякій выбираешъ пакое общество, какое почитаетъ для себя приличнымъ. Большая часпъ довольствуется худымъ товариществомъ.

Есть люди, которые благотворятъ изъ щисеславія, по модѣ или по прихоти; ихъ должно вызывать къ благодѣаніямъ чрезъ объявленія въ журналахъ; когда же надобно помочь какому нибудь несчастному впайнѣ, шо они неумолимы. Въ этомъ случаѣ ихъ можно сравнить съ шѣми, которые обладая прекраснымъ голосомъ, отказываются пѣть, когда ихъ о шомъ просятъ.

Большая часпъ писателей, скрывающихъ свое имя, по въ послѣдствіи объявляющихъ его, подобны людямъ, которые являются на балъ переодѣтыми. Пока они оспаются замаскированными, шо ихъ преслѣдуютъ, осматриваютъ со всѣхъ сторонъ, стараются узнать ихъ, но едва лишь они снимутъ маску, всѣ ихъ оспавляютъ и не смотрятъ на нихъ болѣе.

Въ самолюбіи есть нѣкоторое сходство съ скупостью; какъ одна охотно принимаетъ вещь самую негодную, такъ другое

не отказывается' опъ самой плоской похвалы.

Говорить, что искусство ничего не прибавляетъ къ врожденнымъ способностямъ, значить думать, будто бы удабриваніе земли не нужно для пого, чтобы сдѣлать произведенія оной лучшими и вкуснѣйшими.

Перемена модъ есть пошлина, которую трудъ бѣднаго налагаетъ на щеславіе богатаго.

Мущины ежедневно испытываютъ, что легче словить женщину, нежели не любить ихъ.

Ничто не препятствуетъ столько быть непринужденнымъ, какъ желаніе казаться такимъ.

Мущины не всегда любятъ тѣхъ, кого уважаютъ; женщины уважаютъ только тѣхъ, кого любятъ.

Непостоянная и въпреняя мода, подобно юности, нравится, прельщаетъ насъ и заставляетъ себя слѣдовать, не смотря на всѣ ея причуды, недостатки и прихоти.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УМИРАЮЩІЙ ПОЭТЪ,

(Изъ Мильвуа.)

Поэтъ пѣлъ пѣснь свою предсмертную—и вѣрной
Лампады тусклый лучъ едва, едва мерцалъ;
А онъ, готовый въ гробъ сойти, больной и блѣдной,
Печальныя слова печально напѣвалъ.

*

Цвѣтъ жизни моей завялъ; мой вѣкъ несчастный
Быспролетящею мелькнулъ въ глазахъ спрѣ-
лой:

Зарю вечернюю мой бурный день ненастный
Съ передразвѣтною соединилъ зарей.

*

Есть край далѣкій: тамъ смерть бражки съ на-
слажденьемъ

На деревъ одномъ нашла себя приюсть.
Несчастны тѣ, кто съ сладкимъ восхищеньемъ
Подъ снѣгу его обманчивой заснусть.

*

О наслажденіе! Оно тебѣ подобно;

И, путешественникъ неопытный, я въ злоб-
ной

Тѣни его не разъ безопасно отдыхалъ —

И рокъ губительный поспигъ меня достойно!

*

Разбейся же въ куски, возлюбленная лира!

Тебѣ не пережить мой смертный, скорбный
часъ.

И пьснопѣнія, забвенныя опъ міра,

Улягуся въ мой гробъ, земля гдѣ скроетъ насъ.

*

Я не приду предъ прощъ и спрогий и правдивый

Потомства, гдѣ оно и славъ и людемъ

Свой произноситъ судъ, сей судъ неумолимый,

Какъ древле приговоръ Египтянъ ихъ царямъ
Усопшимъ, въ тишинѣ у водъ произносимый.

*

Простите же, друзья! Моей вы скоро жизни

Увидите закапъ; хоть нѣсколько стиховъ

Прочтите вы моихъ при отправленіи призывъ,

И сохраните ихъ на память обо мнѣ.

*

А вы, кѣмъ жилъ, дышалъ, а нынѣ умираю,

О женщины! и днесъ, какъ лучъ осенній въ мглѣ,

Или сонъ упренный, вашъ образъ созерцаю.

*

Призраки милые! прошу въ послѣдній разъ

Въ воспоминаніе любви и слѣзъ опъ васъ,

Къ поэту-мертвецу полной придите дѣвы,

Пучки нарвите розъ мгновенныхъ . . . гдѣ вы?

*

Поэтъ не кончилъ пѣснь, а лира ужъ изъ рукъ

Безсильныхъ выпала; заихъ унымый звукъ,

Лампада умерла, — назавтре и поэтъ

Угаснулъ на зарѣ румяныхъ юныхъ лѣтъ.

Перев. Павелъ Хотлинцовъ.

LA JEUNE FILLE MOURANTE.

Cueillez la rose blanche au penchant des montagnes;

Arrachez le cyprès, ornement du cercueil;

Préparez l'eau sacrée, ô mes jeunes compagnes!

Sans effroi je verrai tous vos apprêts de deuil.

Pourquoi cacher vos pleurs? Éloignez-moi ce voile;
 Vous qui m'aimiez, pleurez... C'est mon dernier
 bonheur.
 Hâtez-vous, car bientôt, sous la funèbre toîle,
 Votre main vainement ira chercher mon cœur.
 L'airain frémit; déjà sa voix lente et sonore
 Annonce mon passage aux palais éternels;
 Aujourd'hui vous pleurez... j'étais si jeune encore;
 Priez pour moi, demain, au pied des saints autels.
 Qu'un tombeau de gazon s'élève sur ma cendre;
 Venez-y quelquefois répandre quelques pleurs.
 Là, vous m'appellerez, et vous croirez m'entendre;
 Là, vous croirez me voir riant entre les fleurs.
 Venez, je vois s'ouvrir ma céleste demeure;
 Approchez-vous encore... donnez-moi votre main...
 Comme moi, puissiez-vous, à votre dernière heure,
 Sourire à des amis, et mourir dans leur sein!

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ есть восклицанье;
 Второй врага или недруга названье;
 А въ *цѣлое* не суйтись вы,
 Иль будете безъ головы.

Ш.

Въ № 41-мъ помѣщенная загадка значить: *IV*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ: *Рука Всевышняго Отечество спасла*, соч. *Н. В. Кукольника*.

(*Окончаніе.*)

Важный недоспапокъ въ нашемъ драматикѣ поэтъ, что у него спрасти не запываются надолго, что онъ едва завязывающіеся узлы разубаеетъ разомъ, какъ Александръ Македонскій *Гордіевъ* (*), и связываетъ

(*) *Трубецкой* отпказывался итпти на общій подвигъ и согласился на это опъ одного слова. *Минина*: проклѣтіе

часпи столь непрочно, что цѣлое легко раздѣлишь. Не говоря уже, что исключая *Мирину*, *Минина*, *Пожарскаго* и *Заруцкаго*, въ драмѣ нѣтъ характеровъ; по у него происшествій и дѣйствующихъ лицъ очень мало необходимыхъ для событія. Выбросьте II-ой и V акты, сцены, относящіяся до *Гермогена* (*), самое исцѣленіе *Пожарскаго*; выбросьте *Измайлова*, *Ржевскаго*, *Трубецкаго*, даже *Мирину* — и дѣйствіе драмы пойдетъ тѣмъ же порядкомъ. Между тѣмъ всѣ эти случаи и лица должны бы были такъ введены въ драму, что безъ одного изъ нихъ ходъ пьесы остановился. Драма такова должна быть, какова жизнь народа, общества, человѣка. Въ каждой дѣйствующей испорціи малѣйшая случившаяся черпа необходима: безъ неѣ испорціи измѣнилась бы, составилась бы изъ другихъ случаевъ. Если бы въ семействѣ человѣка не находилось одного лица, хотя бы по была старая няня; если бы онъ оспался въ одномъ городѣ, тогда какъ переехалъ въ другой; если бы не пѣхъ любилъ, кого любилъ, не пѣхъ чуждался, кого чуждается, — однимъ словомъ, опнимите у человѣка бездѣлицу изъ его прошедшаго, и уже никакъ не увѣряйте, что онъ былъ бы тѣмъ же человѣкомъ. При первомъ измѣненіи въ жизни, поворотился бы въперъ шуда или сюда, были бы другіе друзья и недруги, попянулась бы вереница иныхъ случаевъ: щаспье вмѣсто горя, смерть вмѣсто жизни, чернота вмѣсто благородства души; изображаемый вами человѣкъ имѣлъ бы другой характеръ, бытъ можетъ — другую физиогномію. Такъ и въ народныхъ дѣлняхъ. *Ржевскіе*, *Измайловы*, въ избавленіи Россіи опъ По-

(спр. 61 и 62); *Пожарскій* и думанье не хопилъ принять главное начальство надъ войскомъ, и разомъ согласился на то (спр. 70); *Пожарскій* разсердился на казаковъ и шупъ же ихъ прощаетъ (79), и проч.

(*) Патриархъ введенъ въ драму ни за что, ни про что, и ничѣмъ рѣзкимъ не обрисованъ. Великаго мужа или сѣдовало представить во всей колоссальности, или лучше не трогать святыыхъ костей его. Сочинитель хорошо сдѣлалъ бы, если бы, при впоромъ изданіи драмы, исключилъ и то вводное явленіе (спр. 9—13), гдѣ *Мининъ* представленъ паспнушкомъ.

ляковъ, лица ничтожныя, мелкія: но изъ эпои мелочи кипѣло великое событіе: оно иначе кипѣло бы, если бы одного мелкаго лица не было, измѣнились бы, сначала мелочное, а потомъ и крупное, а потомъ и все пропшествіе. Нельзя, не будучи пророкомъ, павѣрное сказать: было ли бы оно мрачнѣе или блистательнѣе, повело ли бы государство къ гибели или благоденствію; но утвердительно можно сказать, что оно было бы совсѣмъ иное, совершенно иначе. Нѣтъ ничего проповиѣе природѣ ума, какъ вводитъ въ дѣйствіе человека, безъ котораго можно обойтись, и человека, который не одаренъ своимъ характеромъ! Удивительно, отъ чего прудно предсавить въ искусствѣ то, что въ природѣ такъ просто!

Въ I-мъ дѣйствіи свѣпла лирическая сцена: выздоровленіе *Пожарскаго*; тамъ же прекрасно изображенъ вдохновенный *Мининъ*, раздувающій въ Нижнемъ-Новгородѣ святое пламя сердець. Въ драматическомъ же отношеніи лучшія дѣйствія III и IV-е. Первое изъ нихъ блистаетъ сценою между *Мариной* и *Пожарскимъ*; много драмы и въ IV актѣ, гдѣ идетъ дикая борьба страстей. Здѣсь видѣнъ звѣрскій, разбойничій характеръ *Заруцкаго* (*), столько выказывающій благородство князя-вождя. Въ эпои же дѣйствіи находится огненная сцена военныхъ распоряженій князя *Пожарскаго* для овладѣнія Москвою.

Измайловъ. Будило вышетъ на дѣвичье поле! —
Пожарскій. Взшло ли солнце?—*Изм.* Нѣтъ.—*Пож.* Такъ обождешь.

Пусть въ полный день свое увидитъ бѣгство. —
Ржевскій. Бой начался на всѣхъ концахъ Москвы! —
Пож. Благодарю, Творецъ, благодарю!
О, подними изъ водъ златое солнце,
Разсѣй туманъ и Самъ возри на насъ! —
Трубецкой. Казаки опсупають.—*Пож.* Спыдъ на нихъ,
И опъ спыда казаки не опсупянтъ! —
Мининъ. Пожаръ въ Москвѣ!—*Пож.* Пожаръ въ Москвѣ! Ура!

(*) Безобразная сцена, въ которой казаки колютъ *Заруцкаго*, выброшена г. сочинителемъ. Дай Богъ ему здоровья! *Пл.*

Богъ началъ казнь и горе супостату!
За мной вожди! Богъ началъ брань!»

Лакопизмъ, сила стиховъ—удивительны! Они не напоминаютъ, а голятъ изъ памяти *Гомерово* *Аякса* и его высокое изреченіе! Наконецъ, здѣсь безумная *Марина*, сначала въ страшномъ одиночествѣ, потомъ въ толпѣ Русскихъ, кои сбѣгаются съ поля победы въ восхищеніи, въ радости, а для неѣ щастіе тамъ, гдѣ нѣтъ радости! Сцены истинно драматическія, составленныя изъ группъ, рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга гранями человеческого добра и зла: будто картина природы, когда земные предметы съ одной стороны такъ ярко разцвѣчены заходящимъ солнцемъ, а съ другой полжили отъ себя длинныя тѣни!

II-е дѣйствіе можно назвать бездѣйствіемъ драмы, потому, что въ немъ ничего не дѣлается; а V актъ собственно не относится къ пьесѣ, которая кончилась четвертымъ. На него смотрятъ въ театрѣ, какъ на торжественный народный праздникъ, олицетворяющій драму; смотрятъ съ любопытствомъ того рода, которое чувствовали бы зрители, еслибы передъ ними открылся обрядъ священнаго коронаванія, зазданіе государственнаго Совѣта и п. п. Однимъ словомъ, V дѣйствіе есть панорама, живая картина великаго событія, а не драма. Смотря съ эпои почки зрѣнія на V актъ, онъ имѣетъ свое достоинство и сверхъ того написанъ звучными, сильными стихами, исполненъ теплаго Русскаго чувства къ Царямъ, возвышенными и свѣлыми мыслями (*). Жаль,

(*) Вообще стихи въ драмѣ прекрасны, кромѣ того только, что многіе небрежно набросаны въ I и особенно II дѣйствіяхъ: слогомъ она къ концу идетъ лучше, чѣмъ начала. Недостатки стиховъ оспаются иѣ же, кои бы замѣнили въ фантазіи. Исчислимъ ихъ въ выносѣ: потому, что онѣ ничтожны въ сравненіи съ красотами драмы.

Ошибки противъ языка: стр. 24 ст. 9 (отдираетъ, вѣсто сдираетъ); стр. 25 ст. 22 (безнаказно. Сочинитель вѣроятно думаетъ, что это слово замѣнить: *безнаказанно*, а иначе оно не у мѣста; *безнаказно* значитъ *безъ приказанія*); стр. та же, стихъ послѣдній (подъ *Лягуновымъ*. Нельзя сказать); стр. 35 ст. 6 и 7

что Гг. актёры: *Соколовъ, Радинъ, Тереховъ* и другіе-прочіе, избирающіе Царя *Михаила Теодоровича*, холодною игрою разочаровываютъ зрителей; но великій артистъ *Каратыгинъ* вознаграждаетъ одинъ за все и за всѣхъ. Его величественная наружность, говорящая мина сердечныхъ чувствованій, по радости, по уныніи, по мучительной пре-

(отъ вражескихъ мечей) должно бы: нанесенныя вражескими мечами); стр. 35 стр. 10 (одинъ глаголь, вмѣсто: одного глагола); стр. 38 стр. 24 (жить, а надобно: у меня); стр. 41 стр. 9 (смерти не даруй. Даруй опносится къ щасію); стр. 51 стр. 7 (подай, вмѣсто: давай); стр. 54 стр. 6 (на полъ, а съдвало бы: въ полъ); стр. 56 стр. 14 (главу вѣнецъ одынуть. Плащемъ, порфирною можно одѣться, а шапку, вѣнецъ надѣвають); стр. 90 стр. 14 и 15 (одынуть славою. То же нельзя сказать); стр. 83 стр. 11 (надобно прибавить: чпобы быть, чпобы сдѣлаться); стр. 100 стр. 16 (лжица значить ложечка, а не женщина лжець); стр. 129 стр. 1 (должно бы при избраніи); стр. та же стр. 3 (на сонъ, вмѣсто: въ сонъ); стр. 136 стр. 9 (вознесъ, вмѣсто: возвелъ), и проч.

Неправильныя соединенія словъ: Стр. 9 стр. посл. и стр. 10 стр. 1 (будно: не видѣвъ разодранныхъ главъ гробовъ. Запятая мало помогаетъ; хоть точку поставитъ—не будетъ пользы); стр. 11 стр. 20 (будно: изъ рукъ государства, а чпдъ вырвать? неизвѣстно); стр. 13 стр. 5 (точно: Козьма благословляетъ); стр. 20 стр. 3 (дорогой; это: дорогій, какъ хопище); стр. 28 стр. 19; стр. 57 стр. 12-и 13; стр. 108 стр. 17 и 18, и проч.

Дурныя стихи, или выраженія: стр. 26 стр. 7 (вознеть пѣтухъ!); стр. 35 стр. 3 (царствіе свое святое); стр. 35 стр. 10 13 и 14 (глаголь худо замѣняетъ слово: языкъ); стр. 37 стр. посл. и стр. 38 стр. 1 и 2 (походно, воздей желъзо... неудачно выражаетъ мысль сочинителя); стр. 45 стр. 10; стр. 56 стр. 11; стр. 66 стр. 5; стр. 73 стр. 2; стр. 76 стр. 11; стр. 89 стр. 1 и 2 (смѣшныя стихи!); стр. 103 стр. 1—3 (одна и другая конечно опносится къ снпямъ, но и снпъ второй снпхъ или ложень, или непоняпень); стр. 110 стр. 7 и 8 (особенно въ послѣднемъ снпхѣ *Милинъ* представлень какъ-бы хвасуномъ: *Я Милинъ Сухорукій!* Быть можетъ, г. сочинитель хотѣлъ подражать началу *Ливіевой* рѣчи: *Romanus civilis sum nomine Mucia Scevola*... тольдо не пошло!), и проч.

Неправильныя ударенія: стр. 25 стр. 12, 15 и 16 (самъ; Нагавицынъ; крестьянинъ; стр. 45 стр. 21 (атаманъ); стр. 51 стр. 2 и стр. 112 стр. 8 (Заварзйнъ); стр. 85 стр. 24 и стр. 87 стр. 16 (анаёма); стр. 106 стр. 2 (горды), и проч.

воги; его голосъ, поселяющій тишину между тысячами зрителей, приводитъ въ забвеніе, что по не дѣйствительное избраніе на царство Царя. Смотря на сценическаго *Пожарскаго*, не дивимся, что онъ движетъ Россію! Изящный во всѣхъ положеніяхъ пѣда, заманчивый измѣненіями голоса и лица, въ полномъ смыслѣ разговаривающій и дѣйствующій, удивительно разнообразный въ разныхъ роляхъ, кои всегда глубоко понимаетъ, г. *Каратыгинъ* въ искусствѣ своемъ если не опередилъ Русское образованіе, то не отсталъ отъ Европейскаго. Онъ колоссальный представитель того, каковъ долженъ быть актеръ-прагикъ нашего вѣка. Щасливъ г. *Кукольникъ*, имѣя таково исполкователя своихъ чувствованій, таково представителя предъ собраніемъ образованной Публики! Однакожь онъ въ долгу передъ г. *Каратыгинымъ*, пѣмъ благороднымъ сознаніемъ, которое *Дмитревскій* вынулъ у *Княжнина*. Замѣчательно, что Русскій театръ больше полувѣка гордился *Селеновою*, *Дмитревскимъ*, *Яковлевымъ* и *Каратыгинымъ*, изъ которыхъ послѣдніе почти безпрерывно передавали другъ другу вѣнецъ первостепеннаго прагика-артиста, и которыхъ, исключая *Тальмы*, не было равныхъ въ Европѣ. Если прибавить къ этому былыхъ и нынѣшнихъ первостепенныхъ нашихъ липераторовъ, рѣзецъ *Мартоса*, кисть *Кипренскаго*, *Брюлова*, голосъ *Иванова* и госпожи *Шоберлехнеръ* (*): по Европа должна удивиться, что Русскіе блестятъ и сверкаютъ не одними шпыками.

Вообще на здѣшнемъ театрѣ драма г. *Кукольника* принята съ живѣйшимъ восторгомъ: Русская сцена жила долго въ разладѣ съ Русскою липературою. Преложенія образцовыхъ драматическихъ иноземныхъ твореній на пастъ слабо дѣйствовали. Въ театрѣ мы липературнаго наслажденія не знали: оно безъ прелести языка не дается. Трагедія *Озерова* и одна *Крюковскаго*, переводы

(*) Умалчиваю о государственныхъ людяхъ, о промышленности и проч: ибо говорю собственно объ изящныхъ искусствахъ. Пп.

Лобанова и Гильдича отдѣлились отъ насъ подъявшагося спѣною романпизма. Оглушенные его побѣдой, мы холодны къ самымъ гениальнымъ произведеніямъ классиковъ, быть можетъ, несправедливо, слишкомъ холодны: по умъ разсуждай, а сердце къ нимъ замолкло. Преданіе о томъ восторгѣ, который производили въ свое время прагадіи *Озерова*, спанившись спорно, темно, какъ старая лѣтопись. Разлюбивъ прежнее, не видя полного изящесства въ новомъ на сценѣ, мы все чего-то поджидали, чего-то надѣялись — и вопи ударилъ часъ! Съ легкой руки *А. С. Пушкина*, Русская сцена освятилась милыми Русскими звуками, въ формѣ, приголубленной современнымъ вкусомъ. Прошлою осенью баронъ *Розенъ* положилъ на алтарь Музъ трагедію: *Баторій и Россія*; разыграна драма г. *Кирѣева*: *Торквато Тассо*; но худо представленная, она не выдержала первого представленія. Пьеса г. *Кукольника* усполяла и имѣла успѣхъ блистательный: выигралъ г. *Каратыгинъ*. Въ оба сіи спектакля лежи красовались знашными дамами, а всѣ кресла были заняты не будничною Публикою. На лицахъ зрительей можно было прочесть радость; всѣ смотрѣли съ гордостію, всѣ поздравляли другъ друга, будто бы собрались на какой-то праздникъ! Не на бенефисы знаменитыхъ лицедѣевъ они съѣхались, а въ торжественное собраніе вольнаго общества любителей Русской словесности!

Въ числѣ рѣдко появляющихся на сценѣ классическихъ трагедій, держится на сценѣ въ торжественные дни трагедія г. *Крюковскаго*, одного содержания съ драмою г. *Кукольника*. Эпа пьеса много перелепъ на всахъ нашего времени и попому уже, что она классическая. Вѣрное сужденіе о ней могъ бы дать безприсраспный криптикъ лѣтъ за пятнадцать, за двадцать. Теперь, при всемъ желаніи замѣшить въ ней прекрасное, глаза не видятъ прекраснаго: они помутнились отъ романпизма. Г. *Крюковской* изложилъ чисто поэматическую повѣсть, въ холодныхъ торжественныхъ разговорахъ, не опитѣишь характеровъ, кромѣ того, что представилъ, какъ водилось, идеальна-

го, благороднаго мужа и въ противоположность ему злодѣя. Завязавъ узелъ полько происками *Заруцкаго*, и желая разцвѣтитъ канву человѣческимъ чувствомъ, онъ ввелъ супружескую и семейную любовь *Пожарскаго*. Съ перваго взгляда видно, что эпа картина молодаго человѣка съ высокой картины простодушнаго *Гомера*: Прощаніе *Лектора* съ *Андромахою*. Чувство, милое въ идилліяхъ и у *Гомера*, но какъ не волнующая спрасть, не придамо драматизма прагедіи, и какъ предметъ слишкомъ ничтожный, исчезъ въ сіяніи великаго государственнаго дѣла. Въ эпомъ не виноватъ г. *Крюковской*: виновато его время. Онъ составилъ прагедію, по заказу ложной теоріи: у него найдете и высокія мѣста, изъ *Корнелля* и *Расина*, и раздуку, попомъ свиданіе, и единство, и эпикетъ, и скуку. Обильная мысль, сильный стихъ показываютъ, что г. *Крюковской* былъ бы писателемъ гораздо выше обыкновеннаго. Эпа гореспно напоминаетъ, что юный поэтъ могъ бы дожить до нашего времени и, быть можетъ, не далъ бы г. *Кукольнику* запомнимъ себя!

Соперникъ *Крюковскаго* воспользовался всѣми преимуществами романпизма. Онъ раскинулъ дѣйствіе отъ родины *Минина* до Кремлевскихъ палатъ, отъ первой искры пожара въ Нижнемъ-Новгородѣ до избранія Царя *Михаила*. Поле раздвинулось, размножилось, образнообразилось. Не смотря на смѣлость, съ какою г. *Кукольникъ* бросилъ на событіе религиозный свѣтъ, и на то, что въ его пьесѣ нѣтъ любви, — драма овладеваетъ вниманіемъ, занимаетъ легко, пріятно. Она не только превосходитъ во всемъ прагедію г. *Крюковскаго*, но для нашего поколѣнія, для нашего преобразованнаго вкуса, превосходитъ даже прагедію *Озерова*: *Дмитрій Донской*, хотя и новая драма имѣетъ большія погрѣшности, какъ драма; лучше и фантазія: *Торквато Тассо*. Въ послѣдней полпа прекрасныхъ мыслей, но больше порывовъ къ высокому и гениальному, чѣмъ испинно высокаго и гениальнаго. Въ драмѣ мысли скромнѣе, за то довольно въ правильной формѣ, красны ея ласковѣй къ сердцу. Эпа

меньшее число мыслей, также прекрасных и богатых, бывъ на мѣспѣ, нравятся какъ алмазы на головѣ царицы! Новая драма оспаривается достояніемъ нашего театра.

Въ одной рецензіи, написанной на перекоръ испинѣ, г. *Кукольникъ* нареченъ уже великимъ. У меня языкъ для этаго не поворопился. Великій *Петръ*, великая *Екатерина*—это другое дѣло.

Упѣшительно замѣтимъ, что г. *Кукольникъ*, выполняя ожиданія, всегда оставляетъ ждать опъ себя новаго. По изданіи фанпазіи: *Торквато Тассо*, было извѣстно, что напечатается драма, которую мы здѣсь разобрали. Эта драма издана, а всѣ знаютъ, что юный поэтъ еще готовилъ драмы *Джотлио Мости* и *Лягуновъ*. Щасливо по время, когда еспъ чего ждаль.

Пн.

М О Д Е С.

Une jolie façon de redingote est à revers bordés de dents qui rabattent de chaque côté en mathilde; chaque dent est fixée à la jupe par une olive de passementerie.

Pour les robes de foulard on fait généralement une façon de robe simple. Le corsage montant; drapé ou boutonné, la jupe unie et les manches larges.

Aux foulards noirs on pose encore une dentelle noire au bord de la pélerine; les pélerines ouvrent carrément; on peut faire la première à pointe descendant jusqu'à la ceinture, plate, boutonnée; la seconde, ronde, ouverte.

Les cravates de taffetas, gros de Naples ou drap de soie, sont les seules qui puissent encore être portées, et elles sont remplacées par les mille rubans si variés qui paraissent. Nous avons parlé de ces magnifiques rubans de taffetas à fleurs chinées, ceux-là sont en première ligne pour écharpe, mais à côté nous voyons chez Mmes *Latour*, les plus charmantes fantaisies simples et élégantes. Le ruban *dragnet*, taffetas façonné, bordé d'une ligne noire. La gaze *florentine*, tissu ora-

que et glacé, semé de petites fleurs tracées et bien dessinées.

Ces rubans font de jolis tours de cou que l'on noue comme une cravate, après avoir fait deux fois le tour du cou.

Un peu moins simple, ce ruban après avoir fait également deux fois le tour du cou, forme un nœud carré attaché par une broche et passé sous la ceinture, d'où il ne sort que de la longueur d'une main.

М О Д Ы.

Красивый фасонъ для редингота съ отворотами, вырѣзанными зубцами, которые опкидываются съ каждой стороны мапильдою; каждый зубецъ прихваченъ къ юбкѣ плетеною оливкою.

Фуларовыя платья обыкновенно дѣлають по кроемъ проспыхъ платьевъ. Лицъ высокою, драпированный или заспегнутый, юбка гладкая и рукава широкіе.

У чѣрныхъ фуларовыхъ платьевъ край пелеринки обшивають чѣрною блондою; пелеринки разкрываются чешверугольно; можно сдѣлать первую пелеринку мыскомъ подъ поясъ, гладкую, заспегнутую; вторую, круглую, открышую.

Галспуки пафьяныя, гроденапьевыя или изъ drap de soie, одни, которые можно еще носить, а они замѣняются разными, столь разнообразными вновь выходящими лентами. Мы говорили о этихъ великопныхъ лентахъ съ волнистыми цвѣтами; онѣ употребляются для шарфовъ, но возлѣ мы видимъ у г-жъ *Latour*, самыя прелестныя новости, простыя и щеголеватыя. Лента *dragnet*, пафьяна façonné, съ узенькой чѣрною каёмкой. Газъ *florentine*, не прозрачная двуличневая шкаль, усилнная маленькими начерченными и хорошо нарисованными цвѣточками.

Эти ленты весьма красивы для шеи; ихъ завязываютъ какъ галспукъ, обернувъ въ два раза около шеи.

Немного наряднѣе, ленту обернувъ также въ два раза около шеи, дѣлають чешверугольный бантъ, схваченный булавкою, и пропускають подъ поясъ, изъ подъ котораго она выпущена не болѣе какъ на ладонь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 43.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 30 дня 1854 года.

Чудень, пышень,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всеми зданьями возвышень,
Огнемъ воспоба Кремль алтъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотиыя;
Межь ними царспвенно горѣлъ
Иванъ Великой.

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(1830).

Введеніе.

Анна Яковлевна, перезрѣлая дѣва, дочь бо-
гатаго помѣщика, надворнаго совѣтника
Василья Николаевича Заборина, будучи съ
родишелями на вечеринкѣ у дворянскаго пред-
водителя *Горнастаева*, познакомилась съ
прѣхавшимъ изъ Пепербурга въ опѣускѣ
адьютантомъ генерала ***, гвардейскимъ
поручикомъ *Доброславовымъ*. Она просила
его на другой день пожаловать къ нимъ
откушать. Офицеръ сдержалъ слово: онъ
прѣхалъ къ *Заборинымъ* въ 2½ часа; но объ-
ѣдѣ еще и не думали, хотя его предупре-
ждала *Анна Яковлевна*, что они объдають
въ 3 часа. Размѣнявшись нѣсколькими при-

вѣсптвіями съ хозяйномъ, сидѣвшимъ за вис-
помъ, и съ хозяйкою, углубленною въ бос-
понъ, онъ попалъ въ руки къ ихъ незаспѣн-
чивой дочкѣ. Она, подъ предлогомъ показать
ему свой живописный альбомъ, увела его
къ себѣ въ кабинетъ и, усадя пакъ, чпобъ
ему ускользнуть отъ неѣ нельзя было, на-
чала перевѣршывать листы великолѣпнаго
альбома, обогащеннаго рисунками графа *О.*
И. Толстова, *Венеціанова*, *Кипренскаго*, *Ор-*
ловскаго, *Брюлова*, карриатурами *Н. Н.*
Сандунова, капитана *Берга*, *Киселѣва* и дру-
гими. Къ нимъ подѣсла Miss Limingthou, Ан-
гличанка, живущая 10 лѣтъ у нихъ въ до-
мѣ, да бѣдная дворяночка, взятая изъ состра-
данія. Разбирая альбомъ, *Англь Яковлевнѣ*,
какъ дѣвушкѣ большаго Свѣта, развязной,
бойкой, знающей приличіе, надлежало не
объ однихъ картинкахъ бесѣдовать съ мо-
лодымъ гвардейскимъ офицеромъ.

Она. Вы въ первый разъ въ Москвѣ?

Онъ. Я родился въ Москвѣ, но по шестому году увезенъ въ Петербургъ, гдѣ воспитанъ въ Пажескомъ корпусѣ, потомъ выпущенъ въ полкъ и сдѣлалъ Турецкій походъ. Я воспользовался мирнымъ временемъ — и пріѣхалъ на поклоненіе свѣтымъ Московскимъ Чудотворцамъ. Мнѣ хотѣлось пакже лично познакомиться съ своими родными, понабраться Русскаго духу, посмотреть на священный Кремль, Паладіумъ Россіи, на загородное собраніе Россійскаго дворянства.

Она. Въ какомъ полку вы служите?

Онъ. Въ Конной гвардіи. Мой дѣдъ, мой отецъ, мои дяди въ ней служили.

Она. говорите ли вы по Англійски?

Онъ. Нѣтъ.

Она. Жаль. Несравненное наслажденіе читать въ оригиналѣ *Шекспира, Мура, Байрона.*

Онъ. Я всегда предпочиталъ полезное пріятному и, зная, что въ чепырехъ Остѣ-Зейскихъ губерніяхъ говорятъ по Нѣмецки, я предпочелъ Англійскому основательное знаніе языка *Гёте* и *Шиллера*. Вамъ, дѣвушкамъ, другой удѣлъ. Вамъ рвать цвѣты, вышивать золотомъ, порхать, какъ бабочкамъ, распѣвать какъ птичкамъ, читать стихотворенія и романы. Вы сами поэзія Создателя; ваша жизнь романъ. Мы мужчины совсѣмъ другое дѣло. Мы обязаны служить — и служить намъ, гдѣ прикажетъ начальство; а ему, можетъ быть, угодно будетъ завтра же послать меня въ Ригу или Ревель. Стыдно было бы сидѣть въ обществѣхъ пригоженькихъ Лифляндочекъ, какъ нѣмому, и еще стыднѣе не понимать дѣловыхъ бумажекъ.

Она. У васъ есть родители?

Онъ. Я имѣлъ несчастіе потерять ихъ еще въ младенчествѣ.

Она. И пакъ, вы самовласный господинъ своего имѣнія.

Онъ. Котораго очень немного.

Она. Вы скромничаете. Чтобы служить въ Конной гвардіи, надобно имѣть большое состояніе... Вы не женаты?

Онъ. Нѣтъ-съ, не имѣю этаго счастья.

Она. Хорошо. Сколько же получаете вы дохода?

Онъ. Не могу сказать вамъ копѣйка въ копѣйку.

Она. Мудрено. Кажется, что съ моей стороны, вопросы, которые вамъ предлагаю, очень ясны; слѣдственно, я имѣю право ожидать отвѣтвъ удовольствительныхъ, почтенныхъ.

Онъ. Деревни мои приносятъ мнѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ.

Она. Какая малость. Чтобы жить въ Петербургѣ, какъ живутъ всѣ порядочные семейные люди и служивыя, надобно имѣть прилично тысячъ рублей. Нѣтъ ли у васъ стараго холостяго дяди, или дряхлой пѣтушки, послѣ которыхъ вы наследникъ?

Онъ. Нѣтъ, да хотя бы и были, то я молилъ бы Господа о продолженіи ихъ жизни. Я не основываю преступныхъ надеждъ своихъ на кончинъ родственниковъ. Желанія мои, сударыня, весьма ограничены; я доволенъ своимъ состояніемъ.

Она. Однакожь пріятно получить наследство, особенно, имѣя только 10,000 рублей на годовую прожитокъ.

Онъ. Мы съ вами совершенно различнаго образа мыслей.

Она. Жаль этаго; вы неопытны; со временемъ увѣришься, что вы ошибались. — Еще больше жаль, что чинъ вашъ такъ малъ. Не прежде, какъ черезъ пять, шесть лѣтъ вы будете полковникомъ: тогда нужно будетъ еще прослужить пять лѣтъ, чтобы перейти въ гражданскую службу съ генеральскимъ чиномъ, получить выгодное и видное мѣсто. И пакъ, при самомъ щастливомъ ходѣ вашей службы, вы черезъ 12 лѣтъ только можете получить аренду. Кстапи, можетъ быть ваши деревни на оброкъ: нельзя ли пересадить ихъ на пашню? Онъ дадутъ въ полтора раза, а при урожаѣ и вдвое больше дохода.

Онъ. Благодарю васъ за безпокойство, которое вы берете на себя для улучшенія моего состоянія.

Она. Не имѣю чести коротко знать васъ, но бьюсь объ закладъ, что у васъ голова вкружена филантропическими идеями...

Онъ. Не краснѣя признаюсь въ этомъ; я филантропъ; однакожь не на манеръ Парижскихъ розозѣвъ.

Она. Напропивъ, въ самой высокой степени.

Онъ. Если вамъ такъ угодно.

Она. Почему вы не женаты?

Онъ. Думаю, потому, что не хотѣлъ, или не имѣлъ возможности. Нельзя заказать себѣ невѣсту, какъ паштетъ или мороженое.

Она. Сколько вамъ лѣтъ?

Онъ. Двадцать семь.

Она. Вы уже не ребенокъ; при года до тридцати... Пора бы объ этомъ подумать.

Онъ. О, я еще слишкомъ молодъ. Весьма позволительно ждать до тридцати чепырежь.

Она. Это очень дурно.

Онъ. Дурно!... Почему же?

Она. Потому, что тотъ, кто въ позднихъ лѣтахъ вступаетъ въ супружество, не будетъ имѣть времени дань воспитаніе дѣтямъ, видѣть ихъ взрослыми, руководить ихъ на шагъ до дорогъ жизни.

Онъ. Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ.

Она. Вы Христіанинъ? Прекрасно!

Онъ. И самый набожный, имѣю честь донести вамъ.

Она. И сверхъ того философъ, мыслитель; филантропы всѣ философы. Почему же, будучи филантропомъ, вы не женаты?

Онъ. Непоспигаю, какое сношеніе...

Она. Вы близоруки?

Онъ. Потому-то и ношу очки.

Она. Дѣло не о томъ.

Онъ. О чемъ же?

Она. О женитьбѣ.

Онъ. Ваша правда, извините; совсѣмъ изъ головы вонъ.

Она. Видно память у васъ также коропка, какъ зрѣніе.

Онъ. По несчастію.

Она. Въ самомъ дѣлѣ, большое несчастіе быть безпамятну.

Онъ. Это приводитъ меня въ отчаяніе.

Она. Возвратимся къ предмету нашего разговора; скажите откровенно ваше мнѣніе: кто, по вашему, щастливѣе: мужчины или женщины?

Онъ. Не смѣю произнести рѣшительнаго приговора.

Она. Что же вы смѣете, что знаете?

Онъ. Грамматику, логику, исторію, географію, статистику, ариметику, геометрію, алгебру и еще кое-что; но въ этомъ настоящій невѣжда, почный *Тарасъ Скотининъ*.

Она. Не знаете ли вы, когда женщины щастливѣе, за мужемъ, или въ дѣвицахъ?

Онъ. Это зависить...

Она. Отъ чего?

Онъ. Отъ множества постороннихъ обстоятельствъ.

Она. Не увѣривайтесь, скажите прямо: не ужасное ли несчастіе засидѣться въ дѣвкахъ?

Онъ. Думаю, что ужасное, несносное.

Она. Въ такомъ случаѣ вы поступаете весьма дурно, грѣшите противъ правилъ филантропіи, не женись до 27 лѣтъ. Если мужчины перестанутъ вступать въ бракъ: то дѣвицы по неволѣ должны вести жизнь одинокую, безбрачную. Вы поступаете, какъ холодный эгоистъ, если не спѣшите извлечь изъ несчастія хотя одно слабое, жалкое существо, которому, какъ винограднои лозѣ, необходимо обвиться около крѣпкаго дуба, чтобы цвѣсти, веселиться и радовать другихъ.

Онъ. (По какому-то внутреннему чувству быстро перепрыгиваетъ съ дивана на отдаленный стулъ). Совѣсть моя меня не упрекаетъ. Развѣ я ненавистникъ прекраснаго пола? Развѣ я зарекаюсь жениться? Но какъ

честный человекъ, не въ состояннн жениться по ращету, я жду, когда ударитъ мой часъ, когда Провидннн укажетъ мнѣ мою суженую. Тогда я не посмотрю на то, бѣдна ли она или богата, писаная ли красавица или только прнятна милыми чертами лица, благороднымъ выраженнемъ чистыхъ, высокихъ чувствованнн.

Она. Можете ли вы влюбиться въ дѣвушку, дурную собою?

Онъ. Надобно, чтобы недостатковъ красоты выкупался у неѣ прелестями душевными, любезностью. Къ сожалѣнню, это не всегда случается.

Она. И такъ, по вашимъ филантропическимъ правиламъ, дѣвица, не пригожая лицомъ, не очаровывающая прелестью обращеннн и оспроумнмъ, осуждена вѣкъ сидѣть въ дѣвицахъ?

Онъ. Я этого не говорю.

Она. А я утверждаю, что говорили—и могла бы доказать; но оставляю это, какъ ненужное. Всѣ женщины любезны, привлекабельны, въ тысячу, въ миллионъ разъ любезнѣе, привлекательнѣе мужчинъ.

Онъ. Я совершенно съ вами согласенъ.

Она. Любите ли вы чтенне? (*).

Онъ. Чрезвычайно.

Она. Вѣрно читатели Notre Dame de Paris, Виктора Гюго?

Онъ. По несчастью... А вы?

Она. Не стыдно ли вамъ объ этомъ меня спрашивать? Какая образованная дѣвица не читала этого превосходнаго твореннн новой Французской словесности?

Онъ. (Съ видомъ величайшаго изумленнн). Не стыдно ли!!!...

Она. Какимъ пламеннымъ перомъ описалъ авторъ прекрасную кончину *Квасимодо*.

Онъ. Прекрасную!!!...

(*). *Доброславовъ* чествомъ уверялъ меня, что передалъ мнѣ разговоръ свой слово въ слово.

Она. Я цѣлую ночь не спала и даже занемогла отъ *Бальзаковой* *Reau de Chagrin*. Какою роскошною кистью изображены оргнн *Валентина*; я выплакала все сердце, читая то мѣсто, гдѣ авторъ описываетъ съ какою горестью этогъ развратный, прѣмопавшнн, но чувствительный молодой человекъ подписывалъ купчую на ту землю, въ которой похоронена мать его.

Онъ. О чемъ же вы плакали?

Она. Объ этомъ интересномъ молодомъ человекѣ.

Онъ. (Пожимаетъ плечами). Удивляюсь вамъ.

Она. Но ни *Жюль-Жаненъ*, ни *Евгеннн Сю*, ни *Викторъ Гюго*, ни самъ божественный *Бальзакъ* не восхищаютъ меня до такой степени, какъ *Библиофилъ Жакобъ* въ своемъ ужасномъ романѣ *La danse Macabre*.

Онъ. Я не читалъ этой превозносимой вами книги.

Она. Этогъ *Жакобъ* разрываетъ щипцами сердце на части, и, по нѣжному выраженню одного нашего писателя, бьетъ имъ по щекамъ своихъ читателей. У меня всякая нерва дрожала сладостнымъ прѣлестомъ, когда я читала то мѣсто, гдѣ описывается великодушный поступокъ благородной *Юганнн дѣ ла Водрнѣръ*. Эта благодѣтельная дама, проходя по лобному мѣсту, увидѣла Жиду, котораго палачъ собирался варить въ масле, жалилась надъ его молодостью и опчаяннмъ—и, согласясь вышши за него за мужъ, спасла его отъ мучительной казни.

Онъ. Это дѣлаетъ величайшую честь вашему сердцу.

Она. Старинные Французы далеко отспали отъ нынѣшнихъ. Одинъ *Вольтеръ* въ маленькихъ своихъ романахъ нѣсколько подходитъ къ вдохновеннымъ писателямъ, явившимся на поприщѣ словесности послѣ Юльской революцнн. Я люблю *Вольтеровы* сочиненнн, читала и перечитывала ихъ нѣсколько разъ.

Онъ. Поздравляю васъ, сударыня, я не могу этимъ похвалиться.

Она. Мой любимый романъ—*Кандидъ*. Это великое, глубокомысленное твореніе.

Онъ. Печальное, показывающее дурную сторону челоѣчества.

Она. Оспроумное, заспавляющее хохотать...

Онъ. Мы съ вами ни въ чемъ не согласны... Но всѣ пошли уже въ гостиную. Не позволите ли предложить вамъ руку?

Она. Благодарю. Я пойду съ Miss Linghamton.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТРАННИКЪ.

Крѣпость, служившая нѣкогда убѣжищемъ воинственнымъ Мавраамъ, содѣлалась нынѣ мирною обителью иноковъ. Въ ней живутъ люди, порожественно соединенные узами благочестиваго братства. Одинъ изъ нихъ, спарецъ строгихъ правилъ, оспавляетъ пріюмъ свой, и опсправляется въ далекій путь, для поклоненія святымъ мѣстамъ. Сходя со скалы, служащей основаніемъ монастырю, онъ разсматриваетъ у ногъ своихъ обширныя спраны благородной Испаніи, спраны, покорныя наслѣднику *Карла V*. Что-то величественное, царское блеснуло во взорахъ его.

Послѣ дневнаго пути, онъ съѣлъ на камень отдохнувшъ въ извилинѣ мрачнаго лѣса. Чело его было понижнуто, какъ будто обременено многими думами; вдругъ тихій, очаровательный звукъ голоса, раздавшійся въ пещинѣ сего уединеннаго мѣста, вывелъ его изъ размысленія, сказавъ ему: «Куда ты идешь, добрый спарикъ?»—«Ко святымъ мѣстамъ.»—«Въ твои лѣта, и не имѣя опоры, кромѣ пюсоха въ рукѣ?»—«Когда я былъ молодъ и здоровъ, то эта рука владѣла шпагой; теперь, въ преклонныя лѣта, воинъ сокрытъ подъ одѣяніемъ странника; оно защититъ его.»—«Какъ мнѣ нравится твое мужество. Пойдемъ въ наше жилище; ты оспавишь его своимъ присутствіемъ. Немногіе проходятъ здѣсь, и гостепрійство для насъ есть добродѣтель почти безплодная; мапушка моя

часто эпимъ огорчается. Скоро будетъ темно, и ты можешь сбиться съ дороги въ эпимъ большомъ лѣсу.»—«Благодарю, милая и добрая дѣвушка. Я охотно пойду за тобою; мы соединимъ, хотя на короткое время, двѣ крайности жизни. Ты начинаешь жить, а я кончаю. Положи свою пѣжную руку въ мою увядшую: спарость любитъ дѣтство, напоминающее ему пройденный ею путь, а дѣтство любитъ спарость, которая указываетъ ему путь предстоящій.»

Прошедъ длинныя галлерей, они вошли въ залу, гдѣ все семейство полукругомъ сидѣло у огня. «Какъ мы будемъ щасливвы нынѣшній вечеръ,» сказала молоденькая *Маркитта*; при ея сестры тотчасъ подошли къ спарикку и начали ласкать его, какъ возвратившагося друга. Одна изъ сестеръ приносила ему скамбечку; другая беретъ его носохъ, поправляетъ уголья въ каминѣ, чпобы оживитъ попухающее пламя; третья оспираетъ чистымъ полощемъ запылившіяся поги странника, который ищепно сему пропи-
вился.

Мать, которую по наружности и лѣтамъ можно почестъ спаршею ихъ сестрою, смотритъ на забопливныя попеченія своихъ дѣтей, подобно какъ въ другое время присутствуетъ при ихъ играхъ. Она не приказываетъ ничего, ни словами, ни пѣлодвиженіями; все около неѣ дѣлается по общему желанію. Дѣлать добро—есть привычка для сего семейства, средство наслаждаться жизнью каждый день, каждую минуту. Спарикъ со слезами взглянулъ на Распятие, висѣвшее на вѣшкѣ стѣнѣ залы, и прогательнымъ голосомъ сказалъ: «Боже! здѣсь мѣсто Твоего селенія! Сколько добрыхъ дѣлъ есть епиміамъ dospoйившіи Тебя!»

Приносятъ спараго вина и свѣжихъ плодовъ. Преспарѣлый гость съ важною и вмѣстѣ прогательною наружностію долженъ былъ угощать оными. Онъ уподоблялся папріарху, сѣдящему съ дочерью начальника поколѣнія, и который прекрасно описанъ въ Библии. Присутствіе чужестранца, при семейномъ обѣдѣ, почиталось тогда видимымъ благословеніемъ самаго Неба.

«Матушка, сказала *Маркитта*, добрый спарикъ идетъ въ Палестину. — Въ такія лѣта ты предпринимаешь путь столь далекий!» — Что нужды, лишь бы дойти; я не надѣюсь и не желаю возвратиться. — «Спало бышь ты хочешь умереть далеко отъ своего отечества?» — Тѣмъ лучше будетъ скрытъ мой прахъ. Пусть моя могила будетъ столь же тайною, какъ и оспапокъ моей жизни. Могила! я давно уже въ ней. Я всего уже лишился, даже имени, и живу, кажется, для того только, чтобы влачить бремя ужасной клятвы, именемъ которой прошу васъ не спрашивать меня болѣе ни о чемъ. —

Въ то время, какъ все сіе происходило въ замкѣ, въ онаго, у часовни, было другое, ужасное происшествіе. Два челоѣка, если они заслуживаютъ сіе названіе, съ недавняго времени служащіе сему семейству, приготавливались совершить ночью убійство. Зарѣзавъ мать и дѣтей, завладѣвъ ихъ золотомъ и драгоценностями, богатствомъ наследственнымъ, тщателью сохраненнымъ для доказательства опличія предковъ; таково было злодѣяніе и плоды онаго, предполагаемые убійцами. Они замыслили это, со времени своего вступленія въ должность, и оно созрѣло въ умѣ ихъ. Хозяйка дома лишилась мужа въ сраженіи; дѣти не имѣли отца, и добыча казалась имъ легкою. Сверхъ того, кстапи случившійся путь спранникъ могъ опклонить отъ нихъ подозрѣніе. По ихъ гнусному рацѣту, миролюбивый челоѣкъ долженъ былъ опвѣстивать за поспупокъ убійцъ. Однако одинъ изъ сообщниковъ не рѣшается и приходитъ въ смущеніе отъ одной мысли, что онъ долженъ пролить кровь. Но опытный въ семъ дѣлѣ его сообщникъ ободрилъ его. Обязавшись преступною клятвою, и напочивъ кинжалы свои о камень, оплавшій отъ алтаря, гдѣ присутствуетъ самъ Богъ, они разошлись, едва имѣя время пройти черезъ подъемный мостъ, который съ стономъ опустился за ними.

Въ замкѣ царствовало молчаніе; всѣ были погружены въ глубокой сонъ; одинъ пришедець не спалъ. Онъ долго молился, и по-

помъ размышленіе смѣнило молитву. Уста его замолкли уже, но духъ его возносился еще къ Богу. Вдругъ слышался ему глухой шумъ въ галлерей, близъ его комнаты, что возбудило его вниманіе; не отъ страха билось въ груди его геройское сердце, его душевное безпокойство было въспшикомъ Неба. Онъ слушаетъ: раздаются шаги; вспаетъ и слышитъ: «Будь пвердъ,» произнесъ гробовой и злобой голосъ: «преступленіе ужасно издали, а не вблизи.» Въ ту же минуту похищенный ключъ застучалъ въ замкѣ комнаты, гдѣ все семейство покоилось подъ защитною невинности. Спранникъ испускаетъ крикъ, бросается изъ своей комнаты, и видитъ убійцъ, устремившихъ смертоносное желѣзо въ грудь матери, спавшей подлѣ дѣтей своихъ. Обезоруживъ одного, повергнувъ его къ ногамъ своимъ; бипсья съ другимъ, который пропившся и защищается; кричатъ, чтобы всѣ сбѣжались, — все сіе для спарца было минувнымъ дѣломъ. Испуганная *Маркитта* схватила веревку колокольчика, коего звонъ далеко распространилъ ужасъ, происходившій въ замкѣ. Толпа народа бѣжитъ, и поспѣваетъ еще въ пору. Спранникъ только былъ раненъ кинжаломъ въ грудь, и силы отъ испеченія крови оставляли его. Одинъ изъ злодѣевъ, крѣпко связанный, оскорблялъ еще жертвы, избѣжавшій его замысла. «Добродѣтельные люди,» говорилъ онъ: «вы все свое время проводите въ благихъ подвигахъ, но за свое избавленіе обязаны одному случаю. Ничто не могло воспрепятствовать волкамъ войти въ овчарню.» — Презрѣнный безумецъ! возразилъ спранникъ слабымъ голосомъ: нашъ Богъ все-знаетъ и всѣмъ управляетъ; Онъ же ввелъ пуда и вѣрную собаку, найденную на дорогѣ, для спасенія овчарни и погубленія злыхъ волковъ. А вы, прибавилъ онъ, силясь открыть почти угасшій взоръ свой: а вы, добралъ мать и прелестныя дѣти, не безпокойтесь объ участи воина. Спаси семейство есть тоже, что умереть за отечество! Ахъ! какія услуги могъ бы я оказать этому милому отечеству! —

Въ надеждѣ остановить пекущую изъ раны кровь, хотѣли его раздѣть; но онъ уже

умеръ. Кровь изсыкла, запеклась и онъ закрылъ глаза. У него на шеѣ пашли медальоны на золотой цѣпи: это былъ портретъ *Карла Пятго*; на другой сторони—его имя. Умершій для міра, для самой исторіи, жилъ еще для Бога... Да будетъ сокровенна тайна царей!

С. З. . . .

О ЧИСЛѢ СЕМЬ.

Число *семь* составляетъ множество категорій въ исторіи, наукахъ и морали. Это число самое кабалистическое, если только существуютъ такія числа. Оно уважается и на небесахъ, также какъ на землѣ: *Сатурнъ* имѣетъ *семь* спутниковъ, которые защищаютъ его отъ припязаній солнца и другихъ свѣтилъ.

Семь Греческихъ городовъ спорятъ о рожденіи *Гомера*, и каждый честъ сію себѣ приписываетъ.

Та же Греція наградила насъ *семью* мудрецами, по одному на каждый смертный грѣхъ. *Семь* мудрецовъ Греческихъ умерли, не оставя по себѣ потомства; *семь* смертныхъ грѣховъ процвѣтаютъ съ начала міра и будутъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому до самаго Спрашнаго суда.

Завоеванія и власть *Александра* Македонскаго были раздѣлены между *семью* его наместниками. Южная Испанія долго была опустошаема шайкою разбойниковъ, называвшихся *семью* братьями Эцихскими. Индѣйскія вѣдьмы летаютъ на шабашъ верхомъ на бамбуковыхъ палкахъ съ *семью* сука́ми.

Знаменитѣйшіе врачи, отличнѣйшіе физиологи и умнѣйшіе моралисты признали и рѣшили, что самый жадный человекъ не можетъ надаться болѣе *семи* разъ въ сутки, и что человекъ, самый влюбчивый, не можетъ въ одно время любить болѣе *семи* любовницъ.

Естественныя опытели доказали, что человекъ, каждые *семь* лѣтъ измѣняется въ своихъ склонностяхъ, свойствахъ и наруж-

ности. Такимъ образомъ поэтъ, кто прожилъ сорокъ девять лѣтъ, измѣнился *семь* разъ.

Отъ преломленія лучей свѣта образуются *семь* главныхъ цвѣтовъ; *семь* нотъ составляютъ музыкальную гамму. Осмой цвѣтъ есть уже ни что иное, какъ опіумъ; осмая нота ни что иное, какъ опіумъ. Это одно изъ самыхъ кабалистическихъ таинствъ природы.

Въ исторіи мы имѣемъ *септимильтию* войну. Календарь раздѣляетъ недѣлю на *семь* дней. Великій постъ продолжается *семь* недѣль.

Мы могли-бы сослѣдовать еще, по крайней мѣрѣ, *семь* параграфовъ о числѣ *семь*, но намъ предстоятъ другія числа, о которыхъ также будемъ говорить въ нашемъ журналѣ.

НЕУМѢСТНАЯ ЗАСТѢНЧИВОСТЬ.

Есть люди, которые, боясь сдѣлать пустой вопросъ, ни о чемъ не рѣшаются спрашивать и, такимъ образомъ, нечувствительно для себя самихъ предпочитаютъ лучше оставаться невѣждами, нежели показаться глупыми. Это наказаніе терпятъ они за ложный стыдъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЦВѢТОКЪ.

(Подражаніе Р. Борну.)

Цвѣточикъ прекрасный росъ въ полѣ,
Вдругъ скошенъ — и нѣтъ его болѣ.

Какъ жаль мнѣ себя, о любезный цвѣтокъ.
И мой часъ, быть можетъ, какъ твой не далѣкъ!

М. Демидовъ.

ЭЛЕГІЯ.

Уже холодный вихрь всѣ листья разметалъ,
Что осень бурная съ молодыхъ деревьевъ сорвала,
И изъ всѣхъ листовъ онъ листъ одинъ умчалъ
Туда, куда судьба бѣдняжку мчала.

Далеко брошенный отъ близкихъ тѣхъ листовъ,
Съ копорыми онъ росъ румяною весною,
Лежишь, безжизненный, близъ чуждыхъ береговъ,
И моется холодною волною!

Ахъ! щещень плескъ воды для бѣднаго листа!
Такъ, такъ! Ужъ онъ завялъ и пожелтѣлъ на-
вѣки!

Не освѣжишь его волны шой чистота,
Не освѣжаешь его озера, рѣки!...

Пройдушь еще день, два—и бѣдный листъ про-
палъ!

Онъ цвѣлъ—не долго цвѣлъ—и въ прахъ пре-
образился!...

Ахъ! для чего его вихрь бурный отомчалъ?...
Ахъ! для чего сей бѣдный листъ свалился?...

Вопь такъ и я... увь!... въ разсвѣтъ юныхъ лѣтъ,
Отъ родины, друзей, далеко унесенный,
Живу, безжизненный, всей плягосью суешь
Безвременно и пляжко утомленный!

Ни ласки, ни любовь меня не оживяшь:
Я пожелтѣлъ, какъ листъ... Все для меня
чужое!...

Воспоминанія?... Ахъ! Можно ли пазадъ
То возврашшь, что мы зовемъ: *бѣлое*?...

Пройдушь еще годъ, два—и я, какъ онъ, пропалъ!
И ожилъ крапкій вѣкъ, и въ прахъ преобра-
тился!...

Ахъ! для чего спрану родную покидалъ?...
Ахъ! для чего съ друзьями я проспился?...

Н. Ставеловъ.

LOGOGRIPHE.

Cher lecteur, sur cinq pieds,

Je vauх six pieds.

Réduite à quatre pieds

Je cours à travers champs, n'ayant ailes ni pieds.

J'offre un animal sur trois pieds

De deux pattes pourvu. N'ayant plus que deux pieds,
Je serai, cher lecteur, dans ton corps et tes pieds.

Въ Но 42-мъ помѣщенная шарада значить: *Оврагъ.*

БИБЛЮГРАФІЯ.

Въ Апрельѣ текущаго 1834 года вышли въ свѣтъ въ С. Петербургѣ слѣдующія книги:

1) Умозрительныя и опычныя основанія словесности, А. Глаголева, въ чепырехъ час-
пяхъ. 2) Разборъ Физики Г. Велланскаго,
опытной, наблюдательной и умозрительной
и другихъ новѣйшихъ авторовъ, учиненный
1834 года. 3) Новоселье Смирдина, часть
вторая. 4) Чтеніе для умственнаго разви-
пія малолѣтнихъ дѣтей и обогащенія ихъ
познаніями, второе изданіе. 5) Часы благо-
говѣнія, для споспѣшествованія истинному
Христіанству и домашнему Богопочтенію,
часть вторая, перев. съ Нѣмецкаго. 6) Фи-
лософическія разсужденія о медицинѣ и вра-
чахъ, соч. Ш. П. Л. Гардера, вольный пе-
реводъ съ Французскаго, Доктора Медици-
ны фронъ Ланга. 7) Новая Русская Христо-
матія, содержащая въ себѣ образцовыя мѣ-
ста изъ лучшихъ опечесственныхъ писате-
лей, изд. В. Эртелемъ. 8) Басни Крылова,
часть 1 и 2, съ карпинами; великолѣпное
изданіе А. Ф. Смирдина. 9) Гимнастика для
юношества, съ 32 карпинами, переводъ съ
Французскаго. 10) Beschreibung der S.-Peter-
sburgischen Anstalt zur Bereitung künstlicher Mi-
neralwässer, von D. M. M. Meier. 11) Записки
г-жи Дюкре о Императрицѣ Іозефинѣ и ея
современникахъ, переводъ съ Французскаго,
часть вторая. 12) Сестра Анна, соч. Поль-
дѣ-Кока, перев. съ Французскаго, часть
претья и чепвертая. 13) Panorama von S.-Pe-
tersburg, aus dem Russischen übersetzt, von
August v. Oldesop. 14) Альманахъ Анекто-
повъ на 1834 годъ; и 15) Сравнительныя
паблицы всѣхъ извѣстныхъ монетъ, вѣсовъ
и мѣръ, состав. Магистромъ Правъ и Фи-
лософіи О. Массальскимъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 44.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 2 дня, 1854 года.

Всѣ состоянія мнѣ кажутся равны,
И равны степени блаженства всѣмъ даны.
Мужикъ поработавъ, коль есть адшынъ въ карманѣ,
То выпейши винца, ѣспъ съ мягкимъ хлѣбомъ щи;
И больше онъ блаженъ, валясь на печи,
Чѣмъ Крезъ, зѣвajícíй на бархатномъ диванѣ.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЙ-ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ СТОЛИЦѢ.

(Отрывокъ четвертый.)

Не смотря на пріобрѣтенное знакомство во многихъ лучшихъ домахъ столицы, на прохождение вечеровъ въ обществахъ хорошаго тона, за вистомъ и мушкою, на участіе въ такъ называемыхъ дѣпскихъ балахъ, на которыхъ танцуютъ взрослые подъ звукъ фортепіано, *Владимиръ* скучалъ и былъ недоволенъ своимъ образомъ жизни. Сперва занимала его привлекательность новоспн; но когда она исчезла, когда вездѣ онъ спалъ находить одно и то же, молодая душа его, имѣвшая пужду въ ощущеніяхъ живыхъ, способныхъ давать пищу ея дѣятельности, окованная однообразіемъ, пришла въ состояніе; подобное тому, какое испытываетъ наше тѣло, лишенное нужнаго для него движенія. Посѣщенія свои дѣлалъ онъ какъ бы по долгу; вездѣ встрѣчаемая имъ холодность, ненарушное спокойствіе, равнодушіе ко

всему окружающему, даже и къ видимому пороку, препровожденіе времени, подчиненное однообразному заведенному порядку, ни мало не доставляли ему удовольствія въ домахъ, имъ посѣщаемыхъ. Совершенное отсутствіе всякихъ чувствованій, по крайней мѣрѣ по наружности, отчужденіе отъ природы и себѣ подобныхъ, холодная рѣшительность ума, поработившая всѣ движенія души, какое-то мертвенное пребываніе сердца въ самомъ себѣ, чуждое любви и искренности, удовольствій и веселости—вопъ что нашель въ большемъ свѣтѣ бѣдный пріемъ столицы, одаренный душою пылкою, проникнутою безкорыстною любовію къ природѣ и человѣчеству, и спрѣстною ко всему благородному. Объявшій еѣ нравственный холодъ свѣта внезапно поразилъ ея юныя силы. Еѣ постигла нравственная болѣзнь. Такъ нѣжное растеніе южнаго климата, пересаженное на почву сѣверную, болѣетъ и увядаетъ. *Владимиръ* потерялъ изъ виду цѣль жизни и свое назначеніе; его оставили желанія и надежды. Живая поэзія

молодость превратилась для него в сухую влачающуюся прозу; жизнь сошла в глазах его роскошных покровов, её украшавших, и представилась ему в вид непривлекательном; связи его с природою, по видимому, разрушились; скука, однообразие, безчувственность овладели им; он боялся сделаться холодным и жестким, как камень протуаров и гранит набережных, по которым ходил, и не знал как себя вывести из такого неприятного положения.

В одном доме встретил он того молодого человека, который однажды привлек его внимание в кондитерской *Вольфа*. Еще тогда почувствовал он к нему род уважения, внутреннего его видом, и захотел с ним сблизиться. Первый шаг, сделанный им для этого, был удачен и принят учтиво и внимательно. Наблюдая своего нового знакомого, *Владимир* заметил, что хотя в хорошем обществе он был не принужден, как член его, совершенно с ним знакомый, и даже пользовался некоторым оплечием, не смотря на внимательный и привлекательный прием, он ни сколько не был привязан к своему кругу, и украдкою звал в нем, с видом скуки и неудовольствия. Находя в его характере совершенную противоположность с своим, *Владимир* видел однако-же, что одна причина производила на них одно действие. Разница была в том, что последний казался несколько смущенным и не смелым, осторожным как бы из опасения не оправдать чести, сделанной ему приемом; тем же, напротив, казалось самым более дорожил, нежели сколько он дорожил обществом. Скука, пустота в душе, какое-то человеконенавистное изображались в чертах его. Обращавшимся к нему отвечал он как бы с принуждением и с обуздываемою досадою; в глазах его, на них устремляемых, отсвечивалась всякая насмешка, или пренебрежение. Он говорил немного и неохотно. *Владимир* удивился, взглянув однажды на него в гостиной, когда хозяйка судила о ка-

ком-то предмете, по его мнению, очень неглубоко, и заметив улыбку сожаления на лице его, которую он даже не старался скрыть, разговаривая в это время с другими, и которая по временам превращалась в явный смех. *Владимир* не мог приписать сего недостатку воспитания в человеке, совершенно принадлежащем лучшему обществу, но удивлялся этой жесткости, этой жесткости нрава в молодом человеке; по видимому еще не прошедшем времени сделаться угрюмым мизантропом, и соединившем с ними приятные познания и светскую образованность. Почти насильно навязался он на ближайшее с ним знакомство, и достиг своего желанья бывая у него. Такое просодушное искачество, казалось, понравилось молодому человеку, который не отверг его, как бы в ожидании с своей стороны приятным сообществом неопытного, неспорченного юноши.

Орест (так назывался сполитный знаемец *Владимира*) выслушал курс в Дерптском Университете. Ему было около 28 лет. Имел хорошее состояние, и ни от кого не завися, он занимал в одном Министерстве место, которое, требуя образованности и дарований, не отнимало у него однако всего времени и позволяло ему жить для себя. Имя *Ореста* было на аренде. Хотя он не получал с него сколько, сколько мог получать, если бы управлял им сам, но для этой разницы он не хотел лишать себя свободы, чтобы не поработить души грубой вещественности и мелочным расчетам. Не будучи жадным, он имел очень довольно, чтобы не знать ни в чем нужды, и удовлетворять своим желаниям и даже прихотям. Служба не была главною действующею пружиною его жизни; он служил только для того, чтобы иметь постоянное занятие в столице. Вкусив плоды Европейского просвещения, сделался он неспособным жить в каком либо другом месте империи. Переселением во внутрь России он боялся сблизиться с Азией. Хотя он и насмешлив не был совершенно доволен,

но въ худомъ предпочипалъ лучшее. Въ столицѣ только могъ онъ удовлетворять важнѣйшимъ потребностямъ своего вѣка, и какъ гражданинъ образованнаго міра, сподобившись наравнѣ съ современнымъ просвѣщеніемъ. Богатство, независимость, природный умъ, украшенный познаніями, здоровое сложеніе, щастливая наружность, свѣтскость—могли сдѣлать его въ глазахъ многихъ предметомъ зависти; но *Владиміръ* замѣтилъ, что эти преимущества не доставляли ему щастія. *Орестъ* не былъ скрытенъ; но новый его знакомый не открылъ въ немъ никакой тайной скорби, никакой раны въ сердцѣ, никакого неудовольствія на собственную свою судьбу; но между тѣмъ ни разу искренняго, веселая улыбка не оживляла его успя; никогда непринужденный, простосердечный хохотъ не вырывался изъ груди его. Онъ не бывалъ печалецъ, не бывалъ задумчивъ и часто смѣялся; но эмпотъ смѣхъ былъ не таковъ, какого бы хотѣлось *Владиміру*. Никогда не обнаруживалъ онъ порывовъ того веселія, которое рождается въ нѣдрахъ довольства и щастія. Казалось, что онъ щипаетъ радость и веселость ниже себя, и удерживается предаваться имъ. Двусмысленною улыбкою впорилъ онъ шумному душевному смѣху другихъ, какъ бы о нихъ сожалѣя. — Хотя никакого сильнаго чувства не обнаруживалось на холодномъ и спокойномъ лицѣ его, но въ чертахъ его мелькала предъ взорами наблюдателя легкая тѣнь скуки, гдѣ бы онъ ни былъ, и вмѣсто скрытныхъ вздоховъ, которое *Владиміръ* ожидалъ подмѣнить, чтобы сдѣлать изъ него въ своемъ воображеніи героя какого нибудь романа, онъ часто замѣчалъ его скрывающимъ отъ другихъ легкую зѣвоту. Никогда не нарушалъ онъ своего равнодушія, но не рѣдко вырывались у него сатирическіе взгляды. Часто будучи въ обществѣ, не могъ онъ скрыть движеній нѣкоторой досады, ни удержавъ въ себѣ колкихъ для другихъ выраженій, которые обнаруживали не столько природную ѣдкость характера, сколько какую-то нравственную болѣзнь, которая препятствовала ему видѣть что нибудь привлекатель-

ное въ жизни. Съ другой стороны открылъ въ немъ *Владиміръ* сильный умъ, твердую и благородную душу и происходящую отъ нихъ возвышенность характера. Съ презрѣніемъ отвергалъ онъ все, его недостойное, и съ гордостію возвышался надъ предразсудками и надъ свѣтскими приличіями. *Владиміръ*, познакомившись съ нимъ, вошелъ въ его хлблостой кругъ, состоявшій изъ молодыхъ людей, просвѣщенныхъ и благородныхъ, по большей части *Орестовыхъ* товарищей по Университету. Между всѣми ими открылъ онъ связи ума, но изъ сердца, взаимное уваженіе, паружную короткость обхожденія, но не замѣтилъ той взаимной привязанности, того сердечнаго дружества, которое, по его мнѣнію, такъ свойственны молодымъ людямъ, соединеннымъ судьбою въ мѣстѣ своего воспитанія. За то не открылъ онъ въ нихъ ни скрытой непріязни другъ къ другу, ни зависти, ни мелочныхъ сплетней, насмѣшекъ и пересудовъ. Въ характерахъ ихъ онъ находилъ нѣчто общее; но отличительныя ихъ качества сильнѣе и явственнѣе выражались въ характерѣ *Ореста*. Когда они собирались вмѣстѣ, между ними не было тѣхъ шумныхъ веселостей и рѣзвости, какія привыкъ *Владиміръ* находить въ кругу молодыхъ людей. Къ ихъ обществу принадлежало нѣсколько военныхъ; но они совсѣмъ не походили на тѣхъ, съ которыми *Владиміръ* былъ знакомъ въ провинціи. То, что въ прежнемъ кругу ему казалось достоинствомъ въ молодомъ человѣкѣ, въ настоящемъ пренебрегалось; то, въ чемъ тамъ находили удовольствіе, отсюда изгонялось, какъ мелочное и недостойное. Тонъ этого общества, его идеи, наклонности и предметы разговоровъ, и препровожденіе времени противорѣчили понятіямъ молодого юноши, и могли ему внушить уваженіе къ уму, къ учености, къ возвышенности понятій, сопоставлявшихъ его молодыхъ людей; но далеко неспособны были доставить ему удовольствіе или разсѣяніе, и изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на него гордою и холодною столицею.

СИЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ.

Какой-то влюбленный видя, что всё спараня его возбудить въ обожаемомъ предметѣ взаимную страсть остаются щепны, и не желая, чтобы возлюбленная его доспалась другому, рѣшился убить её. Онъ беретъ ружье, идетъ къ дѣвушкѣ и требуетъ у ней согласія на бракъ. Получивъ рѣшительный отказъ, онъ удаляется на нѣсколько шаговъ, прицѣливается, выстрѣлъ раздается, но по щастію, не ранитъ дѣвушки. Съ минутой пробывъ она въ безпамятствѣ отъ сего неожиданнаго приѣма, потомъ опомнилась; нѣжное участіе показало въ ея глазахъ; она подаетъ руку рѣшительному Селадону и говоритъ: «Теперь вижу, что ты меня любишь, и я согласна принадлежать тебѣ.» Вскорѣ они обвѣнчались и жили долго въ совершенномъ согласіи.

ЖАЛОСТЬ.

(Каламбуръ.)

Одинъ стихотворецъ, прочитавъ на литературномъ вечерѣ плаксивыя свои вирши, оборотился къ одному изъ присутствовавшихъ, и съ самодовольнымъ видомъ спросилъ: Не правда ли, что моя элегія прогательна?—«Правда,» отвѣчалъ поэтъ: «вы во всѣхъ насъ возбудили жалость.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОРОЖЕЯ.

Баронъ фонъ В., служившій въ Австрійскомъ войскѣ въ войну 1788 года пропивъ Турокъ, и за нѣсколько лѣтъ предъ симъ жившій еще въ Бродахъ, мѣстѣ своего рожденія, любилъ рассказывать свои военные приключенія. Одно изъ нихъ казалось мнѣ всегда особенно замѣчательнымъ. Вотъ оно, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я слышалъ его отъ барона.

Весною 1788 года, рассказывалъ онъ, я отправился изъ Миклосвера, въ Трансильванію, съ отрядомъ рекрутъ для нашего

полка, расположеннаго тогда близъ Орсовы. Въ одной изъ окрестныхъ деревень жила Цыганка, занимавшаяся ремесломъ маркишаншки. Новые солдаты мои, какъ люди довольно суевѣрные, спали просить ее предсказать имъ будущую ихъ участь. Я смѣлся надъ ихъ простотою, однако прощануль Цыганкѣ руку.

«20-е Августа,» сказала она съ значительнымъ видомъ, не прибавляя ни слова болѣе. Я желалъ отъ нея какого нибудь объясненія, но она повторила одни только эти слова, и когда я собрался оставить ее, снова сказала мнѣ съ прежнею выразительностію: «20-е Августа.» Легко себя представить, что число это глубоко врезалось у меня въ память.

Мы присоединились къ арміи и приняли участіе въ ея трудахъ и опасностяхъ. Известно, что во время эпохи войны, Турки вовсе не щадили непріятелей. Предводители ихъ выдавали по червонцу за каждую голову, принесенную въ лагерь, и посему Янычары и Спаги пользовались малѣйшимъ случаемъ получить опредѣленную награду: Варварскій обычай сей былъ особенно гибеленъ для нашихъ аванпостовъ. Не прошло почти ни одной ночи, чтобы Турки не сдѣлали на нихъ нападенія въ превосходномъ числѣ, и на разсвѣтѣ оказывалось обыкновенно, что лагерь былъ оберегаемъ одними обезглавленными трупами. Чтобы отвратить подобныя случаи, принцъ Кобургскій рѣшился посылать каждую ночь для прикрытія передовыхъ постовъ нашихъ кавалерійскіе пикеты. Пикеты сіи состояли изъ сна, а иногда изъ двухъ сотъ человѣкъ; но Турки посылали съ своей стороны отряды, еще болѣе многочисленныя, и такимъ образомъ приготавлили для себя большее число жертвъ. Обстоятельствъ сіи сдѣлали пребываніе на пикетахъ столь опаснымъ, что пѣ, колпорымъ доставалось туда отправиться, предъ отпѣздомъ дѣлали обыкновенно послѣднія свои распоряженія.

Наступилъ Августъ мѣсяць. Нѣсколько сраженій не измѣнили положенія арміи. За недѣлю до 20-го числа, ворожея моя, у ко-

порой я часто покупалъ припасы, снова появилась въ лагерь. Она вошла въ мою палатку и спала просипъ меня завѣщая ей мой перспень, на случай, если я умру въ назначенный ею день. Въ противномъ случаѣ, она предлагала мнѣ боченокъ Токайскаго. Это вино было довольно рѣдко въ арміи, и потому я не отказался отъ ея предложенія, но назначилъ съ свсей стороны заклада 50 червонныхъ, и полковой аудиторъ не безъ смѣха записалъ это странное условіе, нами заключенное.

Наконецъ настало и 20-е Августа. Казалось, нельзя было ожидать стычки съ неприятелемъ. Правда, что нашему полку доспавалось посылать въ этотъ день пикетъ; но двое моихъ товарищей должны были опсправиться прежде меня. Вечеромъ, однакоже, въ ту минузу, какъ гусары были уже готовы къ отъѣзду, лекаръ уведомилъ полковаго командира, что офицеръ, на котораго возложено было начальство надъ пикетомъ, опасно занемогъ. Второй получилъ приказаніе замѣнить его: онъ послѣдно одѣлся и поѣхалъ впереди опряда, но лошадь его, обыкновенно очень смѣрная и спокойная, вдругъ начала лягать и спановипься на дыбы, такъ, что всадникъ ея не усидѣлъ на ней и падаъ, вывихнулъ себѣ ногу. Тогда пришла моя очередь. Я опсправился, но признаюсь, не могъ быть совершенно покойнымъ. Опряда мой состоялъ изъ 200 гусаръ. Постъ нашъ находился въ двухъ миляхъ впереди праваго крыла арміи, и съ тѣла прикрывался каналомъ, по берегамъ коего росъ высокій проспникъ. Намъ приказано было не сходить съ копей и спаваться до разсвѣта съ обнаженными саблями и заряженными карабинами. Все было тихо до двухъ часовъ ночи. Но въ это время громкіе крики: *Аллахъ! Аллахъ!* возвѣстили намъ о приближеніи Турокъ. Неприятель въ числѣ 800 человекъ съ яростію напалъ на насъ. Въ одну минузу опряда нашъ былъ смятъ, и большая часть нашихъ лошадей убита. Я получилъ пять ударовъ саблею, лошадь моя была смертельно ранена, и падаъ, придавила собою мнѣ

ногу, такъ что я лишился возможности подняться.

При блескѣ частныхъ пистолетныхъ выстрѣловъ, я увидѣлъ, что солдаты мои защищаются съ опчаяннымъ мужествомъ; но Турки, пользуясь превосходствомъ силъ своихъ, скоро почти совершенно испребили ихъ. Побѣдители завладѣли лошадьми, потомъ обыскавъ убитыхъ и рабныхъ, принялись опрѣзывать имъ головы, которыя бросали въ мѣшки, нарочно для сего принесенные съ собою. Положеніе мое было ужасно. Я хорошо понималъ Турецкій языкъ и слышалъ, какъ неприятели побуждали другъ друга кончить это дѣло прежде, чѣмъ подоспѣютъ наши, и не терять ни одного червонца, прибавляя, что имъ доспавается получить ихъ около двухъ сотъ. Изъ этого я заключилъ, что они имѣли вѣрныя свѣдѣнія о числѣ нашемъ. Между тѣмъ лошадь моя получила новую рану; судорожное движеніе, которое это заспавило еѣ сдѣлать, освободило мою ногу, и я потчасъ рѣшился скрыться въ чащѣ болотнаго проспника. Ружейный огонь прекратился, и съ помощію ночной темноты, мнѣ удалось избѣгнуть жестокости Турокъ и доспигнуть болота. Погрузившись по самую колѣна въ пину, я сдѣлалъ шаговъ двадцать въ густомъ проспникѣ, и наконецъ спавоился отъ изнеможенія. Тутъ я услышалъ, что кто-то изъ Турокъ закричалъ: одинъ невѣрный убѣжалъ, пойдемъ искать его. — Онъ вѣрно спрятался въ болотъ; опвѣчалъ другой. Не знаю, чѣмъ кончился этотъ разговоръ, потому, что будучи испощенъ поперею крови, я упалъ въ обморокъ и пробылъ въ этомъ положеніи нѣсколько часовъ такъ, что когда я опомнился, на дворъ было уже совершенно свѣтло.

Не скоро успѣлъ я выпти изъ состоянія, въ которомъ находился. Съ горестію видя свое одиночество, я опсправился наконецъ впередъ, смотря въ ту сторону, гдѣ происходила кровавая сцена битвы, какъ вдругъ (не могу выразить ужаса, овладѣвшаго мною въ эту минузу), я почувствовалъ,

что кто-то схватилъ меня за руку. Я оглянулся и увидѣлъ Арнауша, который ворошилъ назадъ, въ надеждѣ поживишься еще какими нибудь остатками на полѣ сраженія. Никогда надежда человека не бывала такъ жестоко обманута. Я обратился къ нему на Турецкомъ языкѣ и сказалъ: возьми мои часы, деньги, мундиръ, но пощади жизнь мою. — Все это и безъ того мое, а въ добавокъ еще и голова пшоя. Съ сими словами, онъ опвизалъ ремни моей каски, потомъ снялъ съ меня галстукъ. Я былъ безоруженъ и не могъ защищаться, ибо при малѣйшемъ движеніи онъ пронзилъ бы меня кинжаломъ. Я обхватилъ его руками, умоляя о пощаду, а онъ между тѣмъ спарался обнажить мою шею. — Сжался надо мною, продолжалъ я, и лучше сдѣлай меня своимъ плѣнникомъ; у меня богатые родные, они заплачуть тебѣ за меня выкупъ. — Долго будешь ждать, любезный, отвѣчалъ онъ; спой-ка лучше смирише, чтобы мнѣ ловчѣе было отрѣзать тебѣ голову. — Онъ вынималъ уже бриліантовую булавку, которою была застегнута моя рубашка, а между тѣмъ я все еще держалъ его руками поперегъ тѣла, и онъ не пропивилъся этому, полагаясь на свою силу и оружіе. Тогда я оцупалъ у его пояса что-то твердое: это была желѣзная палица. Онъ опять повторилъ мнѣ: спой смирише.

Эти слова были-бы для меня послѣдними, если-бъ страхъ, подобной смерти, не внушилъ мнѣ мысли схватить его палицу. Онъ не замѣтилъ моего движенія, и взялся уже одною рукою за мою голову, а другою за кинжалъ свой, какъ вдругъ, вырвавшись у него, я ударилъ его палицею по головѣ. Арнаушъ зашатался; я повторилъ ударъ, и онъ упалъ, выронивъ свою саблю. Я овладѣлъ ею, и вонзилъ ее нѣсколько разъ въ его тѣло; потомъ, чувствуя въ себѣ довольно силъ, чтобы достигнуть нашихъ аванпостовъ, до которыхъ было еще съ милію разстоянія, я пришелъ наконецъ въ лагерь, но въ такомъ состояніи, что тѣ, которые встрѣчались со мною, бѣжали отъ меня, какъ отъ привидѣнія. Меня опвезли въ гошпипаль.

Черезъ шесть недѣль я вылечился отъ ранъ, и присоединился къ арміи. Скоро послѣ того, какъ явился я въ лагерь, Цыганка принесла мнѣ мой боченокъ Токайскаго, и сказала, что въ мое отсутствіе случилось нѣсколько происшествій почто такимъ образомъ; какъ она предсказала ихъ: все это казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, къ намъ передались два непріятельскіе дезертера: это были Христіанскіе Сербы, находившіеся въ обозѣ Турецкой арміи и убѣжавшіе для того, чтобы избавиться отъ заслуженнаго наказанія. Едва только они увидѣли Цыганку, какъ тотчасъ узнали ее, и объявили, что она часто приходила по ночамъ въ Турецкій лагерь, и опдавала непріятелямъ опчепъ о нашихъ движеніяхъ. Новость сія изумила насъ, тѣмъ болѣе, что эта женщина оказывала намъ нерѣдко важныя услуги, и мы не разъ удивлялись чрезвычайному искусству, съ которымъ она исполняла самыя опасныя порученія. Но дезертеры упорно спояли въ своихъ показаніяхъ и прибавляли еще, что часто они сами были свидѣтелями, какъ она сообщала непріятелямъ о нашихъ намѣреніяхъ, и поощряла ихъ къ нападеніямъ въ невыгодное для насъ время. По словамъ ихъ, Турецкій вензель служилъ ей вмѣсто пропускаго билета. Дѣйствительно онъ былъ найденъ у ней, и какъ это послужило къ ея изобличенію, то ее осудили на смерть. Прежде, чѣмъ ее казнили, я спросилъ у ней о предсказаніи, которое она мнѣ сдѣлала. Тогда она призналась, что въ самомъ дѣлѣ она служила лазутчицею обѣимъ сторонамъ, что доставляло ей двойную выгоду; что она часто узнавала планы той и другой стороны, и что тѣ, которые прибѣгали къ ея мнимому знанію будущаго, сами сообщали ей многія обстоятельство, по коимъ она могла предсказывать навѣрное. Что касается до меня въ особенності, то она хотѣла явить на мнѣ замѣчательный примѣръ своего искусства, опредѣливъ столь задолго конецъ моего существованія. Въ слѣдствіе этого, она побудила непріятеля напасть

въ ночь 20-го Августа на пикетъ нашего полка. Изъ разговора нашихъ офицеровъ, она узнала, что двое изъ нихъ должны были отправиться прежде меня; чтобы воспрепятствовать этому, одному продала она подмѣшаннаго вина, отъ котораго онъ сильно занемогъ; что же касается до другаго, то въ минуцу его опѣзда, она подъ какимъ-то предлогомъ успѣла подойти къ нему и непримѣтнымъ для него образомъ вложила въ поздри его лошади кусокъ зазвеннаго прута.

Пер. *Ип. Глббовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖЕЛАНІЕ.

О если бы когда мнѣ присудили боги
Извѣдать щасіе на мигъ одинъ, на часъ,
Не пожелалъ бы я ни золота, ни поги,
Но выбралъ бы еѣ не думая пошчасъ; —
Что золото?... Пускай имъ чувствительность вла-
дѣеть,
Что слава?... Не хочу быть идоломъ полны,
Которая цѣнитъ достойно не умѣетъ
Спрадальцевъ въпренной, взыскательной судь-
бы; —
О боги! я-бъ сказалъ: пошлите мнѣ въ замѣну,
Всѣхъ рудниковъ земли и славы и чести,
Мою небесную, воздушную Климену —
Я снова оживу, я буду щасливъ съ ней!
Е. Л.

РАЗВАЛИНЫ.

Восточный, легкій въперокъ
Прохладой упреннею дышетъ
И воды озера колышетъ;
Утесистъ берегъ и высокъ;
Между лѣсистыхъ горъ равнина,
Какъ голубой коверъ лежитъ;
Въ шуманъ край ея сокрытъ.
Высокаго холма вершина
Возноситъ къ мрачнымъ небесамъ

Разрушенный въкамн храмъ.
Вы преснули, крупные своды,
Вы пали, гордые столпы!
И тамъ, гдѣ нѣкогда толпы
Спекались пѣть Творца природы,
Тамъ пылъ ласпочка одна
Гнѣздо свиваетъ у окна
И будитъ мертвое молчанье.
Гдѣ предки наши? Лишь преданье
О нихъ осталось! Мы живемъ,
Но быстро предкамъ въ слѣдъ пройдемъ!
Ихъ пѣть: о насъ потомство скажетъ,
И съ нами въ ту же землю ляжетъ.
Попокъ несемъ въ бездну съ горь.
Не удержатъ его спремленья!
Едва за нимъ успѣетъ взоръ!...
Рѣка время, рѣка забвенья
Быстрѣе: все умчитъ она:
Безвѣстность, славу, немощь, силу
Въ бездонную въковъ могилу,
Гдѣ грозный мракъ и тишина.

Константиъ Масальскій.

Ш А Р А Д А.

Наголо хлѣбъ нашъ выбиваетъ;
Идетъ и въ осень и весной,
А чаще лѣтнею порой.
Концы военныхъ украшаетъ;
Бываетъ рѣдкій и густой.
А цѣлится воздухъ измѣрлемъ;
Мы имъ тепло и холодъ раздѣляемъ.

Ж.

Въ No 43-мъ, помѣщенный логогрифъ значитъ: *Toisé, oise, oie, os.*

MODÈS.

En étoffes nouvelles nous avons en ce moment les foulards fond écri à dessins roses ou bleus qui ont le plus grand succès. Ces foulards sont simples et négligés, comme du reste les foulards cette année qui n'ont d'élégance que lorsqu'ils composent une toilette du matin, avec une capote simple et une collerette de

batiste ou un col de mousseline. Nous en avons remarqué une charmante collection aux magasins Sainte-Anne; le rose surtout s'allie avec une grande douceur à la teinte noisette du fond.

Nous citerons aussi de ce magasin les *pékins imprimés*, les pékins brochés à bouquets de couleur; demi-toilette de promenade. Les *pékins en réserve*, blanc sur couleur ont un aspect doux et frais.

Les *mousselines de laine* que nous avons le plus remarquées sont à fond pistache marbré, semé de fleurs sans tiges; une branche de pêche jetée sur un fond vert anglais, des colonnes et bouquets sur un fond lilas tendre.

Les *pous de soie grosse dentelle*, couleur sur couleur, sont très-bien pour redingotes à façons.

Sur les *foulards pékins* un des plus jolis dessins est un bouquet de petites fleurs délicates, tiges liées ensemble, jeté sur un fond blanc. Une *feuillee* vert-pomme avec des roses grandeur naturelle sur un fond noir.

Les *satins cachemire* sont infiniment plus doux et brillans que les satins de laine. Nous citerons parmi ceux que nous a offerts le magasin de M. Delisle, un fond noir semé de petits boutons de roses et divisé de distance en distance par des branches entières de roses avec feuillage sur fond blanc; des dessins égyptiens aux vives couleurs et des dessins français de toutes sortes.

Les *salamporis* ont tout-à-fait remplacé le châly. Le *salamporis croisé*, moëlleux et souple se rapproche du satin cachemire, et a moins de rapport avec les étoffes d'hiver. Les nuances ont une grande douceur et en même temps une grande pureté sur cette étoffe dont les *magasins Sainte-Anne* ont une telle variété que nous ne pouvons nous arrêter à un dessin en particulier.

Pl. No 17. 1) Chapeau de poue de soie. — 2) Capotes de gaze à calotte plissée. — 3) Bonnets de blonde. — 4) Collier de ruban. — 5) Corsage de satin orné de velours et blonde. — 6) Mantille en taffetas broché.

М О Д Ы.

Изъ новыхъ тканей у насъ есть шеперь фулары; по суровому грунту розовые или голубые

узоры; они употребляются съ большимъ успѣхомъ. Эти фулары просты; впрочемъ нынѣшній годъ фулары щитаются щеголеватыми только для утренняго наряда, съ простымъ капотомъ и башмачковымъ борчкомъ или кисейнымъ воротничкомъ. Мы замѣтили прелестное ихъ собраніе въ магазинѣ Sainte-Anne; розовый цвѣсъ особенно соединяется очень нѣжно съ ореховымъ цвѣсомъ грунта.

Мы укажемъ также въ этомъ магазинѣ на печашные *pékins*, затканные цвѣсными букетами: полу-нарядъ для прогулки. *Pékins en réserve* бѣлые по цвѣсному, имѣютъ весьма пріятный видъ.

Шерстяныя кисеи, замѣченные нами наиболѣе, по флешковому мраморному грунту усыяны цвѣпками безъ стеблей; вѣпка персиковая брошена по зелѣному Англійскому цвѣсу; гирлянды и букеты по лиловому грунту.

Рои de soie grosse dentelle, одного цвѣса по другому, весьма приличны для запѣядивыхъ редингоновъ.

Для фуларовъ *pékins* одинъ изъ красивѣйшихъ узоровъ; букетъ изъ мелкихъ нѣжныхъ цвѣпковъ, стебельки связаны вмѣстѣ, разбросаны по бѣлому грунту. Листья цвѣса *vert-pomme*, съ розами настоящей величины, по чѣрному грунту.

Кашемировые апласы несравненно мягче и блестяще шерстяныхъ. Мы назовемъ изъ видѣнныхъ нами въ магазинѣ *Делила* одинъ съ чѣрнымъ грунтомъ, усыяннымъ мелкими распуколками розъ и раздѣленнымъ въ нѣкоторомъ разстояніи цѣлыми вѣпками розъ съ листьями на бѣломъ грунту; Египетскіе узоры яркихъ цвѣпковъ и Французскіе узоры всякаго разбора.

Salamporis совершенно замѣнили шали. *Salamporis* кипорной, мягкой и нѣжной, болѣе походитъ на кашемировый апласъ, нежели на зимній матеріи. Цвѣса чрезвычайно нѣжны и вмѣстѣ необыкновенная чистота въ ткани; въ магазинѣ *Saint-Anne* такое въ нихъ разнообразіе, что мы не можемъ остановиться особенно ни на одномъ узорѣ.

Карш. No 17. 1) Шляпка. — 2) Газовые капоты. — 3) Блондовые чепчики. — 4) Ожерелье изъ леншъ. — 5) Апласный корсажъ, опдѣланный бархатомъ и блондой. — 6) Тафляная манпилья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 45.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
стаккою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 6 дня 1854 года.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарилъ предметъ любимый,
Всегда несправедно гонимый,
Душой чувствительной, умою
И привлекательнымъ лицомъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МЕДВѢДЬ ЛОРДА СЕЙМУРА.

Кто въ Парижѣ не знаетъ медвѣдя лорда Сеймура? — Объ этомъ ручномъ звѣрѣ упоминали всѣ Французскіе журналисты. — Лордъ Сеймуръ и медвѣдь — два неразлучные друга. — Они одинъ другому обязаны своимъ безсмертіемъ, подобно *Кастору* и *Полуксу*, которыхъ боги переселили на небо за тѣмъ, чшобы они ясною звѣздочкою свѣтили въ пупи Аргонавтамъ 19 вѣка. — Преданіе говоритъ, что лордъ и медвѣдь происходятъ отъ одного родоначальника, такъ какъ *Диоскуры* вышли изъ одного лица; но все это я почитаю за басню.

Медвѣдя лорда Сеймура зовутъ *Селимомъ*, вѣроятно въ честь знаменитаго Турецкаго Султана, погибшаго за желаніе просвѣтить своихъ глупыхъ подданныхъ.

Этотъ медвѣдь одѣтъ въ самую черную шубу, подъ которой бѣется, вѣроятно,

чувствительное сердце, ибо глаза его обличаютъ сластолюбіе. Всѣ дамы, выдавшія эпоаго *Мишку*, увѣряютъ, что онъ большой забавникъ; со всѣмъ тѣмъ однако же онъ никогда не забывался въ ихъ присутствіи. Это доказываетъ, что милордъ далъ своему другу отличное воспитаніе.

Медвѣдь *Селимъ* живетъ также, какъ и его господинъ. — Онъ обѣдаетъ съ лордомъ за однимъ столомъ. Ростбифъ, салатъ, пудингъ, поршвейнъ и мадеру подаютъ равно и лорду и медвѣдю. *Селимъ* имѣетъ своего особаго слугу, камердинера, и даже кучера; но онъ ѣздитъ гулять почти всегда вмѣстѣ съ лордомъ. *Мишка* любитъ послѣ обѣда вздремнуть на диванъ, подобно Турецкому пашѣ, присѣвъ на корпочкахъ, между двумя шелковыми подушками. Черный внухъ оберегаетъ всегда спокойствіе *Селима*, и хотя не раскуриваетъ для него трубки, но всякій разъ, когда проснется его медвѣжья высокоспеленность, внухъ кладетъ

ему въ ротъ конфету, которую онъ безпечно проглатываетъ.

Любезные чипателл, я хочу вамъ разсказать исторію, случившуюся въ нынѣшній карнавалъ въ Парижѣ, и въ которой нашъ косматый *Селимъ* игралъ главную ролью. — Лордъ, большой охотникъ до маскарадныхъ продѣлокъ, вздумалъ замаскировать своего медвѣдя, и взять съ собою на балъ. Никто не зналъ этой проказы, кромѣ гардеробмейстера театра des Variétés, у котораго лордъ выпросилъ самый лучший медвѣжий костюмъ, и въ эту мохнатую униформу зашил нашего *Селима*.

Никто не могъ въ маскарадъ догадаться, что это былъ настоящій медвѣдь. Вся публика повторяла съ удивленіемъ: ахъ, какой милый, какой прекрасный медвѣдь! Дамы шѣснились вокругъ этой интересной маски; многіе его дразнили, щекотали, щипали, чтобъ только принудить его къ ворчанью. Медвѣдь, разумеется, не очень любилъ такія шутки, и началъ ворчать во всю медвѣжью мочь. — «Это обворожительно, онъ ворчитъ какъ настоящій медвѣдь!» кричали дамы съ восхищеніемъ.

«Monsieur l'ours!» сказала одна: «de quel pays êtes vous?» Вопросаемый ворчитъ.

«Monsieur l'ours!» сказала другая: «est ce que vous êtes, par hasard. . . .?»

Селимъ продолжаетъ ворчать.

«Monsieur l'ours!» сказала третья: «connaissez vous Martin du jardin des plantes?»

Мыррр. . . мыррр. . . отвѣчалъ замаскированный Мишка. — C'est singulier. — Нѣкоторые сожалѣли о томъ, что *Селимъ* ходилъ на четверинькахъ. — «Это весьма упомпительно;» — говорили дамы: «бѣдный медвѣдь не выдержитъ такого испытанія; «но *Селимъ* не слушалъ дамъ и даже не благодарилъ ихъ за такое замѣчаніе.

Прошло цѣлыхъ два часа, но удивленіе публики къ медвѣдю не уменьшалось. Онъ былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. Кто этотъ г. медвѣдь? — Одна дама сунула въ лапу медвѣдя записочку, въ надеждѣ, что онъ развѣжится, и начнетъ говорить. —

«Примѣчай, милый другъ!» сказала она своему мужу: «*Селимъ* вѣрно что нибудь шепнетъ мнѣ на ухо, или послѣдуетъ за мною въ уборную.» — Она не обманулась. *Селимъ* понялъ эротическую продѣлку, спалъ на заднія ноги, гордо выпрямился и нѣжно облапилъ лилейную шею красавицы.

— Ah! c'est trop fort! — возгласилъ супругъ красавицы.

Дама, сильно почувствовавъ увѣсистую ласку махнатого любовника, хотѣла было увернуться изъ его объятій, замѣтивъ съ улыбкою: Votre main d'ours est lourde, comme du plomb.

Всѣ зрители захохотали, кромѣ медвѣдя, которому очень понравились пухленькая шея и грудь красавицы.

Учтивостями ты отъ меня не отдѣлаешься, думалъ медвѣдь, и остался въ своемъ сентиментальномъ положеніи.

«Monsieur!» сказалъ наморщивъ брови супругъ красавицы: «мы всѣ убѣждены, что вы масперски играете ролью медвѣдя; также и моя жена въ томъ совершенно увѣрена; но позвольте вамъ напомнить, что вы слишкомъ пользуетесь свободою маскарада.»

Медвѣдь заворчалъ на сильное возраженіе мужа.

— Il est méchant — сказала дама мужу: mais tu oublie, mon ami, que c'est un ours. —

«Извольте оставитъ въ покоѣ мою жену, я не люблю такихъ медвѣжьихъ шутокъ. — Поняли ли вы меня, милостивый государь?»

Мыррр. . . мыррр. . . мыррр. . .! —

«Если такъ: то имѣю честь объявить вамъ, что я ваше обхожденіе съ моею женою почитаю за обиду, и завтра же намѣренъ съ вами раздѣлаться на дуэли.»

«Позвольте мнѣ узнать вашъ адресъ?»

Мыррр. . . мыррр. . . мыррр. . .! Всѣ окружающіе захохотали какъ сумасшедшіе; но мужъ взбѣсился, ударилъ въ шею медвѣдя, и повергнувъ его кулакомъ на четвереньки, позвалъ полицейскаго комиссара.

«Monsieur le Commissaire, вотъ эта медвѣжья харя, котораго я почиталъ честнымъ человекомъ, оказался самою низкою тварью, безъ всякаго воспитанія. — Онъ обидѣлъ мою жену, и не хочетъ дать мнѣ своего адреса. — Снимите съ него маску, и выпроводите его изъ залы.» — Между тѣмъ обвиняемый сѣлъ преспокойно на заднія лапы, подлѣ своего жопаго, лакея лорда *Сеймура*, и началъ ѣсть бисквитъ. Медвѣдь не перемѣнилъ своего положенія, когда подошелъ къ нему комиссаръ съ учтивымъ предложеніемъ оставить дальнѣйшія шуточки съ дамою, «въ противномъ случаѣ» — примолвилъ полицейскій — «я долженъ буду употребить силу, чпобъ вывести васъ изъ залы.»

«Объявите вашу фамилію,» шепнулъ комиссаръ на ухо медвѣдю: «погда я не буду мѣшать вашей забавѣ. Я обещаю вамъ, что не сѣдлаю изъ этаго никакого злоупотребленія.»

— *L'ours ne parle pas!* — отвѣчалъ жопапый. «И такъ, надобно скинуть маску! возразилъ комиссаръ. Я требую этаго!»

— *Mais c'est un ours, monsieur, je vous assure.* —

«Имѣете ли вы маскерадный билетъ?»

— Да, да, только не медвѣдь, а я за него. —

«Покажите!»

Комиссаръ прочиталъ на билетѣ: *de la part de Mylord Seymour.*

«Возможно ли это!»

«А!... Теперь я вспомнилъ, что у лорда есть медвѣдь.»

— *C'est lui, monsieur et voici Mylord lui-même pour vous donner des explications. — J'en ai assez, mais éloignez le, je vous pris.* — —

Такъ какъ эти послѣднія слова сказаны были съ особою предосторожностію, и медвѣдь исчезъ изъ залы: то публика и заключила, что въ медвѣжьей шкурѣ скрывалась какая нибудь знатная особа.

«Онъ объявилъ вамъ свое званіе и фамилію?» спросила дама комиссара, которую такъ учтиво ласкалъ медвѣдь.

— Конечно, сударыня, — отвѣчалъ комиссаръ.

«Могу ли я узнать, кто такой былъ эпокъ господинъ?»

— Если вамъ угодно! —

«Очень, очень желаю.»

— Это былъ медвѣдь лорда *Сеймура*. —

«Un ours? O mon Dieu!»

И бѣдная дама упала въ обморокъ.

Съ Франц. *Кругликовъ.*

ПОНЯТІЯ ИЗДАТЕЛЯ МОСК. ТЕЛЕГРАФА — О СТАТИСТИКѢ.

«Система, *высшій взглядъ*: вотъ два пребыванія наукъ, необходимыя въ нынѣшнемъ ихъ *высокомъ* состояніи.»

«Статистикъ долженъ имѣть глубокія предварительныя *познанія* вообще, и кромѣ того большую опытность *въ способахъ воззрѣнія на предметы.*»

«Ему *въ высшей степени* должно знать теорію политическихъ *знаній* вообще и опредѣлить себя върную систему науки.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРЕВНІЙ И НОВЫЙ ВАВИЛОНЪ.

Чудо свѣта, столица обширной Вавилонской имперіи, владыка городовъ воспоминныхъ, гдѣ пвое древнее величіе? Гдѣ пвои пышныя чертоги, горделиво возвышавшіеся по обѣимъ берегамъ Евфрата? Гдѣ пвой храмъ *Бела*, прослѣвавшійся на двѣ стадіи въ длину? Все исчезло съ лица земли: и памятники Вавилона, и его прямыя улицы, и мѣдныя врата его, и чепырежь-эпажные дома, выстроеныя изъ кирпичей и оканчивавшіеся терасами, на которыхъ жители наслаждались вечернею прохладою. На пространствахъ цѣлыхъ пяти миль видны были позлащенные верхи домовъ и дворцевъ Вавилонскихъ, павильоны, убранные багрянци-

цею и шелковыми тканями, и цвѣтушія деревья, ихъ осѣнявшія.

Отъ Бире-Нимрода до Музалиса, гдѣ свободно разгуливаютъ нынѣ шакалы и гіены, простирался одинъ цвѣтушій садъ, и подъ эпимъ садомъ лежалъ богатый и великолѣпный городъ, а подъ городомъ подземный галерей, служившій мѣстомъ погребенія жителей; другой городъ, гораздо многочисленнѣе перваго.

Безчисленная толпа пѣснилась по улицамъ и на площадяхъ, украшенныхъ статуями; караваны востока и запада вступали во всѣ врата, и между шѣмъ, какъ здѣсь пѣялись длинныя цѣпи верблюдовъ, навьюченныхъ Индѣйскими тканями, волны Евфраата покрыты были Армянскими судами, нагруженными мѣхами съ виномъ, которое не принадлежало къ числу произведеній Вавилонской почвы. Базары были полны любопытными зрѣлищами въ прекрасныхъ шелковыхъ одеждахъ и тонкихъ шерстяныхъ шюникахъ, называвшихся синдонами. Въ городѣ царствовалъ вѣчный шумъ; вездѣ замѣтна была склонность къ увеселеніямъ. Когда наступалъ вечеръ, когда блестящія звѣзды Халдеи загорались на небѣ, всякіе сады озарялись тысячею огней. Съ каждой перасы неслись благоуханія, и тогда на всѣхъ концахъ своевольнаго града начиналась буйная оргія, изъ которой изгонялся всякой стыдъ и цѣломудріе.

По свидѣтельству историковъ, Вавилонъ былъ построенъ *Навуходоносоромъ*. Кромѣ всякихъ садовъ, о которыхъ мы упомянули, въ немъ было много другихъ достопримѣчательностей, какъ на примѣръ: его стѣны, храмъ *Бела*, царскіе чертоги, набережныя, озера и каналы.

Стѣны его имѣли восемьдесятъ семь футовъ въ толщину, пристра пятьдесятъ въ вышину и простирались на четверста восемьдесятъ стадій, или двадцать миль въ окружности. Они составляли правильный квадратъ, котораго каждая сторона имѣла сто двадцать стадій, или пять миль длины. На всякой изъ четырехъ сторонъ было по двадцати пяти вратъ изъ чистой мѣди.

Нынѣ на берегахъ Евфраата, подлѣ небольшой деревушки Гиллы, теперь необитаемой, лежитъ невоздѣланная долина, пересѣкаемая псохшими каналами, и покрытая на необозримое пространство (около пяти миль) оспатками кирпичей и черепицы. Издали видны холмы, которые кажутся сначала естественными, но при ближайшемъ взглядѣ оказывается, что это оспатки великихъ зданій. Арабы называютъ одинъ изъ сихъ холмовъ *Эль-Касеръ* (дворецъ), а другой *Майолибъ* (развалина): и вопль все, что осталось отъ Вавилона!

На краю долины также возвышается одинъ холмъ, который Арабы называютъ дворцомъ *Нимирода*. Нѣмецкій путешественникъ *Нибуръ* хотѣлъ осмопрѣть его, но вой шакаловъ и дикихъ псовъ, громкій крикъ спраусовъ, слышавшійся издали, и ревъ пигровъ,—все это отклонило его отъ его намѣренія. Двое Англійскихъ путешественниковъ: *Ригъ*, живущій въ Багдадѣ, и сиръ *Керпортеръ*, были отважнѣе. Они постѣпили развалины *Нимирода*, не пугаясь львовъ, спокойно грѣвшихся на солнцѣ, когда они приближились. Путешественники сіи осмопрѣли всѣ холмы и не нашли въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ камней, покрытыхъ надписями. Самую ужасную пустыню представляетъ нынѣ долина Вавилонская, въ которой ревъ пигровъ и свистъ змѣй заступили мѣсто праздничныхъ пѣсенъ и спрасныхъ вздоховъ.

Съ Франц. Бр.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ (*).

Разъ Карль Великій пировалъ;
Чертогъ богатъ былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокальъ;
Огромный столъ шречалъ отъ брашенъ;

(*) Изъ второй и послѣдней книжки *Новоселья*, издан. А. Ф. Смирдинскимъ.

Гремѣль пѣвцевъ избранныхъ хоръ;
Шумѣль веселый разговоръ;
И госпи вдоволь пили, ѣли;
И лица ихъ ошъ винъ горѣли.

*

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
«Свершишь намъ должно подвигъ шрудный;
Неловко веселишься намъ,
Пока еще Аршусовъ чудный
Не завоеванъ палисманъ;
Его укравшій великанъ
Живеть въ Арденскомъ лѣсѣ пѣмпомъ;
Ошъ на щипъ его огромномъ.»

*

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агланпскій Графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ Царскій,
Изъ-за стола пошчасъ встають,
Мечи пляжельные берутъ;
Сверкають ихъ спальной брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

*

Тупъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ, сказалъ: возми, родишель,
Меня съ собой; я буду швой
Оруженосецъ и служилель.
Вашъ подвигъ не по лѣшамъ мнѣ;
Но ты позволь, чшобъ на конѣ
Я везъ, просшимъ швоимъ слугою,
Копье и щипъ швой за шобою. —

*

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путѣмъ
Шестъ бодрыхъ вишязей пушились,
Въ средину въѣхали, пошомъ,
Другъ съ другомъ брашки разлучились.
Младой Роландъ съ кошемъ, щипомъ,
Смирненно ѣдетъ за опшомъ;
Едва ошъ радости онъ дышетъ;
Бодришь коня; конъ ржетъ и пышетъ.

*

И скачутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи,
Успали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи;

А великана все имъ пѣтъ.
Вопъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ съинисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

*

Роландъ не спитъ. Вдругъ, видишь онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь тѣмны стѣни
Блеснуло; и со всѣхъ споронъ
Вскочили серны и олени,
Живымъ испуганы лучемъ;
И шамъ, какъ пуча, со щипомъ,
Блισταющимъ ошъ палисмана,
Валишь громада великана.

*

Роландъ глядишь на прищелца,
И мыслишь: что же ты за диво?
Будишь мнѣ для тебя опца,
Не къ мѣсту бымо бы учпиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щипъ,
И острый мечъ, и конъ задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

*

И вопъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ опцевъ пляжелой;
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крынкій щипъ;
И вопъ онъ на конѣ сидишь;
И пошхоньку удалишь,
Дабы опецъ не пробудишь.

*

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣнемъ великанъ спѣсивый:
«Ошкуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ швой конъ решивый;
Смотри, тебѣ длиннѣй швой мечъ;
Твой щипъ съ швоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалишь;
Твое копье лишь мнѣ годишь.»

*

— Держка швоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, шакowo ли дѣло?
Тяжелъ мой щипъ для дѣпскіхъ плечъ,
За шо за нимъ спою я смѣло;

Пусть неучь я, мой конь ученъ;
 Пускай я слабъ, мой мечь силенъ;
 Отвѣдай насъ; ужь мы другъ другу
 Окажемъ въ честь себѣ услугу.—

*

Дубину великанъ взмахнулъ,
 Чтось въ дребезги разбишь нахала;
 Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
 Дубина мимо просвистала.
 Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
 Оно оспалось съ осприемъ,
 Погнушимъ силой талисмана,
 Въ щипъ пронзенномъ великана.

*

Роландъ опцовскій мечь большой
 Схватилъ обѣими руками;
 Спѣшимъ схватили пропившикъ свой,
 Но крѣпко списнушь онъ ножами;
 Еще меча онъ не извлекъ,
 Какъ руку лъвую опсѣкъ
 Ему нашъ выпязь; кровь спруею;
 Прочь ошлещь и щипъ съ рукою.

*

Завылъ опъ боли великанъ,
 Кишучей кровію облиный;
 Утрапивъ чудный талисманъ,
 Онъ вдругъ оспался безъ защиты;
 Велѣдъ за щипомъ онъ побѣжалъ,
 Но по ногамъ въ догонку далъ
 Ему Роландъ ударъ проворной:
 Онъ покапился глыбой чѣрной.

*

Роландъ, подъявъ опцовскій мечь,
 Однимъ ударомъ исполнну
 Опрушилъ голову опъ плечь;
 Свистя кровь хлынула въ долину.
 Щипъ великановъ взявъ попомъ,
 Онъ талисманъ, блискавшій въ немъ,
 (Осьмое чудо красою)
 Искусной выломалъ рукою.

*

Онъ въ платьѣ скрылъ добышый кладъ;
 Потомъ спруей ручья лъснава
 Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ лашъ
 Смылъ кровь и прахъ, и сѣвши снова

На добраго коня, шажкомъ
 Опсправился своимъ пушемъ
 Въ то мѣсто, гдѣ опець оспался;
 Опець еще не просыпался.

*

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
 Глубокій скоро погрузился,
 И спалъ, покуда самъ Милонъ
 Подъ сумерки не пробудился.
 «Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вспавай;
 Подай мой шлемъ, мой мечь подай;
 Ужь поздно; сумракъ опъ шумана;
 Оплять не встрѣшимъ великана.»

*

Вошь ѣздиць онъ въ лѣсу гуспомъ
 И великана ищещъ снова;
 Роландъ за нимъ съ копьемъ, щипомъ,
 Но о случившемся ни слова.
 И вошь они въ долину шой,
 Гдѣ жаркій совершился бой;
 Тамъ видѣнъ былъ попокъ кровавый;
 Въ крови валялся прупъ безглавый.

*

Роландъ глядишь; своимъ глазамъ
 Не вѣришь онъ: что за причина?
 Одно лишь шуловище памъ!
 Но гдѣ же голова, дубина?
 Гдѣ панцырь, мечь, рука и щипъ?
 Одинъ ободраный лежишь
 Обрубокъ мертвеца нагова;
 Слѣдовъ не видно оспальнова.

*

Трупъ осмошрѣвъ, Милонъ сказалъ:
 Что за уродливая гуда!
 Еще ни разу не видалъ
 На свѣтѣ я такого чуда:
 Чей это прупъ?... Вопросъ смѣшной!
 Да это великанъ; другой
 Успѣлъ дашь хищнику управу;
 Я проспалъ честь мою и славу.—

*

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
 И думалъ: спрашно мнѣ по чести;
 Гдѣ рыцари мои? Давно
 Пора-бъ опъ ихъ имѣть намъ вѣспи.

·Но что?... Не Герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ, и держишь онъ
Свое копье передъ собою
Съ опрубленную головою.

*

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приближась, голову нѣмую
Спрякнулъ съ копья передъ крыльцемъ,
И Карлу такъ сказалъ: плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этакъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ прѣе супокъ я скипался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался.—

*

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ успалый, блѣдный, пощій.
«Со мною талисмана нѣтъ;
«Но вопъ вамъ дорогія мощи.»
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвиняла прялицей,
Съ его огромной рукавицей.

*

Сердишь и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
«Кому достался талисманъ,
«Не знаю я; но великанъ
«Меня оставилъ въ часъ кончины
«Наслѣдникомъ своей дубины.»

*

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и упомленный;
Конь, великановымъ мечѣмъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
«Все это съ мертвеца я снялъ;
«Мнѣ опъ победы мало чеспи;
«О талисманъ-жь нѣтъ и вѣспи.»

*

Вдали является Гваринъ
Съ щипомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вопъ Паладинъ,
Завоеватель талисмана!

Гваринъ, подѣхавъ, говоришь:
«Въ лѣсу нашель я этакъ щипъ;
«Но обманулся я въ надеждѣ:
«Былъ талисманъ украденъ прѣжде.»

*

Вопъ наконецъ и Графъ Милонъ.
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу шихонько ѣдетъ онъ
Съ пошупленной головою.
Роландъ смиренно за опцемъ
Съ его копьемъ, съ его щипомъ,
И свѣпялся какъ звѣзды ночи,
Удалыя подѣ шлемомъ очи.

*

И вопъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и Паладины
Ихъ ждуть; тогда на щипъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его середины
Злашую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щипъ открылъ....
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной пучи день небесный.

*

И грянуло со всѣхъ стѣоронъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: ты, Графъ Милонъ,
Исполнимъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье.—

*

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаешь....
И что же? Передъ нимъ въ щипъ
Какъ солнце талисманъ сіяешь.
«Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?»
Роландъ въ отвѣтъ: прости, опецъ;
Тебя будишь я побоялся,
И съ великаномъ самъ подражалъ.

В. Жуковскій.

E N I G M E.

Construit depuis longtemps, tous les jours on me fait;
On me prend dans les champs, on me prend à la ville:
Ce que j'offre d'unique, et qui l'est en effet,
C'est que, même étant seul, on me compte par mille.

Въ No 44-мъ помѣщенная шарада значить: *Градусъ*.

M O D E S.

Les fleurs nouvelles que nous remarquons dans les élégantes toilettes, dans les premiers magasins de mode, sont cette année des fleurs imitées de la nature, les fleurs ordinaires les plus connues. Nous dirons aujourd'hui ce que nous avons vu chez *Nattier*, rue de Richelieu. Au milieu de toutes sortes de roses mousseuses, noisettes, muscades, et les roses à cent feuilles, les roses uniques qui se portent cette année sur des chapeaux de toutes couleurs, nous avons distingué les branches *d'ébénier*; ces longues grappes se posent comme celles d'acacia sur de la paille ou de l'étoffe et sont à la mode. Le *spirea* à feuilles découpées est une délicate grappe blanche qui rassemble en bouquets. Les *roses du ciel*, petit bouton jaune d'or, mêlé sur la branche au feuillage vert-foncé. Le *caille-lait*, plante des champs, petite croix blanche en grappe; elle est fort bien mêlée à des œillets cerise, ou à d'autres fleurs de couleur. Les *geranium* sont spécialement destinés aux pailles de riz. *Nattier* reproduit toutes leurs variétés.

Ces jours derniers nous avons remarqué une magnifique paille d'Italie sur laquelle étaient posées quatre superbes plumes blanches, contrariées d'une façon tout élégante et pittoresque; la plus longue, placée au repos comme les autres, se relevait au moindre vent avec une grâce infinie. Une capote en pou de soie bleu, à grande passe bordée de blais, était ornée de rubans à petits pois satinés et d'une fleur rose en grappe, flexible comme une plume. Sur une paille de riz, avec des rubans de taffetas blanc, forme carrée des joues, était posé un superbe oiseau de paradis, presque couché sur la passe. Plus simple, un très-joli chapeau en paille de riz orné de ruban écossais broché vert et blanc, avec deux branches de noisetier des Indes, vert; sous la passe tombaient en mancini deux

touffes de noisetier; une blonde plate accompagnait le front.

M O D Ы.

Новые цвѣты, замѣчаемые нами при самыхъ щеголеватыхъ нарядахъ въ первыхъ нащихъ модныхъ магазинахъ, сдѣланы нынѣшній годъ на подобіе настоящихъ цвѣтовъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ извѣстныхъ. Мы расскажемъ, что видѣли у *Натъе* въ улицѣ Ришелье. Между всякаго разбора розъ, моховыхъ, орѣховыхъ, мушкатныхъ и сполиспвенныхъ, единственные розы, копорыя носятъ на шляпкахъ всякихъ цвѣтовъ, мы замѣтили въшки черного дерева; эти длинныя кисти накальваются какъ акаціи на соломенныя или шелковыя шляпки и весьма въ большомъ употребленіи. *Spirea* съ вырѣзными листьями; пѣжная, бѣлая кисть изъ нихъ составляетъ букеты. *Небесныя розы*, небольшая распуолка золотого цвѣта, перемѣшанная на въшкѣ съ весьма темной зеленою. *Caille-lait*, полевое распленіе, небольшой бѣлой крестъ кистью; его весьма прилично перемѣшивать съ алыми гвоздиками или цвѣтами другихъ цвѣтовъ. Гераніумы исключительно употребляются для басповыхъ шляпокъ. *Натъе* подражаетъ всѣмъ ихъ разнообразіямъ.

На этихъ дняхъ замѣтили мы великолѣпную Италіанскую соломенную шляпку; на неѣ наколаны были прекрасныя чешыре бѣлыя пера, положенныя въ противоположныя спороны отлично щеголеватымъ и живописнымъ образомъ; самое длинное, опущенное книзу, какъ и другія, приподымалось при малѣйшемъ вѣтрѣ съ необыкновенною ловкостью. Капотъ изъ голубаго pou de soie, съ большимъ полемъ, обшитымъ косыми полосками, отдѣланъ былъ лентами съ мелкимъ апласнымъ горошкомъ и розовымъ цвѣткомъ, сдѣланнымъ кистью, глубоко, какъ перо. На басповой шляпкѣ, съ бѣлыми шапильными лентами, поле четверугольное къ щекамъ, пришидена была прекрасная райская пшичка, почти положенная на поле. Простѣ этой, весьма красивая басповая шляпка, отдѣланная Шотландскими лентами, зелеными съ бѣлымъ, съ двумя въшками зеленого Индѣйскаго орѣшника; подъ полемъ висѣли en mancini, два кусочка орѣшника; гладкая блонда прикрывала лобъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 46.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 9 дня, 1854 года.

Другой хопь прыпче будь, надушый всякимъ чванспвомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не вкаючашъ, на насъ не подиви;
Вѣдь польке здѣсь еще и дорожатъ дворянспвомъ.
Да эте ли одно? возмите выг хлѣбъ-соль:
Жшо хочеть къ намъ пожаловатьъ, изволь,
Дверь отперта для званныхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

Было Воскресенье. Яркій упренній лучъ
Майскаго солнца, падая въ узкое окно ком-
наты *Жюстина Совалля*, весело рѣзвился на
постель, въ которой онъ еще спать, или
не спать, но наслаждался тѣмъ блаженнымъ
состояніемъ, въ которомъ соединяются
вмѣстѣ и сонъ и бодрствованіе, и въ кото-
ромъ дневная суматоха является намъ
сквозь призму ночныхъ грезъ и видѣній.

Жюстинъ открылъ глаза, и вы думаете,
можетъ быть, что мечты его разсѣлились,
какъ дымъ? О, нѣтъ! *Жюстинъ* былъ чело-
вѣкъ, слѣпо преданный мечтѣ, челоуѣкъ, для
котораго положительное ничего не значило,
а возможное замѣняло собою все.

«Стража химеръ одна только достойна
обитанія,» сказалъ *Руссо*, — и *Жюстинъ Со-
валь* переселился въ воздушный замокъ. Онъ

сдѣлался его опчизною, его домомъ, его
обласпью, которой каждый шагъ упорно
защищалъ онъ отъ насильспвеннаго впро-
женія разсудка.

Проплнувъ съ постели руку, *Жюстинъ*
открылъ окно, чшобы освѣжиться чистымъ
воздухомъ, благоухавшимъ резедою, спояв-
шею на ближнемъ окнѣ. Такого яснаго упра
нелзя было не почестъ щаспливымъ пред-
знаменованіемъ, и *Жюстинъ* привѣспповалъ
голубое небо, какъ бы въ благодарноспь
за добро, которое оно ему предвѣщало.

Потомъ онъ покрылся одѣяломъ и снова
принялся мечтать.

Онъ спалъ думая о прекрасной дамѣ,
какъ часто прѣзжавшей покупать повары
въ магазинъ au Prix Fixe въ Печной улицѣ. А
нашъ *Альмаскаръ-Жюстинъ* занималъ въ этомъ
модномъ магазинѣ мѣсто *главнаго сидльца*
(premier jeune homme); объ ея глазкахъ, столь
же черныхъ и нѣжныхъ, какъ бархатъ, ко-

порый она у него покупала; о свяжемъ, пріятномъ голосѣ, какимъ она говорила ему: «привезите это ко мнѣ на домъ, г. *Соваль*.»

Разнуздавъ воображеніе, онъ раздумался объ *Элоизѣ Флино*, племянницѣ и наследницѣ его хозяина. Она показала бы ему можетъ нѣсколько пучною, нѣсколько красною для *Элоизы*, еслибъ ея приданое не распрямляло ея талии, не умѣряло красноты ея. Каждый изъ прикащиковъ дяди ея готовъ былъ обратиться въ Сентъ-Прѣ, для этой золотой *Элоизы*.

Всего же долѣ думалъ онъ о 75,000 франковъ: онъ долженъ былъ выиграть въ эпопѣй самый день въ лоперею, куда вчера заплашилъ послѣднія свои сорокъ копѣекъ. И вопль, въ ухахъ его какъ будто раздавался голосъ, объявлявшій о выигрышѣ чепырехъ нумеровъ его:

24-го: это были его лѣта отъ рожденія.

26-го: лѣта, по его мнѣнію, маркизы *С.*, красавицы съ черными глазками и сладкимъ голосомъ.

19-го: лѣта *Элоизы Флино*; и наконецъ

17-го, взятаго имъ по чувству нѣжной привязанности къ *Аделинѣ Миле*, молоденькой его сосѣдкѣ, у которой окно было заставлено горшками съ резедою.

— Семьдесятъ пять тысячъ франковъ!... — повторялъ *Жюстинъ*.

И бѣдность, его окружавшая, смѣнилась роскошью, которая должна была явиться къ нему вмѣстѣ съ этими деньгами.

Онъ не замѣчалъ болѣе грязныхъ и изорванныхъ обоевъ своей пѣсной комнатки: обрывки и пятна ихъ прикрывались красивою шелковою пикашью; мѣдный подсвѣчникъ, въ которомъ сальная свѣча, за недостаткомъ щипцовъ, была вонкнула верхнимъ концомъ, спанивился богатою лампою въ древнемъ вкусѣ, можетъ быть, подобною той, которая освѣщала ночныя бѣднія *Алквиада*. Наконецъ, его изношенный, коромѣй, полинялый сюрпукъ, покоившійся на единственномъ стулѣ его квартиры, уступалъ мѣсто щегольскому фраку, точно па-

кому, въ какомъ недавно проѣхалъ графъ *Л.* въ Опѣль (*Auteuil*) въ своемъ прекрасномъ пильбюри, въ ту самую пору, когда и онъ, *Жюстинъ Соваль*, сидя на верху омнибуса, прюхъ-прюхъ, а иидѣ рысью, также пробирался въ Опѣль съ образчиками Ипдѣйской кисеи для маркизы *С.*

И такъ далѣе!

Отъ сихъ число вещественныхъ превращеній переходилъ онъ къ превращеніямъ сердечнымъ, и они слѣдовали въ такой же соразмѣрности.

Его молоденькая сосѣдка съ свяжимъ и пригожимъ личикомъ, всю недѣлю занимавшаяся рукодѣльемъ, а по Воскресеньямъ ходившая съ нимъ и съ его маперью пить молоко въ Монмартрѣ, эта сосѣдка совершенно заимѣвалась блескомъ связи съ знапною дамою, и мысль о приданомъ *Элоизы Флино* подавляла въ немъ даже воспоминаніе о бѣдной *Аделинѣ*.

Онъ не хотѣлъ болѣе и думать объ ея черномъ пафьяномъ передникѣ и скромномъ бѣломъ чепцѣ.

Распуча душу споль несбыточными мечтами, *Жюстинъ* снова возвращался къ 75,000 франковъ: они могли ему служить сильнымъ вспомогательнымъ корпусомъ при будущихъ его побѣдахъ!

— Надо признайся, — говорилъ онъ поглаживая свой взѣрошенный хохоль и приближающийся клочекъ бороды подъ нижнею губою, надо признайся, что я не дурень собою, очень не дурень, и когда мы спрячемъ съ себя эту лавочную пыль, о! тогда, прелестная маркиза... —

Сверхъ того, какимъ важнымъ пособіемъ могли послужить ему эти 75,000, чтобы получить отъ почтенныхъ родителей *Элоизы* руку ихъ единственной наследницы!... Извѣстно, что взѣрошенный хохоль и Испанская бородка очень слабо дѣйствуютъ на родителей... Маркиза *С.* принадлежала къ области романа, но *Жюстинъ* не отказывался и отъ исторіи, а исторія состояла въ выгодной женищбѣ.

Жюстинъ былъ такъ углубленъ въ свои надежды, такъ ими занявъ, что даже не

слыхалъ обыкновеннаго привѣтствія *Аделины*. Каждое утро изъ за дощатой перегородки раздавался чистый и звонкій голосъ молодой сосѣдки, и когда дневные пруды должны были разлучить ихъ до самаго вечера, то привѣтствіе это изливалось у неѣ печальнымъ и жалобнымъ напѣвомъ; когда же такъ, какъ въ этотъ день, имъ предспояло двѣнадцать часовъ полной свободы: она выражалась громкою и веселою пѣснью.

Но *Жюстинъ* не отвѣчалъ, не слушалъ, и мало по малу веселый напѣвъ *Аделины* становился грустнѣе и заунывнѣе; онъ дрожалъ на устахъ ея, и она пѣла какъ малчовка, которой гнѣздышко осыпало отъ упрежняго холода.

— Бѣдная *Аделина*!... Мысли *Жюстина* были отъ неѣ такъ далеки въ эту минушу, *Жюстина*, котораго она такъ любила, для котораго она забывала даже своего любезнаго, оставленнаго ею на родинѣ, этого добраго *Пьера*, любившаго еѣ почто также, какъ она любила *Жюстина*.

«Г. *Жюстинъ*!...» вскричала наконецъ *Аделина* съ безпокойствомъ: «какъ же вамъ не спыдно такъ долго спать! Ваша мапушка насъ ожддаетъ. Въ Монмарטרѣ будетъ сегодня такъ, весело! Не хотите-ли надѣть свой спній фракъ, г. *Жюстинъ*! Я поторопилась починить его вчера съ вечера, потому чтоцо Воскресеньямъ грѣшно работать.»

Но *Жюстинъ* былъ въ это время въ самомъ занимательномъ мѣстѣ объясненія своего съ маркизою *С.*; онъ спановился уже однимъ коленнымъ на коверъ, подлѣ маленькыхъ ножекъ ея, обурыхъ въ черной апласъ; онъ жалъ ея пухлыя бѣлыя ручки; онъ упивался благоуханіемъ ея шали, плашья, волосъ ея.....

Въ эту минушу закричала на пепляхъ дверь чердака, и старая привратница въ деревянныхъ башмакахъ, съ изсохшими руками, издавая непріятный запахъ табаку и луку, вошла въ комнату.

«Вошъ вынупные номера!» сказала она сердито, положивъ къ нему на постель небольшую запачканную бумажку.

— Я не хочу пеперь ихъ видѣть! — сказала *Жюстинъ*, закрывъ глаза и оборотивъ бумажку другою спороною.

Тутъ онъ снова принялся спроить воздушные замки, желая довести ихъ до самой вершины, прежде чѣмъ они разрушались отъ холоднаго дыханія истины.

Но привратница положила на постель его два письма, и по неперпнью, съ какимъ схватилъ ихъ *Жюстинъ*, можно было заключить, что одно изъ сихъ писемъ служило основаніемъ, а другое кровлею его зданія.

Первое, которое онъ распечаталъ, носило на себѣ характеръ какого-то аристократическаго изящества: это доказывала продолговатая и тонкая оберпка его, бумага гладкая и блестящая, какъ апласъ, почеркъ мелкій и прихотливый, какъ мысли свѣпской женщины, и большая печать зеленого сургуча, на которой былъ видѣнъ двойной щипъ фамильнаго герба.

Никогда письмо не походило менте на любовную записку. Но *Жюстинъ* былъ небольшой знатокъ въ геральдикѣ, и потому левъ въ голубомъ полѣ, изображенный на одной споронѣ печати, и крестъ, вырѣзанный на другой, показались его романическому воображенію ни больше, ни меньше, какъ замысловатую аллегоріею маркизы *С.*, чтобы заспавить его понять.....

Что такое?

Можетъ быть то, что для достиженія щѣли, ему нужна была львиная смѣлоспъ... Это исполкованіе очень понравилось *Жюстину*. Крестъ разспрошвалъ немного его выводы; но я не спану ручапся, что въ радости и этомъ крестъ не предспавился ему эмблемою любви.

Письмо!... письмо маркизы *С.*! *Жюстинъ* читалъ, перечипывалъ, пожиралъ его глазами; голова его горѣла и кровь волновалась въ жилахъ отъ горлчки пщеслavia.

И совсѣмъ пѣмъ, это письмо заключало въ себѣ только слѣдующія спроки:

«Маркиза *С.* просипъ г. *Жюстина Совалл* сдѣлать одолженіе привезти къ ней въ

Опѣль въ Воскресенье, 25-го Мая, въ четыре часа по полудни, нѣсколько кусковъ Индѣйской кисеи, по пѣмъ обращикамъ, копорые онъ показывалъ ей въ прошлый разъ.»

Въ глазахъ *Жюстина* никогда назначеніе свиданія не могло быть яснѣе, положительнѣе, и эпи подчеркнутыя слова: въ Воскресенье, 25-го Мая, въ четыре часа, казались ему написанными огненнымъ перомъ.

Онъ спустилъ наконецъ съ кровати одну ногу, чтобы дѣятельнымъ образомъ начать эпошъ щасливый день.

Тутъ упало съ его постели другое письмо.

— Посмотримъ, что-то здѣсь написано, сказала *Жюстинъ*, небрежно поднимая его. О, какъ оно похоже на разряженную купчиху!—

Послѣдняя записка сложена была мысочкомъ, и написана на бумагѣ нѣжнаго лиловаго цвѣта; почеркъ ея могъ служить образцомъ правильности; каждая запяная спояла на своемъ мѣстѣ; а на печати, самой классической, былъ изображенъ Амуръ съ повязкой на глазахъ, съ колчаномъ за плечами, однимъ словомъ, въ полномъ вооруженіи.

— Вошъ ужъ эпо совсѣмъ не такъ зашѣливо, какъ левъ и креспъ, — подумалъ *Жюстинъ*: эпи мѣщанки такія опкровенныя!—

Онъ спалъ чипашъ:

«Милоспивый Государь!

«Такъ какъ братаецъ *Дезире Жиробле* уѣхалъ въ деревню по нашимъ домашнимъ дѣламъ, то мы избираемъ васъ своимъ кавалеромъ на сегодняшнюю прогулку. Погода нынче прекрасная, и потому мы намѣрены взять съ собой въ Булонскій лѣсъ обѣдъ; если же ослы будутъ не очень дороги, то мы можемъ проѣхаться тамъ верхомъ.

«Оспаюсъ до свиданія

Алоиза Флипо.»

«Мы будемъ ждашь васъ въ два часа послѣ обѣда.»

Письмо эпо проложило воображенію *Жюстина* новую дорогу, и оно успремилось въ область, менѣе живописную, но болѣе

изобильную. Наслѣдница богатаго магазина заспушила мѣсто благородной и знашной дамы. Если за минушу передъ пѣмъ, *Жюстинъ* былъ увѣренъ, что ему предспошъ любовное свиданіе, то и теперъ онъ почти не сомнѣвался, что въ рукахъ его будетъ скоро свадебный конспрактъ.

Онъ спалъ на полъ и другою ногою.

«Ну что же вы съ своими нумерами?» сказала спарая привратница, удивляясь, что *Жюстинъ* прежде всего о нихъ не подумалъ: «что-жъ вы съ своими нумерами?... Господи Боже мой! что эпо ему сдѣбалось; онъ ума ряхнулся!...»

Въ продолженіе сихъ словъ, *Жюстинъ* вдругъ бросился на шею спарухи, спалъ обнимашъ, душишь, сжимашъ еѣ въ объятіяхъ съ какимъ-по несповспвомъ.

Онъ окинулъ однимъ взглядомъ выигрышныя номера: эпо были:

17-й, 24-й, 19-й и 26-й.

И при эпошъ прешьемъ успѣхѣ, горячка его превратилась въ изспупленіе.

— Выигралъ! выигралъ!... Слышишь-ли, *Аделина*, выигралъ всѣ четыре билета! Семьдесятъ пяшь тысячь франковъ!—

И онъ, полуодѣшый, бѣгалъ по комнатамъ, махалъ руками и кричалъ какъ безумный.

— Семьдесятъ пяшь тысячь франковъ!— Эпо слово безпрестанно верпѣлось у него на языкъ; эпо было рипурнелю и финаломъ всего, что онъ говорилъ; эпо было для него какимъ-по магическимъ словомъ, какъ имя первой любовницы, какъ название опчизны для изгнанника!

Проспите лавка! прощайте и чердакъ и скромный чепчикъ *Аделины*!

А между пѣмъ, эта *Аделина*, спон на колънахъ и поднявъ глаза къ маленькому уголку неба, копорый былъ видѣнь изъ ея комнаты, опъ чистаго сердца благодарила Бога за щаспие, какое онъ послалъ ея *Жюстину*, а вмѣстѣ съ нимъ и ей.

«Потому что теперъ,» такъ думала прсподушная дѣвушка: «теперъ онъ не ска-

жеть, что мы слишкомъ бѣдны для того, чтобы жениться....» И она повторяла психонько:

«Семьдесятъ пять тысячъ франковъ!»

И ей видѣлось уже, что она стоить съ *Жюстинь* передъ алтаремъ приходской церкви, а тамъ мечталось ей и домашнее хозяйство, и новорожденное дитя ихъ....

«Семьдесятъ пять тысячъ франковъ!» ворчала также сквозь зубы старая приврапница. — «Вѣдь достались же они этому молокососу, у котораго разомъ полпяты въперъ; а приди-ка эти деньги къ намъ съ моимъ спаркомъ, да намъ бы не прожить ихъ и во весь вѣкъ свой. Такъ нѣтъ! Видно такимъ бѣднякамъ, какъ мы, и думать нечего про счастье!»

Круглые глаза старухи расширились и сверкали отъ зависти и алчности, какъ глаза коша ея, когда мышь, которую онъ долго сперегъ, попадала въ когти одного изъ поваращей ночныхъ его набѣговъ.

Въ то время, какъ *Аделина* молилась, а приврапница выходила изъ себя отъ досады, *Жюстинъ* успокоившись немного, спалъ обдумывая планъ дневныхъ своихъ похажений.

— Прежде всего, сказалъ онъ, надобно позаботиться о своемъ нарядѣ; платье дѣлаешь челоуѣка.... Приведи мнѣ скорѣе кабриолетъ, продолжалъ онъ, обратясь къ приврапницѣ: скорѣе! я буду ждать его!... Это удивительно, какъ я сегодня счастливъ! Два свиданія вдругъ, одно въ Опель, другое въ Булонскомъ лѣсу, одно въ два, другое въ четыре часа..... И такъ, до двухъ часовъ, любезная *Элоиза*: эта прогулка далеко поведетъ васъ!.... До четырехъ, прекрасная маркиза!.... Лоперею мы оставимъ до завтра! Номера мои не уйдутъ отъ меня, тогда, какъ эти вертопрашки, эти женщины!... —

— *Аделина*, мой синій фракъ! Ну что-жъ неидетъ эта старая мумія? Я не успѣю сдѣлать всего, что нужно! —

«Ахъ, *Жюстинъ*! вы собрались гораздо прежде меня.... Развѣ вы... развѣ мы оправимся не вмѣстѣ?»

— Нельзя, душинька, ты сама должна знать, что мнѣ будетъ пропасть хлопотъ съ этими 75-ю тысячамъ.—

«А наше Воскресенье!» сказала она печальнымъ голосомъ.

— Я тебѣ говорю, что прежде надобно управиться съ дѣлами.—

«Но развѣ вы забыли, что насъ ждетъ ваша мапушка?»

— Ты отправишься одна и обо всемъ ей расскажешь.—

«Семьдесятъ пять тысячъ франковъ! Сколько-жъ они будутъ приносить намъ дохода?» опкровенно спросила *Аделина*.

Жюстинъ внутренно улыбнулся.

— Послушай, моя милая, какъ ты находишь, не длинны ли у меня усы? —

«Васъ ждетъ кабриолетъ, г. *Жюстинъ*!» закричала снизу приврапница.

«И такъ, мы расстаемся, расстаемся на цѣлый день!» сказала *Аделина*, снова увлекаясь главною своею мыслию.

— Не грусти, *Аделина*! я подарю тебѣ изъ своего выигрыша славное платье.—

Уходя, онъ зашелъ въ комнату *Аделины* и сталъ расправлять волосы и расчесывать бороду передъ опломкомъ зеркальца, предъ которыми милая дѣвушка каждое утро надѣвала свой чепчикъ, теперь невинно заслужившій такое пренебреженіе *Жюстинка*.

Если-бъ съ словами: я подарю тебѣ славное платье, *Жюстинъ* взглянулъ на бѣдную *Аделину*: по увидѣлъ бы, какъ она вдругъ поблѣднѣла и какъ слезы навернулись на голубыхъ ея глазкахъ.

Она не сказала ни слова, но опошеть къ окну, спрятала свои поблѣднѣвшія щечки и плачущіе глазки между вѣтвями резеды.

Жюстинъ мигомъ сбѣжалъ по лѣстницѣ, прыгнулъ въ кабриолетъ и уѣхалъ....

Онъ позабылъ, что *Аделина*, наклонясь изъ окна, ждала его прощальнаго взгляда.

Одного взгляда! Кажется, это такая бездѣлица.

Да! бездѣлица, когда намъ дарятъ его, вещь очень важная, когда намъ въ немъ отказываютъ. Припомъ же, для раненаго сердца *Аделины*, все, что не было ласкою, было уже оскорбленіемъ.

Было два часа и пять минутъ, когда *Жюстинъ Соваль*, съ головы до ногъ преобразившійся въ *денди*, благодаря могуществу выигранныхъ билетовъ своихъ, которые онъ предъявилъ вездѣ, начиная отъ сапожника до шляпнаго фабриканта, — было два часа и пять минутъ, когда онъ остановился у дверей магазина au Prix Fixe въ Печной улицѣ.

Никогда побѣдитель не возсѣдалъ съ такимъ порожественнымъ видомъ на своей колесницѣ, съ какимъ нашъ главный сидѣлецъ ѣхалъ въ наемномъ кабриолетѣ; никогда герой не гордился такъ лавровымъ вѣнкомъ, украшавшимъ его голову, какъ гордился *Жюстинъ* новою Касторовою шляпою, которая съ одной стороны опоясывала бровь его, а съ другой возвышалась надъ волнистыми кудрями его каштановыхъ волосъ.

Онъ былъ такъ хорошъ, такъ наряденъ, такъ щеголеватъ, что *Элоиза Флино*, которая не отводила глазъ отъ окна съ тѣхъ поръ, какъ на спѣсныхъ часахъ магазина пробилъ два, не узнала *Жюстина*, и нѣжная ужимка, съ которою она готовилась его встрѣпить, при видѣ этого щеголя, превратилась въ улыбку, еще болѣе умильную.

«*Жюстинъ!*...» вскричала наконецъ *Элоиза* съ чрезвычайнымъ удивленіемъ; шутъ, мысли ея обратились къ ней самой, и, къ чести ея самолюбія надобно сказать, что она признала себя неспоющею такого спутника въ прогулкѣ.

«Еще не поздно!» сказала она съ жеманствомъ: «Я такъ дурно одѣта!... Добрая пепушка, позвольте мнѣ надѣть мое платье цвѣта *пуншеваго пламени!*»

Жюстинъ содрогнулся. До маркизы оставалось шелько полпора часа, а онъ очень

хорошо зналъ, что когда *Элоиза* надѣвала платье цвѣта *пуншеваго пламени*, по шуа-лешъ ея продолжался вѣвое долѣе обыкновеннаго. Но онъ выразилъ страхъ свой самыми испертыми любезностями и пошлыми нѣжностями, отъ которыхъ мы уолимъ чинапелей.

— О! вы такъ милы и въ эпомъ нарядѣ! Онъ такъ проспъ! Вы въ немъ настоящій полевой цѣвшокъ! —

И полевой цѣвшокъ эпомъ весело порхнулъ въ кабриолетъ, въ которомъ они преспокойно умѣстились четверо.

Дорогою надежды *Жюстина* укрѣплялись болѣе и болѣе. *Элоиза*, подспрекаемая новымъ нарядомъ *Жюстина*, повторяла весь свой репертуаръ кокетства; улыбки и взгляды, взгляды и улыбки сверкали и пересѣкались подъ носомъ пепушки, которая, въ страхъ отъ излишней рьяности наемной клячи и пѣснямая содѣствомъ кучера, оставляла свою племянницу въ добычу всѣмъ опасностямъ оболщенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *Жюстинъ* пѣтъ дѣяшельнѣе спарался воспользоваться доброю волею одной и разсѣялностью другой, что часъ маркизы былъ уже недалеко, и что прежде, чѣмъ добиваться вперого успѣха, надобно было увѣриться въ первомъ. Было-бы очень жаль остановиться на такой хорошей дорогѣ!... Но, слава *Ловеласу* моднаго магазинна! Голова *Элоизы Флино* была вполнѣ вскружена въ ту минуту, когда онъ высадилъ еѣ съ шепкою на Ранелагскомъ лугу.

— Пойдемъ-ка, *Элоиза*, сказала пепушка: да поищемъ мѣстечка для нашего обѣда, покажемъ добрый нашъ *Жюстинъ* създитъ въ Ошѣль съ *Индѣйскою* кисеею для маркизы. —

«Не оставайтесь тамъ долго, г. *Жюстинъ!*» вздохнула *Элоиза*.

— Шпуку осьмаго номера можно пустить по одиннадцати франковъ пятидесяти сантимовъ, — кричала вслѣдъ ему пепка.

Но *Жюстинъ* былъ уже далеко.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

НАГРАДА ЗА СУПРУЖЕСКУЮ ВѢРНОСТЬ,
ИЗДРЕВЛЕ УСТАНОВЛЕННАЯ ВЪ ГОРОДѢ
ДУНМОВѢ.

Въ городѢ ДунмовѢ (въ Англіи) существуетъ, съ нѣсколькихъ вѣковъ уже, довольно странный обычай, коего введеніе приписываютъ одному изъ предковъ знаменитой фамиліи *Фитцъ-Вальтеровъ*. Каждая супружеская чета, которая можетъ похвалиться вѣрностію и согласіемъ, имѣетъ право пребывать установленной за сіе награды, выдаваемой мѣстнымъ начальствомъ. Она конечно не весьма блистательна и состоитъ только — изъ порядочнаго окорока вѣчины; но полученіе оной сопряжено было — по крайней мѣрѣ донинѣ — со многими торжественными обрядами. Прежде всего супруги должны были принести слѣдующую присягу:

«Клянемся, по числой совѣсти нашей, что со времени вступленія въ брачный союзъ, никогда не нарушали мы супружеской вѣрности. Клянемся, что мы ни однажды между собою не ссорились и не оскорбляли другъ друга ни словомъ, ни дѣломъ; что, въ продолженіе 12-ти мѣсяцовъ и одного дня, ни разу не раскаивались въ томъ, что вступили въ бракъ, и что всегда сохраняли взаимную любовь и ту же самую нѣжность, которую чувствовали мы, соединивъ руки и сердца наши!»

Дунмовская хроника прибавляетъ, что въ печеніе двухъ съ половиною спольстій только при чети удостоились сей награды.

ЧУДНАЯ МѢЛЬНИЦА.

Какой-то Англичанинъ построилъ чудную мельницу на берегахъ Тиса (Thees). Она имѣетъ видъ человека, лежащаго на брюхѣ, и вода льется ему въ ротъ, черезъ каналъ, имѣющій видъ бутылки; зубы служатъ рѣшеткою. Въ брюхѣ помѣщена мельница съ колесами. Хозяинъ ея живетъ въ головѣ; глаза суть окна его жилища. Ра-

ботники помѣщены въ рукахъ; лошади, быки и повозки въ бедрахъ и ногахъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Скитался я долго по чуждымъ странамъ,
Опъ родины милой далеко,
Безопасно вѣрляясь невѣрнымъ волнамъ.
Скитался и тамъ, гдѣ смершнаго око
Впервые узрѣло денницы разсвѣтъ,
Гдѣ прелеснь Эдема доднесь почіетъ.
Я видѣлъ Кавказа съдыя вершины,
Цвѣшущія вѣчно, какъ въ Маѣ, долины,
Вершину Казбека и царство зимы.
Я видѣлъ долины: эмблемы тамъ мира,
Оливы и мирты безсмынно цвѣшущъ.
О край вдохновеній! страна Кашемира,
Тамъ въ щасть и нѣгѣ дни смертныхъ текутъ.
Но все, что я видѣлъ, меня не предельсило:
Страна Кашемира—природы краса,
Восточное небо, полудня свѣтло,
И ночью прохладной лазурь—небеса.
Я часто по берегу бродилъ одинокой,
А южное море вздымало валы, —
Я мыслью стремился на сѣверъ далѣкой,
Но тщетно! У моря, пустынной скалы,
Казалось надолго судьба приковала
Меня, какъ Юпитеръ во гнѣвѣ казнилъ,
Какъ хищная птица страдалица терзала,
Такъ горе и скука терзали меня.
Но вотъ, часъ желанный!... свобода настала,
Суда огивалили... шумитъ паруса...
И вотъ недалеко... вотъ лодка пристала,—
Я въ родинѣ!... Радость... О доли, леса!

Л. Якубовичъ.

МУХА.

(Басня.)

Воспъ пасмурный борей;
Снѣгъ лежитъ среди полей;
Муха не жужжитъ, не бродитъ;
Въ щелку спрятавшись, она

Не кусается, смирна.
 Муха духъ чуть переводить!
 Но едва пришла весна,—
 И не сладишь больше съ Мухой!
 Не страшить её гроза:
 Сядетъ на носъ, сядетъ въ ухо;
 Такъ и лезетъ всѣмъ въ глаза;
 Всѣмъ вредить — для ней забавой!

Сколько есть подобныхъ Мухъ,
 Что отваги притаятъ духъ,—
 Лишь послышатъ бой кровавой!
 II. Манассинъ.

О М О Н И М Ъ.

Одно мое названье
 Имѣетъ три знаменанья:
 Во *первыхъ*: обществу людей,
 Крамольныхъ, лютыхъ, какъ звѣрей;
 Вы во *вторыхъ* найдете развлеченье,
 Глядя на представленья;
 Безъ *третьего* ружья нельзя назвать ружьемъ,
 А просто лишь спальный спволѣмъ.
 Л. Ливанскій.

Въ No 45-мъ помещенная загадка значить: *Chemie*.

М О Д Е С.

On commence à être importuné de la chaleur; et au spectacle ou le soir en reunion on cherche ce qui charge le moins pour composer la toilette, les bonnets de blonde ou de dentelle, les chapeaux de paille de riz ou de crêpe sont des nécessités du moment. Dans les magasins de Mme Thomas, rue des Filles-Saint-Thomas, nous avons remarqué de fort jolis petits chapeaux du soir en crêpe; forme relevée demi-grande, calotte inclinée avec de charmans rubans de gaze découpée, en couleur sur fond blanc, et une fleur légère. Puis d'élégans bonnets de blonde avec des fleurs en bouquets ou délicates guirlandes.

Mme Thomas a fait de jolies capotes en tissu écru, d'une teinte poussière très-distinguée; ces capotes se montent avec des rubans de gaze-taffetas gros grains, vert irisé, ou en taffetas écossais.

Le nouveau magasin de Mme Rousselet, rue de la Paix, est achevé maintenant et fixe l'attention des promeneurs; le soir surtout lorsque les vives lumières se répètent dans les hautes glaces multipliées, dans les élégantes psychés de palissandre, à travers les magnifiques vitrages, les meubles recherchés, la disposition de l'appartement ont quelque chose de tout particulier. Rien ne rappelle le magasin, sinon les modes faites, groupées sur des tables et devant les fenêtres; c'est un salon tendu de draperies où le goût se retrouve jusque dans les porcelaines qui le décorent.

М О Д Ы.

Жары уже пачинають наскучивать, и для нарядовъ въ спектакль или для вечернихъ собраній прискиваютъ что нибудь полегче; чепчики блондовые или кружевные, шляпки басповыя или креповыя необходимы въ шеперешнее время. Въ магазинъ г-жи Thomas весьма красивы креповыя небольшія вечернія шляпки; поле открытое не совсѣхъ большое, шудья наклоненная, ленты изъ вырѣзнаго газа, цвѣтнаго по бѣлому, и легкой цвѣтокъ. Попомъ щеголеватые блондовые чепчики съ букешами изъ цвѣшвовъ или легкими гирляндами.

Г-жа Thomas сдѣлала красивые капоты изъ суровой шкани, съ весьма отличнымъ пыльнымъ оплшпкомъ; эти капоты опдѣлываются лентами gaze-taffetas грограновыми, цвѣща зелѣнаго irisé, или Шотландскими шафшяными.

Новый магазинъ г-жи Rousselet оконченъ теперь и успремляетъ вниманіе гуляющихъ; вечеромъ особливо, когда яркіе огни повпоряются во множествѣ высокихъ зеркаловъ, въ щеголеватыхъ палиссандровыхъ psychés, сквозь великолѣпныя стекла, отличныя мебли, расположеніе комнаты заключаютъ въ себѣ нѣчто особенное. Ничто не напоминало бы о магазинѣ, если бы на столахъ и передъ окнами не наставлены были сдѣланные уборы; это драпированная зала, гдѣ видѣтъ вкусъ и въ фарфорахъ, еѣ украшающихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходипъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 47.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 15 дня 1854 года.

На сподпъ дорожный Пепръ философъ нашъ походишь:
Показываетъ путь, а самъ по немъ не ходишь.

А. Измайловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

(Окончаніе.)

Било чепыре часа, когда *Жюстинъ* уви-
дѣлъ решепку маркизшинова сада и кашпа-
новыя деревья, осѣнявшія ея своими широ-
кими лиспьями.

Онъ выпрыгнулъ изъ кабриолета, легкими
шагами прошель по двору, взбѣжалъ на лѣ-
спницу по ступенямъ краснаго дерева и
очунилъ глазъ на глазъ съ молоденькою
горничною, которая сказала ему съ шайн-
спвеннымъ видомъ:

— Тсъ!... барыня не одна! —

И *Жюстинъ* долженъ былъ около часа хо-
дипъ взадъ и впередъ по комнапъ, пользуясь
полною свободою бесѣдовать съ попугаемъ
маркизы.

Наконецъ, та же горничная вошла и сдѣ-
лала ему знакъ за нею слѣдовать.

— Тсъ!... повторила она: идите пише,
баринъ сей часъ только вышелъ. —

Наконецъ! наконецъ!

Онъ переступилъ порогъ эпого будуа-
ра, эпого рая, о которомъ онъ мечпалъ
шакъ долго!

Въ самомъ дѣлѣ, эпо былъ настоящій
рай *Магомедовъ*, рай: въ немъ все было бла-
гоуханіе и гармонія! Нельзя сказать, одна-
ко же, чпобы въ немъ все было свѣпъ, но
для будуарнаго рая, эпо, можетъ быпъ,
еще восхитительнѣе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ *Жюстинъ*
Соваль, который, впрочемъ, увидѣлъ многое
въ эпомъ мракѣ, совершенно *свѣтломъ* по
его мнѣнію.

Когда онъ вошелъ, маркиза имѣла потъ
успалый видъ, которымъ обыкновенно ош-
личаются незанятыя люди; она сидѣла въ
большихъ креслахъ съ выгнутою спинкою,
облокотясь головою на руку; положеніе ея
было исполнено пѣги, а на лицѣ рѣзкими
чертами изображалась скука; безпечный
взоръ ея нпкуда не былъ устремленъ; на
устахъ проглядывало неудовольствіе; а опъ
частаго званья свѣплая слеза увлажила
длиныя рѣсницы ея.

Но *Жюстину* было очень естественно почестъ эту скуку печалью, зѣванье вздохами, а влагу, блиставшую въ глазахъ маркизы, настоящими слезами.

«Бѣдненькая!...» подумалъ онъ; и въ самомъ дѣлѣ, уже около пяти часовъ, а эпошь мужъ до сихъ поръ опъ неѣ не выходилъ!...

Легко себѣ представивъ, что послѣдняя капля разсудка, остававшаяся въ головѣ *главнаго сидѣльца*, исчезла, когда имя *Жюстина Соваль*, выговоренное въ полголоса оспорожною горничною, вдругъ подѣйствовало на госпожу ея съ такою силою, что она спала совершенно другою маркизою, нежели та, которую за минушу предъ тѣмъ онъ видѣлъ лѣниво распростирающую въ высочкихъ креслахъ съ выгнутою спинкою.

Внезапно и, какъ будто-бы дѣйствіемъ волшебной силы, согнутый спанъ ея выпрямился, небрежно поныкая головка, которая склонялась какъ роза, опягощенная дождѣмъ, съ живостію приподнялась; грустныя глазки заблестали, недовольныя губки улыбнулись!

«О всемогущая любовь!...» подумалъ *Жюстинъ*.

— Г. *Жюстинъ Соваль!*...—повторила маркиза, легко и бодро подходя къ нему.

И *Жюстину* померещилось, что онъ видитъ Балдеру, распочающую всю свою благосклонность бѣдному Индусу, который скоро сдѣлается божествомъ.

— О! я очень боялась, что вы не придете!—

Влюбленный былъ въ какомъ-то очарованіи. Сердце билось въ немъ такъ часто, что онъ едва не задыхался; но опъ силы ощущеній, онъ не въ состояніи былъ ничего выговорить. Напрасно искалъ онъ въ памяти и рѣчь, импровизированную имъ въ своихъ упреннихъ мечтаніяхъ, и фразы, заимствованныя имъ, для своего обихода, изъ модныхъ романовъ, которые онъ читы-

валъ вслухъ *Элоизъ Флино* по вечерамъ, убравъ повары и заперши магазинъ.

Неблагодарная предательница память!... Ничто не приходило ему въ голову, и онъ перзался какъ въ пылкѣ, потому, что маркиза ждала, чтобъ онъ заговорилъ... Передъ нимъ спояла она, прекрасная, обрадовавшая, спрастная, а онъ молчалъ!...

Наконецъ, однако-жъ, кто-то, ангель или демонъ, надъ нимъ сжалился, и эти слова, споль истинныя, споль справедливыя, и также гдѣ-то имъ подмѣченныя, какъ молнія разсѣкли мозгъ его, и, пылая, упали на его усна.

«Краснорѣчіе щастія состоятъ въ молчаніи!»

— Уфъ!...—вздохнулъ *Жюстинъ* пихонько.

Маркиза не разслышала, и спараясь согласить слова его съ собственными мыслями, сказала:

— Вамъ кажется рано! а мнѣ напротивъ, очень поздно! (*)

Тупъ *Жюстину* пришло на мысль, что умъ маркизы не опличается такою живостію, какъ сердце, и онъ искренно пожалѣлъ, что смыслъ его прекрасной фразы былъ такимъ образомъ совершенно для неѣ потерянъ.

«Хорошо же! подумалъ онъ; теперь мы обратимся не къ уму ея!»

И онъ смѣло подошелъ къ маркизѣ. Уже согласно упренной программѣ, онъ преклонялъ предъ нею одно колено, возлѣ маленькихъ ножекъ ея, обушыхъ въ черныя аплась; уже онъ готовился схватить ея прелестныя ручки, бѣлыя, прозрачныя....

Опъ темнопыли въ будуарѣ, темнопы, которую *Жюстинъ* освѣщаль самыми бле-

(*) Здѣсь выходитъ не переводимая игра словъ: *Жюстинъ* говоритъ: «L'éloquence du bonheur, c'est le silence.» — *De bonne heu* ?... — спрашиваетъ маркиза, и пр. — *Пр. Переводика.*

спящими призраками своего воображенія, или оиъ темноты въ понятіяхъ маркизы. . . . она ничего этого не замѣтила.

Она кликнула только съ неперпѣніемъ горничную, которая уходила изъ комнаты:

— *Софья! Софья!* . . . опдерни же занавѣсы! Развѣ ты хочешь, чѣтобъ я купила голубое платье, вмѣсто зеленаго? —

Увы! увы! увы!

Первый лучъ свѣта озарилъ ослѣпленнаго *главнаго сидѣльца* магазина au Prix Fixe, и призраки его улетѣли въ окно, такъ неожиданно открытое *Софьею*.

Оиъ прозрѣлъ.

Индѣйской кисеѣ, да! ей одной былъ оиъ обязанъ честью этого свиданія!

Какъ описать то, чѣто чувствовалъ *Жюстинъ* въ сію минуту? . . .

Я не берусь за это.

— Посмотримъ, посмотримъ, г. *Соваль*, какова моя Индѣйская кисея! —

Жалкій, несчастный *Жюстинъ!* . . . Индѣйская кисея! Кстати ему было о ней думать!

Оиъ споялъ въ какомъ-то оцѣпененіи, выпучивъ глаза; языкъ его прилипалъ къ гортани, напрасно ища словъ, копорыя слѣдовало сказать.

Чѣто-то похожее на глухое степенаніе вырвалось изъ груди его:

«Я позабылъ еѣ!»

И лицо его, красное, какъ пламя, погрузилось и совершенно спряталось между спорамицъ ворошника его.

— Позабыли! . . . — повторила маркиза въ изумленіи.

«Позабылъ! . . .» снова сказалъ *Жюстинъ* замирающимъ голосомъ.

Госпожа и горничная взглянули другъ на друга; одна начинала догадываться, другая давно догадалась въ чемъ дѣло. Маркиза приняла степенный видъ; горничная зажала ротъ передникомъ, чѣтобъ не расхохотаться.

— Покорно васъ прошу, сударь, — сказала маркиза съ гордостью, пропягивая руку къ шнуру звонка: я прошу васъ возвратиться въ Парижъ и прислать мнѣ еѣ! Слышите-ли! *прислать мнѣ еѣ!* —

И она такимъ тономъ произнесла это слово, чѣто бѣдный *Жюстинъ* едва успѣлъ на ногахъ.

Выходя изъ будуара, оиъ сполкнулся съ графомъ *Гебрихомъ Л.*, копорый входилъ туда.

— *Софья!* задерни занавѣсы! — сказала маркиза.

Никогда еще въ Булонскомъ лѣсу не раздавалось столько *охъ! охъ! увы!* и другихъ подобныхъ восклицаній, какъ въ промежуткѣ крапкаго перѣзда *Жюстина Соваль* оиъ Опѣля до Ранелагскаго луга. . . . На дорогѣ не оспалось ни одной скромной лппочки, которая бы не подверглась паяжкимъ ударамъ бамбуковой прости раздраженнаго любовника, ни одного цвѣтка, копорый бы не усыялъ дерна своими оципанными лпсочками.

И въ самомъ дѣлѣ, лишиться мечты, копорую вы пипали, нѣжили, лелѣяли въ продолженіе прехъ мѣсяцовъ, и копорая улетаетъ на воздухъ, смѣясь надъ вами и безжалостно опнимая у васъ всю надежду на счастье!

Въ *Жюстинъ* гнѣвъ былъ говорливѣе любви, и попому теперь слова пѣснились на языкъ его съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ незадолго передъ тѣмъ оиъ убѣгали оиъ него; оиъ предавалъ проклятію всѣхъ женщинъ, особенно знапныхъ!

За то въ *Жюстинъ* гнѣвъ истощался также скоро, какъ любовь; первый былъ одна только минушная запальчивость, также какъ послѣдняя была ни чѣто иное, какъ мгновенное сіяніе молніи.

Скоро запальчивость эта укропилась, молнія погасла, и *Жюстинъ*, пришедшій въ обыкновенное расположеніе духа, почти

поперялъ изъ вида мечпу, споль жестоко его покинувшую. Онъ совершенно предался двумъ оспальнымъ мечпамъ своимъ:

Элоизъ Флино и доперейному билету.

«*Элоиза Флино!*... Но развѣ, какъ мы сказали, онъ не проклялъ всего, что только носило юпку, изъ какой-бы пкани ни была она сшита, изъ кружева или выбойки? Онъ предалъ анаемъ всѣхъ женщинъ минувшихъ, настоящихъ и будущихъ!

Да! такъ точно! Но *Элоиза Флино* была не женщина, а приданое!

Вотъ истина, копорая такъ проникла весь мысленный составъ его, что когда онъ воропился: то *Элоизъ* не предспавилось ни какого повода быть имъ недовольною, и если, по случаю, оставалось еще нѣкое содроганіе въ его голосъ и досада въ его глазахъ, то все это было приписано единспвенно тому, что онъ потерялъ много времени розно съ нею, прождавъ по пусто-му маркизу *С.*

«Ужъ эти знатныя барыни!... Вотъ таковы-то онъ всѣ!... говорила старая хозяйка магазина au Prix Fixe: ипревожитъ людей, да еще въ воскресный день, и добро-бы за дѣломъ, а то по по пустякамъ!... Чего еще? небось, онъ думаютъ, что мы спавимъ и Богъ знаетъ въ какую честь прислуживать имъ эдакъ за ихъ сладкіе глазки!»

Элоиза не говорила ни слова; она выражала мысли о любви, которыя занимали её, самымъ нѣжнымъ взоромъ своихъ зрачковъ небснаго цвѣта (прибавимъ, въ ненастный день), и крылышкомъ цыпленка, спасеннымъ ею отъ апепита своей пѣпки, чтобъ полакомить имъ *Жюстина*.

Я не остановлюсь на описаніи двухъ часовъ, которые за симъ послѣдовали, и скажу только, что никогда обѣдъ на зеленой муравъ и прогулка на ослахъ не способствовали такъ много къ усиленію спраспи двухъ влюбленныхъ.

Не стану также исчислять, сколько разъ упрямый осель старой пѣтушки останавливался щипать шраву по сторонамъ до-

роги, между пѣмъ, какъ племянница и главный сидялецъ углублялись въ чашу лѣса. Для полнопы моего разказа не худо прибавить только, что когда всѣ опять соединились, то *Элоиза* и *Жюстинъ* казались очень довольны другъ другомъ; не смотря на царапину, сдѣланную на подбородкѣ красавицы невѣжливымъ сукомъ дерева, и на ушибенную руку нашего всадника, котораго *Буцефалъ* его довольно неоспорочно сбросилъ съ себя на груду бульжника.

Такимъ образомъ, для *Жюстина* все шло, какъ нельзя лучше: ибо надобно быть съ весьма дурнымъ характеромъ, чибобы сердиться, когда вмѣсто трехъ удачь, которыхъ ожидаемъ, сбываются только двѣ.

Вотъ почему будуаръ маркизы спановился почти вовсе незамѣпнымъ изъ за храма форпуны, который возвышался въ глазахъ *Жюстина* въ видѣ магазина au Prix Fixe въ Печной улицѣ, съ его шелковымъ фризомъ, выбойчатыми колоннами и симцевыми карнизамп.

И болѣе, чѣмъ когда либо, онъ прославлялъ день 25-го Мая, котораго первые лучи проглянули на него съ такимъ благоволеніемъ, а послѣдніе, можетъ быть менѣе яркіе, не столько ослѣпляли, но болѣе согрѣвали его.

Кабріолетъ везъ прехъ гуляющихъ обратно. Тѣтушка боялась еще болѣе, чѣмъ упромъ, а влюбленные еще болѣе смѣялись. Чувствительная *Элоиза* подала щасливому *Жюстину* свою пухленькую ручку, снявъ прежде перчатку, чтобы не измять её.

Подъѣзжали къ дому. Уже миновали уголъ Гренельской улицы, когда *Жюстинъ*, копорый до сихъ поръ изъяснялся только пашпомимою, бросилъ наконецъ подъ шляпку *Элоизы* слѣдующую рѣшительную фразу:

«И такъ, *Элоиза*, завтра, не правда-ли? Завтра я прошу у вашего дяюшки руки вашей, и получивъ её, чрезъ двѣ недѣли...»

Разговорившись однажды, онъ сказалъ-бы еще многое, если-бъ не остановило его восклицаніе *Элоизы*:

— Господи Боже мой!... развѣ вы не знаете, что и выхожу за дядюшкинова любимца, *Дезире Жирофле?*... —

О! на этотъ разъ голова *Жюстина* спрашно закружилась; звонъ раздаѣлся въ ухахъ его, въ глазахъ засверкали пылячи искръ, и если-бъ онъ не удержался за спѣнку кабриолета: то непременно свалился бы на мостовую.

И шупъ, какъ въ будуарѣ маркизы, молодой человекъ не нашель словъ для выраженія своихъ ощущеній. Онъ едва могъ выговорить голосомъ, похожимъ на глухой звонъ погребальнаго колокола:

«Братца *Дезире Жирофле!*»

— Послушайте, *Жюстинъ!* — продолжала *Элоиза Флино* голосомъ вдохновенной *Сивиллы*: послушайте, я ненавижу это замужство; сердце заговорило во мнѣ слишкомъ сильно; оно заглушитъ слабый голосъ моихъ обязанностей. Мое счастье заключается въ тебѣ! да, въ одномъ тебѣ!!! Намъ остается одно средство: тебѣ надобно увезти меня, и мы должны бѣжать! Дядюшка лишитъ меня наслѣдства, я это знаю; но это не бѣда! Слава Богу! тогда мы будемъ на вѣки принадлежать другъ другу. Что намъ до пустаго, ничтожнаго богатства? Любовь вознеситъ насъ такъ высоко, что мы не замѣчаемъ подлага земнаго праха. —

Изъ этого можно видѣть, что *Элоиза Флино* лучше *Жюстина* воспользовалась чпениемъ модныхъ романовъ....

Кабриолетъ; остановившійся въ эту минуту, и просьбы пѣтушки помочь ей выпти изъ него, избавили нашего *главнаго сидѣльца* отъ отвѣта, который долженъ былъ чертовски затруднить его; его, чье счастье заключалось въ ней одной; его, который во все не почиталъ богатства ничтожнымъ дѣломъ; наконецъ его, который не только замѣчалъ золотой земной прахъ, но и жадно хватался за него обѣими горстями!

И кромѣ того, похищеніе! Преслѣдованіе! Потеря мѣста! Исправительная по-

лиція.... Избави Боже! Припомъ, я уже предувѣдомилъ васъ, что по мнѣнію *Жюстина*, *Элоиза Флино* была приданое; отнимите это приданое, что же въ ней оставалось?

Почтенная невѣста господина *Дезире Жирофле!* Прощаніе было непродолжительно.

«Извозчикъ! въ улицу Ла Гюшептъ!»

Дорогою, мысли *Жюстина* естественно обратились къ его претъему, вѣрнѣйшему счастью, и въ первый еще разъ, послѣ поѣздки въ Опѣль, онъ опустилъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ залогъ этого счастья:

Лотерейный билетъ!....

Вдругъ неистовый, опчаянный крикъ, крикъ, отъ котораго вздрогнули извозчикъ, лошади и проходящіе, вырвался изъ расперзанной груди *Жюстина*:

«Потерялъ!!!»

«Извозчикъ! въ Булонскій лѣсъ! пошелъ скорѣе, скорѣе, въ Лонгшанскую алею!»

«Потерялъ!... потерялъ!...» повторилъ онъ, падая на скамью кабриолета въ изнеможеніи, въ опчаянніи, почти въ безпамятствѣ.

«Проклятыя женщины!.... Проклятая прогулка!... Проклятое паденіе!...»

Блѣдный свѣтъ сумерекъ озарялъ еще Лонгшанскую алею, когда прѣхалъ туда *Жюстинъ Соваль*. Онъ искалъ, искалъ, искалъ, перевернулъ каждый камешекъ, выдернулъ каждую былинку.... Увы! онъ опыскалъ письмо маркизы, письмо *Элоизы Флино*, а билета.... не нашель!

Таковъ былъ плачевный конецъ этого дня, который начался такъ блистательно.

Жюстинъ Соваль возвращался на свой чердакъ въ такомъ состоянніи, котораго я не берусь описывать, потому, что я отъ роду ничего не надѣялся ни отъ знатныхъ дамъ, ни отъ лотерей, ни отъ богатыхъ наслѣдницъ.

Среди хаоса, который царствовалъ въ головѣ его, свѣплѣли однакожь двѣ ясныя

идей: первая, (настоящая капля воды, переполняющая чашу), что ему не чѣмъ было заплашить за наемъ кабриолета; вторая, немного утѣшительная, что, можетъ быть, молоденькая сосѣдка, съ горшками резеды на окнѣ, столь добрая, столь нѣжная къ нему, заплашить этакъ долгъ, хопя и на щепъ своего завтрака; но во что бы то ни стало, а надобно было спасти новый фракъ и Касторовую шляпу отъ униженія лежать въ закладѣ въ мелочной лавочкѣ.

«Она такъ меня любитъ, эта бѣдная дѣвочка!...»

Но видно, новому фраку и Касторовой шляпѣ было суждено валяться во всепоглащающемъ сундукѣ ближняго лабазника... Разогорченная имъ сосѣдка скрылась!....

«Аделина!... моя милая Аделина!...» вскричалъ *Жюстинъ*, бросаясь въ распворенную дверь покинутаго пріюта молодой дѣвушки.

—Да! зови, зови еѣ!—ворчала, злобно усмѣхаясь, спарая привратница, приготовлявшая ужинъ своему копу: благодаря Бога, она довольно далеко отсюда и, хопя раскричась, тебѣ не опкликнется!.. Бѣдняжка!.. Если-бъ не я, она-бы и теперь еще его любила!... И еѣ бы обманули, какъ бывало, обманывали насъ!... Изверги эти мушкетеры!...—

И въ радости, что предохранила одну душу отъ гибели, привратница потирала руки, перебирая въ памяти все, что она рассказывала *Аделинѣ* поутру, потчасъ послѣ отъѣзда *Жюстина*.

Письма, восклицанія, восторги, поцѣлуй, имена маркизы и *Алоизы Флино*, сто разъ повторенныя при ней, привратницѣ: такъ *Жюстинъ* былъ восхищенъ своимъ щасіемъ, и пр. и пр. и пр.

Слѣдствіемъ этихъ рассказовъ было то, что *Жюстинъ Сомаль* не нашелъ въ комнатѣ молодой сосѣдки ничего, кромѣ слѣдующаго письма:

«Прощайте, г. *Жюстинъ*! вы меня больше не любите, и потому я уѣзжаю: я васъ

такъ любила! Но за чѣмъ и говорить объ этомъ? Глупо мнѣ было думать, чтобы просная, бѣдная дѣвушка, какъ я, могла вамъ понравиться, г. *Жюстинъ*, когда вы сами правитесь знатнымъ дамамъ!... Я отправляюсь домой. Еще разъ прощайте; благослови васъ Господи!»

«Я поставила свою резеду къ вамъ на окно; вспоминайте обо мнѣ, хопя до пѣхъ поръ, пока она не опцѣветъ!...»

Перев. *Ил. Глбовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЯВЛЕНІЕ УМЕРШАГО.

(Посвящено памяти друга С. И. Иванова.)

День лѣпшій, пышный пихо угасаль,
И съ нимъ его заботы умолкали;
Лучъ солнца постепенно догораль,
Подобно спарику въ борьбѣ со смертью.
Заря зарѣлась на краю небесъ,
Румяная, какъ щеки юной дѣвы.
Зайскрилась привѣтная звѣзда
Далеко въ годубомъ, вечернемъ небѣ,
Какъ благодатная, святая мысль
Въ душѣ высокой пылкаго поэта.
Текли лѣниво свѣплыя струи,
И въперокъ не шевелили листьями;
Лежала тѣма полночи на холмахъ,
Окованныхъ могильной пишиною.
Надъ колокольной бѣдный мѣсяцъ вспаль,
Какъ бы надъ і свѣпльющая почка.
И опразился въ зеркальной водѣ
Онъ восклицанья колоссальнымъ знакомъ;
Я былъ прикованъ взорами къ лунѣ,
И окруженъ незримою полною
Мечпаній фаншаспическихъ моихъ.
.....
И ты явился, мой умершій братъ;
Былъ пихъ приходъ пвой, гостъ благословенный,
Въ очахъ пвоихъ я зрѣлъ любви привѣпъ
И на устахъ подгробная улыбка.
Такъ, я узналъ себя, умершій другъ!

Ты приходилъ исполнишь обѣщанье,
И мнѣ въ бесѣдѣ тихой расскажешь
Небесныхъ пайинъ мистическую повесть:
Ты разгадалъ Великаго Творца,
Который все Собою наполняетъ,
Въ Которомъ мы, и въ насъ Который есмь,
Ту единицу, ту любовь свящую
Неугасаемый, чистѣйшій свѣтъ!
Ты говорилъ о чудномъ, звѣздномъ мірѣ,
Сіяешь гдѣ незаходимый день,
И въ огненномъ, пылающемъ эфирѣ
Лепаетъ свѣтосозарный Серафимъ
И въ звучной пѣсни Бога прославляетъ.
Ты разгадалъ гармонію міровъ,
Плывущихъ въ необъемлемомъ пространствѣ;
Поспигъ стихійъ возвышенный глаголь,
И моря вой, и плескъ волны холодной,
И шумъ листовъ, и въпра бурный свистъ,
Незриму цѣпь, связующую тайно
Одно звѣно творенія съ другимъ;
Блестящій камень, скрытый въ безднѣмрачной,
Съ растѣніемъ, цвѣтущимъ на лугу;
Растѣніе съ жилицей волкъ хрустальныхъ,
И рыбы съ птицей вольною небесъ,
И птицы съ кровожаднымъ звѣремъ лѣса,
И звѣря съ непримѣльнымъ червякомъ,
И червяка съ царемъ земли великимъ,
И челоуѣка съ духомъ неземнымъ.
Ты говорилъ о мудрости высокой,
О истинномъ блаженствѣ, о любви,
О вѣчности, о времени, о тайнахъ
Природы, неразгаданныхъ людьми.
И я внималъ тебѣ, пришлецъ загробный,
Очищенный, небесъ крылатый духъ!
Я жадно слушалъ, гость благословенный,
Мнѣ посланный Вселюбящимъ Творцемъ,
Твои правдивыя, свящяныя рѣчи;
О, вѣчно, вѣчно ихъ хотѣлъ бы слушать...
Но мракъ ночной денницею смѣнялся,
Потухли звѣзды въ синевѣ небесъ,
И ты сокрылся, такъ, какъ призракъ ночи.

Но я лепѣлъ тебѣ во слѣдъ мечтой,
Тебѣ, врачу, открывшему мнѣ очи,

Въ страну любви, гдѣ нѣтъ оковъ земныхъ,
Гдѣ я опять увижуся съ побою,
Минушній гость, мой незабвенный братъ!
Явись еще хоть разъ мнѣ въ сей юдоли,
Чтобы смѣлой я жизни путь прошелъ
Въ надеждѣ неизмѣнной возрожденія
Для замогильной жизни въ небесахъ!...
М. Демидовъ.

ПРОСТОЕ СРЕДСТВО.

Боясь измѣны паспущка,
Но чуждая запѣй кокетства,
Глицерія искала средства
Противъ невѣрности дружка.
Ей отвѣчали: «будь въ покоѣ!»
Чтобъ имъ покинутой не быть,
Есть средство у тебя простое:
Любезнаго предупредить.»

С H A R A D E.

Quand une femme est mon premier,
Tout prospère dans un ménage;
Elle te donne mon dernier
Quand tu la prends en mariage;
Mais sois avisé; je t'engage
En elle à chercher mon entier.

Въ № 46-мъ помѣщенный омонимъ значить: *Ложка*.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Въ *Матъ текущаго 1834 года вышли съ свѣтъ въ С. Петербургѣ слѣдующія книги:*

- 1) Алгебра, соч. *Бурдона*, 2-е изданіе.
- 2) Повесть П. *Машкова*, часть третія.
- 3) Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1833 г.
- 4) Архивъ, водевилъ въ 1 дѣйствіи, вольный переводъ съ Французскаго, *Булганова*.
- 5) Опытъ военно-медицинской полиціи, соч. Р. *Четыркина*.
- 6) Карманная книжка для любителей Русской старины и словесности, изданіе 2-е.
- 7) Полное собраніе стихо-

пвореній Графа Д. И. Хвостова, помъ 7-й. 8) Новая Французская азбука, соч. Ушакова, четвертое издание. 9) Начальная основанія Физики, изложенныя Н. Т. Щегловымъ. 10) Общій Церковно-Славяно-Россійскій Словарь, составленный П. С., часть 1 и 2-я. 11) Душевныя болѣзни, изложенныя Докторомъ Медицины П. Бутковскимъ. 12) Спрега, соч. Эрнеста Фуине, пер. съ Франц., часть 2, 3 и 4-я. 13) Четыре вымысла, соч. Н. Лутковскаго. 14) Новый Робинзонъ или Швейцарское семейство, съ Франц. изд. г-жи Монтолье, пер. Д. Я., часть вторая. 15) Разсужденіе объ обыкновенныхъ болѣзняхъ собакъ, Иеронима Вальдингера, пер. съ Нѣмецкаго. 16) Описаніе С. Петербургскаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, пер. съ Нѣмецкаго, съ 4 планами. 17) О пѣніи въ Россіи.

M O D E S.

Au magasin de Mme *Rousselet* on remarquait beaucoup, ces jours derniers, un chapeau en pou de soie blanc, orné de rubans de taffetas et d'une rose mousseline; un chapeau en pou de soie bleu avec un ruban muguet et un bouquet de *macrina*, fleur bleue au feuillage découpé comme une dentelle. Puis enfin un chapeau pour monter à cheval, en paille blanche et verte, forme ronde; bords à peu près égaux, un peu relevés d'un côté; sur la calotte droite était posé un bouquet de plumes vertes et des rubans de taffetas vert; tout au tour, un voile de gaze verte. Une jolie femme, jeune blonde, élégante, serait charmante avec cette mode coquette, gracieuse et toute empruntée aux coiffures de nos mères.

Une très-jolie toilette du soir est une robe demi-habillée en organdi peint. *Narey, rue de Grammont*, a un choix parfait de ces *organdis anglais gouachés*; les couleurs sont vives et pures, les dessins sont légers; sur de la soie blanche mate, cette étoffe a beaucoup d'éclat.

Ce qui vient du magasin de M. *Narey* a toujours une grande distinction; nous citerons comme exemple

des mousselines du Japon, fond chamois, à bouquets de fleurs, nouveauté qui se rapproche des mousselines de soie.

Des mousselines claires imprimées, petits dessins, de deux couleurs, toilettes de promenade.

De charmans foulards, l'un entre autres, fond noir semé de roses panachées.

Pl. No 18. Chapeau en pou de soie. — Robe de thibet. — Mantelet de pou de soie garnie de blonde. — Robe de diamantine à épaulettes gaufrées.

М О Д Ы.

Въ магазинѣ г-жи *Rousselet* замѣчена была, на этихъ дняхъ, шляпка изъ pou de soie, отдѣланная пафьяными лентами и мохъ-розою; шляпка изъ голубаго pou de soie, съ лентами muguet и букетомъ *macrina*, голубой цвѣтокъ съ вырѣзными листьями, какъ кружево. Еще шляпка, для верховой ѣзды, изъ соломки бѣлой съ зелѣнымъ, форма круглая, поле почи ровное, съ одной стороны темнаго приподнято; на правой споронѣ шульи пришилилъ былъ букетъ зелѣныхъ перьевъ съ зелѣными пафьяными лентами; вокругъ зелѣный газовый вуаль. Эта зашѣдливая, ловкая мода, занятая ось уборовъ нашихъ бабушекъ, была бы весьма прилична красивой, молодой блондурой женщиной, щеголевато одѣвающейся.

Весьма красивый вечерній нарядъ: полу-нарядное платье изъ печатнаго органди. У г-на *Narey* весьма много этихъ Англійскихъ органди *gouachés*; цвѣта живы и ярки, узоры легки; на бѣлой шелковой маповой подкладкѣ, матерія эта весьма красива.

Всею оплочно выходящее изъ магазинна г-на *Narey*. Мы представимъ въ примѣръ Японскія кисей; по группу верблюжьяго цвѣта, букеты цвѣтовъ, новостъ, приближающался къ шелковымъ кисеямъ.

Прозрачныя кисей, печатныя мелкими узорами, двухъ цвѣтовъ, нарядъ для прогулки.

Прелестныя фулары; одинъ между прочими, по черному группу разбросаны махровыя розы.

Карп. No 18. Шляпка изъ pou de soie. — Платье изъ Тибетской шкани. — Манпилья изъ pou de soie, отдѣланная блондой. — Платье изъ дамантины съ эпюлешами гофре.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 48.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 16 дня, 1854 года.

Разсуждаетъ онъ хощь шупо,
Но въ немъ это мудрено:
Что онъ умничаешь глупо,
А дурачится умно.

Давыдовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

А Н Т И П О Д Ы.

Я хочу говорить здѣсь не о шѣхъ антиподахъ, которые живутъ на двухъ противоположныхъ краяхъ земнаго шара, изъ которыхъ у однихъ полдень, когда у другихъ полночь; у другихъ свѣтъ, когда у другихъ шьма; у однихъ лѣто, когда у другихъ зима.

Подъ словомъ антиподы, не разумѣю двухъ челоуѣкъ, изъ коихъ одинъ черенъ, какъ вороново крыло, другой бѣлъ, какъ мѣшокъ крупичатой муки; одинъ съ черноогненными глазами, какъ агашы, съ бровями, какъ Якупскіе соболи; другой съ глазами бѣлыми, пусклыми, цвѣта оловянной парелки, бѣлобрысый, какъ горностаей.

Не противоположный умъ *Невтона* съ умомъ танцовщика *Попрыгушкина*, не Русскую храбрость съ Персидскою трусостью, не Италіанскую извѣженную лѣнь съ благородною Германскою дѣятельностію, я здѣсь на аршинъ мѣряю, на безмѣнъ прикидываю:

Мудрено ли, что ново-Голландецъ противоположникъ — жипелю старой Голландіи?

Чудно ли, что Негръ не похожъ на Чухонца, а левъ на зайца? Мудрено то, что одинъ и тотъ же челоуѣкъ бываетъ антиподомъ, противоположникомъ, проповорѣчиемъ самъ себя.

Послѣдователи головолмной философіи *Шиллинга* завопятъ, что это небылица, а я сей часъ докажу имъ a priori и a posteriori, что былъ; былъ Русская, доморощенная, которая не разъ въ очахъ у меня совершалась. Вѣтъ я живу на свѣтѣ шестой десятокъ: пережилъ *Робертъера Вельзевулла*, *Наполеона Талерманга*; видѣлъ во Франціи самодержавное правленіе, смѣненное необузданнымъ самовластіемъ черни, создавшей изъ челоуѣческихъ костей престоль идолу, имъ воцаренному; видѣлъ низверженіе сего чудовища и на его мѣстѣ пять владыкъ, пять мучителей, изъ коихъ каждый напоминалъ *Нерона*, *Геліогабала*, *Вителлія*, *Каракаллу*, каждый грабилъ бѣдный народъ, обмануемый мечтою свободы и равенства. Я видѣлъ, какъ щасливый солдатъ сполкнулъ съ высоты сперва ихъ, а потомъ двухъ своихъ поварихей, и провозгласилъ себя царемъ. Я былъ

свидѣлемъ, какъ не по годамъ, а по часамъ росъ сей великанъ, какъ опрокидывалъ древніе престола законныхъ монарховъ, какъ надѣвалъ короны на своихъ любимцовъ, раздавалъ скипетры своимъ приверженцамъ, какъ палъ онъ въ борьбѣ съ царемъ благочестивымъ и раздавленъ собственною пяшкою ношею. Его ссылка, его возвратъ, его вперое воцареніе, потеря сраженія подъ Ватерло, започеніе на пустынномъ оспровѣ; новые мятежи легкомысленныхъ Французовъ, въ третій разъ изгнаніе законныхъ государей..... совершились въ глазахъ моихъ. Вы можете положиться на мою опытность, на мою, съ лѣтами созрѣвшую, осмотрительность въ сужденіяхъ.

1.

Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, я былъ связанъ довольно коротко съ *Мстиславскимъ*, сосѣдомъ моимъ по деревнѣ. Родители его, чувствительные до причудливости, дали ему странное воспитаніе. Съ часа его рожденія приспавлено къ нему было семь нянекъ, старушка-мама, Нѣмка-смотрительница и здоровая какъ кровь съ молокомъ кормилица. Его купали въ шепдыя одѣяла, не пропускали къ нему свѣжаго воздуха, держали на лекарствахъ, прокапывали не иначе, какъ въ каретѣ съ поднятыми стеклами — и расстроили его здоровье до того, что онъ не могъ въ Петровки ходить безъ теплой фуфайки, выпить стаканъ холодной воды, не получа кашля. Поднявшись на ноги, мой пріятель перещеголялъ сентиментальную свою маменьку; по спуту разъ въ день прыскался eau de cologne, принималъ по пилюли, по микстуру, по капли; заспавлялъ безпрестанно куришь въ своихъ комнапахъ благовоніями; спрадалъ истерикою, рюмапизмомъ, мигренемъ; спалъ или нѣжилъ по 12-ти часовъ въ супки, держалъ камердинера Француза и не подпускалъ къ себѣ близко Русскихъ слугъ своихъ. Нещасный желудокъ его, запланушый въ дамскій корсетъ, расслабѣвшій подъ лосинною фуфайкою, сверхъ которой надѣвалась на него другая, фланелевая, не могъ ничего варить, кромѣ компетъ изъ кури-

ныхъ филе, жареныхъ цыплятъ и бульону. Накормить его Русскими щами, бужениною, крупною гречневою кашею — значило бы оправить его.

Желаніе блеснуть мундиромъ и бѣлымъ перомъ, брякнувъ шпорами, рисоваться на ворономъ конѣ между рядами каретъ подъ Новинскимъ, въ Марьиной рошѣ, подъ Дѣвичьимъ — заспавило его войти въ военную службу. Мы въ одинъ день, въ одинъ часъ записались съ нимъ въ Конную гвардію. Жалко было сморѣть на него: ботфорты наперли ему мозоли; послѣ днванья на конюшнѣ — онъ спрадалъ цѣлый день опъ головной боли; обѣртывая до 19-ти лѣшняго возраста шею Турецкими шальями, онъ часпо простужалъ горло въ поненькомъ галспухѣ. Привыкнувъ ѣздить въ каретѣ, онъ не въ состояніи былъ шибко ходить пѣшкомъ, скользилъ, спотыкался, опаздывалъ, получалъ выговоры, прослылъ лѣнтяемъ и нерадивымъ; расслабивъ нервы, онъ не могъ крѣпко держаться на лошади и падалъ съ неѣ, какъ снопъ, при малѣйшемъ крупомъ поворотѣ, ландсадѣ, или неправильномъ движеніи.

Я былъ уже давно корнетомъ, а *Мстиславскій* весь Авсперлицкій походъ прощеголялъ въ унперскомъ колепѣ. Было опъ чего припши въ опчаяніе! Однако, мало по малу, онъ спалъ ознакомливаться съ холодомъ и голодомъ, съ службою и нуждою. На возвратномъ походѣ, въ Брестъ-Литовскомъ произвели его въ офицеры, а вскорѣ по приходѣ въ Петербургъ въ поручики. Мѣсяцевъ черезъ шесть, онъ, по желанію, выпущенъ ротмистромъ въ — скій гурсарскій полкъ.

Онъ уѣхалъ. Мы не видались съ нимъ около года. Въ Прусскомъ походѣ 1806 и 1807 годовъ, я находился при генералѣ и графѣ Н. М. *Каменскомъ* — и, будучи посланъ опъ него изъ Солдау къ атаману *Платову* въ Остроленку для личнаго объясненія, нечаянно наткнулся на маіора *Мстиславскаго*.

Это случилось въ половинѣ Декабря, вскорѣ послѣ сраженія подъ Пултускомъ. Мо-

розъ былъ Всероссійскій, снѣгъ валилъ охлопьями, дорогу заметало, вьюга подхватывала снѣгъ и пригоршнями сыпала мнѣ въ глаза. — Успалый конь едва волочилъ ноги по сугробамъ, пащась въ слѣдъ за Донскимъ козакомъ, проводникомъ моимъ. Окупавшись измокшею буркою, въ худыхъ сапогахъ, въ перчаткахъ, изъ которыхъ торчали окоспѣвшіе пальцы, бросивъ поводья на шею лошади, насвистывалъ я спаринную пѣсню:

Ты гулий, гулий, добрый молодець,

Ты у башюшки въ зеленомъ саду,

Ты у машушки въ сладкомъ вишеньѣ...

и дремалъ. Вдали слышался мнѣ гулъ голосовъ; я вспрепенулся, проперъ глаза; они раскрылись — и опять захлопнулись опъ яркаго огня и ѣдкаго дыма. Это значило, что мы подъѣхали къ бивакамъ. «Какой полкъ?» спросилъ я, пріосамаясь. — «скій гусарскій!» — отвѣчали лежавшіе на снѣгу гусары въ одинъ голосъ: эскадронъ маіора *Мстиславскаго*. «Здѣсь ли маіоръ?» — «Здѣсь, опочиваетъ!» — Спрыгнувъ съ лошади, отдалъ её первому встрѣчному — и очутившись возлѣ пылавшаго костра — было дѣломъ двухъ секундъ. Я увидѣлъ, прежде женоподобнаго своего сослуживца, шеперь спящаго богатырскимъ сномъ на мокрой соломѣ: одинъ бокъ его поджаривался, тогда, какъ другой промерзалъ до костей. Я разбудилъ его. Мы горячо обнялись. Слуга его началъ паять снѣговую воду на чай, а другой подаль намъ пѣннику по доброй серебряной чаркѣ, по ломпоу черстваго хлѣба, намазаннаго саломъ, которымъ мажутъ колѣса. Мнѣ показалось оно слаще телячьихъ мозговъ и вкуснѣе Архангельскихъ рябчиковъ. Вахмистръ принесъ мѣшокъ карпофеля и бросилъ въ золу. Не дождавшись, пока онъ испечется, мы выгребали его саблями, коѣ-какъ сдирали кожу — и глотали цѣлкомъ, какъ обжоры усприць. Опъ *Мстиславскаго* свѣдалъ я, что летучіе полки *Платова* разбросаны между Юганисбургомъ и Коло, по Маковской дорогѣ, и что вся армія *Бениксена* стоимъ позади Остроленскаго лѣсу. Маіоръ признался мнѣ, что уже двѣ недѣли, какъ не видалъ въ глаза мягкаго хлѣба, и

мѣсяць, какъ не входилъ въ жильё человеческое, а для препровожденія времени каждый день дрался съ непріятелемъ; похвально, какъ съ 20-ю своими гусарами, опрѣзанный при обзорѣннн непріятеля, присоединился къ храброму подполковнику *Юрковскому* — и саблею прорубилъ себѣ дорогу къ своему полку. Намъ подали чай, трубки. Согревъ пѣло свое, какъ самоваръ, внутри, и припекши его снаружи, я началъ приспальнѣе разсматривать своего хозяина — и нашѣлъ, что онъ раздобрѣлъ, что лицо его загорѣло и сдѣлалось мужеспвеннѣе, а охриплый голосъ воинспвеннѣе.

Онъ былъ бодръ и веселъ, любилъ переѣдаться съ врагами въ чистомъ полѣ, и съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ, какъ подѣ Пулпускомъ полкъ его распотпалъ Французскую пѣхотную колонну. «Лошадь моя, проспръленная двумя пулями въ грудь, упала подо мною въ шу самую крипическую минупу, когда мы, сдѣлавъ щаспливую атаку на пѣхоту, смѣшались съ непріятелями;» говорилъ онъ: «она придавила мнѣ ногу такъ, что я никакъ не могъ изъ подѣ неё выкарабкаться. Французскій гренадеръ, видя, что я барахтаюсь, бросился на меня со шпыкомъ; но я опвѣлъ его лѣвою рукою, приподнялся — и правую раздробилъ ему черепъ саблею. Храбрые Изюмцы высвободили меня коѣ-какъ и посадили на рыскавшую по полю лошадь убиага непріятельскаго коннаго егеря. Шинель моя была проспрълена въ пяти мѣстахъ, воротникъ обожженъ черепкомъ гранаты, который опорвалъ и задѣ кивера; а я возвращился къ своимъ невредимо. За сіе дѣло получилъ я Владимира съ банпомъ. Это не чудо!» прибавилъ онъ; «я никогда не былъ подлымъ прусомъ; а вопъ чудо: въ моемъ полку всѣ офицеры перехворали, а я не рапортовался больнымъ ни на одинъ часъ. Сплю въ мягкой грязи, нѣжусь на снѣжномъ пуховомъ ковртѣ, пишаюсь сухарями, и пѣми не досыта; каждый день въ схваткѣ съ непріятелемъ — и вѣчно веселъ, и всегда доволенъ своею участью. Признайся, добрый другъ!» примолвилъ онъ, потрѣпавъ меня

по плечу: «ты не узнаешь въ закалённомъ на бивачномъ огнѣ солдатѣ прежняго изыскавшаго барича, больше похожаго на плаксивую бабу, нежели на мужчину и Славянина? Я переродился!» Мы, не смыкая глазъ, проговорили съ нимъ до вѣсповой пушки. Онъ далъ мнѣ двухъ гусарь, которые привели меня прямо къ опрокинутымъ, обвѣшеннымъ коврами дровнямъ, подъ которыми отдыхалъ вождь крыластыхъ Донцовъ — знаменитый въ лѣтописи 1812-го года Матвѣй Ивановичъ *Платовъ*.

Въ 1816 году я сполкнулся съ *Мстиславскимъ* въ Кіевѣ у генерала *Раевскаго*. Онъ былъ уже генераль-майоромъ, имѣлъ Анненскую звѣзду и побѣдоносца Георгія на шеѣ. Его бригадная квартира находилась въ Екаперинославлѣ. На пути въ Крымъ, я заѣзжалъ къ нему; познакомился съ его женою, полюбовался на его дѣтокъ, которыхъ онъ воспитывалъ совершенно на другой ногѣ. Они зимою щеголяютъ безъ чулокъ, не знаютъ шубы, ходятъ съ открытою шеєю, и вмѣсто чаю, зашпирасають парное молоко съ краюшкою рѣшетнаго чѣрнаго хлѣба. — *Что надлежало доказать.*

2.

Вторымъ антиподомъ самому себѣ—я починаю двоюроднаго брата своего Гаврилу Петровича *Караваява*. До 43-хъ лѣтъ слылъ онъ въ околдкѣ своемъ скрытою. Онъ въ гости ѣздилъ охотно, а къ себѣ звалъ только одинъ разъ въ годъ; псовой охоты не держалъ; разѣзжалъ въ рыдванѣ на ободранныхъ клячахъ; заморскихъ винъ про свой обиходъ не покупалъ, а пилъ передъ обѣдомъ и передъ ужинкомъ пѣнникъ, увѣряя, что это онъ дѣлаетъ для здоровья. Столь ему ничего не стоило: лѣтомъ пилался онъ и дворянъ его—собираемыми съ шяголъ баранами, а зимою курами, поросятами, гусями и гусиными папрохами. За сто верстъ въ окружности ни у кого не было такихъ огромныхъ арбузовъ и вкусныхъ дынь, какъ у моего кузена. За то у каждаго арбуза, у каждой дыни висѣлъ собственноручный ярлыкъ его съ номеромъ; на каждомъ персиковомъ деревѣ фрукты были щетные, и садовникъ самую падаль обя-

занъ былъ, подъ опасеніемъ бапожья, сдавать барину также щетомъ. Бѣлье его, скаптерти и салфетки пкали собственные пкачи изъ палекъ, кои собирались съ бабъ; сукно для себя онъ покупалъ на ярмаркѣ, а люди носили домашнее, толстое, какъ дрюга. Спеленный и спелной мой братецъ пвердилъ дворовымъ людямъ, что надобно ѣсть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы ѣсть; провѣдывалъ о такихъ дворянахъ, которые имѣютъ крайнюю нужду въ деньгахъ, ссужалъ ихъ ими подъ залогъ земли, или креспьянъ, спюющихъ въ десятеро дороже, за Жидовскіе проценты; пріобрѣталъ съ аукціоннаго торга деревни, а потомъ, выѣдавъ о зажиточныхъ креспьянахъ, грозилъ имъ, что дочерей возьметъ во дворъ, а сыновей отдастъ въ рекруты, и такою невинною хитростію принуждалъ ихъ плапнуть за себя большою выкубъ; скупалъ у безгласныхъ сосѣдей пяжебныя дѣла за безцѣнокъ и, имѣя во всѣхъ судахъ благопріятелей, умѣлъ наклонять на свою спорону всы правосудія.

Вы можете сами смекнуть, какую огромную накопилъ онъ кучу денегъ и сколько за нимъ было сель, деревень и пустошей!!!

На 34 году отъ рожденія онъ вступилъ въ законный бракъ съ дворянкою — Акулиною Нефедьевною *Подципалкиною*, дочерью општавнаго 8-го класса провіантскаго чиновника, который сжегъ пустые магазины, а показалъ, что они были съ хлѣбомъ; котораго за это слѣдовали, слѣдовали, да и слѣды потеряли. Сожительница моего двоюроднаго брата была почный онъ въ юбкѣ и чепчикѣ.

Къ хлопотамъ наживанья денежки, присо-вокупила у нихъ забота беречь ихъ. Днемъ боялись они воровъ, ночью разбойниковъ; запирались желѣзными запорами, висящими церковными замками; завели злыхъ собакъ; повѣсили посреди господскаго двора желѣзную доску, въ которую спорожа во всю ночь непрерывно спучали. Креспьянинъ, спучавшій громко, получалъ отъ барина похвалу, а тому, у котораго доска какъ будто сквозь сонъ опкликалась, давалъ

ся на конюшнѣ горячій пріемъ olium dubinogum.

Господь благословилъ ихъ дѣтками, и они жили, да поживали; дома голодали, да рублевика щипали, въ гостяхъ досыта ѣдали и пивали, и въ боспонъ по мѣдной гривнѣ призъ играли.

Вдругъ мой аншиподъ перевернулся: спалъ головою книзу, а ногами кверху. Сей часъ донесу, какъ это случилось. Верстахъ въ пятнадцать отъ него продавалась волосъ князя *Зарайскаго*, 3000 душъ на Окъ, село Ижорское; луговъ поёмныхъ сполько, что и глазами не окинуть; а лѣснымъ дачамъ и конца нѣтъ. Брашцу моему крайне захотѣлось подшибришь княжеское помѣстье: да денегъ та вносить надо было милліонъ, а все наличными. Провольный мученикъ, онъ три ночи спалъ не спалъ, и дремать не дремалъ, а думалъ крѣпкую думу. На четвертое утро нарядилъ самъ себя въ уѣздный, а опшуда въ губернской городъ за свидѣтельство. Скрыга рѣшился заложить всѣ свои деревни въ Опекунской Совѣтъ, а на полученные деньги купить село Ижорское. Посовѣтовавшись съ своею благовѣрною сожительницею *Акулиною Нефедьевною*, онъ велѣлъ запрячь бричку четыре въ рядъ, взял съ собою повара *Никифора Степанова* да мальчишку *Назарку*; позавтракалъ селянки съ вещиною, запасся на дорогу парюю гусятыхъ половковъ, круглымъ пирогомъ съ курицею и съ яицами и флагою настойки, опшѣлъ молебень на путь шествующихъ, простился съ домашними по пословицѣ: *пошелъ въ кони, такъ и воду вози*, и покашилъ во путь, во дороженьку.

Въ уѣздномъ городѣ задалъ онъ судѣ и секретарямъ, исправнику и засѣдателямъ, стряпчему и казначею смертную попойку: такъ что они прое сутокъ какъ въ туманѣ ходили, дверей не находили! Мой *Караваяевъ* умѣлъ при случаѣ, какъ изволише видѣть, поразвернуться; онъ не жалѣлъ рубля, гдѣ можно было получить сто. На четвертый супки, дѣло вокругъ пальца обернуло; написали, что запрещенія не оказалось, запечатали пакеты — и ему въ руки опдали.

Опохмѣля ихъ, *Караваяевъ* отбылъ въ свой губернской городъ: тамъ спорговался за 300 рублей съ кѣмъ слѣдовало. — «Не ужели съ членами какого нибудь суда?» спросите вы у меня съ изумленіемъ. — Совсѣмъ нѣтъ! господа вопросительные крючки! вы ко мнѣ прицѣпились, какъ репейникъ къ плашью, всклепали напраслину. Избави Богъ и думать! Извѣстно, что у насъ въ судахъ взятокъ не берутъ, а спорговался *Караваяевъ* за 300 рублей съ адвокатомъ; сирѣчь, съ повѣреннымъ, который взялся у него за дѣломъ ходить и свидѣтельство въ недѣлю выходить. Сей родъ людей извѣстенъ и у насъ, какъ во Франціи и Англии, своимъ нахальствомъ, своею безсовѣстностію. Было бы въ порядкѣ вещей, если-бъ плутъ-повѣренный обманулъ его, а дивно то, что онъ отступилъ отъ обычной формулы — и ровно черезъ семь дней, въ числѣ которыхъ, кромѣ воскреснаго, случился табельный, положилъ передъ нимъ на столъ свидѣтельство, удостовѣряющее, что на его деревняхъ нѣтъ запрещенія ни за казенные, ни за частные долги, ни за недоимки.

Мой двоюродный, пляжко въздыхая о 300 рубляхъ и о сонѣ, прожитой на постояломъ дворѣ, полетѣлъ въ Москву, подаль чѣлобитную, при коей приложилъ свидѣтельство; удостовѣрился что село Ижорское прежде двухъ мѣсяцовъ не можетъ быть продано, воспользовался свободнымъ временемъ для посѣщенія своихъ родственниковъ и свойственниковъ; а ихъ у всякаго дворянина въ старинной столицѣ Русскихъ Царей зѣло великое количество.

Въ Москвѣ, въ эпоху на Азіатскій манеръ построеномъ городѣ, искони поселился родъ людей..... извините, промахнулся! гнѣздится шайка привилегированныхъ разбойниковъ (*), которые денно и ночью, по

(*) Теперь уже они *перевелись*, или справедливѣе сказать: *ихъ перевели*. Пріятно, сладостно честному человѣку видѣть, что разорительная, подлая спраса къ карточной игрѣ примѣрно уменьшася. — К.

церквамъ, по судамъ, по госпинимъ рядамъ,
по прапкпирамъ провъдываюпъ, развъды-
ваюпъ и пронюхиваютъ о прїѣзжихъ изъ
захалуспьевъ олухахъ.

Наша шайка дуга любитъ зеленые,
На разбой нѣчной не по дубравамъ ходитъ.
Въ нашей шайкѣ жипъ и быпъ заповѣдныя —
Апаманъ съ собой арпелъ свою выводитъ.
Въ нашей шайкѣ Апамановъ-по чепыре;
Не велики мы, а рожа рожи шире!
Носимъ красныя рубахи, голубыя, —
А кашаны всѣ въ одинъ на насъ, рябые.
И арпелей, по Апаманамъ, чепыре;
Знамена свои, значки заповѣдныя!
Намъ пардону нѣпъ; пардону мы не просимъ;
А двойной комплектъ головъ въ запасъ носимъ!
Подъ казѣнной содержались мы печатпю —
Чорпъ ли вольницю удержипъ нашу братью!
Апаманъ у насъ одинъ уже клеймѣнный!
При огняхъ заповѣдныхъ, на дугъ зеленыя
По ночамъ мы на разбой идемъ условной —
Нѣпъ поживы съ насъ Падатъ уголовной!
Апамановъ двое рыжихъ, два чернавыхъ;
Сперегипесь, люди добрыя, лукавыхъ!
Апаманъ очередной и бѣепъ и рубипъ,
Больше всѣхъ насъ чередной арпелю губипъ!
Крѣпоспныя мы: за деньги рады драпъся;
Кто насъ купипъ, за того идемъ спаратъся;
Покунатъ—такъ намъ же въ руки отдаватъся —
Не дадутъ ни поспотрѣпъ, ни торговатъся!
А прїивѣмъ, добромъ не отвязатъся!
Подно думатъ, други, какъ не догадатъся?

Эпи ищейныя собаки дознались, что вва-
лдся въ бѣлокаменную олухъ, богатый
спешной помѣщикъ, для займа большой сум-
мы денегъ. Они потчасъ соспавили совѣпъ
нечеспивыхъ, сдѣлали планъ — и, не опкла-
дывая въ долгій ящикъ, приступили къ ис-
полненію. Во всякомъ дѣлѣ дорогъ первый
шагъ: какъ возьмешъся, а по и своихъ гро-
шей не дочпешъся. Обыкновенно прїиски-
ваетъся кума, сватъя, или природная сеспри-
ца особы, на которую предпринимаетъ
нечаянное нападеніе; сводятъ съ нею спер-
ва знакомство, мало по малу, изъ знако-
мыхъ переходятъ въ прїятели; угожденія
ми, пошаканьемъ, маленькими подарочками

въ дни именинъ и рожденъя, въ Новый годъ
и Свѣпное Воскресенъе, предложеніемъ ло-
жи, экипажа, ссудою денегъ, заслуживаютъ
уваженіе, вкрадываются въ довѣренность;
наконецъ, завладѣваютъ домомъ, который
назначается мѣспомъ сраженія; иногда, смо-
пря по обстояпелъспвамъ и шапкой прав-
спвенности, такую сесприцу, или пакого
братца надобно взять въ долю.

«Неужели находятся такіе изверги?» —
Дюжина, вмѣсто одного! И у моего брата
ца отыскалась пѣтушка, высокая, рябая,
чорная, громогласная, нахальная... грена-
деръ, а не баба! Она имѣла свои хоромы,
свои дни, хорошо гостей кормила и поила,
болпала какъ сорока, одѣвалася какъ попу-
гай, облаивала всѣхъ безъ пощады, какъ со-
бака; шипѣла и жалила пѣхъ, кто еѣ луч-
ше, какъ змѣя подколодная... Ба, ба, ба! ...
да и я, какъ скворецъ заболпался! Точка!
До слѣдующей Среды!

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

ШЕРИДАНЪ.

Финансы знаменипато *Шеридана* въ мо-
лодости его были весьма не въ блиспатель-
номъ положеніи, такъ что для содержанія
своего онъ нерѣдко вынуждаемъ былъ прї-
бѣгатъ къ разнымъ хипроспямъ. Вотъ одна
изъ нихъ. Оспавивъ университетъ, *Шери-
данъ* опсправился въ Бристоль, откуда хо-
пѣлъ ѣхатъ въ Лондонъ. Но ему нужны
были новые сапоги; а какъ добытъ ихъ безъ
денегъ? Онъ призвалъ двухъ сапожниковъ,
заказалъ каждому изъ нихъ по парѣ сапо-
говъ, назначилъ время, когда они должны
бытъ готовы, и общалъ потчасъ распла-
шпться. Въ опредѣленный часъ являетъся
первый сапожникъ; *Шериданъ* прїмѣриваетъ
сапоги, прїпворяетъся, что одинъ изъ нихъ
жметъ ему ногу и опдаетъ его мастеру,
дабы разбилъ онъ его на колодки и прїнесъ
на другой день упромъ. Не подозрѣвая ни-
какого умысла, сапожникъ спокойно опспра-
вдся домой. Вскорѣ прїходитъ другой, съ

которымъ повторилась та же сцена. Та-
кимъ образомъ *Шериданъ* добылъ себѣ сапо-
ги, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

ЧРЕВОВѢЩАТЕЛЬ.

Извѣстный Англійскій чревовѣщатель *Кармихель* встрѣпилъ недавно на улицѣ женщину, державшую на рукахъ ребенка, похвалилъ малютку и спросилъ, умѣетъ ли онъ говорить. «Какой спранный дѣлаете вы вопросъ?» отвѣчала женщина. «Развѣ можетъ говорить ребенокъ пяти мѣсяцовъ отъ роду?» — *Кармихель* почелъ это прекраснымъ случаемъ позабавиться: вдругъ раздались нѣжные, сладоспные звуки дѣтскаго голоса. «За чѣмъ ты обманываешь, маменька, незнакомца? Ты вѣдь знаешь, что я говорю умѣю; но боишься вѣрно, что я перескажу ему о спаканѣ пива, который мы съ побою выпили.» Сначала бѣдная женщина не могла отъ изумленія произнести ни одного слова, а потомъ съ восклицаніемъ: Съ нами крестная сила! пустилась бѣжать изъ всей силы.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУЖБИНА.

Чужбина, чужбина! къ тебѣ я свой пулъ
Отъ родины милой направляю;
И всё, что пишало и нѣжило грудь,
На родинѣ милой оставлю....

*

Бышь можетъ въ чужбинѣ найду я покой;
Душа вновь въ спрадалецѣ проснется:
Бышь можетъ, я встрѣчусь съ другой красотою,
И сердце сильнѣе забьется!..

*

Въ чужбинѣ, въ забвеньи, вдали отъ друзей,
Забуду я образъ прекрасный,
Какъ мы забываемъ средь мрачныхъ ночей
День въ вѣчность умчавшійся ясный!

*

Опчизна! мила ты! Забуду-ль тебя
Въ краяхъ опдаленныхъ чужбины?
Нѣтъ! я увлеку отъ милыхъ себя,
Покорствуя волѣ судьбины!

*

Въ чужбину, въ чужбину, подъ хладный покровъ,
Съ душою унылой достигну:
Бышь можетъ въ спрадалецѣ засынешь тамъ кровь,
Бышь можетъ въ чужбинѣ погибну!.....

О. Дьлковъ.

Э Л Е Г І Я.

О вы, долины сокровенныя,
Гдѣ я такъ сладко опдыхалъ;
Мѣста, мнѣ вѣчно незабвенныя,
Въ которыхъ щасіе я узналъ;
Пріютъ моихъ мечтаній—радоспный,
Пріютъ моей надежды всей,
Гдѣ зналъ я прелесть, сердцу сладоспный,
Любовь первоначальныхъ дней—
Скажу ли: спалъ и я нещасливымъ,
Повѣривъ клеветамъ людскимъ,
Неугомоннымъ и напрасливимъ,
Безжалоспнымъ къ бѣдамъ чужимъ!

*

Сказали мнѣ, Алина милая,
Что ты мнѣ спала невѣрна.
Увы! душа моя унылая
Была покорна и смирна:
Смушилась гореспнымъ внушеніемъ,
И отдѣлилась отъ души,
Къ которой, съ шайнымъ ощущеніемъ,
Спремилася въ родной глуши!...
Спрошу себя: что значилъ щасіе?
И тягоспный готовъ отвѣтъ:
Судьбы минутное пристрастіе
Въ пучинѣ золь, въ пучинѣ бѣдъ!....

*

Гдѣ, гдѣ теперъ моя прекрасная?...
Ахъ! одиноко дни влачить!...
И ужъ тоска моя напрасная

Насъ никогда не соединить!
 Она не вѣрить, сомнѣвается,
 Чтوبъ такъ, какъ прежде, я любилъ;
 Въ ней память сердца возмущается —
 Все думаетъ: онъ измѣнилъ!...
 О, если-бъ пропулась, смягчилась
 Тоской ужасною моею!
 Быть можешь, снова-бъ прояснилася
 Звѣзда моихъ печальныхъ дней?....

Н. Стасюловъ.

Ш А Р А Д А.

Въ началѣ я цвѣпокъ во всякомъ огородѣ;
 Конецъ мой—Ноевъ сынъ;
 А цѣлыхъ множество въ природѣ!
 И одного, идъ двухъ зовемъ изъ нихъ святымъ.

К. Жегель.

Въ No 47-мъ помѣщенная шарада значить: *Bonne-foi*.

М О Д Е С.

Des jaconas d'une finesse remarquable et d'une perfection de dessin étonnante. Nous avons été frappés d'une pièce nommée *jaconas plume* comme une merveille d'impression, et nous l'avons retrouvée aux expositions de l'industrie. Ce dessin est formé par une espèce de plume *bleu outre-mer*, se contrariant avec une autre plume imprimée en violet comme le pointillé de la taille douce. C'est doux, frais: léger, le bleu est si pur, l'étoffe est si fine! on ne peut voir rien de plus joli, de plus printemps.

Comme nouveautés, nous avons de ce magasin les châles écossais en foulard imprimé, et les écharpes du même genre, les châles et les écharpes en foulard à fleurs, et les cravatés en pékin, fond blanc à petits dessins et étroites bordures.

Un beau jaconas imitant le foulard est fond noir, couvert par une feuillée pressée sur laquelle se détachent des fleurs variées de grandeur naturelle et des grappes de groscilles.

Nous voyons souvent de jolis fichus au magasin de Mlles Fortin-Gambart, boulevard des Italiens. Elles

font pour le *négligé* des charmantes *pélerines* de *baptiste*, bordées et garnies de *mousseline plissée* à très-petits plis, et bordée d'une *valencienne*.

Une autre forme simple et gracieuse est un *fichu* dont les devans, pliés en biais, rabattent l'un sur l'autre comme des revers; le dos forme *pélerine* ronde et descend à la ceinture. Ce *fichu* peut se mettre avec une robe un peu décolletée ou une robe ouverte, si l'on met à son cou un long ruban qui tourne en cravate et descend sur la poitrine.

М О Д Ы.

Жаконеты отличной понины и удивительнаго совершенства въ узорѣ. Мы поражены были при взглядѣ на одну шпuku, называемую жаконетъ-*plume*; какъ чудо оппечашка, мы помомъ видѣли шакую же на рукоделенной выспавкѣ. Видъ *зальморскаго* голубаго пера составляетъ этошь узоръ, въ прошиву-положнспль ему напечатано другое перо фиолетоваго цвѣта, какъ гравировка, линиями. Это нѣжно, легко, голубой цвѣтъ такъ чистъ, матерія такъ тонка! Нельзя ничего видѣть красивѣе и приличнѣе веснѣ.

Какъ новость, въ семъ магазинѣ есть Шотландскіе платки изъ печатнаго фулара и шарфы въ такомъ же родѣ; платки и шарфы фуларовые съ цвѣтами, и галспучки изъ *пеккина*; по бѣлому грунту мелкіе узоры и узенькія каѣмки.

Прекрасный жаконетъ, на подобіе фулара, по черному грунту, покрытъ часто листьями, на которомъ отдѣляются разные цвѣты наспощей величины и кисти смородины.

Мы видимъ красивыя косыночки въ магазинѣ г-жъ *Fortin-Gambart*. Онѣ дѣлають для неглиже прелестныя бапишповыя пелеринки, обшшшыя кисею, сложенною мелкими складочками, къ котрой пришиты узенькое кружево.

Другой покрой простой и ловкой, у котрой переднія полочки сложены вкось, и откидывають одна на другую какъ опвороты; сзади круглая пелеринка съ пояса. Эту косынку можно надѣть съ немного дыръзаннѣмъ плашьемъ или съ опкрытымъ плашьемъ, если надѣть на шею длинную лепту, котрая обершывається галспухомъ и спускается на грудь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходницъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 49.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 20 дня 1854 года.

Согбенный старостью, шудами изнуренный,
Какой-то дровосѣкъ подь ношей дровъ стоналъ,
И вдругь послѣднихъ силъ успалоснью лишенный,
Онъ, сбросивъ съ плечъ дрова, кончину призывалъ.
«Зачѣмъ ты звалъ меня?» пришедши смерть спросила.
— Затѣмъ, чптобъ ты дрова пащипъ мнѣ пособила.—

П. Сулароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНТИПОДЫ.

(Продолженіе 1-е.)

Съ *Тантою* моего брата не пребовалось околичностей, съ нею можно было прямо договариваться. *Каравеевъ* уже два раза у неё обѣдалъ и, обласканный ея родственнымъ пріемомъ, ея гостепрѣимствомъ, обѣщавъ часно навѣщать её. Двое игроковъ — *Смиренькой* и *Глухой-Вороватинъ*, успѣли съ нимъ познакомиться, два вечера играли въ бостонъ — и очень несчастливо. Скрыга былъ опъ нихъ въ восхищеніи, щипалъ ихъ за пордочныхъ людей; это ласкало ихъ самолюбіе, но ни къ чему не вело. *Каравеевъ* не игралъ въ азартныя игры. Въ шретіиі разъ тѣшушка, племянничекъ и два вышепоименованные плута составили паршію. Игра кончилась почти ничѣмъ. Тѣшушка оспалась должною *Смиренькому* три рубля, *Глухой-Вороватинъ* и *Каравеевъ* по пакой же бездѣлкѣ. Хозяйка предложила сы-

грапья въ банкъ: угодникъ дамскій, *Смиренькій*, въ ту же минуту высыпалъ двадцать пять рублей серебряными, только что изъ подь молотка, пяпачками, взялъ со спола игранья карны, перетасовалъ и дожидался въ позиціи. *Танта* и *Вороватинъ* поставили тѣмныя; мой скрыга, какъ не опиткивался, а выдернулъ каршочку — и поставилъ два рубля съ полшиною изъ 4 рублей 70 копѣекъ, кои за нимъ причипался. Каршу *Вороватина* убили: она шла 39 призовъ, считая по гривнѣ призъ; за нимъ записали 7 р. 80 копѣекъ; онъ поставилъ 2 р. 20 копѣекъ: её спукнули съ оника. Онъ подалъ банкомѣту красненькую и переспалъ понкпировать. *Тантина* шестѣрка шла 5 р.; за нею было записано по бостону 3 р. — Шестѣрка упала на лѣво. Она поставила четшѣрку не и 3 рубля мазу. Четшѣрка пожаловала на лѣво. *Танта* списала 3 р. — *Каравеевъ*, опмѣнно хорошо игравшій во всѣ коммерческія игры, имѣлъ здравое понятіе и ошпосъ и о банкѣ. Его карша выиграла. Онъ

провелъ бровь надъ цифрою 2½: это значить на гіероглифическомъ игрецкомъ языкѣ, что сію сумму пунктёръ имѣеть за банккомъ. Во вторую палію *Танта* загнула опть 10 р. пе, а *Карававъ* опть 2 р. 50 коп. уголь. Обѣ карпы имъ порушировали. Хозяйка описала 15, а для новой паліи приготовила карпу опть 5 на 10 рублей. Кузень, у котораго глаза разгорѣлись на блестящую монету, загнулъ сетелево. Я забылъ увѣдомить чипапелей, что на вечеринкѣ у *Танты*, кромѣ сихъ чепырехъ дѣйствующихъ лицъ, находилось человекъ съ десять гостей. Паршіи кончены; карпы приняты, ломберные сполы сложены и вынесены: праздные зѣваки окружили споль, на которомъ метали байкѣ; многіе даже попросили у *Таддея Львовича Смирненкаго* (*) позволенія приспавить карпочку. Онъ выпуль изъ бумажника 100 рублей повенькими алыми ассигнаціями и 100 р. синими, кицуль на споль и примолвилъ: «оптѣчаю, извольте спавить.» *Глухой-Вороватинъ* (**), переставшіи пунктировавъ, вошелъ къ нему въ 4-ю долю. *Карававъ* объявилъ, что онъ играетъ на пяпачки; банккомѣтъ легкою уклонкою головы изъяснилъ ему свое согласіе. *Вороватинъ* съль по правую его руку, провелъ меломъ нѣскольکو продольныхъ нолосъ (графы) и надъ каждою надписалъ вензель одного изъ пунктирующихъ. *Пошла писать!*

Остава полную волю бубновымъ и винновымъ рыцарямъ подвизаться на зелѣномъ полѣ, мы займемся единственнo нашимъ героемъ. Загнувъ два угла, онъ прибавилъ 2½ рубля мазу: кѣровый пузъ съ оника легъ на лѣво; можно бы подумавъ, что фортуна желала симъ показавъ свое къ нему хорошее расположеніе. По окончаніи паліи, хипрый банккомѣтъ, придвинувъ мелкое серебро къ моему братцу, предложилъ ему выигравъ и кошелекъ, изъ серебряныхъ, ярко вызолоченныхъ колечекъ — на подобіе рыболовной сѣти связанный. Братцу кошелекъ пригля-

нулъ; ему бы очень хотѣлось присвоить его себѣ и опвезть въ подарокъ дражайшей супружницѣ *Акулинь Невѣдвантъ*. Долго колебаясь, онъ поднялъ съ полу карпу, поставилъ и; въ продолженіе двухъ часовъ, проигрывая и выигрывая, кончилъ пѣмъ, что всыпалъ 125 пяпачковъ въ блестящій кошелекъ, положилъ его въ карманъ, взялъ приповый свой карпузъ подъ мышку — и въ несказанной радости полетѣлъ домой на извожикѣ. Одинъ за другимъ всѣ разѣхались; оспались прое заговорщиковъ. «Рыбка пошла на приманку!» воскликнула *Танта*. — Нашъ еси *Исаакій*, и воспляшеши съ нами! — примолвилъ продажная душа, *Глухой-Вороватинъ*. — «Не всякой жепится, кто присваивается!» угрюмо замѣнилъ *Таддей Смирненкой*. «Просто на ассигнаціи не заведешь его въ игру, а надобно эту пташку ловить на приманку!» — Они еще поговорили и разѣхались по домамъ, условясь съѣхаться въ лавкѣ у извѣстнаго мѣнялы *Перетасовкина*.

Для черезъ при, всѣ, послѣдній разъ шаркавшие на *Тантинюль* паркетъ особы, опянь у неѣ обѣдали. Послѣ спола, разсавивъ сорокамѣпныхъ невѣспъ и шестидесяпильпныхъ волокипъ за виспъ, называемый игрою прадѣдовъ, и за пикѣтъ, игру прабабушекъ, хозяйка просіла *Таддея Львовича Смирненкаго* сдѣлать имъ дамскій банчикъ. Онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, изъяснилъ готовность выполнитъ ея волю; но просилъ прежде посмопрътъ куклу, вымѣненную имъ у *Перетасовкина*. Это былъ *Кипаецъ* (*), который мигаль глазами, разѣвалъ ротъ, размахиваль руками и разгуливаль по сполу. *Не дологъ гасъ на аршинъ, а дологъ улужкою*: мой спелной помѣщикъ расперяль глаза, слѣдуя за бѣгающею по сполу куклою; вопъ такъ бы и схватилъ еѣ, да и опвѣзъ въ деревню дѣпочкамъ: *Марфуткѣ да Пафкуткѣ*. Онъ спросилъ о цѣнѣ — и услышавъ, что она заплачена 350 рублей, началъ душь себѣ на руки, какъ будто обжѣгъ ихъ. — «Можно купить и дешевле!» смѣючись сказаль ему *Смирненкой*: «выиграйте въ карпы; вы такъ щаспливо поиктируете!»

(*) Особа весьма извѣстная чипапелель Лип. Прибавленій. Смотри спашью, подъ заглавіемъ: Силетни Гл. II. — К.

(**) О капитанѣ А. И. *Глухомъ-Вороватинѣ* см. ту же спашью. — К.

(*) Пружинны заводилысь ключемъ. — Л.

Разлакомясь послѣднимъ выигрышемъ, мой *Каравасевъ* не заставилъ себя долго упрямивать. Онъ развернулъ колоду картъ и пустился въ догонку за *Китайцемъ*. И на сей разъ фортуна попрепала его по щекъ: онъ выигралъ чудную куклу; но (что не худо бы ему зарубить себѣ на носу!) за нѣмъ было до двухъ сотъ рублей записано.

Поспороніе разѣхались. *Глухой-Вороватинъ* сообщилъ своимъ сослуживцамъ при дворѣ Сапаны, что *Каравасеву* на дняхъ опредѣлено выдать изъ Опекунскаго Совѣта 375,000 рублей, и что для сего дожидаются только присылки денегъ изъ Заѣмнаго Банка. «Попалась рыба на уду!» примолвилъ съ поржествующимъ видомъ *Глухарь*.

Смирненъкой. Чтobъ не оспаться самимъ въ дуракахъ.

Вороватинъ. Быть не можетъ! Онъ сморитъ рожою.

Смирненъкой. Не клади ему пальца въ раскрытый ротъ: опкуситъ!

Вороватинъ. Да онъ картъ въ рукахъ держитъ не умѣетъ.

Смирненъкой. Онъ спавитъ по одной картѣ въ палю, и по тѣмную. Его на простой крапъ не поддѣнешь.

Вороватинъ. Ну, такъ на баламутъ.

Смирненъкой. Развѣ взять на глазъ; проспая и съ однимъ угломъ давая, какъ же скоро большая спавка: по подмѣшитъ, да и бракъ на право!

Вороватинъ. Вы судите акуратно.

Смирненъкой. Обыграйтѣ-та мы его обыграемъ; форшелей много; я боюсь только, что мы не успѣемъ залучить его къ себѣ. Возьмѣтъ деньги, купитъ деревню и, не проспаясь съ пѣтушкою, ускачетъ во-свои.

Вороватинъ. И поминай, какъ звали!

Смирненъкой. И щолкай, какъ голодный волкъ, зубами.

Тантъ. Я берусь заставитъ его поимпировать.

Вороватинъ. Не подмѣшатъ ли ему въ шпѣ дурману.

Смирненъкой. Жадность къ деньгамъ у скупаго топъ же дурманъ. При проигрышѣ онъ совсѣмъ поперяетъ голову, до того ошалѣетъ, что можно будетъ вынимать у него деньги изъ кармана.

Черезъ нѣсколько дней вся шайка собралась на обѣдъ къ *Тантъ*. Послѣ спола напились кофе, а *Смирненъкой* подаль хозяйкъ золотую съ эмалью, брилліантами осыпанную табакерку съ музыкою, которую онъ только что купилъ за 2,700 рублей... Заглядѣнье! Эмаль голубая съ бѣлымъ, музыка играетъ и вальсы и марши, и плясовые и пропаяныя... Пятачная голова *Каравасевъ*, которому уже выдали изъ казны деньги, прельстился на сію заморскую шпuku; онъ, не смотря на скардную свою скупость, изъявилъ желаніе купить еѣ; но *Вадей Львовичъ*, который шпуть подсперегалъ его, какъ змѣй-Удавъ (Вoa) добычи, рѣшительно объявилъ ему, что его табакерка не продажна, а завѣтна. Обыкновенная уловка обманщиковъ! «Ну, такъ проиграйте!» подхватилъ степной олухъ, будучи увѣренъ, что выигравъ на 25 р. пляшчковъ, филограмовый кошелѣкъ и Китайскую куклу, онъ сдѣлался докою, а *Смирненъкаго* почиталъ проспюплѣномъ, потому что онъ

..... Сидитъ развѣс губы,

Хохоцетъ,

Скалитъ зубы,

Поштитваситъ пунишъ, зѣваетъ, сле-живъ,

Тасуетъ карты пакъ, что въ нихъ глядись, кпо хочетъ.

«Извольте, берите диковинную табакерку приступомъ, съ бою. Вамъ господа!» сказалъ онъ, оборотился къ другимъ госпамъ: «я проигрываю деньги, а *Гаврилу Петровичу* часы.»

— Играйтъ на чистыя не скоро, да здорово! — замѣтилъ *Сорвиголовинъ* — и наставилъ пляш картъ, ничего не подозрѣвая.

Мой братецъ, имѣя въ карманѣ на 20 п. билетовъ, наспунилъ на банкотѣпа, какъ *Наполеонъ* съ полумиліономъ побѣдоносныхъ солдатъ на Россію: онъ предпринялъ однимъ папискомъ кончить войну. Часы разыгрывались въ 2 п. рубляхъ; ращѣписный и сильный капиталомъ *Каравасевъ* проспавилъ

на карту 2 тысячи: её убили. Выждавъ съ примѣрнымъ холонокровіемъ новую палію, онъ удвоилъ кушъ—на того же винного валепа: его бухъ—подъ обухъ! Вычисляя *спролтности* погда, какъ его обыгрывали *настырное*, онъ выдернулъ карту — и пустилъ на 6 тысячъ рублей. Она долго не выпадала: легло пліе. Въ слѣдующую палію её прирѣзали. Выигравъ 12 п., хитрый банккомѣтъ останоуился — и попреобовавъ дегель. При эпомъ словъ, проигравшій споль огромную сумму скупецъ потерялся. Онъ опдалъ ему двѣнадцать тысячныхъ билетовъ и, кинувъ карты, началъ прохаживаться большими шагами по залъ. Между тѣмъ, игра шла своимъ порядкомъ: у *Сорвиголовина* было за банккомъ 4,600 рублей; капитанъ *Вороватинъ*, понкшируя *въ нигю*, для того, чтобъ другихъ подзадоривать, пропонкшировалъ 5 п. рублей — и, передавъ пятидесятысячное заёмное письмо на *Веръбина*, началъ понкшировать еще горячѣе, пускавъ настоящихъ *брандеровъ* (*).

Капитанъ *Вороватинъ* и *Танта* были въ опчалніи: они полагаали, что дѣло кончилось двѣнадцатыю тысячами; но *Смиренькой*, зная лучше человѣческое сердце, былъ увѣренъ, что алчность къ деньгамъ и желаніе ворошить ихъ, на перекоръ мудрой народной нашей пословицы: *играй да не отыгрывайся*, переможеть разсудокъ.

Было девять часовъ вечера; чопорные лакеи *Танты* разносили чай. Дозвольте мнѣ вставить здѣсь эпизодъ. *Гомеръ* заставлялъ своихъ героевъ рассказывать сказки въ пылу битвы; моп преспокойно сидѣлъ въ тёплой гостиной, на мягкихъ креслахъ и козыряютъ. Однажды у одного Русскаго пьяницы (естъ пьяницы на Нѣмецкій манеръ, на Англійскій и пр.) спросили: опъ чего онъ въ праздникъ до обѣдни пьянъ напился? «Съ радости;» опвѣчалъ онъ безъ запинки: «сегодня жена родила мнѣ сына!»—Спустя нѣскольго времени, опять сдѣлали

(*). *Пустить брандеръ* естъ техническое выраженіе и значить поставитъ на карту такой огромный кушъ, что если она выиграеть: то взорвѣтъ весь банкъ на воздухъ.— К.

ему потъ же вопросъ: «Съ горя;» сказали онъ глубоко вздохнувъ: «у меня нынче дочь умерла.» Можеть быть, что и у меня спросятъ читатели: какъ приклеивается сей рассказъ къ похождениямъ моего двоюроднаго брата? Извольте увидѣть, возьмите на себя трудъ читать далѣе. *Каравасъ* никогда не бралъ въ ротъ рому, но спустивъ 12,000 чистоганомъ, подлилъ въ чашку порядочный пріёмъ сего напитка боговъ, веселящаго сердце человѣческое. «Съ горя!» думалъ онъ про себя. «*Для куража!*» думали игроки-плуцы. Онъ повторилъ эту операцію при второй чашкѣ. Весьма *естественно*, что у него зашумѣло въ башкѣ; очень *натурально*, что онъ бодро выступилъ на зелёное поле, гдѣ битва кипѣла. Онъ проигралъ еще 13 п. рублей, забасповалъ — и уѣхалъ. Но на крыльцѣ догналъ его *Веневскій*, человекъ на всѣ руки, обжора, подагрикъ и задушевный другъ *Танты*: онъ упросилъ его пріѣхать къ нему на другой день откушать.

Къ четыремъ часамъ общипанный скряга пріѣхалъ къ *Веневскому*; но никого еще изъ гостей не было. Немного спустя вошелъ въ гостиную *Вороватинъ*, *Сорвиголовинъ*, извѣстный шулеръ *фонъ-Абшейлихъ* и *Ө. Л. Смиренькой*, которому, для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, необходимо было взять сихъ грабителей въ долю. Обѣдъ былъ чудесный: супъ изъ черепахи, разварная сперлядь, Спразбургскій пирогъ, жареная драхва, усприцы; безпрестанно подавали лучшія вина заливать кипящей жиръ коплетъ, мороженое изъ рома, Шампанское вдовы *Клико*: опъ такой смѣси, съѣденной и выпитой въ продолженіе двухъ часовъ, и у записнаго пьяницы завертѣлось бы всё въ глазахъ, а *Каравасъ*, новичокъ и въ свѣтъ, и въ картахъ, и въ попойкѣ, и мучимый проигрышемъ, опьянѣлъ совершенно. Послѣ обѣда разложили ломберный споль, подали кофе, трубки, сигарки, зажженую свѣчу — и началась потѣха.

Фонъ-Абшейлихъ, великій магистръ карточныхъ таинствъ, металъ банкъ. Онъ припворился пьянымъ, въ лѣвой рукѣ держалъ трубку, колоду картъ положилъ на споль —

и съ неловкостью, медленно поднималъ карту за картою, а совсѣмъ пѣмъ, на ленту билъ всѣ важныя карты, которыя спавилъ мой братаецъ.

Не желая повпорять пого, что прежде меня краснорѣчиво описали авторы *Семейства Холмскихъ* и трагедіи *Тридцать лѣтъ игрока*, однимъ словомъ скажу, что скупецъ *Каравасъ* проигралъ имъ въ недѣлю всѣ деньги, привезенныя съ собою и въ Москвѣ занятыя, началъ съ пѣхъ поръ пить запоемъ. Сожительница сама прѣехала за нимъ въ Москву, и насильно увезла въ деревню. Но и тамъ онъ продолжалъ пить безъ просыпа недѣли по двѣ и искалъ игры. Онъ украдкою увѣжалъ къ такимъ же пьянюшкамъ мѣлкопомѣстнымъ дворянамъ, завѣлъ попойку съ барскими управителями, харчевниками, однодворцами и пропадалъ по недѣлѣ: такъ, что посылали его обыскивать. Выпившись изъ ума, проигрывалъ все до копѣйки, давалъ на себя заѣмныя письма, продавалъ хлѣбъ, сѣно, луга — и давно ходилъ бы по міру, или ошлся, если-бъ благоразумная и твердоспъ жены его не сберегла ему части его состоянія, которое она перевела на свое имя.

Въ послѣдніе годы жизни, спранно, отвращительно было смотрѣть на него. Онъ обрюзгъ, не брился, не стригъ ни ногтей, ни волосъ, не перемѣнялъ бѣлья; боялся людей, не пускалъ на глаза ни жены, ни дѣтей, которые, если и входили иногда къ нему въ комнату (въ большіе праздники, въ день его именинъ): то онъ отворачивался къ стѣнѣ, закрывалъ глаза и припирался спящимъ.

3.

Если мои *Антиподы* будутъ сполько щасливы, что поправятся чипателямъ и сорвутъ улыбку съ морщъ чипательницъ: то у меня въ запасъ найдется дюжина двѣ подобныхъ чудаковъ и чудачекъ.... Есть и купцы и дворяне, и отставные и служащіе, и провинціалы и жители столицъ, и живописцы и музыканты, и спарики и молодые, и богомолки и кокетки, и ханжи.... Вотъ, напримѣръ.....

Но я не больше-ль ужоу,

Когда до будущей субботы опложу
Разсказывать вамъ сказки объ уродахъ,

О чудакахъ, объ антиподахъ?

Заглянемъ внутрь людскихъ сердецъ:

Отъ слова я не опступаюсь,

Ихъ анапоминъ попытаться....

Теперь же почка и — конецъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВОЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Внимательный наблюдатель конечно замѣтилъ, что за нѣсколько предъ симъ времени въ Берлинскомъ общественномъ саду, человекъ, лѣтъ сорока, благородной наружности, одѣтый въ черное плашье, проходилъ всякой день передъ обѣдомъ, какова бы ни была погода, взадъ и впередъ по липовой алѣѣ. — Онъ прохаживался тихими шагами, никогда не оглядывался на сторону, никакое спеченіе народа не останавливало его; казалось, что ни одно прекрасное лицо не обращаетъ на себя его вниманія, и симъ то именно возбудилъ онъ мое любопытство. — Я искалъ сблизиться съ незнакомцемъ, но не находилъ къ тому удобнаго случая.

— Въ это самое время перемѣнилъ я мѣсто жительства; я перешелъ въ такъ называемую Медвѣжью улицу, и занялъ часть этажа, въ другой половинѣ котораго жилъ одинъ Французъ. Я чрезвычайно обрадовался, когда узналъ въ немъ моего незнакомца. — Я спалъ еще болѣе спарался обратиться на себя его вниманіе, и наконецъ, съ помощію слуги его, дошелъ до того, что онъ иногда по вечерамъ приглашалъ меня къ себѣ. — Онъ говорилъ весьма мало, но и немногія слова его обнаруживали возвышенный духъ; блѣдное лицо его носило на себѣ слѣды горести и даже нѣкотораго помѣшательства; никогда не измѣнялось выраженіе его физиономіи, и самое ужасное повѣствованіе не нарушало его холодности. — Одно сполько преступленіе, или чрезмѣрная скорбь могли такъ окаменить его сердце. — Дабы пріобрѣсть его довѣренность, рассказывалъ

я ему многое, до моихъ обстоятельствъ относящееся, и наконецъ сообщилъ ему всю исторію моей жизни; казалось, что повѣствованіе о несчастной любви моей пробудило въ немъ нѣкоторое чувство. — Онъ пожалъ мнѣ руку свою, холодною какъ ледъ рукою и вознаградилъ мою довѣренность повѣствованіемъ собственной жизни.

Онъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее, спокойнымъ, ровнымъ голосомъ; мнѣ чудилось даже, что воспоминаніе о сихъ полузабытыхъ, злополучныхъ событіяхъ приноситъ ему, въ его безуміи, какое-то прошивуестественное удовольствіе.

Онъ началъ такъ: «Я родился въ Парижѣ; отецъ мой былъ банкиръ; но я долженъ былъ учиться, и потому посѣщалъ университетъ. — Насупротивъ онаго жилъ богатый купецъ, которій, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, былъ злѣйшій врагъ отца моего. — Я былъ тогда молодъ и пылокъ, полагалъ, что мужество и твердость побѣждаютъ всё и не вѣрилъ, что ненависть родителей можетъ препятствовать любви дѣтей; я любилъ *Валерію*, дочь купца, со всею пылкостью юности. Какъ я не могъ посѣщать общества отца ея, то и нашелъ средство тайно видѣться съ моею любезною. — Свиданія наши были такъ скрытны, что лишь одна старая служанка знала о любви нашей.

«Цѣлый годъ скрывали мы нашу взаимную привязанность; въ печеніи этого времени отецъ *Валеріи* понесъ значительныя денежныя потери; начинали говорить о его дурныхъ обстоятельствахъ. Я же получилъ званіе докпора, былъ сынъ богатаго отца, и потому думалъ, что онъ съ удовольствіемъ приметъ мое предложеніе жениться на его дочери. — Я посватался, но получилъ рѣшительный отказъ. — Я былъ въ отчаяніи; *Валерія* призналась мнѣ, что чувствуетъ себя матерью, и я не зналъ, что дѣлать для спасенія ея чести. — Мы тайно обвѣнчались. — Вскорѣ послѣ сего *Валерія* сообщила мнѣ, что человекъ, которому отецъ ея долженъ 30,000 франковъ, ищетъ руки ея; что отецъ можетъ спасти отъ банкротства не иначе, какъ со-

гласясь на сіе предложеніе, или опщипавъ немедленно поманушую сумму. — Я сказалъ *Валеріи*, что если отецъ будетъ говорить ей о предположеніи замужствѣ, то она должна открытъ ему тайный союзъ нашъ, что я между тѣмъ выпрошу у отца моего 30,000 франковъ. Я поспѣшилъ къ нему, открылъ ему мою тайну и просилъ о помощи. Онъ спокойно выслушалъ меня и хладнокровно отвѣчалъ, чтобы я самъ раздѣлался съ избраннымъ мною предметомъ, а что онъ съ своей стороны поможетъ ему нѣсколько. — Вся моленія мои были тщетны, онъ остался непреклоненъ. — Я побѣжалъ къ друзьямъ моимъ, и наконецъ, по прошествіи четырехъ часовъ, собралъ нужную сумму. — Но уже было поздно, тайна моя скрылась, оставивъ мнѣ письмо, въ которомъ осыпалъ меня ужаснѣйшими проклятіями и просилъ Небо наказать меня величайшимъ несчастіемъ.

«*Валерія* слегла въ постелю; отецъ любилъ её слишкомъ много, чтобы проклинавъ; но его безмолвный упрекъ огорчилъ её еще болѣе. Сверхъ того она прочла письмо его ко мнѣ, и содержаніе онаго совершенно её разстроило; она прежде времени родила дочь и не перенесла своихъ страданій.

«Я всегда слышалъ, что большое несчастіе вергаетъ людей въ отчаяніе, въ изступленіе; со мною случилось противное: я былъ тихъ и спокоенъ и ничто не приносило мнѣ удовольствія.

«*Валерія* умерла, отецъ ея бѣжалъ, и такъ никто не имѣлъ на новорожденнаго младенца большаго, какъ я, права. Я отдалъ дочь мою къ кормилицѣ, которая должна была воспитывать её какъ собственное дитя, самъ же оставилъ Парижъ и Францію, чтобы путешествіемъ разсѣять свою горечь.

«Я объѣздилъ подъ чужимъ именемъ Англію, Германію, Италію, Польшу, Россію и Персію, словомъ я прожилъ осьмнадцать лѣтъ въ отдаленіи отъ моего отечества. — Отецъ мой умеръ; я былъ очень богатъ; я оставилъ у одного банкира значительную сумму денегъ на имя моей дочери; одна только она призывала меня въ отечество.

«Я возвратился во Францію и прибылъ въ Лионъ, гдѣ намѣревался пробыть нѣкоторое время.

«Въ одинъ день, прогуливаясь по улицамъ, замѣнилъ я въ окнѣ небольшого домика дѣвушку необыкновенной красоты. — Взоръ ея испребилъ послѣднюю искру горести, плавающую въ моемъ сердцѣ, и въ немъ вновь закипѣла пламенная любовь. — Я вскорѣ познакомился съ опцемъ этой дѣвушки, небогатымъ, мелочнымъ торговцемъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что дѣвушка была его племянница, которую онъ, по смерти сестры своей, принялъ какъ дочь. — Я скоро началъ ежедневно посѣщать домъ его; казалось, что *Амалия*, такъ звали прелестную, видѣла меня каждый день съ большимъ удовольствіемъ, и я возымѣлъ намѣреніе сохранивъ принятое мною имя; дочь же мою, къ которой не питалъ я никакого чувства, предославивъ своей участи, женился на *Амалии* и поселился въ Лионѣ. Я посвадался за неѣ и получилъ согласіе.

«День свадьбы наступилъ и мною, *Амалия* сдѣлалась моею женою. — На другой день послѣ свадьбы сидѣли мы въ дружескомъ, родственномъ кругу; я разговорился, разсказалъ мои приключенія и произнесъ мое настоящее имя.

— А, сказалъ песнь мой, въ такомъ случаѣ я имѣю къ вамъ письмо отъ сестры моей; вотъ оно. —

«Я раскрылъ его. Оно было отъ кормилицы, которой я поручилъ дочь мою; она писала мнѣ, что приближаясь къ смерти, посылаетъ она дочь мою, подъ именемъ своей дочери, къ своему брату.

«Этотъ братъ былъ никто другой, какъ песнь мой, а дочь моя — моя жена!

Съ Немецъ. *М. Медельзинъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

У Л Ы Б К А.

(Посланіе къ)

Въ тѣ дни, когда не знаяи свѣта,
Я беззаботно жилъ да пѣлъ,
И взоромъ юнаго поэта

На жизнь привѣтливо смотрѣлъ;
Когда меня обворожала
Невинной дѣвы красота,
И душу сильно волновала
Надежда, вздорная мечта,
И даже въпреная слава
Ко мнѣ являлась иногда. . . .
Въ тѣ дни съ веселіемъ сердечнымъ,
Я на пиры друзей спѣшилъ,
И шумъ попойки ихъ безпечной
Меня младенца веселилъ;
И на устахъ моихъ блуждала
Улыбка — радости печать. . . .
.
Года мелькнули — и опять
Я на пирахъ друзей явился;
Но дружбѣ этой доверялъ
Я, къ сожалѣнью, разучился,
Я былъ подъ колесомъ судьбы,
Веденъ былъ опыта руками,
И прежнія мои мечты
Смѣшились зрѣлыми мечтами,
Надъ спрасью взялъ господство умъ.
Съ пренебреженіемъ, помонь думъ,
На ихъ забавы я взираю,
И на привольный шайки крикъ,
Я, непривѣтливый старикъ,
Улыбкой злою отвѣчаю;
И часто, какъ музыки громъ
Въ усалой залѣ раздается,
Горитъ, свѣплаетъ пышный домъ
И пара легкая несется. . . .
Тогда далеко я бѣгу,
Грусть въ сердцѣ хладномъ подавляю,
И юность добрую свою
Съ ея улыбкой вспоминаю.
.
И жалко мнѣ улыбки той,
Какъ уiero Мая беззаботной,
Какъ мигъ восторга быстролетной! . . .
И грустно мнѣ, товарищъ мой! . . .
Улыбка, дѣтская улыбка,
Эмблема радостей былыхъ,
Зачѣмъ порою, хопъ ошибкой,
Ты не мелькнешь въ устахъ моихъ?

Пускай упрекъ, на щастье, злобный,
 Въ устахъ страдальца замолчишь,
 И смѣхъ безчувственный, холодный,
 Улыбка шепталъ смѣишь,
 Тогда на мигъ забудусь снова,
 На все привѣпно погляжу,
 И снова пѣсню веселой
 Свое блаженство воспою! . . .

М. Делидовъ.

ENIGME.

Je suis un joli corps, d'un très-léger volume,
 Qui va, revient dans l'air, et sans pied porte plume.

Въ No 48, помѣщенная шарада значить: *Мах-силъ*.

MODÈS.

Il y a un moment de transition, changement de saison, pendant lequel on a de brûlans soleils et des soirées presque froides. Cependant, c'est le printemps; c'est presque déjà l'été, et la mode ne cède pas ses exigences; pour une réunion du soir on veut une demi-toilette, une parure légère qui réponde au poétique mois de mai, et la femme souvent délicate et souffrante sacrifie pour ainsi dire sa santé à la nécessité d'un devoir de toilette.

Mais cette année voici que nous remarquons à l'exposition une étoffe que nous offrent les magasins Sainte-Anne. La *syphide*, gaze de soie brochée sur sa doublure; dessins à ramages pour robes, petits dessins semés pour modes. La *syphide* sera donc un négligé merveilleux, ou une parure sérieuse; la *syphide* sera une gaze pour les uns, une étoffe de soie pour les autres, et pour tous une idée ingénieuse, convenant à la robe de bal, à la redingote de petite maîtresse et à la capote de promenade. Le choix immense qu'en a M. *Delisle* pourra répondre amplement à toutes les demandes et satisfaire tous les goûts. Nous recommandons surtout les couleurs tendres et une nuance écru qui est charmante.

Les *damas écossais* sont de belles robes pour demi-toilette. Les changemens de nuances produits par la façon de l'étoffe ont des reflets éclatans qui se rapprochent du satin. Un de ceux que nous avons le plus remarqués est écru et lilas.

Comme fantaisie bizarre nous indiquerons un foulard fond noir, à dessins de tulipes et roses, plus grandes que la main.

Ce même dessin se retrouve au milieu des nombreux *jaconas imprimés de Lyon*, à grandes et vives fleurs, sur fond gros bleu, violet, orange, ventre de biche, et les nuances plus connues. Ces jaconas sont imprimés avec les dessins et les couleurs du foulard, et en ont tout l'éclat.

МОДЫ.

Есть время перехода, перемѣна времени года, когда солнце жжетъ, а вечера почти холодные. Однако, это весна, это почти уже лѣто, и мода не уступаетъ своихъ прѣобаній. Для вечерняго собранія хотятъ полу-наряда, легкую одежду, соотвѣтствующую мѣсяцу Маю, и часто дама, нежнаго и слабого здоровья, жертвуетъ, такъ сказать, имъ необходимости сообразоваться съ модою.

Но нынѣшній годъ мы замѣтили на выставкѣ матерію, находящуюся въ магазинѣ Sainte-Anne. *Syphide*, шелковый газъ, затканый на подкладкѣ; узоры разводами для плащевъ, мелкіе разбросанные узоры для уборовъ. Сильшида будетъ или чудесное negligé, или настоящій нарядъ; сильшида будетъ для однихъ газъ, для другихъ шелковая матерія, а для всѣхъ замысловатое изобрѣтеніе, приличное бальному платью, рединготу для щеголихи и каноту для прогулки. Огромное собраніе ихъ у г-на *Делиля* можетъ соотвѣтствовать всѣмъ прѣобаніямъ и удовольствоваться всѣмъ вкусомъ. Мы особенно рекомендуемъ нежные цвѣта и прелестный суровый цвѣтъ.

Шотландскіе *damas* прекрасны для полунарядныхъ плащевъ. Перемѣны цвѣтвъ, происходящія отъ узора матерій, имѣютъ блестящія отблески, подражающіе апласу. Мы замѣтили наиболѣе суровый съ лиловымъ.

Какъ спранныю прихоть мы назовемъ фуляръ; по черному грунту узоры изъ шюпановъ и розъ, величиною въ ладонь.

Этотъ же узоръ находится между мнѣжествомъ печатныхъ лионскихъ жаконетовъ, съ большими и яркими цвѣтами, по грунту: синему, фиолетовому, оранжевому, *ventre de biche*, и болѣе извѣстныхъ цвѣтовъ. Эти жаконеты печатаны узорами и цвѣтами фуларовъ и имѣютъ весь ихъ блескъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 50.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 23 дня, 1854 года.

Какой учтивецъ сталъ Дамонъ!
Что за диковина? Теперь въ описавкѣ онъ.

В. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНТИПОДЫ.

(Продолженіе 2-е.)

3.

Не вѣмъ надобно важное, ученое; многіе желаютъ пріятнаго — и только. Авторъ, который какъ ханжа, поднимая очи къ небу и сложа крестомъ на груди руки, болѣзненно воздыхаетъ о суетѣ міра сего и въ прокислыхъ фразахъ, мутнымъ слогомъ и нечислымъ языкомъ на каждой страницѣ долбитъ вамъ вѣдомое каждому добродушному Христианину правило, что надобно любить ближнихъ; увѣряетъ Русскихъ, уже тысячу лѣтъ умирающихъ на полѣ чести, что сладко умереть за Опечество, что порочнаго ожидаетъ на томъ свѣтѣ наказаніе, что слава — дымъ, что истинные друзья рѣдки, — заставляешь звать самыхъ честныхъ чинашелей точно такъ, какъ одни изъ старыхъ журналистовъ надѣдалъ повореніемъ священныхъ именъ *Пожарскаго и Мина*.

М. Н. Муравьевъ, человекъ строгой нравственности и высокаго любомудрія, сказалъ: «Все то, что способствуетъ къ доспавленію вкусу болѣе тонкости и разбор-

чивости, что приводитъ въ совершенство чувствованіе красоты въ искусствахъ или письменахъ, опводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ спрасней, отъ неистовыхъ воспаленій глѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ спрасней.» — Если этаго свидѣльства недостаточно: то приведемъ еще И. И. *Дмитріева*. Онъ написалъ:

Но всё ли пользы лишь искать?

Для сказки и того довольно,

Коль слушаютъ её безъ скуки, добровольно,

И можете иногда улыбку съ насъ сорвать.

Люди должностные, просидѣвшіе до чепырѣхъ часовъ по полудни въ своемъ департаментѣ за скучными головоломными бумагами; дамы и дѣвицы, которыя, благодаря святому Провидѣнію, еще не занимаются въ Россіи полиціею; военные, послѣ ученья и развода, стоя въ караулѣ или отдыхая въ казармахъ,—любятъ чтеніе лёгкое, шупливое, забавное, описаніе нравовъ и обычаевъ, портреты чудаковъ, особеняковъ, нравственныхъ уродовъ; ихъ занимаютъ людскія слабости, промахи, спранности; имъ любопытно знать образъ жизни, мыслей и чувствованій своихъ дѣдовъ,

опцовъ, современниковъ... Къ ихъ услугамъ выдержки изъ моей спариковской памятной книжки!

Въ числѣ Аппиподовъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ Викторъ Аркадьевичъ *Прозогкинъ*. Онъ сынъ губернскаго прокурора, котораго сорокъ семь лѣтъ прослужилъ съ честью у вѣсовъ *Θелиды*, — и цѣлую жизнь пропускалъ опредѣленія судебныхъ мѣстъ, сочинялъ выписки, давалъ резолюціи, подписывалъ дѣла, подавалъ мнѣнія, напоминалъ, понуждалъ, протестовалъ... Ему некогда было заниматься ни хозяйствомъ, ни воспитаніемъ сына. Онъ былъ госпъ въ своемъ домѣ; ѣлъ то, что ему спрѣпали; носилъ такое платье, какое сшили; ѣздилъ шуда, куда посылали, а по Субботамъ (единственный день, свободный отъ дѣлъ и должностей: поелку въ Воскресенье онъ обязанъ былъ проводить вечеръ у губернатора — и съ вице-губернаторомъ, и однимъ изъ предсѣдателей Гражданской или Уголовной Палаты сославлялъ партію ея превосходительству госпожи губернаторши) принималъ гостей своего круга, ш. е. дворянскаго предводителя, совѣтниковъ и ассесоровъ, губернскихъ стряпчихъ и казначей, совѣснаго судью, почтмейстера, архитектора, землѣбра, купческаго голову, съ ихъ супружницами и дѣтками, и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, по дѣламъ прѣѣзжавшихъ и издавна въ городѣ поселившихся. Прочіе пять дней въ недѣлѣ проводилъ отецъ нашего героя въ присутственныхъ мѣстахъ, на званныхъ обѣдахъ и вечеринкахъ, возвращался домой не позднѣе девяти часовъ и заирался въ кабинетъ по съ своимъ письмоводителемъ, по съ секретарями, по съ испцами и опѣтчиками, по съ ихъ повѣренными. Онъ никогда не читывалъ другихъ книгъ, кромѣ законныхъ, другихъ журналовъ, кромѣ журналовъ засѣданія судебныхъ мѣстъ и не имѣлъ никакого понятія о другомъ родѣ краспорѣчія, кромѣ судебного. Въ книгохранилищѣ его имѣлись: Уложение Царя *Алексѣя Михайловича*, Военскій Уставъ *Петра Великаго*, Учрежденіе о губерніяхъ и Указы *Екатерины Великой*, Собраніе указовъ *Петра II*, *Анны Іосифовны*, *Елисаветы Петровны*, *Петра*

III, *Павла I* и *Александра I-го*; Словарь юридическій *Чулкова*, Указатель Россійскихъ законовъ *Максимовича*, Памятникъ законовъ *Правикова* и Собраніе Россійскихъ законовъ *Хавскаго*; Сенатскія вѣдомости, Сенатскія прибавленія и всѣ вновь выходящіе уставы, постанова, исполкованія, дополненія. Сынъ прихаживалъ къ нему поупру и, поцѣловавъ руку, уходилъ; вечеромъ та же безмолвная сцена, съ прибавленіемъ креста, коимъ осыпалъ родитель милое чадо на сонъ грядущій.

Совсѣмъ не пакова была высокородная его сожительница: полная хозяйка въ домѣ; самовластная повелительница сожителя, сына, дворовыхъ людей и крестьянъ, пшницъ, скоповъ и всего, имѣющаго душу и бездушнаго, она слыла женщиною образованною, потому, что при года обучалась въ *благородномъ пансіонѣ* мадамы *Сантиманъ*. Манерная, жеманная, причудница, спрадающая исперикою и мигренемъ, она развѣ во время сна обрѣтала спокойствіе, на яву же вѣчно чувствовала себя въ состояніи раздражительности; безпрестанно напрягала свой умъ, превожила сердце, упомляла воображеніе для возбужденія въ себѣ заунывныхъ чувствъ, или чего нибудь похожего на хандру, которую слезливые стихотворцы называютъ меланхоліею. Она приписывала предметамъ, еѣ окружающимъ, такія мечтательныя свойства и отношенія, какихъ они не имѣютъ и имѣть не могутъ. Вздыхала, увидя поблѣкшій листъ; грустила, найдя мѣртвую бабочку; плакала о раздавленномъ жулкѣ; и щипала до синихъ пятенъ горничную, когда она еѣ одѣвала; поила чаемъ поспельную собачку, кормила изъ своихъ рукъ голубей пшеницею, а дворовымъ людямъ не опускала хлѣба вдоволь. Начувствовавшись, наплакавшись, она до полудня опочивала, нѣжилась, читала чувствительныя путешествія, или плаксивые романы; прогуливалась по дождю, при свистѣ вѣтра, при бушеваніи бури, бесѣдовала съ блѣдною луною, съ задумчивыми звѣздами, съ ранними могилами: «Помедли, прекрасная, спыдывая Цинтія!» восклицала она при закатѣ луны: «оставь наспись въ

лазоревыхъ лугахъ Олимпа многочисленныя спада звѣздъ, и внемли объшамъ, моленіямъ испасающей въ мрачной горести спрадалницы!» — Госпожа прокурорша одѣвалась со всею выискаанностью героини романа: зимою въ чѣрное платье съ бѣлою шалью и шафьяными розами въ волосахъ; лѣтомъ въ бѣлое съ чернымъ блондовымъ вуалемъ; пальчики ея были унизаны завѣтными кольцами и перстнями: на одномъ изображенъ былъ змѣй — эмблема вѣчности; на другомъ мѣртвая голова — memento mori! Двѣ соединенныя руки — аллегорія вѣрной дружбы. Въ иныхъ закручались волосы — чѣрные, въ иныхъ бѣлые, въ иныхъ русые, рыжіе и даже красноогненные.

Самое имя *Виктора*, дано единственному ея сыну въ честь *Дюкредюмелилеву* роману: *Викторъ, или дитя въ лѣсу*. Непроспительно было бы историкѣ не передать попомспіу, что она долго колебалась и едва не назвала его *Алексисомъ*, въ воспомнаніе пѣхъ испочниковъ слѣзъ, кои пролила она, читая другой романъ, подъ заглавіемъ: *Алексисъ, или домикъ въ лѣсу*.

У сентиментальной маменьки нашего *Виктора* была библіотека совсѣмъ другаго рода, нежели у степеннаго ея супруга. Её украшали книги, подъ заглавіемъ: *Уединенный кабинетъ*, или Собраніе философическихъ забавныхъ и любовныхъ матерій; *Уединенные часы пустынника въ жизни*; *Вдохновенныя идеи*; *Чувства сердца*; *Плоды досуга, или Чувствованія друга природы*; *Свободныя чувствованія моего сердца*; *Мелкіе труды*; *Метты воображенія*; *Досуги моего уединенія*; *Петербургскія сумерки*; *Отплытки сердца*; *Утѣхи меланхолии*; *Игра фантазіи при наступленіи весны*; *Извѣстное да не вѣсьма, или Собраніе разныхъ любопытныхъ вопросовъ въ видѣ раскиданныхъ цвѣтвъ*; *Къ праху моего друга*; *Жертва ложной дружбы*; *Плачь разума и сердца*; *Утренники влюблённаго*; *Забавы въ уединеніи*; *Проеуждѣ двизицы*; *Любовный лексиконъ*; *Любовная школа, или подробное изъясненіе всѣхъ степеней и таинствъ любовной науки*; *Пограбеніе собаки*, *Посланіе къ одному другу изъ Праги въ Вѣну*; *Разность не безъ пріятности*; *Досуги*;

Деревенская лира; *Новость, гостинецъ отъ души... отъ сердца, въ стихахъ разнаго рода*; *Уединенная Муза Закармскихъ береговъ*; *Минуты Музъ*; *Пегальныя, веселые и унылыя тоны сердца*; *Минуты смѣха*; *Винокъ для милыхъ*.

Нижеслѣдующія же пворенія, въ плаксииво-пришорно-прогательномъ родѣ, были переплетены въ сафьянъ и спояли у неё въ спальнѣ, въ красивомъ шкафѣ и задергивались розовыми шёлковыми занавѣсками: *Владѣтель волшебнаго хрусталька*; *Любовь Палирля и Диррліи*; *Союзъ любви и славы*; трагедіи: *Агріона*, *Артакерксъ*, *Гипермистра*, *Дебора*, *Деидаиія*, *Делиофонтъ* и другія; комедіи: *Андрей и Цецила*, *Воспитаніе, или Вотъ приданое*, *Дельфъ и Дельфира*; смѣсь: *Цвѣты Грацій*, *Мысли, характеры и портреты*, *Плоды свободныхъ чувствованій*, и нѣсколько *Грацій въ жёлтыхъ платьяхъ*.

Примчаніе. Авторъ сей списки получилъ сію роспись книгъ и дневныя записки Виктора Аркадьевича *Прозогкина*, въ бытность его сентиментальнымъ писателемъ и путешественникомъ, отъ него самаго. Онъ самъ, найдя на умъ, первый свѣдѣлся надъ сумазбродными своими приключеніями.

Душеспасительно было для госпожи *Прозогкиной*, что она жила въ то время, когда еще Россія не была наводнена историческими, сапирическими, правоописательными романами и поэмами на маперъ *Байрона*, *Виктора Гюго*, *Гобсмана* и *Купера*. Живи она теперь: то до смерти бы зачувспивалась.

Воспитаніе единственного сына ея *Виктореньки*, какъ вы сами видите, вполнѣ отъ неё зависѣло. Ужь она же надъ нимъ и распощилась, и показала себя во всемъ блескѣ! Колыбель дитяти была осыпана цвѣтами, обвита розовыми гирляндами, вокругъ неё ворковали горлицы, няня убаюкивала его стихами *К. Григ. X* — аго.

Сстрогая исполнительница предписаній *Жанъ-Жака Руссо*, она не повѣрляла младенца наёмной кормилицѣ. Опнявъ отъ груди, она сперва кормила его кашкою изъ манныхъ крупъ, потѣмъ, поспепенно, яичницею изъ канаренныхъ и голубиныхъ лицъ, малиною съ палевыми сливками, жареными желтобонными чижичками; пошла роскою медвяною и

бальзамическимъ чаемъ съ аромапическими испареніями правъ. Когда ему совершилось при года: по, въ день его рожденія, она создала къ себѣ весь городъ: несчастный ребёнокъ представлялъ живую карпину. Онъ былъ одѣтъ, какъ одѣвалась непорочность въ золотой вѣкъ: ему привѣсили золотые крылышки, лукъ и колчанъ, и онъ на наковальнѣ билъ серебрянымъ молоточкомъ каменное сердце. Внизу надпись гласила: *слегу рано, или поздно*. Въ другой картинѣ *Викторенька* вѣхалъ на голубяхъ въ поржесивенной колесницѣ. Гости безъ умолку хвалили изобрѣтеніе прокурорши и предсказывали, что ея сынокъ будетъ чудо красоты, ума и любезности. Съ четырёхлѣпняго возраста онъ ходилъ въ планшевой курпочкѣ съ розовымъ Италіанскимъ плапкомъ на шеѣ,

Съ собачкой, съ посошкомъ, съ лорнеткой —

И съ миртовой онъ мошекъ вѣпкой.

Его длинныя, цвѣта камѣныхъ орѣховъ волосы завивались локонами — и были разбросаны по плечамъ. На головѣ бѣлая пуховая шляпа; перчатокъ не снимали съ него ни днёмъ, ни ночью. (Эпо дѣлають и взрослые молодчики для сохраненія бѣлизны рукъ).

Каждое лѣто проводила прокурорша съ сыномъ въ деревнѣ, куда супругъ ея прѣзжалъ только по праздникамъ. Пяти лѣтъ *Викторенька* уже бѣгло чиналъ по Русски, болталъ по Французски; шести глядѣлся въ зеркалѣ озера, ловилъ бабочекъ, *les vertes demoiselles*, гонялся за мотыльками. Маменька сама образовала сердце его. Ея любимое занятіе было чинать ему жалобнымъ голосомъ лексиконъ — и любоваться его чувствительностью, смотря, какъ ребёнокъ плачетъ на взрыдъ отъ сего сумазброднаго чпенія и надрываетъ себѣ лёгкія.

Она практически учила его восхищаться красотами природы, будила до разсвѣта, взошла на гору и, указывая на воспокъ, гдѣ заря начинала заниматься, несла напыщеннымъ тономъ великолѣпный вздоръ, *инспирированный* ей *чувствительными* авторами-нумешественниками.

«По прошествіи ночи, безмолвія и всеобщей тишины и спокойствія;» взвизгивала

она: «Аврора восходитъ на горизонтъ, — мѣсто своего пребыванія, производя въ насъ какое-то вышнее и какъ бы небесное чувствоваціе, приводящее насъ въ восторгъ; здѣсь въ большемъ количествѣ господствуетъ лучезарность солнца; здѣсь просіяваетъ величество натуры, является «во всемъ своемъ великолѣпнѣ пурпуровое «небо; земная поверхность какъ бы получаетъ большую силу къ содѣланію смерп- «нымъ великаго добра и всякаго удоволь- «ствія; — самые цвѣты, — красы натуры, «кажутся намъ въ другомъ, оживленномъ и «одушевленномъ въ сіе время видѣ; деревья, «копорыми преисполнены рощи, даютъ намъ «спряпную пѣнь, подъ кою мы во время «зной имѣемъ себѣ отдохновеніе и убѣжи- «ще; сады, которые служатъ мѣспопребы- «ваніемъ пернапымъ, духъ нашъ оживляютъ, «возобновляютъ силы наши и своимъ благо- «суханіемъ наполютъ насъ; однимъ словомъ, «всѣ предметы, насъ окружающіе, видимъ «мы, въ продолженіе восхожденія Авроры, «въ другомъ наилучшемъ видѣ, который боль- «шую сущность и дѣлптельность чувствова- «ваній въ нашемъ духѣ производитъ (*).»

Продрогши и проголодавшись, *matan et son pélit Amour* рысью встряхивали въ садъ, гдѣ, подъ душистою черѣмухою, накрывали для нихъ круглый столикъ узорчатою скатертью. Тамъ, лежа на мягкомъ дерновомъ канапѣ, они пили чай на свѣжемъ воздухѣ. Потомъ спустились на берегъ пылающаго заревомъ озера встрѣпить свѣтлозарнаго царя звѣздъ. — «Бальзамическое упрю!» вскрикивала, наспроившая свои *сентименты* на идиллическій понъ, госпожа *Прозогкима*: «величественное свѣтло! озаренная лучами «проясняющагося дня, радостно вась благо- «словляю! Произникающія прозябенія плѣ- «сняютъ взоры наблюдателя даровъ приро- «ды. Бодрствуй, духъ мой! среди сего плѣ- «снительнаго зрѣлища. Прыганье игриваго «сгнѣнка на зелёномъ лугу, лающій пѣсъ, «спрегущій снадо, являютъ удовольствіе

(*) См. Чувства моего сердца. Россійское сочиненіе. Москва. Гл. IX. стр. 91.

«бытиемъ своимъ! И живописныя, какъ бы чувствующи ихъ Совпоршгаго (1).»

Произнесши сіе (или подобныя нелѣпости), шла она на цвѣтисный холмъ вливать нѣгу живописнаго голубаго эфира. Сямъ срѣпала начало дня (2).

«Влажная амврозія изсякла. Мaman et son «doux fils, разнѣженные ея манною, возлежали на крупизнѣ мшистой скалы, опаленной раскаленнымъ лучемъ полуденнаго зноя; благодѣющій Промыслъ освѣжалъ силы ихъ дарованною пищею. Они удалялись въ пріятнѣйшій гротъ, посвящаемый удивленному размышленію, не искусствомъ, но природою произведенный;—въ семь убѣжищъ, подѣ сѣнію древнихъ елей, вкушали «ощаждение — свой полдень (3).

«Между тѣмъ, какъ они сладко дремали—солнце уже скрылось — скрылось, подобно, какъ мнимое наше блаженство скрывается — теряется въ ужасныхъ мракахъ — туманахъ горестей тяжкихъ. Сидя подѣ кокошкѣ, *Прозоккина* и сыночекъ ея, съ сожалѣніемъ смотрѣли на умирающую природу — капала слеза горячая — вздохъ излеталъ и — помно опзывался въ души ихъ. «Что же постоянно въ свѣтѣ семь? вскрикивала она.—Давно ли благодѣтельные лучи солнца оживотворяли, украшали горящую зеленью природу? Давно ли день былъ во всей лѣпотѣ своей? Но пробли часы, солнце поблѣднѣло — казалось, умирало и — скрылось въ густыхъ массахъ тѣмной — пурпуровыхъ тучъ — такъ какъ бы низшло во гробъ — гробъ мрачный и — въ жилище тѣней!...»

Примѣчаніе. Госпожа *Прозоккина* не задолго передъ тѣмъ лишилась лучшей своей пріятельницы, госпожи *Облороковой*. Для всякой другой дамы такая потеря была бы источникѣмъ печали, но для нашей милой причудницы она сдѣлалась неизскаемымъ рудникомъ сладострастныхъ думъ роскошной грусти. Рѣдко упускала она случай помечтать вслухъ о бременности подлуннаго.

«Давно ли я была въ объятіяхъ милаго, небеснаго Ангела?» жаловалась она: «Дав-

«но ли въ испусленіяхъ любви предавалась «чиспѣйшимъ, невиннымъ удовольствіямъ?... «Минула и — все исчезло — прекрасныя планы разрушены — солнце мое скрылось... но «скрылось на вѣки... Черпыя крылія забвенія шумящія уже надъ густыми елями, освѣняющими гробницу моего друга, души моей, «моей *Пашеты* (4); душа моя погреблася съ «нею... и — я ничто иное какъ тѣнь, блуждающая по свѣту, рвущаяся опыскать себѣ спокойствія, которое далеко улетѣло «отъ меня — далеко... далеко, за предѣлы могилы... Тщепно силюсь... Мечта! мечта (5)!»

Часто, часто ночью будила она своего *Викториньку*, когда ему спукнуло 10 лѣтъ, и погася на споль свѣчу, ночью таскала его съ собою въ тѣмную рощу, въ долину мглою одѣтую, на пригорокъ опуманенный. «Поля и холмы уже облечены были въ мрачную одежду ночи; сонъ уже спустился на «легкихъ крыльяхъ и рассыпалъ маковые цвѣты на кровли сельскихъ жителей. Лишь «рѣдка прерывалась тишина лаемъ собакъ — ночныхъ вѣрныхъ спражей; и филины тихимъ полетомъ перелетали съ одной кровли на другую (6),» — а маменька съ поддѣльными сенипменпами и сынокъ съ разспроенными, по ея милости, нервами, — «внимали безмолвной тишинѣ ночи; сонъ не «тяготилъ ихъ очей, и они, при сіяніи лучей, смотрѣли въ сумрачную даль, сливающуюся съ мракомъ. — Какое безмолвіе! Какая тишина!» пропаянно сквозь зубы замечала *Причудница*: «все покоится въ области сна; покоится поселянинъ, утомленный работою; покоится юноша и невинность, и бѣдный спрадавецъ на голомъ «камнѣ; — и невинный узникъ въ темницѣ, «на соломѣ, вкушаютъ сладость покоя. «Одинъ ты лишенъ его, гордый богачъ! ты «бояшься, чтобы во время сна не опияли «у тебя лапа — пренебрегаешь покоемъ; — «ты мучишься, взирая на куски мепалла,

(1) См. Успѣхи меланхолин, стр. 45.

(2) Тамъ же, страница та же.

(3) Тамъ же, стр. 46.

(4) Ея подругу звали *Прасковей Прокрѣвеной*. — К.

(5) См. книгу: Мечты воображенія, стр. 17.

(6) См. книгу: Плоды досуга, или Чувствованія друга природы, стр. 15.

«опиляго тобою у ближнихъ пвоихъ...
«Смотри, какъ бѣдный нищій, сего дня
«прогнанный тобою опъ окна пвоего и
«получившій опъ тебѣ опказъ въ кускъ
«счёрсваго хлѣба, спитъ спокойно. А ты,
«сминый щаспливецъ!—ты помилъся и—
«не спишь (*)!» — — — Прорекламирро-
«свавъ такой монологъ, она уходила спать.

Викторъ росъ не по годамъ, а по часамъ, лицомъ былъ пригожъ—въ мать, ростомъ высокъ и широкоплечъ—въ отца, и былъ бы совсѣмъ молодецъ, еслибъ томная бѣдность—слѣдствіе слѣзъ и безвременной поски—не обнаруживала внупреннаго болѣзненнаго состоянія его морали, имѣющей вредное вліяніе на его физикку. Онъ приспраспился къ чпѣнію; сумазбродку-мань эбо радовало; но какъ воспользовалась она симъ щаспливымъ расположеніемъ опрока, у котораго душа была листомъ бѣлой бумаги, такъ чпо на ней все, чпо угодно, написатъ можно было? Она опдала его на полупенсіонъ къ семидесяти-лѣтней, глухой мадамъ *Сантиманъ*, у которой сама воспитывалась. У неѣ обучались 13 дѣвочекъ, а мальчиковъ ходило только двое. *Прозогкинъ*, и безъ того изнѣженный, и безъ того склонный болѣе поливатъ цвѣты и вышиватъ въ тамбуръ, нежели владѣть конѣмъ и рубить саблею, здѣсь сдѣлался совсѣмъ женоподобнымъ.

Въ при года учителя прошли съ нимъ un peu de géographie, выучили его коѣ-чему изъ histoire ancienne, ариеметикку до дробей, чпсписанію, рисоватъ глазки, ушки, носики, игратъ нѣсколько романсовъ и Русскихъ модныхъ пѣсенъ на форпеніано и панцоватъ, какъ *Шелиховъ*. Между шѣмъ, маменька нашпиговала молодое, цѣломудренное сердце его чувствительными пупешествіями, сенпиментальными романами, слезными драмами, плаксивыми повѣстями, мадригалами, элегіями.

Здѣсь слѣдуетъ выписка изъ собственно-ручныхъ записокъ молодаго *Прозогкина*, съ коимъ я въ послѣдствіи времени коротко

(*) См. книгу: Плоды досуга, или *Чувствованія друга природы*, стр. 14.

познакомился, котораго всею душою люблю и уважаю, и который для пользы Россійскаго благороднаго юношества желаетъ, чтобы онъ были преданы писменію.

«Первая книга,» исповѣдывается онъ въ сихъ запискахъ: «сповавшая мнѣ въ руки, въ помъ возрастъ, когда начинаютъ бушеватъ спраспи, была *Нещастный Никаноръ*, или приключеніе жизни Россійскаго дворянина Н*** (1). За нею *Нещастная Маргарита*, испинная Русская повѣсть (2). Вскорѣ ознакомился я: съ *Неонилой, распутной дочерью* (3); съ бѣдною *Машею* (4), съ бѣднымъ *Леандромъ* (5), съ *Княземъ В—илъ* и княжною *Щ—ою* (6); взглянулъ на *Подарокъ догери въ новый годъ* (7); въ воображеніи създилъ на островъ *Эльбу*, гдѣ видѣлъ *Новаго Санхо-Панхо* (8); вытерпѣлъ на сухомъ пути Морскую болѣзнь, чптая *Исторію Генриха Великаго*, соч. госпожи *Жанлисъ*, въ переводѣ наполненномъ галлицизмами, опъ которыхъ меня по кожѣ подирало, какъ будто бы въ ухахъ моихъ раздавался

Визгъ порослятъ, какъ ихъ сѣкутъ

Распаренною розгой!!!

«Лѣтомъ госпожа *Сантиманъ* распускала свою школу на шестъ недѣль;» продолжалъ *Викторъ*: «Мапушка, проводившая каждое лѣто въ деревнѣ, верспахъ въ 40 опъ губерпскаго города, взяла меня пуда съ собою. Воображеніе мое было воспламенено.... жили напряжены, нервы напаянуты, внупренность горѣла.. я чувствовалъ попребность любви. Каждая коровница казалась мнѣ пастушкой; полсныхъ крестьянскихъ дѣвочъ, курносыхъ, съ выдавшимися впередъ скулами, величалъ я *Граціями*; *Авдотью* перекрещивалъ въ *Душеньку*, *Малашку* въ *Мелани*, *Дарью* въ *Дорису*! Я поспроилъ себѣ шалашикъ на берегу—по навозному дну лѣннво тащившагося ручья, который испорченное воображеніе мое представляло мнѣ по хрустальнымъ, по серебрянымъ,

(1) М. 1779. (2) М. 1803. (3) Такъ печатно названа нѣкая справедливая повѣсть; М. 1794. (4) С. П. Б. 1801. (5) Или Авторъ безъ рипортики; С. П. Б. 1803. (6) М. 1804. (7) Или занимательные вечера для молодыхъ людей. (8) Островъ Эльба и Новый Санхо-Панхо; М. 1814.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П. Г. СІЯНОВУ.

Какъ конь пвой борзый и ретивый,
Послышавъ бранные призывы
И смертоносной мѣди громъ,
Кипишь и ржешь подь сѣдокомъ,
Ушми прядешь опъ неперпѣнья,
Клубами парь вьешь изъ поздрей
И пламя мечешь изъ очей, —
Таковъ пѣвецъ въ мигъ вдохновенья,
Таковъ божественный порывъ,
Когда душъ его коснется
Священныхъ Музъ живой призывъ:
Его душа кипишь и рвется
Изъ слабыхъ, бранныхъ жизни узъ;
Неодолимая, песется
Въ обитель радостную Музъ! —
Но по порывъ, одно мгновенье!
Какъ легкокрылый упра сонъ,
Минеть, промчится упоенье! —
Пѣвецъ, какъ бѣдный Иксіонъ,
Очнется въ мѣрь—на мученье!

9-го Марта 1833.

П. Миласенъ.

ЛОГОГРИФЪ.

Когда я съ головой,
Я малой дѣловой;
Желудокъ я кумиромъ почитаю
И въ жирномъ кочѣ звѣзды замѣчаю;
Душа моя паспешъ;
Спимките голову—миѣ право нужды нѣтъ,
Желудка лишь не опшимайте;
Но я безъ головы потчасъ перемѣжусь,
И звѣзды наблюдашь возмусъ.
Теперь, прошу васъ, разгадайте.

М. Демидовъ.

Въ № 47-мъ помѣщенная загадка значить: *Volant.*

по жемчужнымъ, по бисернымъ, по радужнымъ. Припаясь памъ, я любовался, какъ Нимфы гибкою хвороспиною гнали на изумрудные луга добрыхъ коровокъ, невинныхъ агнцовъ и романическихъ свинокъ.

«Я почти спяпилъ съ ума, а маменька и приятельницы ея меня адмирировали, моиѣ Аркадскими проказами распрогивались, прозвали меня *Дафнисомъ*.

«Но это еще было началомъ болѣзни! Зимою, по настоянію роднаго дяди моего, человека разсудительнаго, богатаго и холостаго, котораго я былъ единственнѣмъ наследникомъ, опослали меня къ нему въ Москву, а онъ опдалъ меня въ университетскій Благородный пансіонъ. Все могло бы здѣсь бышь поправлено, но сеншменпальносиль глубоко запустила корни въ моемъ сердцѣ. Поюхавъ *цвѣтовъ Грацій* (1), опшѣдавъ *плодовъ свободныхъ чувствований* (2), покушавъ *плодовъ меланхоліи* (3), я не могъ ужиться въ шакомъ училищѣ, гдѣ преподавали миѣ логику, хотѣли возвратишь изъ идеальнаго міра въ существенный, птвердили, что дворянину должно служишь въ военной, или гражданской службѣ, а я уже служишь Граціямъ и пописывалъ любовные шпионки изряднѣхонько. Дни при ходилъ я, какъ шальной: *Взда въ островъ любви* (4), *Путешествіе въ полуденную Россію* (5) и *въ Малороссію* (6), и *Повѣдка въ Кронштадтъ* (7), подали миѣ Аріаднину нить и факель. Я рѣшилъ бѣжашъ, совершишь *Чувствительное путешествіе въ Ярославъ* и издашь оноѣ подь именемъ *Балакирева*, придворнаго шума *Петра Великаго*. Это хотѣлъ я сдѣлашь въ подраженіе *Стерну*, издавшему свое путешествие подь именемъ *Юрика*; а *Юрикъ*, какъ всѣмъ извѣстно, былъ придворнымъ шумомъ Англійскаго короля.»

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

(1) М. 1802. (2) М. при части, 1798. (3) М. двѣ части, 1796. (4) С. П. Б. 1778. (5) М. 1799. (6) См. выше. (7) М. 1817.

M O D E S.

Nous retrouvons exclusivement aussi chez M. *Delisle les guingams écossais à fleurs*, que M. *Hivert de Saint-Quentin* a fait paraître à l'exposition. Sur les nuances claires se détache un carreau blanc, au milieu duquel est une fleur blanche.

Puis les organdis brochés en laine, semés de mouches de deux couleurs. Un entre autres, élégant et simple, et semé de mouches roses et noires, larges comme un moyen pain à cacheter.

Mme *Hippolyte* vient de nous donner un charmant modèle de ces modes vieilles et rajeunies par nos goûts. Une robe en pou de soie chiné, vert sur vert, est ouverte devant, garnie par un plissé en ruban vert, posé en deux rangs de tuyaux. Le corsage montant plat est fermé au milieu par devant, les manches longues et larges ont un haut poignet à pointe, garni d'un plissé de ruban relevé sur les fronces. Cette robe tout-à-fait ouverte en mathilde, est posée sur un jupon de dessous en pou de soie bleu ciel, qui s'aperçoit comme s'apercevrait un jupon blanc, suivant les mouvemens et la marche, avec une redingote ouverte.

Voici encore un ravissant chapeau de demi-toilette que nous devons au bon goût de Mme *Lepetit*; il est en pou de soie citron, d'une forme coquette et gracieuse. La passe relevée est garnie d'un voile de tulle blanc; un bouquet de pervenches bleues est attaché par un ruban extrêmement fort en taffetas citron, moucheté de très-petits pois.

Une autre élégante capote du soit était en gaze de soie, imitation des tricots de Berlin, les coulisses froncées lui donnaient du soutien, en une fleur délicate, herbe fine en bouquet, avec un ruban de gaze blanche ornait sans changer cette capote, simple dans sa forme et légère comme un nuage.

Pl. No 19. Modes de Long-Champs. — Amazones en casimir. — Corsage à chale. — Chemisette de batiste à jabot. — Cravattes chinées. — Canne en jonc et brava-che de soie à tête d'or.

M O Д Ы.

Мы находимъ исключительно также у г-на *Делли* Шотландскіе гингамы съ цвѣтами, которыхъ г-нъ *Hivert de Saint-Guentin* показывалъ на вы-

сважкѣ. На свѣтлыхъ грунпахъ отдѣляются бѣлые четвероугольники, въ срединѣ которыхъ бѣлый цвѣтокъ.

Потомъ органди, затканныя шерстью, усеянныя пяпнушками двухъ цвѣтовъ. Одинъ между прочими щеголеватъ и проспѣ, усеянъ розовыми съ чернымъ пяпнушками, величпою въ облапку средней величины.

Г-жа *Hippolyte* выдала прекрасный образецъ эпитъ соспарѣвшихся модъ, которая нашъ вкусъ заставилъ помолодѣть. Платье изъ *pou de soie chiné* зеленого по зеленому, открыто спереди, отдѣлано зеленою леншою, сложенною въ два ряда шрубочками; лиць высокой, гладкой, застегнутъ въ срединѣ спереди; рукава длинныя, широкіе, обшпны широкою обшивкою съ мыскомъ. Это платье, совершенно открытое машильною, надѣто на юбку изъ голубаго *pou de soie*, которая видна, какъ была бы видна бѣлая юбка, смотря по движениямъ и ходбѣ, съ открытымъ капотомъ.

Вопъ еще восхищительная полунарядная шляпка, за которую мы обязаны хорошему вкусу г-жи *Lepetit*; она изъ *pou de soie* лимоннаго цвѣта, локвой и щеголеватой формы; приподнятое поле отдѣлано бѣлымъ шлеввымъ вуалемъ; букетъ голубыхъ *pervenches* прихваченъ чрезвычайно плошною пафьяною леншою, затканною весьма мелкими пяпнушками.

Другой нарядный вечерній капотъ былъ изъ шелковаго газа, подражаніе Берлинскому шрико; собранные вздержки поддерживали его, и нежный цвѣтокъ, букетъ мелкой правы, съ бѣлою газвою леншою, украшали этотъ капотъ, ни мало не измѣняя самаго проспаго фасона и легкой какъ облако.

Карп. No 19. Моды Лонгъ-Шанскаго гулянья. — Амазонское казимировое платье. — Корсажъ шали. — Шемизетка башистовая съ жабо. — Тросточка. — Хлыстикъ съ золопою головкою.

Поправка.

Въ No 48-мъ сихъ листковъ, на стр. 378, въ 17-й строкѣ напечатано: *въ первыхъ*, а надобно читать: *въ послѣднихъ*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 51.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 27 дня 1854 года.

Песь даялъ на воровъ; пса упромъ оподрали,
За то, что лаемъ смѣлъ въспреожитъ барскій сонъ.
Песь спалъ въ другую ночь; домъ воры обокрали:
Оподранъ песь за то, за чѣмъ не даялъ онъ.

К. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНТИПОДЫ.

(Продолженіе 3-е.)

Поднявшись съ зари, я одѣлся въ бѣлый суконный, длиннополый сюртукъ съ большими клапонами, прикололъ къ груди букетъ цвѣтѣвъ, украсилъ бѣлую съ зеленымъ подбоямъ шляпу свою розовою лентою, взялъ въ руку бадинку, и прокравшись мимо дремавшаго часоваго, побрелъ по Тверской къ триумфальнымъ воропамъ. Въ пансіонѣ оставилъ я записку слѣдующаго содержанія:

«Для чего я жилъ до сихъ поръ?» «Для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что занимаю мѣсто въ системѣ эемернаго бытія?... За чѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? За чѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня?... Грущу, поскую, лью слезы о себѣ, о ближнемъ—
«и больше ничего!...»

Мнѣ душно, тѣсно въ городѣ; чему меня, воспитанника Матери-Напуры, выучатъ сіи педанты, называемые профессорами? На что мнѣ исторія Эпанионда, Регула, Да-

гессо, Невтона, когда я наизусть знаю исторію Абеларда и несчастный конецъ ея, исторію Вертера и Исповѣдь Жанъ-Жака? Прощайте, пыльные стѣны училища! Бросаю васъ, скучныя книги; передо мною раскрыта великая книга Природы! Беру посохъ свой, иду въ поле съ тѣмъ, чтобы облегчить голову—*и ни о чемъ не думать!*

«Къ чему же служатъ мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія?...»

«Дошедъ до Сухаревой башни (*), я присѣлъ на муравъ землянаго вала, прикричалъ сбивеньщика и, закусывая крупичатымъ калачемъ, прихлѣбывалъ янтарный сбивень. Худая, какъ стѣна, шапка, показавшаяся мнѣ болонкою, привлеченная запахомъ съѣснаго, вертѣла хвостомъ, увивалась около меня и умильными взглядами про-

(*) Сухарева башня построена въ 1692 году, при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ; наименована такъ въ честь оставшагося непоколебимо-вѣрнымъ законнымъ Государямъ своимъ, во время Спрѣлѣцкихъ бунтовъ, полковника Лаврентія Панкратьевича Сухарева. Въ 1701 году заведено было на оной училище математическихъ наукъ и навигаціи. См. Географическій словарь Россійскаго Государства. — К.

спла: подачки. Я бросилъ ей нѣсколько ку-
сковъ калача — и благодарный пѣсъ, эмблема
вѣрности, приспалъ ко мнѣ. Я, какъ чув-
ствительный путешественникъ, прослезил-
ся споль высокому чувству великодушной
собачки — и такъ, какъ эпо былъ кобелѣкъ:
по назвалъ её *Сень-Прё* — въ честь нѣжнаго
любownika прелестной *Шарлотты*, просла-
вленнаго краснорѣчивымъ перомъ *Жанъ-Жа-*
ка въ его *Новой Элоизы*.

Миновавъ Троицкую заставу, я на пер-
вой берѣзѣ вырзалъ свой вензель, а подъ
нимъ 1-е Мая, день моего выхода изъ спо-
лицы. Черезъ нѣсколько минутъ открылось
село Алексѣевское (1); разбѣнно взгля-
нулъ я на старый деревянный дворецъ, пой-
малъ *Божью коровку* и, надѣвъ на булавку,
приколелъ къ шляпѣ.

Я сошелъ въ оврагъ, но обернувшись, уви-
дѣлъ высокія каменные арки, и побѣжалъ
туда. Эпо былъ *водоводъ*. (2), произведеніе

(1) *Карамзинъ*, проѣжая къ Троицѣ, написалъ, что село
Алексѣевское напоминаетъ намъ именемъ своимъ Царя
Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію
къ величію и славѣ; что въ старомъ дворцѣ Царь
всегда оспанавливался на возвращномъ пути изъ мо-
настыря Троицкаго — и располагать торжественный
въѣздъ свой въ Москву. «Я» говоривъ нашъ *Титъ-
Ливій*: «съ какою-то любовью смотрѣлъ на нѣ вещи,
которыя принадлежали еще къ характеру старой Ру-
си, съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ бралъ
рукою за дверь, думая, что нѣкогда опиралъ её роди-
тель *Петра Великаго*, или канцлеръ *Матвеевъ*, или
собственный предокъ мой, служившій царю. Я чув-
ствовалъ, что во мнѣ не проспѣла кровь Русская!»
И нашъ *Прозописъ*, чувствительный путешествен-
никъ, могъ бы что нибудь замѣтить въ споль досто-
памятномъ мѣстѣ; но ему было недосугъ: онъ ловилъ
Божью коровку! . . . — *К.*

(2) «Однимъ изъ монументовъ *Екатериной*: благоде-
тельности!» замѣчаетъ Исторіографъ: «Она любила
во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые
не жалели ничего для пользы ильбы въ городахъ хо-
рошую воду, споль необходимую для здоровья людей,
необходимѣ самыхъ аптекъ. Издержки для общесвен-
наго блага составляють роскошь, достойную великихъ
Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую лю-
бовь къ опечесову, нераздѣльному съ правленіемъ. На-
родъ видилъ, что объ немъ пекутся, и любилъ сво-
ихъ благотворителей. Москва вообще не имѣетъ хо-
рошей воды; едва ли двадцатая часть жителей поль-
зуется Трехгорною и Преображенскою, за которою

художника, а не Природы. Cela fait pitié! На-
сильственное влеченіе воды сквозь мрачные
подземельные своды, похожее на тюремное
запеченіе, не могло пріятно подѣйствовать
на вольнолюбиваго жреца Природы. Я по-
жалъ плечами опъ негодованія, слеза моя
канула въ колодезь, я опѣръ глаза бѣлымъ
баписовымъ плашкомъ, — и пошелъ по
большой дорогѣ на лѣво, припѣвая:

Законы осуждаютъ

Предметъ моей любви;

Но кто, о сердце! можетъ

Пропивиться себѣ?

Какой законъ свяще

Твоихъ врожденныхъ чувствъ?

Какая власть сильнѣ

Любви и красоты?

Въ деревнѣ Роспокиной (3) я купилъ у
деревенской бабы широкую алую ленту,
связалъ изъ неё ошейникъ съ узломъ на ма-
неръ букета и украсилъ имъ моего вѣрнаго
Сень-Прё; купилъ въ харчевнѣ пайской икры—
и скусалъ пополамъ съ моею собачкою; раз-
говаривалъ съ миловидною дочерью харчев-
ника, которая, на вопросъ о ея имени, оп-
вѣчала, что её зовуть *Ульяною*. Quel barba-
risme! Оспапки древняго нарѣчія Тапартъ!
Сносно ли чувствительному челоѣку слы-
шать перековерканнымъ очаровательное имя
Julie, *Юлии*, героини *Руссова* моральнаго ро-
мана, которую всѣ дѣвицы, всѣ женщины,
всѣ дамы должны брасть въ примѣръ спра-
вливой любви, благопріятія и непорочности? (4).

Въ селѣ Пушкинѣ (5), за 26 верстъ опъ
Москвы, я ночевалъ; но не могъ заснуть;

надобно послать далеко: *Екатерина* хотѣла, чтобы
всякой бѣдной челоѣкъ находилъ близъ своего дома ко-
лодезь свѣжей здоровой воды, и поручила генералу
Бауеру провести её трубами изъ ключей Мытищин-
скихъ. — *К.*

(3) Достойная примѣчанія: для любителей исторіи.
Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ
Государямъ своимъ, испрѣнилъ Царя *Иоанна Василье-*
вича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвра-
щался въ столицу. — См. *сошненія Карамзина*, ч. 8.

(4) Нельзя ли избавить опъ такого примѣра и опъ
такой морали? — *К.*

(5) Оно извѣстно въ нашей исторіи нѣмъ, что въ немъ
бояринъ князь Иванъ Андреевичъ *Хованскій*, оклеве-
панный *Милославскимъ*, взявъ былъ подъ спра-
жу. — *К.*

вскочилъ и пошелъ въ ближнюю рощу слушать филомелу, любоваться задумчивою луною. Упоенный ароматами травъ, я бросился на траву, подъ сѣнь сползшиаго дуба, папріарха лѣсовъ и, вынувъ карандашъ, написалъ на розовомъ листочкѣ моихъ дорожныхъ *feuilles volantes* — экспромптъ:

Я вижу: тамъ въ цѣвѣхъ зелѣная долина;
Тамъ пурпуръ заида верхи рисуетъ горы;
Тамъ Циннїя взойла надъ синими лѣсами
И смотрился въ кристалъ журчащаго ручья,
Который у меня печеть передъ глазами —
И гимнъ въ душѣ моей! но пѣсня соловья
Мой умъ и чувства развлекаетъ,
И гимнъ достойнѣйшїй Природѣ воссылаетъ!
Внимаю: прель гремитъ, вдругъ слышанъ ровный шокъ;
Перемѣняется — и спроси всѣ движенья:
Надежда, радости, опчаянье и спонъ,
Любь мнѣ въ грудь рѣкой всю сладость восхищенья
И горестъ всю поски; — пылаетъ — спыняетъ кровь. —
Вопь дѣйствіе пвое, Весна! пвое, Любовь!
Орфей лѣсовъ свою ждетъ къ сердцу *Зеридику*.
Ахъ! онъ щаспливѣ Фракійскаго пѣвца:
Природа соединитъ два спраспныя сердца;
Любовь не пронуда подземнаго владыку!
Какъ мирно вокругъ меня, и какъ душа моя
Съ вечерней роскошью, возсѣдшею на пронѣ —
Который всюду ей, Весна, рука пвола
Поставила мѣдой Природы въ нѣжномъ лонѣ —
Впиваетъ щастіе съ забвеніемъ суеты.
Пороковъ гибельныхъ и вѣпренаго свѣта!
.....
Слова мои Зефиръ разноситъ по дугамъ,
И можетъ ихъ принестъ — къ холоднѣйшимъ сердцамъ!
Въ сей мысли посреди веселья унываю!
Любовь къ Природѣ, будь всегда припомъ моимъ
Прошину рока и фортуны!

Р. Г. Сію очаровательную ночь я щипалъ бы въ числѣ самыхъ блаженнѣйшихъ въ моей жизни, если бы я не промочилъ, ходя по росистой травѣ, ногъ и не получилъ ужаснаго насморка.

На жизненномъ пуши пакъ много терпія!

5-е Мая. Насморкъ, мозолы на ногахъ и головная боль удержали меня нѣсколько дней въ селѣ Пушкинѣ. Я нанялъ особую комнату и, опъ нечего дѣлать, пописывалъ

спихи, а иногда и прозу. На чувствительныхъ ногахъ моихъ саднины заживали, нароспала юная кожица; я въ состоянїи уже былъ сидѣть на упломъ пнѣ, и мечтать о пѣхъ щаспливыхъ любовникахъ, коихъ нѣкогда осыняло его древо. Каждая пылинка на землѣ была нервомъ и дрожала отъ наслажденїя! мыслить я; въ эту минуцу *Семъ-Прѣ* залааялъ и бросился на прохожаго, который, оспановясь на большой дорогѣ, въ меня всмапривался. Это былъ мой старый дядька: онъ принесъ мнѣ бѣлье, деньги, часы и присланный при письмѣ отъ отца моего указъ о пожалованїи меня въ коллежскїе регистраторы за выслугу лѣтъ и приведеніе (будто бы) въ порядокъ архива, въ копоромъ (будто бы) служилъ я (будто бы) усердно. Дядька пожурилъ меня, погорѣвалъ и никакъ не соглашался вѣрить, что я путешеспвую для чести Русской словесности, для пользы отечества и для славы своего имени, копорого сіяніе опразнилъ скоро и на моихъ родителей, и копорое потомство изобразитъ въ гирландѣ изъ незабудокъ, иммортелей и недопрогъ. Онъ уговаривалъ меня воропиться, или писать à son père et à maman; но я хотѣлъ печально удивить ихъ. — Вы должны служить; — уговаривалъ меня дядька. — «Я служу Граціямъ!» отвѣчалъ я ему, положа руку на сердце. — «Я не знаю этихъ потаскушекъ! Вашъ батюшка служилъ вѣрою и правдою мапушкѣ нашей Государынѣ *Екатерины Алексевнѣ*, Императору *Павлу Петровичу* и служилъ Императору *Александрѣ Павловичу*. Вы Русской дворянинъ! — «Развѣ служилелю Грацій нельзя быть *Русскимъ*? Развѣ нѣжность и свойство *Русскаго* не могутъ быть вмѣстѣ?» возразилъ я ему съ досадою, взял шляпу — и оспавилъ брюзгливца ворчать себя подъ носъ.

7-е Мая. Гулялъ я по рощѣ, срывая фидочки и ландыши; встрѣтился съ паспушкою *Агриппиною*: не знаю, случай ли свель меня съ нею, или это былъ заговоръ *Киприды* и *Амура*. Интересная *Агриппина* не княжна, не графиня, даже не барышня; она дочь кузнеца *Пахома*, дочь арписта-поселанина, воспитаница Природы и пасеть здѣсь

на выгонъ романическихъ свинокъ. Ея высокій ростъ, ея стройный, нѣсколько полный станъ, ея мечтательные сѣрые глазки дышатъ поэзію, въ ея высокой груди царствуетъ разгаръ спраспей, и нѣга чувствъ дѣлаетъ её истинною богинею. Бѣла и румяна, какъ *Лаура*, бессмертный предметъ сонетовъ *Петрарки*, робка, какъ *Абелардова* прославленная *Элоиза*, задумчива, какъ *Вертерова Шарлотта*, она достойна быть воспѣта въ пламенныхъ сонетахъ, въ спраспныхъ романсахъ.... сердце мое нашло въ ней свою побѣдительницу.

Я возвратился въ избу, и раздумавшись о неравенствѣ нашихъ соспояній, набросалъ на бумагу свои мысли о семъ предметѣ.

«Если на вопросъ—разбираетъ ли любовь разность рода, происхожденія — отвѣтствовать однимъ рѣшительнымъ словомъ: *нѣтъ!* то произведешь имъ еще при вопроса: *погелу?* — *отъ чего?* — *для чего?*»

«Надобно опредѣлять вещь, когда желаешь говорить о ней, и говоришь основательно.

«Слѣдуя сему правилу, прежде всего должно сказать, что есть любовь.

«Любовь есть царица міра, жизнь радостей, рай вселенныя.

«Любовь есть небесный огонь, питающій и возвышающій смертныхъ.

«Любовь есть дочь благороднаго честволюбія и нѣжной чувствительности, орудіе всѣхъ великихъ подвиговъ, магнитъ нравственныхъ жизни, врагъ желѣзнаго равнодушія, элементъ блаженства.

«Чувствованія сердца совсѣмъ независимы ни отъ какихъ постороннихъ впечатлѣній. Это истина неоспоримая и слишкомъ понятная для каждаго. Нѣтъ надобности её доказывать. Сердце, стремясь къ своему предмету, ни на что не взираетъ, и прпятствія усугубляютъ только пламя любви.

«Исторія древности и временъ новѣйшихъ представляетъ намъ тысячи примѣровъ брачнаго союза между людьми безъ всякаго разбора разности рода, значнаго или незначнаго происхожденія. Но не касаясь оныхъ и обративъ взоръ на то общество, въ которомъ мы живѣмъ, сколько увидимъ

разшпельныхъ образцовъ нѣжнаго соединенія сердець, совершенно различныхъ сословій.

«Самая мнѳологія тоже намъ представляетъ. *Диана*, богиня чистоты и непорочности, обожаетъ *Эдмиліона*, — прекраснаго пастуха, — и нисходитъ съ неба поцѣловать его!... Она забываетъ, что она дочь громовержца *Юпитера*—и вкушаетъ блаженство въ объятіяхъ пастуха!

Геркулесъ, высокими подвигами добродѣтели возвысившійся до степени полубога, падетъ у ногъ *Омфалы*! — Но на что приводить множество доказательствъ того, что не подвержено никакому сомнѣнію? Скажемъ просто: чувствованія сердца не полагаютъ препонъ ихъ соединенію.

Дѣйствія Природы, производя чувство симпатіи, соединяетъ людей по одному инстинкту — взаимному побужденію. Доказывать это, значило бы тоже, что доказывать, почему день называется днемъ, а ночь ночью.... Каждый размышляющій увидитъ изъ сего начертанія, что понятія разума, чувствованія сердца и дѣйствія Природы не производятъ ни какихъ причинъ для любви — разбирать разность рода, происхожденія!

Все это заключимъ прекрасною фразою чувствительнаго поэта:

Хоть горько — но не стыдно.
Въ любви спать намъ!

*

Докончивъ сіе маленькое разсужденіе и, по усиленной просьбѣ моего дядьки, хлѣбнувъ нѣсколько ложекъ щей и крутой каши, я почувствовалъ спазмы, и принялся было сочинять диссертацию о томъ, что нація, питающаяся такою грубою пищею, нація, пьющая квасъ, неспособна къ сентиментальной упонченности, и что *Монтескье* правъ, написавъ: *qu'il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment*; но изорвалъ, вспомнивъ, что владычество романовъ и романшиковъ настаётъ у насъ и что въ нашихъ прагедіяхъ *Святославы*, *Ярополки*, *Ермаки*, *Пожарскіе*, вздыхаютъ отъ любви, какъ *Селадонги*, и блѣютъ, какъ овечки госпожи *Дезульеръ*. Скоро, скоро настанетъ золотой вѣкъ нашей импературы!

8-е Мая. Село Пушкино. Повязавъ розовый гродёнаплевый съ радужными каймами плапочекъ на шею, надѣвъ жёлтый казимировский съ разводами камзолъ, я помчался, какъ ребкая серна, въ рошу, rendez-vous любви моей — и нашёлъ въ ней ту, которой силуэтъ *Амурова* пламенная спрѣла эскизировавала въ моемъ сердцѣ. Она поцѣвала

Ахъ, на чтожь было огородъ городить?

Ахъ, на чтожь было капусту садить?

и брала грибы. Я съ нею раскланялся, какъ съ знакомою незнакомкою, и притворился, будио также ищу грибовъ. Мы повели бесѣду о боровикахъ, объ опѣнкахъ, подосинникахъ, сыроужкахъ. Къ щаспію, моя матан занималась немножко въ деревнѣ de l'économie; солила и дѣлала пікули изъ грибовъ: я возлѣ неё получилъ идею vague о шампиньонахъ, и могъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ поддерживать сію матерію съ юною дочерью Природы. Я сказалъ ей, что люблю бѣлые грибы, жареные въ смѣтанѣ, но предпочитаю имъ саобный пирогъ съ грибами. *Агриппина*, плапя мнѣ опкровенностью за опкровенность, призналась, что её любимое кушанье — разварные въ солёной водѣ свинухи съ коноплянымъ масломъ и лукомъ.... Какая наивность! Мы распались, какъ наипѣжнѣйшіе друзья.

9-е Мая, Праздникъ Николая Чудотворца. Надѣвъ ярко-планшевые чулки съ спрѣлками au jour, башмаки съ банпиками, въ панталонахъ и жилетѣ погоже цвѣта, и запряпавъ подбородокъ въ толсто-накупанное жабо, въ двулишневомъ шафляномъ лѣпнемъ Французскомъ фракѣ, съ букетомъ гордыхъ шюльпановъ и барской сѣси, пошелъ я къ обѣднѣ, и, озирая въ лорнетку деревенскихъ дѣвушекъ, отыскалъ свою повелительницу. Она была въ красномъ кумачномъ сарафанѣ, синихъ шерстяныхъ чулкахъ и малиновыхъ плисовыхъ черевикахъ, у которыхъ переды украшены зеръкальцами, фольгою, блѣспками и бисью. Русая коса, въ которую вплетена была алая апласная лента, доспавала до пояса; шипая золотомъ повязка, въ видѣ діадимы, также съ лентою, сіяла на головѣ у ней. Замѣшивъ меня, она

указала пальцомъ спарушкѣ, возлѣ неё стоявшей и пошептала ей что-то на ухо: это должна быть мать еѣ.

Ввечеру сельскія дѣвицы пѣли хоровадные пѣсни, играли передъ монмъ постоялымъ дворомъ на лугу въ горѣлки, въ коршуны, въ сажу-посажу, мы просо съяли.—Интересная *Агриппина* порхала какъ голубка, расхаживала какъ пава, распѣвала какъ соловушекъ. На постолломъ дворѣ случились двое провѣзжихъ молодыхъ приказныхъ и нѣсколко семинаристовъ. Они всѣ съ деревенскими парнями вмѣшались въ полпу веселившихся. Передній заднему мостъ! Играли въ верѣвочку: я вцѣпился въ неё. Въ эту игру дѣвицы не ловятъ своихъ подружекъ, а муцины муцины. Многие перемѣнились въ кругу, пока очередь дошла до меня. Вступя въ кругъ, я спарался разными опводами и обманными движениями ударить въ расплохъ *Агриппину*: что бросался на неё, какъ коршунъ на цыплятъ, по выкидывалъ крюки, какъ заяцъ косою, проказникъ замысловатый, пробѣжавшій по порошѣ, который напрыгавшись, налягавшись, подъ кочкою улѣгся, снѣжкомъ загрѣбся и припался, какъ будтобы его и на свѣцѣ нѣтъ. Ужъ какъ моя паспушка ни увершывалась, какъ ни хоронилась за подружекъ, однако я допронудся до ея руки. *Агриппина* очупилась въ кругу, а меня выпустила. Она горѣла желаніемъ опмспить мнѣ: и ей удалось. Она такъ шлѣпнула меня по рукѣ, что всю руку подѣрнуло малиновымъ цвѣтомъ—и я вскрикнулъ отъ боли. «Знай нашихъ, баринъ!» лукаво при молвила плуповка. Я опять улучилъ еѣ лёгкимъ прикосновеніемъ, а она, смиренная, заспѣнчивал, начала ловить другихъ, и я уже ни разу въ кругъ не попадался.

Верѣвожку смѣнилъ *коршунъ*; но пакъ какъ молодцовъ и молодицъ собралось очень много: то они и раздѣлились на нѣсколько круговъ. Въ одномъ доспалось бытъ *Агриппини* Машкой, а мнѣ Коршуномъ. Уперевшись ногами, рука въ руку, мы съ нею ломались добрыхъ полчаса; но гдѣ мнѣ, изнѣженному дворянчику, бороться съ дочерью Природы, съ Амазонкою, которая подобно *Клориднѣ* и *Царь-дѣвицѣ*; могла бы единоборствовать

съ сильными, могучими богатырями. Она схватила меня поперёгъ и, перебросивъ черезъ себя, грянула о сыру землю. У меня глаза закапались, и я, ковыляя и охая, при всеобщемъ смѣхѣ всей деревни, убрался на заваленку, отключъ сморгнулъ на игры, не въ сплахъ будучи принявъ въ нихъ участіе. Ревность цалила всю мою внутренность... Я видѣлъ, какъ *Агриппина* ласково разговаривала съ *Ванюхой*, староспинымъ сыномъ, какъ она съ нимъ плясала... Не знаю, что бы со мною послѣдовало, если бы *Февъ* не сжался надъ своимъ жрецомъ и, сойдя съ неба, не показалъ паспушкамъ, что пора гнать домой коровъ. Дѣвицы и молодицы опрометью кинулись домой, разулись, и босякомъ выбѣжали загонять скопину. Я заковылялъ въ мою хашу—и, ложась въ поспелю, чувствовалъ ломъ въ поясницѣ, всего же болѣе въ ногахъ (которыя не опдавали, а раздавили мнѣ сельскія дѣвицы тяжелыми каблучищами, сно разъ на нцхъ наступая въ играхъ) и въ рукахъ, которыя всё были въ синихъ пятнахъ: пакъ ловко отработала ихъ *Амазонка Агриппина!* Спидно признайся: ей бы приличнѣе бытъ *Коршунюль*, а мнѣ *Насъдюю!*

Мал 10, 11 и 12-е. Я не могъ шевельнуться; дядька распиралъ мнѣ изуродованные члены тѣплымъ впомъ, а къ мозолямъ привязывалъ сало. Съ трудомъ и опираясь на костыль, выползъ я въ полдень 12-го *Мал* на солнце—и не прежде, какъ черезъ недѣлю оправился.

«Несправедливо было бы мнѣ сказать, что я праздно убилъ время: нѣтъ, выпросивъ у понамаря, обучавшаго грамотѣ креспьянскихъ ребятишекъ, бумаги, я написалъ списки къ *Грушенькѣ*,

Название *Грушеньки*

Тѣмъ изъ хлопощъ выводилъ,

Что въ рнѣму къ *Душеньки*

Такъ хорошо приходилъ.

«У содержателя постоялаго двора, гдѣ кварпировалъ я, умерла канарейка: я оросилъ её слезами и оплакалъ въ спихахъ. Могъ ли я пропустить такую оказію и печальную катастрофу для моей осиротѣвшей Музы?

Клѣпочка ея была оправднимъ оазисомъ въ пущицѣ жизни моей.

Вчера ты въ клѣпочкѣ порхала....

Малюшка милая моя! — — — —

Ахъ, ты пого, мой другъ! не жала,

Что съ днѣмъ погаснеть жизнь твою!....

Поупру... пѣсенкой пріятной....

Ты въ душу сладость мнѣ дала!

Теперь!.... судьбою—непонятной,

Съ закатомъ солнца умерла!

Лежишь бездыханна, спокойна,

Головку опустивъ свою;

И—жаръ палачій льпа знойна

Ужъ не согрѣетъ жизнь твою!!!!!!!

Зима холодными снѣгами

Объла всю уже тебя;

На вѣкъ—сковала—крѣпко—льдами—

Всѣ чувства жизни погубя!!!!!!

Явится солнце, день възграстѣ,

Природа снова... расцвѣтеть,

Зима суровая... таетъ;

Но для тебя ужъ солнца нѣтъ!

Не встанешь ты опять, конечно!

Не встанешь, милая моя! — —

Ты спишь теперь... и спишь на вѣчно!

(Могила въ клѣпкѣ здѣсь твою!)

Кто поупру меня пробудитъ???

А въ полдень, кто развеселитъ??

Кто утѣшителемъ мнѣ будетъ,

Тогда, какъ вечеръ поспитъ???. . . .

«Любовь!!!» — — Мнѣ эхо опивѣчастъ.—

Она умѣетъ утѣщать —

А кто съ любовью обипаестъ —

Топъ—долженъ жизнь благословлять!!!

Гдѣ есть любовь—тамъ щастье льется—

(И—радости съ собой несеть!)

Тамъ всё шупливо—всѣ смѣются—

Тамъ рай небесный—вѣкъ цвѣтеть.

Воспѣвъ усопшую канарейку, мнѣ показалось совѣстно не прославить *снѣгира*, своимъ милымъ голоскомъ навѣвавшего въ роцѣ милую мелодію на меня и на мою милую, располагаващаго наши души къ гармоніи, къ симпатіи, къ взаимному влеченію созданныхъ другъ для друга. Слушая его, я опдѣлялся отъ тягостныхъ условій общества, сбрасывалъ съ себя мишуру, называемую приличіемъ;

Я *Геспера* мечпамъ давалъ существованье! —

Наспроивъ золошую лиру, я выигралъ :

Пой, милый *Сильгирскъ*, пой *Грушины* красы,
Мою къ ней нѣжну спрасть, и въ упрежни часы,
Когда она опъ сна пріятнаго проснѣтся,
Привѣтспивуй за меня; пусть другъ мой улыбнѣся.
Но ахъ! чпобы воспѣть всѣ прѣлести ея:
То надобно въ неѣ влобнѣться пакъ, какъ я!

Мая 16-е. Погода спюла прелестнѣйшая...
Никогда въ Россійской области не бывало
упро лѣтнее, веселѣе и прекраснѣе.

Я чувспивовалъ себя здоровымъ, спѣшилъ
на любовное свиданіе съ моею пастушкою.
Никакое предчувствіе, никакое сновидѣніе
не дѣйствовало на меня магически, не упо-
чало духовнаго ока моего до высшей степе-
ни; ни одинъ мершвецъ, ни одинъ призракъ
не предрасполагали меня къ громовому уда-
ру... онъ разразился надо мною внезапно.
Я надѣлъ уже шляпу и сходилъ съ лѣспни-
цы, напѣвая

Que ne puis-je avec l'ouïore
Te parler de mon amour,
Et t'en réparer encore
Quand la nuit chasse le jour?

Мой вѣрный *Сень-Прѣ*, соединявшій въ своей
душѣ всѣ благородныя качества *Абеларда* и
Вертера, и героя любви, ему соимяннаго, рѣз-
вился вокругъ меня, прыгалъ и лаялъ... и
въ сей часъ надлежало погибнуть непороч-
ности!... Вдругъ, какъ чѣрная туча, съ
громомъ и гамомъ, во всю конскую прышь
изъ проулка проскакала карета, и, поворо-
пя вкрупъ на большую дорогу, чуть,
чуть не задѣла меня лѣвымъ заднимъ коле-
сомъ. Я имѣлъ только время прижаться къ
плечню. Мрачное облако пыли скрыло опъ
глазъ моихъ всѣ предметы; когда же гори-
зонтъ прояснился: то я увидѣлъ своего *Сень-
Прѣ* въ предсмертныхъ судорогахъ. Тяже-
ловѣсная карета переѣхала по немъ и перед-
нимъ и заднимъ колесами... Опрометью бро-
сился я къ нему на помощь... поздно! Онъ
дрягалъ ножками, кровь печенями хлеспала
изъ рта... Узнавъ мой голосъ, несчастный
приводнялъ голову, но не могъ держать её...

она скапилась на влажную опъ его крови
землю. *Сень-Прѣ* испустилъ послѣднее дыха-
ніе. Нечего было дѣлать! Я, съ пособіемъ
дядьки, перенѣсъ его на ковръ подъ сѣнь
древняго вяза...

Тамъ, заступъ, движущей насилу
Рукой, изрылъ ему могилу,
И хладный трупъ его покрылъ
Землѣю, смѣшанной съ слезами.

Поруча дядькѣ нанявъ крестьянъ обло-
жить цѣвущимъ дерномъ послѣдній при-
юстъ моего лучшаго друга, я побрѣлъ въ ро-
щу, нашелъ *Агриппину*... Она еще болѣе
навѣяла тоску на мою увядавшую душу.
Она пріучила къ себѣ бѣлаго, какъ молоко,
поросѣнка, который бѣгалъ за нею повсю-
ду, какъ покойный *Сень-Прѣ* за мною, уви-
вался около неѣ и сладостраспно хрюкалъ...
Смѣйпесъ надо мною, чѣрствыя души, не спо-
собныя осуществитъ моментъ идиллическа-
го вѣка! Тресните съ досады, узнавъ, что
я никогда ни вѣровалъ споль слѣпо въ его
возможность, какъ глady нѣжнаго поросѣ-
ночка, фаворита избранной, сердцемъ моимъ
Агриппины. Увидя глаза мои покраснѣвшими и
распухшими опъ слѣзъ, милая съ участіемъ
спросила у меня о моемъ горѣ — и я раска-
залъ ей о бѣдствіи, меня постигшемъ. «Плюнь
на эту дрянъ, барипъ!» упѣшала меня бо-
жественная съ обыкновенною своею наив-
ностью: «да возьми съраго кобели у *Терѣшки*
мѣльника: такова лихова пса не сыщешь во
всемъ околоткѣ; онъ опамнѣлъ всѣ икры об-
кусалъ у бапрака нашего *Антипа!*» — Я
спалъ гладнѣе ея любимца, и видя, что ей
пріятны ласки, оказываемыя мною свиному
сыну, я поцѣловалъ её въ уста малиновыя.
Она вскочила, какъ бѣшеная, начала оплѣ-
вываться, говорила, что *эдакъ* у нихъ не во-
днпся, что *въ ихноль* быту цѣлуются съ
чужими только о Святой. Я увѣрилъ её,
что я ей не чужой, предлагалъ ей сердце
и руку—и; воспользовавшись ея замѣшатель-
ствомъ, надѣлъ ей на шею золошой крестъ,
маменькино благословеніе,—и, не давъ ей
опомнпться, поспѣшными шагами удалился.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗВѢЗДА ВИОЛЕЕМА.

Горитъ шайнственнo звѣзда
 На пурпурѣ востока!
 Въ душахъ свѣтло: въ нихъ нѣтъ слѣда
 И плѣня и порока!
 И небомъ дышитъ Виолеемъ:
 Вселенной милость Бога—
 Родился Онъ—прощенье всѣмъ,
 И судъ оставленъ спрoгій!
 И ярче, пламенный горитъ
 Звѣзда преображенья,
 И міру грѣшному швердитъ
 И радость и прощенье!

И. Нагибинъ.

1832.

Тобольскъ.

C H A R A D E.

Un diamant est mon premier,
 Il en a toute l'apparence ;
 Un gros village est mon dernier,
 Et mon entier ville de France.

Въ No 50, помѣщенный логогрифъ значитъ: *Гастрономъ*,
Астрономъ.

M O D E S.

Les toilettes de bal au théâtre Italien étaient divisées d'une façon remarquable en deux genres tout différent; une richesse souvenir de l'hiver et une simplicité faveur du printemps. On voyait encore les tulles lamés, les crêpes ornés de satin; mais ce luxe pâlissait devant une robe de crêpe traversée par des fleurs nouvelles, des rubans de taffetas frais et brillans de couleur. On remarquait de charmantes toilettes en mousseline de l'Inde brodée d'or ou garnie de dentelle, des organdis brodés de soie, des robes d'Angleterre ou point de Bruxelles. Avec des guirlandes de fleurs peu de bijoux. On voyait peu de plumes.

Parmi les toilettes qui furent remarquées, nous citerons celle de madame G***; sur un dessous en taffetas bleu-pâle elle portait une robe d'Angleterre, relevée au genoux sur la jupe de dessous et rattachée par une rose chinoise rose-pâle; dans ses cheveux et dans ses manches étaient placées des roses chinoises; pour bijoux elle avait une parure de turquoises montées sur émail noir.

Madame d'E*** avait une robe d'organdi brodé en fil d'Ecosse et or mat, des bouquets de roses diminuant vers le haut; sa ceinture était en bijouterie: un travail très-léger et transparent enchâssait des grenats taillés ronds sans facettes. Sa parure pareille se rapportait à une couronne d'œillets rouges et lilas blanc posée sur le côté, formant le lien.

M O D Ы.

Бальные наряды въ Импаліанскомъ театрѣ раздѣлены были замѣчательнымъ образомъ на два совсѣмъ различные рода: богашество, воспоминаніе зимы, и простоту, знаменіе весны. Видны были еще волнистые шюли, крепы, отдѣланные апласомъ; но эта роскошь блѣднѣла передъ креповымъ платьемъ съ новыми цвѣтами и папиными деншами, блестящими яркими красками. Замѣсны были прелестныя платья: изъ Индѣйской кисеи, вышитыя золотомъ или отдѣланныя кружевами, платья изъ органди, вышитыя шелкомъ, платья изъ Англійскихъ или Брюссельскихъ кружевовъ. Съ гирландами, драгоценныхъ вещей мало. Перевъ мало было видно.

Между замѣченными нарядами, опишемъ, какъ была одѣта г-жа G...; платье изъ Англійскаго кружева на блѣдно-голубой шафшѣ, приподнято въ ровень съ кольномъ на нижней юбкѣ и прихвачено Кипайскою розою блѣдно-розоваго цвѣта; въ волосахъ и въ рукавахъ были Кипайскія розы. Вещи были изъ бирюзъ, отдѣланныхъ въ черную эмаль.

Г-жа E... была въ платьѣ изъ органди, вышитомъ бѣлью и маповымъ золотомъ; букеты розъ, уменьшающіеся къ верху; поясъ былъ изъ каменьева; весьма легкая прозрачная работа обдѣлывала гранаты, обрѣзанныя кругло, не граненыя. Подобный приборъ относился къ гирландѣ изъ красныхъ и бѣловато-лиловыхъ гвоздикъ, припиленной на боку, сославляющую связь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

N° 52.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
снавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 30 дня, 1854 года.

Согласно съ общимъ заведеніемъ,
Къ дядьямъ и шёпкамъ съ поздравленіемъ
И въ Рождество, и въ Новый годъ,
Скакаль съ прихода на приходъ.
У нихъ въ бесѣдахъ самыхъ чинныхъ
Безъ неперынья засѣдалъ,
И на обѣдахъ именинныхъ
Приборъ всегдашній занималъ.

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНТИПОДЫ.

(Окончаніе.)

Видали-ль вы когда нибудь въ Россіи по-
повку на балъ, прыгающую *контредансъ*?...
Не вижу никакова препятствія, никакова
несоответствія.

Вѣстникъ Европы. 1804. Янв. стр. 101.

«Идучи домой,» пишеть въ запискахъ сво-
ихъ пріятель мой *Прозогкинъ*: «я думалъ о
помъ, что наивная *Агриппина* спанеть жа-
ловаться au Maréchal son père на мои нѣ-
сколько нескромные поступки, покажетъ
ему кольцо, безъ согласія ея, на руку ей
надѣтое. Все это въ соспоянїи было взвол-
новать сердце родительское на щётъ чести
его дочери, чести, которою не торгуютъ
просподушные поселяне, какъ горожане на-
ши. Во всякомъ случаѣ, слѣдствія должен-

сповали бытъ пагубны для моеї непороч-
ной страсти: подобно, какъ морозъ, умерц-
вляющій спыдливую розу, какъ силокъ звои-
кому жаворонку, какъ уда среброчешуйной
плотвъ. «La vie champêtre est la première vie de
l'homme, la plus paisible, la plus naturelle et la
plus douce à qui n'a point le coeur corrompu!»
твердилъ я за Жанъ Жакомъ Руссо. «Заключу
священный союзъ съ моею паспушкою;»
мыслилъ я, идучи на rendez-vous съ нею; «и
съ бѣлоснѣжнымъ её поросѣночкомъ я по-
селюся въ деревнѣ, въ деревнѣ!... Но....
но не такъ, какъ *полицейскъ*, un romésstchick!
Quel mot dur, barbare! Хочу успроить свой
бытъ на ногъ Французскаго fermier. Найму
домикъ, уголокъ землицы, лужокъ... Да,
почно такъ, безподобно!....

Эрмишажъ мой — огородъ,

Скипешрь — посохъ, *Агриппина*

Моя слава, мой народъ,

И собой она карпина.

Разсуждая такъ про себя, вступилъ я въ очарованную рощицу и прямо къ той изумрудной лужайкѣ, на которой имѣла привычку сидѣть избранная моимъ сердцемъ, предметъ моего супружества. Лишь только я подошелъ къ ней, лишь только успѣлъ опуститься на правое колѣно и простереть къ небу руки... вдругъ изъ за кустовъ выско- чилъ кузнецъ *Пахомъ*, какъ новый *Полифенъ*, и зацѣсь падъ головою моею — гибельное орудіе своей мести — полупудовой моло- покъ. Съ другой стороны, какъ *Эвелинда*, успремилась на меня, выставя длинныя ко- ги, мать моей возлюбленной. Она, не до- ждавшись, чѣмъ бы я всталъ, изрыгнула на меня тысячу поносныхъ словъ, какъ пла- мень Эпина изрыгаетъ. «Ахъ ты, городской подмипало!» завопила она: «вишь какой, за- думалъ нашихъ дѣвокъ подговаривать на худое; убирайся-ка шуда, опколъ пришѣлъ, проваливай по добру, по здорову!... А не то, я поднесу тебѣ такую дулю, что въ ухахъ раздастся перезвонъ въ семь колоко- ловъ съ перезвонкомъ!» Я споялъ, какъ вко- ланый, mes ridicules oreilles были скандали- зированы, поранены; *Агриппина* походила на бѣломраморную статую *Галатеи*, пре- жде чудотворнаго ея оживленія. Однако, вспомнивъ, что передо мною мой будущій beau père и моя belle mère, не вповатые въ томъ, что ихъ чувства не утончены, что они живутъ въ нѣдрахъ Природы, искажен- ной певѣжествомъ, что Россія не Аркадія, и что можетъ быть, мнѣ предоставило Небо совершить сіе преобразование, заста- вить Русскихъ играть на свирѣли, распѣ- вать элегіи, мѣшать въ нѣгъ и праздности, я извинилъ ихъ въ сердцѣ своемъ, примирилъ съ ними, оправился, и увѣрилъ ихъ, что мои виды честны, что я прошу ихъ благо- словить *Агриппину* за меня за мужъ.

Родительница моей нареченной, *Долла Тимовесвна*, и сама была благородной крови, однодворка изъ Мещоры, и переселилась подъ Москву изъ за старой Рязани. Долго спарики не могли понять, о какой *Агриппи- нѣ* я говорю имъ, когда же поняли: то не- медленно согласились. Мы ударили по ру-

камъ; они пащили меня къ себѣ хлѣба-солѣ кушать, но я опговорился.

Возвратясь домой, я увѣдомилъ о намѣре- ніи моемъ жениться спараго дядьку, кото- рый раскудахтался было, какъ индѣйка, и даже намекнулъ, что пойдѣтъ просить ка- пипана-исправника; однако одумался — и, воспользовавшись моимъ опсупствіемъ, на- нялъ пару до Москвы и укапиль къ моимъ родителѣямъ.

Между тѣмъ, я заложилъ винному повѣ- ренному золотыя часы, вмѣстѣ съ пѣщею пріискалъ наёмный себѣ домикъ у священни- ка села Тайнинскаго, съ лугомъ и огородомъ и плодовитымъ садикомъ. Насъ обручили; но путь подошли Пепровки — и сватъба опложена до мясаѣда. Я воспользовался сею опсрочкою — и съѣздилъ въ Москву для покупки подарковъ нареченной своей не- вѣстѣ.

Возвратясь опшолъ, я нашелъ своего дядьку уже воротившимся. У насъ начался съ нимъ горячій споръ. Онъ уговаривалъ меня бросить *Агриппину*, представлялъ о неприличіи такого брака, о моей молодости, о раскаяніи; а я съ своей стороны, воору- жась *Жанъ-Жакомъ*, *Рейналемъ* и другими философами, доказывалъ, что любовь не раз- личаетъ состояній. «Почему не жениться мнѣ на крестьянкѣ?» воскликнулъ я гром- кимъ голосомъ. Громкая пощѣчина, отъ ко- торой искры посыпались у меня изъ глазъ, была опвѣпомъ на мой возгласъ. Когда я пришѣлъ въ себя: раздраженный отецъ споялъ передо мною въ глубокомъ праур- ь... Онъ объявилъ мнѣ, что я не имѣю болѣе матери, и что къ печали о ея смер- ти, я, своими необдуманннми дурачествами, усугубляю его горести.

Онъ пощепталъ что-то на ухо своему лакею; сей бросился вонъ, и черезъ четверть часа пришѣлъ доложивъ, что коляска запря- жена. Отецъ мой вполкнулъ меня въ неѣ, сълъ самъ — и лошади помчались.

Мы ѣхали день и ночь, и останавливались въ Москвѣ только для найма лошадей. Мы наняли ямщиковъ, которые взяли на сда- почныхъ поставили на часы въ нашъ гу-

бернскій городъ. Прїѣхавъ туда, отецъ мой заперъ меня въ тѣмный чуланъ, гдѣ я спалъ на соломѣ и содержался на хлѣбъ и водѣ. Только по Воскресеньямъ выпускали меня въ церковь. По выдержаніи меня шесть недѣль на такомъ суходѣніи, въ темнотѣ и одиночествѣ, отецъ мой выпоролъ меня бапожьёмъ и, разведя въ каминѣ большой огонь, учинилъ надъ преступными романами казнь, то есть сжѣгъ ихъ, какъ *Омаръ* Александрійскую библіотѣку. Потомъ позвалъ священника, который, освящая воду и окропляя ею меня и опведенную мнѣ для житія комнату, самъ водворилъ меня въ оной. Въ шкафахъ своихъ я нашѣлъ всѣ бапошкины юридическія книги, Библію, *Фенелона*, *Плутарха*, *Монтескьё*, *Геллерта*, *Ломоносова*, *Михайла Никитича Муравьева*, *Державина*, *Палласа*, *Гмеллина*, *Лепѣхина* и другія подобныя книги. Каждый день я ѣздилъ съ опцемъ моимъ въ присутственные мѣста, и, подъ спорогимъ надзоромъ секретаря Гражданской Палаты, до 2-хъ часовъ пополудни занимался дѣлами, потомъ, съ опцемъ же моимъ, возвращался домой обѣдать; но прежде, нежели мы сѣли за столъ, я обязанъ былъ прочесть вслухъ главу изъ Ветхаго Завета, три *Давидовы* псалма и главу изъ Евангелія.

«Мало по малу, отецъ мой становился со мною нѣжнѣе, а дѣльнѣе и спеннѣе. Онъ познакомилъ меня съ двумя молодыми людьми, сыновьями нашего гражданского губернатора, служившими въ Петербургѣ въ министерскихъ департаментсахъ и прїѣхавшихъ въ отпускъ къ родителямъ. Ихъ дѣльные разговоры, ихъ здравыя сужденія, ихъ прямой взглядъ на вещи и случаи просвѣтили меня. Сеншменпальныя бѣлыя спали съ глазъ моихъ. Они знакомы были съ Нѣмецкою литературою, восхищались *Гѣте*, *Шиллеромъ*, *Кантономъ*, *Шлѣцеромъ* и моднымъ тогда *Коцебу*. А я зналъ только одинъ Французскій языкъ! Мнѣ стало больно; я началъ учиться по Нѣмецки — и черезъ годъ читалъ уже *Виландова* *Оберона* и восхищался *Фоссовыми* предложеніями *Гомера* и *Виргилія*. Сіе благородное время проведеніе выгнало оспальной *Аглавскій* чадъ изъ моей

головы. Между тѣмъ, годы бѣжали одинъ за другимъ, какъ скороходы: меня произвели въ губерскіе секретари. Я упросилъ бапошку отпустить меня на службу въ Петербургъ. Увидя, что я опять попалъ на путь истинный, онъ охотно на то согласился. Я прибылъ въ Петербургъ, опредѣлился на службу, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ, только два раза ѣздилъ въ отпускъ: одинъ для свиданія съ престарѣлымъ моимъ родителемъ, другой для погребенія его и припятія во владѣніе оставшагося послѣ него имѣнія. Остальное, вы, мой другъ, сами узнаете.»

Я знаю, но читатели не вѣдаютъ. И пакъ, скажу имъ, что пріятель мой, Викторъ Аркадьевичъ *Прозогкинъ*, ревностно и усердіемъ дослужился до чина спатскаго совѣтника, кавалеръ двухъ орденовъ, недавно получилъ аренду, женатъ, имѣетъ двухъ сыновей, которые, окончивъ гимназическій курсъ, отправлены имъ въ Дерптскій университетъ, и двухъ дочерей, воспитывающихся дома *по льщански*. А какъ это? спросятъ любопытные. А вотъ какъ: берутъ два урока въ недѣлю Французскихъ, Нѣмецкихъ, музыка, рисованія и папцованья, и чепыре — Закона Божія, правспвенности по *Геллерту*, каждый день спряпаютъ въ кухнѣ, шьютъ бѣлье, кроютъ сами себѣ плащя, вышиваютъ по капвѣ, нижутъ бисеромъ. Бываютъ иногда зъ театръ, но ни разу не видали ни *Филатки*, ни *Мирошки*, ни *Фигаровой жемитбы*, ни *двухъ Маргаритъ*.

А. Кораблинскій.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ НАШЕГО ВѢКА.

Нѣсколько молодыхъ людей сѣдѣли за столомъ, на которомъ сполло съ полдюжины пустыхъ бупылокъ и съ полдюжины другихъ, которыя они еще только собирались опорожнить. Старшій изъ всѣхъ, на щѣпъ котораго давался превосходный завтракъ, ими съѣденный, предложилъ своимъ поваричамъ сказать, кто первый человекъ нашего вѣка. — Можетъ быть, только мнѣ од-

ному оно извѣстно,—прибавилъ онъ, и тогда каждый принялся спорить, что онъ почто также можетъ назвать этого человека. Тотчасъ раздалось имя *Наполеона*, другіе называли *Байрона*, претъи *Гёте*. Однакожь никто изъ нихъ не угадалъ. Наконецъ молодой хозяинъ съ важностію произнесъ: «Я ожидалъ этого! Теперь моя очередь. Первый человекъ нашего вѣка — я!» Гупъ всѣ вскочили съ мѣстъ своихъ и выпучили на него глаза, чтобы видѣть, шумитъ ли онъ только, или сошелъ съ ума. Но онъ, не измѣняя своего важнаго вида, повторилъ снова. «Да, это я; по справедливости горжусь эѣимъ, и могу доказать вамъ, что говорю правду. Слушайте. Я родился въ ночь, на первое Января тысяча восемь сотъ перваго года, въ двѣнадцать часовъ и при перціи. Такимъ образомъ, какъ видите, никто не можетъ похвалиться, чтобы онъ, а не я, былъ первымъ, родившимся въ девятнадцатомъ вѣкѣ.— На другой день, молодые пріятели подчивали обѣдомъ перваго человека нашего столѣтія.

ГОРДОСТЬ, САМОЛЮБІЕ, ТЩЕСЛАВІЕ.

Самолюбіе само по себѣ не есть ни качество, ни недостатокъ. Это способность души, которую поселяетъ въ насъ Природа, и которую долженъ руководить разумъ.

Самолюбіе, заставляющее человека заботиться о своемъ добромъ имени и объ исполненіи своихъ обязанностей, дѣлаетъ его мудрецомъ.

Самолюбіе, которое побуждаетъ человека гоняться за наружными преимуществами, дѣлаетъ его глупцомъ.

Человекъ родился съ самолюбіемъ; онъ живетъ вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдуетъ за нимъ въ могилу такъ близко, что почти можно сказать, что онъ переживаетъ его лишь нѣсколькими минутами.

Гордость, самолюбіе и тщеславіе, хотя совершенно различны по своимъ свойствамъ,

принадлежать, однако же, къ одному семейству.

Гордость хочетъ покорять, не разбирая; самолюбіе хочетъ убѣждать; тщеславіе хочетъ прельщать, даже съ помощію обмана.

Гордость бываетъ благородная и можетъ вести къ знаменитости; самолюбіе бываетъ благоразумное и можетъ вести къ щастію; но тщеславіе всегда безразсудно и ведетъ только къ посмѣянію и презрѣнію.

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОЯЛА ВОЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ.

Честолюбіе буйныхъ вельможъ привело Польшу на край гибели. Бѣдное дворянство упѣшалося ласкою мечтою, что повируется самимъ имъ избранному Монарху, что голосъ каждаго имѣетъ силу въ собраніи народномъ; но рѣдко случалось, особенно въ послѣднія времена, чтобы Король возведенъ былъ на престолъ общимъ, свободнымъ желаніемъ государства. Не всегда ли проски и сила самовольныхъ вельможъ руководствовали выборомъ? Рассказываютъ смѣшные анекдоты о сихъ собраніяхъ. «*Не позволяемъ!*» кричалъ во все горло, надсѣдаясь, одинъ шляхтичъ при избраніи *Станислава Лещинскаго*. — А почему? — спрашивалъ у него приверженный къ *Лещинскому*. «*Да потому, что сосѣдъ мой несогласенъ!*»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ).

Во всякой странѣ, у каждаго народа есть свои повѣрья, свои обряды и свои обычаи, утвержденные временемъ и освященные древними постановленіями ихъ религіи. — Въ помъ числѣ и у Калмыковъ, сихъ древнихъ выходцевъ изъ *Унгаріи*, кочующихъ нынѣ по обширнымъ степямъ Аспраханскимъ.—Вѣра ихъ, основанная на Буддизмѣ и происходящая отъ Тибетской Далай-Ламской, до сихъ поръ сохраняется ими неизмѣнно, и всѣ, какъ духовные, такъ свѣтскіе

народные обряды и празднества, отправляющіяся ими постоянно образом.—Мы были свидѣтелями одного изъ сихъ празднествъ, называемаго по Калмыцки *юрюсъ*, торжественнаго ими каждую весну и сопровождаемаго различными народными увеселеніями, среди любимой Калмыками кочевой жизни.

Вотъ краткое описаніе сего Калмыцкаго праздника, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы его видѣли и въ немъ участвовали въ качествѣ зрителей.

16-го Мая (1834 года) по приглашенію извѣстнаго въ Астраханскомъ краѣ Калмыцкаго владѣльца князя *Тюленева*, мы съ обществомъ гостей его отправились на мѣсто празднества водою въ лодкахъ, по величественно протекающей здѣсь Волгѣ, и слѣдуя по ней и по выпадающимъ изъ неѣ рукавамъ и протокамъ, прибыли въ ставку князя, расположенную съ Калмыцкимъ улусомъ въ степи, на мѣстѣ такъ называемомъ *Ордаликъ*, гдѣ по преданію было нѣкогда кочевье хановъ Тапарской орды. Приемъ владѣльцу отъ подмастерья ему Калмыковъ былъ самый радушный: они встрѣтили его на берегу рѣки какъ добраго своего воспитателя, изъявляя свои привѣтствія посредствомъ различныхъ знаковъ и поклоновъ, между Азіатцами употребительныхъ, сопровождали его до самой ставки.—По распоряженію князя, намъ также предложили размѣститься по Калмыцкимъ кибиткамъ, нарочно къ тому времени приготовленнымъ и роскошно убраннымъ. Мы всѣли въ владѣніе ими и бросились отдыхать, послѣ сдѣланной нами въ этотъ день прилично-упоминательной поѣздки до 40 верстъ водою.

На другой день, съ ранняго утра, начались уже приготовленія къ предполагаемому торжеству: дѣятельность была повсемѣстная, участіе всеобщее, и во всѣхъ Калмыцкихъ кибиткахъ и между ними, всѣ хлопотали, всѣ суетились. Народъ Калмыцкій сталъ собираться въ предназначенное для него мѣсто, подъ устройствомъ изъ подопна обширнымъ шатромъ. Поданъ знакъ къ началу праздника: и духовенство Калмыцкое, какъ почетное сословіе народа, послѣ обыч-

ныхъ молитвъ въ своихъ *Хурулахъ* (*), первое открыло шествіе: первосвященникъ ихъ *Бакши* впереди, за нимъ его благочинные *Гѣбкы* попарно, а послѣ нихъ *Гелюны* (попы) съ причетомъ и всѣ *Зайсанги* (дворяне) шли по два въ рядъ. Такимъ образомъ вся сія процессія слѣдовала съ торжественною церемоніею въ ставку владѣльца, который съ своей стороны не упустилъ оказать при семъ должнаго этикета, и вышелъ къ ней на встрѣчу; гдѣ послѣ взаимныхъ привѣтствій и поздравленій съ праздникомъ, все духовенство расположилось въ просторной кибиткѣ княжеской и угощаемо было отъ него, сперва Калмыцкимъ чаемъ (**), а потомъ различными яствами и закусками, въ Азіатскомъ вкусѣ приготовленными; въ заключеніе же обѣда, подчивали гостей прохладительнымъ кумысомъ, какъ любимымъ Калмыцкимъ напиткомъ. Между тѣмъ народъ, подъ раскинутымъ шатромъ собравшійся, въ числѣ до 800 человекъ, по приказанію князя, раздѣлился на двѣ стороны; изъ нихъ одна удалась на нѣкоторое разстояніе вправо, а другая пошла влѣво. Изъ нихъ, по предварительному назначенію, началось гимнастическое упражненіе въ борьбѣ; тогда съ обѣихъ сторонъ, въ сопровожденіи посредниковъ въ родѣ секундантовъ, стали выходить на сцену всего собранія могучіе богатыри, силачи, борцы, подъ накрытыми для церемоніалу бѣлыми покрывалами. Они тихо приближаясь другъ къ другу, сходились вмѣстѣ и, по снятіи сихъ покрывалъ, выправивъ жилистыя руки, схватывались между собою, и употребляя всѣ физическія усилія, ловкость и искусство въ борьбѣ, старались преодолѣть другъ друга, и послѣ нѣсколькихъ минутъ сильнѣйшій изъ нихъ бралъ верхъ надъ слабѣйшимъ, повергая его что есть мочи на землю!— Въ то время всѣ зри-

(*) Хуруль есть могила Калмыцкая, храмъ, гдѣ отправляется у нихъ Богослуженіе.

(**) Калмыцкой чай приготовляется съ молокомъ, масломъ и малою частью соли, изъ особенно продаваемаго подъ симъ названіемъ въ небольшихъ дощечкахъ чаю, вывозимаго изъ Китая. — Б.

пели собранія рукоплескали побѣдителю, изъявляя ему похвалу и одобреніе и награждая его разными подарками, изъ плащя и другихъ вещей состоящими. — Борьба сія слѣдовала поочередно парами и продолжалась около двухъ часовъ времени. — Въ оповращеніе же случающихся иногда при семъ споровъ, избраны были изъ числа *Зайсанговъ* нѣсколько человекъ въ судьи, которыхъ обязанность состояла въ томъ, что если во время сей борьбы произойдетъ между борцами равносиліе или неправильный повалъ на землю: то разводитъ ихъ и потомъ опять допускаетъ бороться съизнова; всякое же недоумѣніе и могущій возникнуть споръ разбираетъ и разрешаетъ окончательнo. — Такимъ образомъ, зрѣлище сіе кончилось къ общему удовольствію спешныхъ обшпапелей, на лицахъ коихъ живо изображались спрасъ и обычная ихъ склонность къ удалству и подобнаго рода забавамъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ, по распоряженію князя, угощаемъ былъ собравшійся народъ различными Азіатскими кушаньями и любимымъ Калмыцкимъ напитокомъ *кулимсомъ*, за что, въ изъявленіе благодарности, всѣмъ собраніемъ пропѣшы во славу добраго сего владѣльца нѣсколько народныхъ пѣсень, изъявляющихъ древніе ихъ подвиги и историческія эпохи и событія. Послѣ обѣда, видѣли мы собраніе совсѣмъ другаго рода и пола, и состоящее изъ Калмыцкихъ дѣвицъ и женщинъ, которыя въ честь своего именитаго праздника, наряжены были въ самыхъ щегольскихъ богатыхъ плащяхъ, со всею Азіатскою роскошью. При семъ доспойны были замѣчанія женскія костюмы, покрой коихъ, заимствованный еще въ старыя вѣки у Кипайцевъ, остался по тѣ же самый и донынѣ! Калмычки, собравшись въ кибиткахъ и усѣвшись по обыкновенію своему на землю въ кружокъ, съ поджатыми подъ себя ногами, пѣли на разные голоса пѣсни; гармонія коихъ хотя довольно сносная, но напѣвъ ихъ болѣе меланхолическій, слишкомъ распянутъ и заунывенъ; онъ, по рассказамъ ихъ, сохранился со временъ самой опдаленной старины: ибо и Калмыки въ подражаніе Кипайцамъ, никакихъ перемѣнъ и нововве-

деній въ своихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ не перпяютъ и не принимаютъ. — Между прочимъ была пущь и музыка, оркестръ коей состоялъ изъ двухъ-спрунныхъ *балалаекъ*, на которыхъ Калмыція дѣвушки, играя весьма бѣгло, перебирали своими пальцами, и подъ звукъ сей-то музыки производилась національная ихъ пляска, заключающаяся изъ однихъ только панпомимныхъ знаковъ руками и движенія корпусомъ; ноги же, что весьма странно, мало участвовали, и оставались почти безъ дѣйствія въ пляскѣ.

Тѣмъ кончился сей праздникъ—и всѣ Калмыція потѣхи, которыя будучи сопровождаемы разнообразными играми, пѣснями, пляскою и другими увеселеніями, удовлетворили въ полной мѣрѣ вкусъ и усладили душу своихъ одноплеменниковъ, среди одинакой ихъ кочевой жизни! — Не менѣе того, характеристическое празднество сіе и на насъ, постороннихъ посѣтителей, произвело благопріятное впечатлѣніе, имѣющее свой интересъ и свою прелесть, при наблюденіи нравовъ кочующихъ народовъ и дикой ихъ природы...

Къ чести владѣльца и Калмыцкаго' сословія надобно приписать и то, что въ продолженіе всего праздника, на которомъ спеченіе народа было многочисленное, не случилось между ими ни какого безпорядка, или непріятнаго обстоятельства, могущаго нарушить спокойствіе, но все происходило чинно, благоприспойно и тихо, и кромѣ того, всѣ посѣтители остались довольны во всѣхъ отношеніяхъ, и съ благодарнымъ сердцемъ и веселымъ расположеніемъ духа, разспались и съ праздникомъ симъ, и съ почтеннымъ и добродушнымъ хозяиномъ онаго.

А. Б.—66.

17 Мая 1834 года.

Калмыцкая степь, кибитка.

ФАЛЬШИВЫЯ НОТЫ.

Моцартъ, пріѣхавъ въ одинъ изъ главнѣйшихъ Нѣмецкихъ городовъ, въ томъ же

день явился инкогнито на представление своей оперы: *Похищеніе изъ сералля*. Сначала, все шло довольно удачно, но вдругъ, въ срединѣ пьесы, оркестръ грянулъ *ré dièze*, вмѣсто *ré простаго*. Такая переменна хопя и не вредила музыкальной фразѣ, но придавала ей значеніе, совершенно проповное намѣренію композитора. Едва только *Моцартъ* услышалъ эту ошибку, какъ съ бѣшенствомъ вскочилъ съ мѣста, среди партнера, и закричалъ громовымъ голосомъ: берите простое *ré*, каналы!....

Легко себѣ представивъ, какое смяненіе произвело въ театрѣ это восклицаніе. Испугъ распространился между актерами, бывшими на сценѣ; пѣвица, занимавшая главную роль, упала въ обморокъ; зрители потчасъ обратились къ неизвѣстному, который своими дерзкими словами помѣшалъ продолженію спектакля. Его принудили назвать себя. При имени *Моцарта*, общій ропотъ изумленія и уваженія къ великому таланту поднялся во всѣхъ концахъ залы. Оперу должны были начать снова, и по общему желанію, *Моцартъ* принялъ на себя трудъ дирижировать оркестромъ.

На эпопѣ разъ, вмѣсто *ré dièze* взято было *ré простое*, и музыкальная фраза произвела совсѣмъ другой эффектъ, изумившій самихъ музыкантовъ.

По окончаніи спектакля, *Моцарта* съ торжественствомъ проводили до его квартиры, и въ теченіе нѣсколькихъ дней ему сподило большаго труда отдѣлываться отъ изъясненій энпузиазма жипелей.

Разсказываютъ также, что *Глюккъ*, управляя однажды оркестромъ, при представленіи какой-то изъ его оперъ, услышалъ, что одинъ музыкантъ фальшивилъ. Въ крайней досадѣ, онъ пробрался по ногамъ музыкантовъ къ стулу виновнаго, и уцѣпилъ его за икру такъ сильно, что тотъ закричалъ отъ ужасной боли. Преданіе говоритъ, что крикъ музыканта выразилъ именно ту ноту, которую онъ сфальшивилъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОСТУМУ.

(Подражаніе Горацию.)

Ахъ, Постумъ! Постумъ! какъ мечта,
Какъ сновидѣніе, льта
Мелькають быспро за льтами!
О другъ! ни горькими слезами,
Ни благочестьемъ, ни мольбами —
Ничемъ не отвратишь сѣдинъ,
Брюзгливой старости морщинъ
И смерти лютой, непреклонной.
Хопя-бъ ты каждый день рыдалъ
И предъ кумиромъ благовошлой
Во храмъ ладанъ воскурялъ;
Хопя бы приспа закалалъ
Воловъ на олтарь Плушону:
Слезамъ швоимъ, обѣшамъ, спону
Безжалостный не внемлетъ онъ.
Имъ въ царство пѣней започенъ
И прехтѣлесный Геріонъ,
И Тицій, громомъ пораженной.
Туда-жъ въ подземные края,
Гдѣ Спиксъ шумитъ волной священной,
И насъ Харопова ладья
Умчитъ навѣкъ отъ жизни бренной.
Всѣмъ—будь иль царь, иль селянинъ—
Всѣмъ жребій равный, путь одинъ.
Вошце съ боязнью убѣгаешь
Кровавыхъ Марсовыхъ полей;
Вошце крылашою ладьей
Подъ воемъ бурь не разсѣкаешь
Кипящихъ Адри валовъ;
Вошце укрылся въ теплоѣ сѣми,
Когда съ полудня вѣтръ осенній
Лепитъ съ грядями облаковъ:
Увидишь мрачный міръ Акда,
Гдѣ воды черныя Коципъ
Спруею сонною клубитъ;
Узришь безславныхъ Данаидъ,
Труды Сизифа—Эолида.
Оставишь нѣкогда луга,
Оставишь жатвы золотыя
И Тибра пышные брега,

И пляски Грацій полевыя,
 Супругу мнлюю, и садъ,
 Гдѣ плещеть свѣтлый водоскатъ
 И вьется ручеекъ кристальный,
 Оставишь все—и за побой
 Одинъ лишь кипарисъ печальный
 Послѣдуешь на гробъ нѣмой,
 И будешь, вѣчно зеленя, —
 Оплакивать у мавзолея
 Столь быспрошечный жребій швой...
 И скромный домъ осирошъешь,
 И распочинешь овладѣешь
 Богатствомъ, скопленнымъ побой;
 Опустошишь всѣ кладовыя,
 Друзей на шумный пиръ сзовешь;
 Цѣдя въ ꙗлы золотыя,
 Цекупски вина дорогія
 Небрежно на полъ разольешь.

П. Шклеревскій,

Ш А Р А Д А.

Обильный Притчеписецъ нашъ,
 Когда на староспи къ нему приходилъ блажь,
 Спихами *первое* чинилъ и наполняешь,
 Хотя и въ полномъ нѣмъ все та же пустоша;
Второе онъ же намъ спихами навѣваетъ;
 А *цѣлое*—поэшь, который насъ плѣняетъ,
 Не нашему чеша!

Въ № 47-мъ помѣщенная шарада значить: *Stras-bourg.*

М О Д Е С.

On parlait d'une magnifique robe en pou de soie rose sur laquelle ouvrait une jupe en point de Bruxelles, rattachée sur les côtés par des boutons de roses et des primevères.

Une grande, très-belle personne, portait une robe de crêpe blanc, garnie au corsage d'une tyrolienne en tulle séparée dans le milieu par un cordon de mouron

et de paquerettes; les mêmes fleurs en touffes se retrouvaient dans ses cheveux noirs. Avec cette toilette simple, elle n'avait pour bijoux qu'une parure de perles rondes.

Les bouquets naturels étaient en grand nombre; les feuilles de roses couvraient les parquets, et remplaçaient avec avantage les fleurs artificielles, mode bizarre adoptée l'hiver dernier avec tant de succès.

Les chapeaux de paille d'Italie ont comme toujours le privilège de ne pas se soumettre complètement à la mode générale. En raison de leur prix-élevé on leur accorde quelques lignes de plus, on leur ménage une année d'existence à venir. Les chapeaux ordinaires qui sont déjà d'une dimension assez grande ne sont pas cependant aussi grands que les pailles d'Italie. Ces dernières, lorsqu'elles sont belles, s'ornent de plumes blanches, avec des rubans en pou de soie blanc broché.

М О Д Ы.

Говорили о великолѣпномъ платьѣ изъ розоваго *pou de soie*, на которомъ была открытая юбка изъ Брюссельскихъ кружевовъ, прихваченная по бокамъ распуколками розъ и *primevères*.

Весьма красивая особа, высокаго роста, была въ бѣломъ креповомъ платьѣ; лиць опдѣланъ *tyrolienne* изъ шюля, раздѣленъ въ срединѣ шнуркомъ изъ *mouron* и *paquerettes*; шѣ же цвѣшы, куспиками, были въ черныхъ волосахъ. Съ эпшмъ просшымъ нарядомъ, вмѣсто всякихъ вещей, на ней былъ приборъ изъ круглыхъ бусъ.

Много было букетовъ изъ настоящихъ цвѣшовъ; розовыя листы покрывали паркеты, и замѣняли съ выгодою поддѣльные цвѣшы, спранныю моду, приняшую съ такимъ успѣхомъ прошедшего зимаю.

Ипаліанскія соломенныя шляпки имѣють, какъ и всегда, преимуществво, не подвергаться совершенно общей модѣ. За высокую ихъ цѣну имъ прибавляютъ нѣсколько ллій; имъ оставляють годъ сущесшования впередъ. Обыкновенныя шляпки, которыя довольно уже велики, все однако не такъ, какъ Ипаліанскія. Си послѣднія, когда онѣ хороши, опдѣлываются бѣлыми перьями, съ бѣлыми лентами, изъ *pou de soie* зашканными.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ВТОРОЙ

НА

1834 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Новый провинціалъ въ столицѣ; соч. <i>А. Гяльбова</i> . стрн. 209.	Бѣда, забыть дома деньги! соч. <i>А. Кораблинскаго</i> . стрн. 289.
Чудное завѣщаніе. 211.	Сто претій Русскій каламбуръ 291.
Великодушный помѣщикъ —	Какъ и кто сочиняетъ сошки, оракулы и гадашель- ныя книжки; соч. <i>А. Кораблинскаго</i> 297.
Необыкновенное путешествіе 217.	Качели; соч. <i>А. Кораблинскаго</i> 305.
Драгоценное воспоминаніе 218.	Выгодная должность. 309.
Двуличка. 219.	Сто четвертый Русскій каламбуръ —
Благовоспитанная дѣвица. —	Собачья подашь 310.
Жлопушки для запоздалыхъ читательницъ романовъ —	Два года женатой жизни 315.
Открытыя тайны Французской журналистики 226.	Любопытныя исчисленія, относительно къ Англійскому національному долгу 314.
Веселое завѣщаніе. 227.	Вѣрный рашетъ 315.
Не худо бы многимъ заучить сіе правило 228.	Сто пятый Русскій каламбуръ —
Хоть лопнушь, а не поддашься. 233.	Часомъ раньше 321.
Понятія Издателя Моск. Телеграфа о Славянскомъ языкѣ 235.	Кинжалъ; пер. <i>Иль. Гяльбова</i> —
Неправильная система Ламарка о животныхъ и человекѣхъ . 236.	Понятія Издателя Московскаго Телеграфа о юриспру- денціи. 323.
Око за око, зубъ за зубъ, насмѣшка за насмѣшку 241.	Половина (каламбуръ) —
Бонапартъ обязанъ сапогамъ за свое возвышеніе 242.	Такъ энопъ-та! соч. <i>Тер. Кабанова</i> 329.
Тягостное наследство. 243.	Афоризмы моды 330.
Понятія Издателя Моск. Телеграфа о Географіи —	Сцена изъ прозаической жизни (1830); соч. <i>А. Кораб- линскаго</i> 357.
Неудобства улпчпой Парижской жизни; пер. <i>Бр.</i> 249.	Новый провинціалъ въ столицѣ; соч. <i>А. Гяльбова</i> 345.
Приглашенія на танцы 250.	Сильное доказательство любви. 348.
Афоризмы моды 251.	Жалость (каламбуръ). —
Догадливый спатисникъ —	Медвѣдь лорда Сеймура; пер. <i>Кругликова</i> 355.
Смиреница; пер. <i>А. Сі—го</i> 257.	Понятія Издателя Моск. Телеграфа о спатисникѣ 355.
Оперныя чудеса. 262.	Утро и вечеръ; пер. <i>Иль. Гяльбова</i> 361 и 369.
Страшная поэма. —	Награда за супружескую вѣрность, издревле устанавлен- ная въ городѣ Дуиневъ 367.
Модная дама 1833 года; пер. <i>Иль. Гяльбова</i> 273.	Чудная мельница —
Самоубійца; пер. <i>Круг—ва</i> 276.	Аншиподы; соч. <i>А. Кораблинскаго</i> . 377, 385, 393, 401 и 409.
И еще Русскій каламбуръ. 277.	Шериданъ 382.
Продажная жена; пер. <i>М. Медвѣжина</i> 281.	Чревоушатель. 383.
Афоризмы моды. 282.	Первый человекъ нашего вѣка. 411.
Пора объѣда. —	Гордость, самолюбіе, тщеславіе 412.
Для ревнивыхъ 283.	Въ чемъ состояла вольность Польской шляхты. —
Письмо молодого купчика къ одному изъ С. Петербург- скихъ книгопродавцевъ, отъ 29 Января 1834 года —	

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Книга жизни; соч. В. М—ва	стрп. 212 и 219.
Марія; пер. Ил. Г—ва	228.
Вечерника у шлхшчича; соч. Н. Лукьяновича	236.
Бетши; пер. Ил. Гальбова	244.
Гремхенъ; пер. Ил. Гальбова	252.
Исторія о Магометъ-дъвшъ и его трехъ дочеряхъ; пер. В. Тило	263.
Нѣчто о происхожденіи слова Муза; соч. Руссова	268.
Софія и Генрихъ; пер. Ст.	277.
Царскосельскіе сады; соч. Н. Сабурова	285.
Не пора ли? или Тирольская геронил; пер. И. Д—га. 291 и 298.	298.
Спаринное и нынѣшнее воспитаніе	294.
Два Негра; пер. Г—ва	302.
Образцы спаринной Нѣмецкой роскоши.	310.
Странникъ; соч. С. З.	341.
О числѣ семь	345.
Неумѣстная застѣчивость.	—
Ворожел; пер. Ил. Гальбова	348.
Древній и новый Вавилонъ; пер. Бр.	355.
Невольное преступленіе; пер. М. Медвѣжина	389.
Праздникъ въ Калмыцкой степи; соч. А. Б—ва	412.
Фальшивыя ноты.	414.

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ М***	215.
Славянская пѣсня; соч. П. Манасеина	—
Ночь; соч. М. Демидова	223.
Портретъ; соч. П. Манасеина	231.
Двое поршпыхъ (басня)	—
Молитва; соч. Ѳ. Глинки	239.
Паспухъ; соч. Ѳ. Слѣпущикина	—
Дипграмбъ	247.
Соловей и Кузнечикъ (басня)	248.
Явленіе дѣвы; соч. Авдотьи Глинки	255.
Мое спасибо за стаканъ; соч. Ѳ. Глинки	269.
Элегія; соч. Н. Ставелова	270.
Stances à ma fille	—
Елисаветъ Михайловнѣ Хипровой; соч. Ѳ. Глинки	279.
Къ Генію-хранителю, соч. Авдотьи Глинки	287.
Сравненіе; соч. Ѳ. Глинки	295.
Элегія; соч. Н. Ставелова	—
Въ альбомъ Л. Ѳ. Б. ей; соч. М. Дѣларю	303.
Тоска дѣвы; соч. М. П—а	—
6-ти лѣтнему Васѣ Т. Ф. В.; соч. Ѳ. Глинки	311.
Верблюдъ (басня)	—
Затмись лампада; соч. Ѳ. Глинки	315.
Элегія; соч. Н. Ставелова	—

Пѣсня; соч. М. Демидова	спрп. 323.
Умирающей поэтъ; соч. Пав. Хотлинцова	331.
La jeune fille Mourante.	—
Цвѣпокъ; соч. М. Демидова	343.
Элегія; соч. Н. Ставелова	—
Желаніе; соч. Е. Л.	351.
Развалныя; соч. Конст. Масальскаго	—
Роландъ оруженосецъ; соч. В. Жуковскаго	356.
Возвращеніе; соч. Л. Якубовичи	367.
Муха (басня); соч. П. Манасеина	—
Явленіе умершаго; соч. М. Демидова	374.
Просное средство	375.
Чужбина; соч. Ѳ. Дьякова	383.
Элегія; соч. Н. Ставелова	—
Улыбка; соч. М. Демидова	391.
П. Г. Сілюву; соч. П. Манасеина	399.
Звѣзда Виолетса; соч. И. Нагибина	408.
Къ Посшуму; соч. П. Шклярскаго	415.

IV. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О Драмъ: Рука Всевышняго Опечеснво спасла; соч. П. В. Кукольника	316, 324 и 332.
---	-----------------

V. БИБЛИОГРАФІЯ.

Депница, Альманахъ на 1834 годъ; соч. А. Г.	223.
О вновь вышедшихъ въ свѣтъ въ С. Петербургѣ кни- гахъ въ Апрель и Маѣ текущаго 1834 года	344 и 375.

VI. ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, ОМОНИМЫ, АНА- ГРАММЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія.--Шарады: 1) Мель-по-мена; 2) Тюль-панъ; 3) О-да; 4) Кол-ода; 5) Па-поле-онъ; 6) О-врагъ; 7) Град-усъ; 8) Мак-симъ; 9) Том-сонъ.—Логогрифы: 10) Гастрономъ, Астрономъ.—Омонимы: 11) Коса; 12) Ложа.—Анаграммы: 13) Моръ, ромъ.
Французскія.—Шарады: 1) Pôlice; 2) Bonne-foi; 3) Stras-bourg.—Логогрифы: 4) Mode; 5) Canon; 6) Image; 7) Etage; 8) Toise.—Загадки: 9) Chanterelle; 10) Pérsévérance; 11) N.; 12) Chemin; 13) Volant.

VII. МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ и сверхъ того двѣ прибавочныя, изображающія модныя мебели.